



ВЕСТНИК МГИМО-УНИВЕРСИТЕТА

MGIMO Review of International Relations

Москва

№6(51) 2016

Moscow

Главный редактор:

Торкунов А.В. – академик РАН, ректор МГИМО МИД России.

Заместитель главного редактора:

Кожокин Е.М. – доктор исторических наук, профессор, проректор по научной работе МГИМО МИД России.

Шеф-редактор:

Харкевич М.В. – кандидат политических наук, доцент кафедры мировых политических процессов МГИМО МИД России, заместитель начальника управления научной политики МГИМО МИД России.

Редакционный совет

Торкунов А.В. – ректор МГИМО МИД России, председатель Редакционного совета, академик РАН (Россия).

Артизов А.Н. – руководитель Федерального архивного агентства Российской Федерации, доктор исторических наук (Россия).

Волджи Т. – профессор политических наук университета Аризоны (США).

Грум Дж. – профессор международных отношений Кентского университета (Великобритания).

Давид Д. – исполнительный вице-президент Французского института международных отношений (Франция).

Де Танги А. – главный научный сотрудник Центра международных исследований (СЕРИ)/Сьянс По, профессор (Франция).

Дынкин А.А. – директор ИМЭМО РАН, академик РАН (Россия).

Кожокин Е.М. – проректор по научной работе МГИМО МИД России, заместитель председателя Редакционного совета, доктор исторических наук, профессор (Россия).

Кокошин А.А. – академик РАН (Россия).

Коробков А.В. – профессор политологии университета штата Теннесси (США).

Лавров С.В. – министр иностранных дел Российской Федерации (Россия).

Мальгин А.В. – кандидат политических наук, проректор по общим вопросам МГИМО МИД России.

Михнева Р. – доктор исторических наук, Исполнительный директор Национальной ассоциации Болгарское наследие (Болгария).

Нарышкин С.Е. – председатель Государственной Думы Российской Федерации VI созыва (Россия).

Пивоваров Ю.С. – научный руководитель ИНИОН РАН, академик РАН (Россия).

Приходько С.Э. – Заместитель Председателя правительства Российской Федерации - Руководитель аппарата правительства Российской Федерации (Россия).

Рогов С.М. – научный руководитель Института США и Канады РАН, академик РАН (Россия).

Саква Р. – декан Школы политики и международных отношений Кентского университета (Великобритания).

Терзич С. – главный научный сотрудник Института Истории Сербской академии наук и искусств (Сербия).

Чубарьян А.О. – научный руководитель Института всеобщей истории РАН, академик РАН (Россия).

Научный совет:

Алексеева Т.А. – доктор философских наук, профессор, заведующая кафедрой политической теории МГИМО МИД России.

Барabanов О.Н. – доктор политических наук, профессор РАН, профессор кафедры интеграционных процессов МГИМО МИД России.

Булатов А.С. – доктор экономических наук, заведующий кафедрой мировой экономики МГИМО МИД России.

Булатов Ю.А. – доктор исторических наук, профессор, декан факультета международных отношений МГИМО МИД России.

Бусыгина И.М. – доктор политических наук, профессор кафедры сравнительной политологии, директор центра региональных политических исследований ИМИ МГИМО МИД России.

Воскресенский А.Д. – доктор политических наук, профессор, декан факультета политологии МГИМО МИД России.

Гаман-Голутвина О.В. – доктор политических наук, заведующая кафедрой сравнительной политологии МГИМО МИД России.

Ильин М.В. – доктор политических наук, профессор кафедры сравнительной политологии МГИМО МИД России.

Казанцев А.А. – доктор политических наук, директор аналитического Центра ИМИ МГИМО МИД России.

Кириллов В.Б. – кандидат исторических наук, доцент, проректор по учебной работе МГИМО МИД России.

Кравченко С.А. – доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой социологии МГИМО МИД России.

Кудрявцев О.Ф. – доктор исторических наук, профессор кафедры всемирной и отечественной истории МГИМО МИД России.

Лебедева М.М. – доктор политических наук, профессор, заведующая кафедрой мировых политических процессов МГИМО МИД России.

Легойда В.Р. – кандидат политических наук, доцент кафедры международной журналистики.

Наринский М.М. – доктор исторических наук, профессор зав. кафедры международных отношений и внешней политики России МГИМО МИД России.

Ноздрёва Р. Б. – доктор экономических наук, профессор зав. кафедры менеджмента и маркетинга МГИМО МИД России.

Орлов А.А. – кандидат исторических наук, директор Института международных исследований МГИМО МИД России.

Печатнов В.О. – доктор исторических наук, заведующий кафедрой истории и политики стран Европы и Америки МИД России.

Платонова И.Н. – доктор экономических наук, профессор, заведующая кафедрой МЭО и ВЭС МГИМО МИД России.

Подберёзкин А.И. – доктор исторических наук, профессор кафедры сравнительной политологии МГИМО МИД России, директор Центра военно-политических исследований МГИМО МИД России.

Салыгин В.И. – доктор технических наук, профессор, член-корреспондент РАН, директор Международного института энергетической политики и дипломатии МГИМО МИД России.

Столбов М.И. – доктор экономических наук, зам. декана факультета прикладной экономики и коммерции МГИМО МИД России.

Стрельцов Д.В. – доктор исторических наук, заведующий кафедрой востоковедения МГИМО МИД России.

Сумский В.В. – доктор исторических наук, директор Центра АСЕАН ИМИ МГИМО МИД России.

Уколова В.И. – доктор исторических наук, профессор, заведующая кафедрой всемирной и отечественной истории МГИМО МИД России.

Хенкин С.М. – доктор исторических наук, профессор кафедры сравнительной политологии МГИМО МИД России.

Холопов А.В. – доктор экономических наук, декан факультета международных экономических отношений МГИМО МИД России.

Шаклеина Т.А. – доктор политических наук, заведующая кафедрой прикладного анализа международных проблем (ПАМП) МГИМО МИД России.

Юлдашев Р.Т. – доктор экономических наук, профессор, заведующий кафедрой управления рисками и страхования МГИМО МИД России.

Редколлегия:

Харкевич М.В. – кандидат политических наук, шеф-редактор журнала «Вестник МГИМО-Университета», доцент кафедры мировых политических процессов МГИМО МИД России, заместитель начальника управления научной политики МГИМО МИД России.

Мягков М.Ю. – доктор исторических наук, профессор кафедры всемирной и отечественной истории МГИМО МИД России.

Editor-in-Chief:

Torkunov A.V. – Rector of MGIMO University, Chairman of the Editorial Council, Academician of the Russian Academy of Sciences (RAS).

Deputy Editor-in-Chief:

Kozhokin E.M. – Vice-Rector for Research Work at MGIMO-University, Doctor of Historical Sciences, Professor.

Editor-in-Charge:

Kharkevich M.V. – PhD in Political Sciences, Associate professor, World Politics Department, MGIMO-University.

Editorial Council:

Torkunov A.V. – Rector of MGIMO University, Chairman of the Editorial Council, Academician of the RAS (Russia).

Artizov A.N. – Director of the Federal Archive Agency, Doctor of Historical Sciences (Russia).

Volgy Th. – Professor of Political Sciences at the University of Arizona (USA).

Groom J. – Professor Emeritus of International Relations, University of Kent (UK).

David D. – Executive Vice-President of French Institute of International Relations, IFRI (France).

De Tinguy A. – Senior Research Fellow of the Center for International Studies/Science Po, Professor (France).

Dynkin A.A. – Director of the Institute of World Economy and International Relations of the RAS, Academician of the RAS (Russia).

Kozhokin E.M. – Pro-Rector for Research Work of MGIMO University, Deputy Editor-in-Chief, Doctor of Historical Sciences, Professor (Russia).

Kokoshin A.A. – Academician of the RAS (Russia).

Korobkov A.V. – Professor of Political Science and International Relations' at Middle Tennessee State University (USA).

Lavrov S.V. – Minister of Foreign Affairs of the Russian Federation (Russia).

Malghin A.V. – PhD of Political Sciences, Rector for General Issues of MGIMO University (Russia).

Mihneva R. – Executive Director of Bulgarian Heritage National Association, Doctor of Historical Sciences (Bulgaria).

Naryshkin S.E. – Chairman of the 6th State Duma (Russia).

Pivovarov S.U. – Research Director of the Institute of Scientific Information for Social Sciences of RAS, Academician of the RAS (Russia).

Prikhod'ko S.E. – First Deputy Prime Minister of the Russian Federation - Chief of the Government Staff (Russia).

Rogov S.M. – Director of the Institute for US and Canadian Studies of the RAS, Academician of the RAS (Russia).

Sakwa S. – Dean of the School of Politics and International Relations of the University of Kent (UK).

Terzic' S. – Chief Research Fellow of the Serbian Academy of Sciences and Arts (Serbia).

Tchubar'yan A.O. – Research Director of the Institute of World History of the RAS, Academician of the RAS (Russia).

Scientific Council:

Alexeeva T.A. – Doctor of Philosophical Sciences, Professor, Head of Political Theory Department, MGIMO-University.

Barabanov O.N. – Doctor of Political Sciences, professor of Russian Academy of Sciences, Professor of the Department of Integration Processes, MGIMO-University.

Bulatov A.S. – Doctor of Economic Sciences, Head of the World Economy Department, Russian Foreign Ministry MGIMO.

Bulatov Y.A. – Doctor of Historical Sciences, Professor, Dean of International Relations Department, MGIMO-University.

Busygina I.M. – Doctor of Political Sciences, Professor of Comparative Politics Department, Director of the Center for Regional Political Studies at Institute of International Studies, MGIMO-University.

Gaman-Golutvina O.V. – Doctor of Political Sciences, head of Comparative Politics Department, MGIMO-University.

Il'in M.V. – Doctor of Political Sciences, Professor of Comparative Politics Department, MGIMO-University.

Kazantsev A.A. – Doctor of Political Sciences, Director of the Analytical Center at the Institute of International Studies, MGIMO-University.

Khenkin S.M. – Doctor of Historical Sciences, Professor of Comparative Politics Department, MGIMO-University.

Kholopov A.V. – Doctor of Economic Sciences, Dean of International Economic Relations Faculty, MGIMO-University.

Kirillov V.B. – PhD in Historical Sciences, Associate Professor, Vice Rector for Academic Work, MGIMO-University.

Kravchenko S.A. – Doctor of Philosophical Sciences, Professor, Head of Sociology Department, MGIMO-University.

Kudryavtsev O.F. – Doctor of Historical Sciences, Professor of World and National History Department, MGIMO-University.

Lebedeva M.M. – Doctor of Political Sciences, Professor, Head of World Politics Department, MGIMO-University.

Legoyda V.R. – PhD in Political Sciences, Associate Professor of International Journalism Department, MGIMO-University.

Narinsky M.M. – Doctor of Historical Sciences, Professor, Head of International Relations and Russian Foreign Policy Department, MGIMO-University.

Nozdreva R.B. – Doctor of Economic Sciences, Professor, Head of Management and Marketing Department, MGIMO-University.

Orlov A.A. – PhD in Historical Sciences, Director of Institute of International Studies, MGIMO-University.

Pechatnov V.O. – Doctor of Historical Sciences, Head of Department of History and Politics in Europe and America, MGIMO-University.

Platonova I.N. – Doctor of Economic Sciences, Professor, Head of International Economic Relations and Foreign Economic Ties Department, MGIMO-University.

Podberezkin A.I. – Doctor of Historical Sciences, Professor, Head of World and Russian History Department, Director of Center of Military-Political Studies, MGIMO-University.

Salyghin V.I. – Doctor of Engineering Sciences, Professor, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Director of International Institute of Energy Policy and Diplomacy, MGIMO-University.

Shakleina T.A. – Doctor of Political Sciences, Head of Department of Applied Analysis of International Issues, MGIMO-University.

Stolbov M.I. – Doctor of Economics, Deputy Dean of the School of Applied Economics and Commerce, MGIMO University.

Sumsky V.V. – Doctor of Historical Sciences, Director of the ASEAN Centre at MGIMO-University.

Ukolova V.I. – Doctor of Historical Sciences, Professor, Head of World and Russian History Department, MGIMO-University.

Voskresensky A.D. – Doctor of Political Sciences, PhD, Professor, Dean of School of Political Sciences, MGIMO-University.

Yuldashev R.T. – Doctor of Economic Sciences, Professor, Head of Risk Management and Insurance Department, MGIMO-University.

Editorial Staff:

Kharkevich M.V. – PhD in Political Sciences, Editor-in-Charge of «the Journal of MGIMO-University», Associate professor, World Politics Department, MGIMO-University.

Myagkov M.U. – Doctor of History, Professor of World and Russian History Department, MGIMO-University.

Ф.СП-1	АБОНЕМЕНТ на журнал Вестник МГИМО-Университета		66009 (индекс издания)																								
			<table border="1" style="width: 100%; border-collapse: collapse;"> <tr> <td style="padding: 2px;">КОЛИЧЕСТВО КОМПЛЕКТОВ</td> <td style="padding: 2px; text-align: center;">1</td> </tr> </table>	КОЛИЧЕСТВО КОМПЛЕКТОВ	1																						
	КОЛИЧЕСТВО КОМПЛЕКТОВ	1																									
	На 2016 год по месяцам																										
<table border="1" style="width: 100%; border-collapse: collapse;"> <tr> <td style="padding: 2px;">1</td><td style="padding: 2px;">2</td><td style="padding: 2px;">3</td><td style="padding: 2px;">4</td><td style="padding: 2px;">5</td><td style="padding: 2px;">6</td><td style="padding: 2px;">7</td><td style="padding: 2px;">8</td><td style="padding: 2px;">9</td><td style="padding: 2px;">10</td><td style="padding: 2px;">11</td><td style="padding: 2px;">12</td> </tr> <tr> <td style="padding: 2px;"> </td><td style="padding: 2px;"> </td><td style="padding: 2px;"> </td><td style="padding: 2px;"> </td><td style="padding: 2px;"> </td><td style="padding: 2px;"> </td><td style="padding: 2px;"> </td><td style="padding: 2px;"> </td><td style="padding: 2px;"> </td><td style="padding: 2px;"> </td><td style="padding: 2px;"> </td><td style="padding: 2px;"> </td> </tr> </table>			1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12													
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12																
Куда 		(почтовый индекс) (адрес)																									
Кому 		(фамилия, инициалы)																									
	ДОСТАВочная КАРТОЧКА на журнал		66009 (индекс издания)																								
	<table border="1" style="width: 100%; border-collapse: collapse;"> <tr> <td style="padding: 2px;">ПВ</td> <td style="padding: 2px;">место</td> <td style="padding: 2px;">литер</td> </tr> <tr> <td style="padding: 2px;"> </td> <td style="padding: 2px;"> </td> <td style="padding: 2px;"> </td> </tr> </table>		ПВ	место	литер																						
	ПВ	место	литер																								
	Вестник МГИМО-Университета																										
	<table border="1" style="width: 100%; border-collapse: collapse;"> <tr> <td style="padding: 2px;">Стоимость</td> <td style="padding: 2px;">подписки</td> <td rowspan="2" style="padding: 2px; vertical-align: middle;"> Количество комплектов </td> <td rowspan="2" style="padding: 2px; text-align: center;">1</td> </tr> <tr> <td style="padding: 2px;">руб.</td> <td style="padding: 2px;">переадресовки</td> </tr> </table>	Стоимость	подписки	Количество комплектов	1	руб.	переадресовки																				
Стоимость	подписки	Количество комплектов	1																								
руб.	переадресовки																										
На 2016 год по месяцам																											
<table border="1" style="width: 100%; border-collapse: collapse;"> <tr> <td style="padding: 2px;">1</td><td style="padding: 2px;">2</td><td style="padding: 2px;">3</td><td style="padding: 2px;">4</td><td style="padding: 2px;">5</td><td style="padding: 2px;">6</td><td style="padding: 2px;">7</td><td style="padding: 2px;">8</td><td style="padding: 2px;">9</td><td style="padding: 2px;">10</td><td style="padding: 2px;">11</td><td style="padding: 2px;">12</td> </tr> <tr> <td style="padding: 2px;"> </td><td style="padding: 2px;"> </td><td style="padding: 2px;"> </td><td style="padding: 2px;"> </td><td style="padding: 2px;"> </td><td style="padding: 2px;"> </td><td style="padding: 2px;"> </td><td style="padding: 2px;"> </td><td style="padding: 2px;"> </td><td style="padding: 2px;"> </td><td style="padding: 2px;"> </td><td style="padding: 2px;"> </td> </tr> </table>			1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12													
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12																
Куда 		(почтовый индекс) (адрес)																									
Кому 		(фамилия, инициалы)																									

© МГИМО МИД России.

Учредитель: Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Московский государственный институт международных отношений (университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации».

Зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере массовых коммуникаций, связи и охраны культурного наследия Российской Федерации.

Свидетельство о регистрации средства массовой информации ПИ № ФС77-29004 от 3 августа 2007 г.

Адрес редакции: 119454, Москва, проспект Вернадского, д. 76, комн. 14. Тел./факс: 8(495)433-27-74; веб-сайт: www.vestnik.mgimo.ru

e-mail: vestnik@mgimo.ru

ISSN 2071 – 8160. Выходит 6 раз в год.

Дизайн – Волков Д.Е., редакторы – Медин Н.К., Крупнов А.А., вёрстка – Волков Д.Е.

Отпечатано в отделе оперативной полиграфии и множительной техники МГИМО МИД России. 119454, Москва, проспект Вернадского, д. 76.

Тираж 2000 экз. Объём 19,625 усл. п.л. Заказ № 1621.

© Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs of Russian Federation.

The Founder: Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs of Russian Federation.

The Federal Service for Supervision of Communications, Information Technologies and Mass Media. certificate of registry ПИ № ФС77-29004, 3 August 2007.

The Publisher Address : 119454, Moscow, Prospect Vernadskogo, 76, room. 14. Phone/fax: +7 495 433 2774.

URL: www.vestnik.mgimo.ru;

e-mail: vestnik@mgimo.ru. ISSN 2071 – 8160.

Published by MGIMO University Press.

Number of printed copies: 2000.

Содержание

ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЕ СТАТЬИ

Алексеева Т.А., Минеев А.П., Фененко А.В., Лошкарёв И.Д., Ананьев Б.И. Зачем нужна «квантовая» реформа конструктивизма в теории международных отношений?	7
Кравченко С.А., Подберёзкин А.И. Социальные сети как качественно новый фактор системной безопасности России в XXI в.	14
Кавешников Н.Ю. Некоторые последствия Brexit для развития Европейского союза	24
Шибкова М.О. Современный евроскептицизм как вызов европейской солидарности	31
Блохин В.Ф. Государственная «газетобоязнь» в России и Франции во второй половине XIX в.	42
Новик Д.Г., Плотников В.А. Дискуссия о реализации возможностей воздействия Генерального секретаря на процесс принятия решений Совета Безопасности ООН	50
Ваславский Я.И., Габуев С.В. Неоинституциональный подход как методологическая основа исследования электронного правительства.	60
Бухарин В.В. Компоненты цифрового суверенитета Российской Федерации как техническая основа информационной безопасности	76
Асадова З.А. Состояние и стратегии обеспечения информационной безопасности в странах Центральной Азии на примере Республики Казахстан	92
Токарев А.А. Стратегии украинских элит в отношении Донбасса: «big data»-исследование национального сегмента Facebook	97
Артамонова Л.Н. Посткейнсианство как эволюция кейнсианской модели макроэкономики XX в.	106
Малова Т.А., Сысоева В.И. Мировой рынок нефти: поиск равновесия в условиях новой «нефтяной» реальности	115
Сафронова И.А. Производственно-сбытовые цепочки высокотехнологичной продукции как фактор формирования Регионального всеобъемлющего экономического партнёрства.	125
Зайцев Ю.К. Влияние защитных мер в международной торговле на социально-экономическое развитие беднейших стран	136
Шевелёва А.В., Акиева Л.Б. Диверсификация деятельности нефтегазовых компаний в условиях снижения цен на нефть и введения экономических санкций	144

РЕЦЕНЗИИ

Любомирова Е.С. Как развеять туман над прошлым? Послевоенные дети, их отцы-солдаты и последствия Второй мировой войны	152
--	-----

Table of Contents

RESEARCH ARTICLES

Alekseeva T.A., Mineev A.P., Fenenko A.V., Loshkariov I.D., Ananyev B.I. Constructivism Goes Quantum . . .	7
Kravchenko S.A. Podberezkin A.I. Social Networks as a New Factor of System Security in Russia in the 21 st Century . . .	14
Kaveshnikov N.Y. Possible Outcomes of Brexit for European Union Development . . .	24
Shibkova M.O. Contemporary Euroscepticism as a Challenge to European Solidarity . . .	31
Blokhin V.F. Government's Fear of Newspapers in Russia and France in the Second Half of the 19 th Century . .	42
Novik D.G., Plotnikov V.A. UN Secretary-General Normative Capability to Influence The Security Council Decision-Making Process . . .	50
Vaslavskiy Y.I., Gabuev S.V. Neo-Institutional Approach to the Study of Electronic Government . . .	60
Bukharin V.V. The Russian's Digital Sovereignty as a Technical Basis of Information Security . . .	76
Asadova Z.A. Information Security in the Countries of Central Asia: the Case of Kazakhstan . . .	92
Tokarev A.A. Ukrainian Elites' Strategies to Donbas: «Big Data»-Research of the Facebook National Segment .	97
Artamonova L.N. Post-Keynesianism: Evolution of Keynesian Macroeconomics in the 20 th Century . . .	106
Malova T.A., Sisoeva V.I. The World Oil Market: The Search for Balance in the New "Oil" Reality . . .	115
Safronova I.A. The Value Chains of High-Technology Products as Factor of formation the Regional Comprehensive Economic Partnership. . .	125
Zaytsev Y.K. The Impact of Safeguard Measures in International Trade on the Socio-Economic Development of the Poorest Countries . . .	136
Sheveleva A.V., Akieva L.B. Diversification of Oil and Gas Companies' Activities in the Condition of Oil Prices Reduction and Economic Sanctions . . .	144

BOOK REVIEWS

Lyubomirova E.S. How to Dispel the Fog over the Past? Post-War Children, Their Fathers-Soldiers and Consequences of the Second World War . . .	152
---	-----

ЗАЧЕМ НУЖНА «КВАНТОВАЯ» РЕФОРМА КОНСТРУКТИВИЗМА В ТЕОРИИ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ?

**Т.А. Алексеева, А.П. Минеев,
А.В. Фененко, И.Д. Лошкарёв, Б.И. Ананьев**

Московский государственный институт международных отношений (университет) МИД России. Россия, 119454, Москва, проспект Вернадского, д. 76.
Московский государственный университет им. Ломоносова. Россия, 119991, Москва, ГСП-1, Ленинские горы, д. 1, стр. 51, факультет мировой политики.

Данная статья представляет собой поиск ответа на вопрос о том, насколько привлечение накопленных знаний о мире и инструментария квантовой физики может быть уместно для изучения социальной и политической действительности в рамках политической теории и теории международных отношений. Непосредственным поводом к написанию статьи послужил выход книги известного представителя конструктивизма в политической теории А. Вендта «Квантовый мозг», в которой автор предпринимает попытку в первом приближении оценить потенциал того, что квантовая физика способна дать политологам, социологам и исследователям-международникам. Следуя логике А. Вендта, авторский коллектив описывает потенциальные возможности конвергенции ряда элементов разнородных, на первый взгляд, дисциплин и отмечает те моменты, которые могут стать принципиальными при дальнейших исследованиях на данную тему. Возможность применения методологии и категориального аппарата квантовой физики в политической теории и теории международных отношений, прежде всего, видится в рассуждениях о проблеме отношений агента и структуры, изучение которой является одной из «визитных карточек» социального конструктивизма. В то же время в рамках данной темы существует целый ряд проблемных вопросов, которые не позволяют в полной мере говорить о том, что агент-структурные отношения являются в полной и достаточной мере изученными. Одним из таких вопросов является тезис о динамическом взаимодействии агента и структуры, что, в конечном счёте, приводит к заключению о том, что конструктивистская картина мира носит во многом механистический и детерминированный характер. Опираясь на ряд основополагающих понятий квантовой физики, авторский коллектив приходит к выводу, что научный поиск в этом направлении может быть продолжен и способен привести к новым выводам относительно агент-структурных отношений.

Ключевые слова: конструктивизм, теория международных отношений, А. Вендт, квантовый разум, квантовая физика, политическая онтология.

**Зачем нужна «квантовая» реформа
конструктивизма в теории международных
отношений?**

Современная теория международных отношений фактически распалась на три автономных потока – конструктивизм, неореализм и неолиберализм. Хотя происходит взаимное обогащение и непрерывные дискуссии между этими тремя направлениями, не наблюдается существенных прорывов в том, как международники понимают политическую и социальную реальность – объект своих исследований.

Конструктивизм во многом занял нынешнее привилегированное положение благодаря сокрушительной критике господствовавших в конце 80-х гг. XX в. теоретических парадигм. В частности, классик конструктивизма А. Вендт обвинил неореалистов в неоправданном редукционизме, говоря о том, что неореализм основан на причинно-следственном детерминизме. Иными словами, если одна из имеющегося набора причин имеет место, то для неореалиста последствия наступят неизбежно. А это значит, что в любой международно-политической ситуации всегда есть «правильный» выход, достаточно только найти соответствующий «спусковой механизм». Ещё один крупный недостаток – это преимущественное внимание к структуре, к некому соотношению уже существующих материальных факторов. Неореалисты прямо утверждают, что поведение государств обусловлено только структурой, что не учитывает изменчивый и сложный (не только материальный) контекст – как международный, так и внутриполитический [13, с. 337-343].

А. Вендт отлично понимал, что одна лишь критика вряд ли убедит сторонников неореализма или иных теоретических парадигм. Поэтому он предложил альтернативу, которую нередко воспринимают в качестве конструктивизма в ТМО. На самом деле, существует множество «конструктивизмов», в том числе, сформулированных незадолго до Вендта (например, работы Н. Онуфа, Р. Эшли, Д. Ругги). Однако все версии конструктивизма объединены рядом общих признаков. Во-первых, это преимущественный фокус на онтологических проблемах социальной и политической жизни, что, в конечном итоге, зачастую приводит к попыткам решить менее важные проблемы, исходя из ответов «большой теории». Во-вторых, различным версиям конструктивизма свойственен имманентный дуализм [1, с. 5, 8]. Такой подход позволил, с одной стороны, достигнуть определённого примирения с уже устоявшимися парадигмами ТМО, а, с другой, – сформировать комплексный взгляд на политическую и социальную реальность.

А. Вендт в качестве противовеса структуре выдвинул агента – государство, отдельные политические силы, индивида. Агенты имеют некое теоретическое представление о том, что они делают и по какой причине: «люди дей-

ствуют в отношении объектов, включая иных акторов, исходя из значения, которое приписывается объектам» [11, с. 66]. Во-вторых, агенты и их представления о происходящем меняются, агенты способны адаптироваться к новым условиям. Наконец, в-третьих, именно агенты принимают решения – структура может подталкивать их к определённым вариантам действий, но не предопределять тот вариант, который, в конечном счёте, будет выбран [13, с. 359-360].

Не является преувеличением то, что А. Вендт, в сущности, несколько модернизировал теорию структуризации британского учёного Э. Гидденса. Эта теория возникла как противовес функционализму и структуриализму в политической мысли 60-70 гг. XX в. Согласно Э. Гидденсу, функционализм и структуриализм – это две стороны одной медали, а каждый из данных подходов в отдельности обладает большим числом недостатков: противопоставляют синхронное и диахронное измерения политических процессов, отождествляют систему и структуру (каркас здания и всё здание), настаивают на вторичности властных отношений и, что, вероятно, важнее остальных проблем, отодвигают на второй план индивида – и всё это на фоне неспособности концептуализировать договорной характер норм [2, с. 290-293]. Между тем, политические и социальные процессы проистекают из деятельности субъектов: структуры существуют, пока они «отпечатаны» в памяти индивидов, пока они подкреплены действиями (практиками) и пока у людей существуют навыки для таких действий. Роль структур, тем не менее, важна: они обеспечивают воспроизводство социальных характеристик и структурирующих качеств, обеспечивают связь пространства и времени в рамках общественных отношений [3, с. 61-74; 8, с. 397-398].

Теория структуризации Э. Гидденса привлекла внимание Вендта по следующим причинам. Во-первых, эта теория обосновывает реальность и эвристическую важность ненаблюдаемых социальных структур. Во-вторых, подход Гидденса позволяет учитывать многообразие причин и сознание как основу человеческой деятельности (хотя бы на уровне мотивов). В-третьих, теория структуризации преодолевает монистические видение политических отношений – подчинённость индивида структуре или структуры индивиду. Наконец, в-четвёртых, социальные структуры становятся неотделимыми от индивида (шире – агента). С точки зрения ТМО, это позволяет анализировать одновременно и государство, и систему международных отношений.

Но есть и определённые проблемы. Во-первых, теории структуризации и конструктивизму Вендта присуща логическая заикленность: доказательство существования структуры – это видимый результат такого существования (изменения в поведении людей, в практиках), определить и объяснить которые можно, исходя из предположения, что структуры существу-

ют. Для Гидденса и Вендта эта эпистемологическая проблема решается путём достижения согласованности на уровне онтологии: так как структура и агенты онтологически отличаются и при этом «конструируют» друг друга, в доказательстве существования структур просто нет необходимости. Во-вторых, теория структуризации не справляется с проблемой «общей воли» – одной из важнейших проблем политической философии. Согласно Э. Гидденсу, характеристики структуры задаются «средним значением» соответствующих практик индивидов. Научным наследием маркиза Николя де Кондорсе (1743-1794) был знаменитый «парадокс Кондорсе», который до сегодняшнего дня демонстрирует, что «среднее значение» нередко вообще невозможно получить. Можно согласиться, что под средним значением подразумевается комплекс принципиально близких практик, но возникает иная проблема: какой механизм обуславливает возникновение характеристик структуры именно от комплекса близких практик, а не от условного большинства практик. В итоге, М. Холлис и С. Смит отмечают, что теория структуризации представляет собой «скорее амбицию, чем устоявшуюся систему теоретических достижений» [8, с. 405-406].

Кроме того, теоретические разработки Э. Гидденса и А. Вендта встречают возражения со стороны учёных, придерживающихся философии прагматизма, распространённой, прежде всего, в США. Если неореализм в ограниченный промежуток времени был достаточно эффективен с точки зрения предсказания действий государств, не должен ли конструктивизм Вендта продемонстрировать как минимум сходные результаты? Другой вопрос, который могут задать адепты прагматизма, заключается в приумножении междисциплинарности исследований МО: если неореализм достаточно неплохо освоил микроэкономику, то не может ли конструктивизм Вендта, опирающийся на макросоциологию, продемонстрировать успехи на уровне микросоциологии? Конструктивисты много внимания уделяют таким понятиям, как «нормы», «ценности», «убеждения», «идеи», а также «материальные условия», «действие» – это, по сути, микросоциологические понятия. Но Вендт и его последователи не операционализировали эти понятия, не перевели их на «практический язык» [7, с. 145-146].

Другую линию критики избрали коллеги-конструктивисты. Во-первых, А. Вендта обвинили в «сплаве эмпиристского фундаментализма и философского реализма». Действительно, Вендт считает, что онтология и эпистемология существуют отдельно, а значит, его версия решения этой философской проблемы претендует на универсальность, что сам Вендт отрицает. Во-вторых, возникло обвинение в «сплаве эмпиристского прочтения каузальности и философского реализма». Действительно, согласно Вендту, социальная реальность подразумевает различные

состояния, условия реализации возможностей и результаты социальных взаимодействий. Но раз все эти факторы обусловлены причинно-следственными связями, тогда дискурс во многом также предопределён, во всяком случае, строго детерминированы значения, придаваемые материальным факторам, что также противоречит взглядам самого Вендта [10, с. 96-97]. В отношении детерминизма в исследовании международных отношений, Т. Хопф отмечает, что какими бы ни были каузальные взаимодействия, значение структуры в конструктивизме на самом деле велико: если все государства по-разному воспринимают, что такое анархия, и по-разному выстраивают свою политику, а значит, осуществлять перемены на уровне структуры достаточно сложно, ведь придётся менять понимание анархии у каждой страны. Иными словами, структура (система МО) – очень стабильный феномен [9, с. 180-181].

Суммируя критические замечания в отношении конструктивизма А. Вендта (и отчасти теории структуризации Э. Гидденса), отметим следующие проблемы:

- соотношение детерминизма и определённой случайности политических и социальных процессов;
- обоснованность допущения о наличии ненаблюдаемых социальных структур;
- эвристическая ценность конструктивизма;
- оправданность выбранного онтологического масштаба теоретизирования;
- совершенствование теоретического синтеза на междисциплинарной основе.

К этому перечню также стоит добавить другую чрезвычайно важную проблему – в политической науке в целом и теории международных отношений в частности в последние десятилетия не наблюдается существенный прогресс знаний о политике (мировой, внутренней). Профессор Йельского университета И. Шапиро, с которым А. Вендта связывают дружеские отношения, так прокомментировал текущее положение дел: «Такая ситуация представляется мне неправильной по двум причинам: во-первых, она способствовала возникновению нормативной теории, более не соотносящейся с эмпирическим знанием, хотя теоретики-классики всегда считали это недопустимым. В результате современные теоретики тратят массу времени на комментирование работ друг друга, как если бы они сами были достойным предметом изучения. Во-вторых, подобное разделение привело к тому, что эмпирическая политическая теория постепенно упорщала, она начала ориентироваться на метод, изолируясь от наиболее актуальных вопросов современности и концентрируясь на темах, наиболее доступных с методологической точки зрения. Оба типа теорий развивались до тех пор, пока к ним не иссяк интерес практически всех исследователей, помимо тех, кто считал себя их адептом. Подобное развитие могло сопровождаться ростом цитируемости, что вводило в

заблуждение контролирующие органы, но едва ли способствовало прогрессу знаний о политике» [6, с. 312-313].

Указанные проблемы (и, прежде всего, последняя) привели А. Вендта к попытке «реформы» конструктивизма на основе квантовой физики. Нельзя сказать, что А. Вендт первым из гуманитариев обратился к квантовой физике или что этот выбор был случайным. Ещё в работах «забытого классика» Дж. Г. Мида отмечается важность принципа относительности и рассматривается философское осмысление эмерджентности. Сам Дж. Г. Мид убедительно аргументировал, почему необходима именно квантовая физика при осмыслении изменчивости, случайности и эмерджентности: «мы видим, что учёный, ни на секунду не отказываясь от обусловливания происходящего, уже произошедшим, выраженного в вероятности, оказывается вполне способен **расценить как эмерджентные даже те события, которые поддаются самому точному определению.** Я не берусь предугадать, какое позднейшее толкование будет дано размышлениям де Бройля, Шрёдингера и Планка. Я просто указываю на то, что даже в области математической физики строгое мышление не предполагает с необходимостью, что обусловливание настоящего прошлым несёт с собой полную детерминацию настоящего прошлым» [4, с. 59].

Как А. Вендт решает накопившиеся проблемы конструктивизма? Учёный обращается к научному потенциалу квантовой физики и утверждает, что любые науки (в том числе, политическая) не выходят за рамки, как минимум, классической физики. А поскольку квантовая физика является более фундаментальной по отношению к физике макромира, то это правило можно сформулировать точнее: социальные науки не выходят за рамки квантовой физики, при этом, безусловно, оставаясь автономными дисциплинами – нередко с собственными предметом и методами исследования. Дополнительным доводом А. Вендта является эпистемологический оптимизм: явление сознания не получило удовлетворительного объяснения ни в одной из современных наук, а «квантовый холизм» способен справиться с этой задачей, что подтверждают исследования в области квантовых компьютеров [12, с. 14-18].

Привлечением теоретического арсенала квантовой физики А. Вендт решает сразу несколько проблем. Во-первых, теоретический синтез А. Вендта потенциально включает не только саму квантовую физику, но и психологию, социологию, нейробиологию и, конечно, политическую науку. Вероятно, столь широкий междисциплинарный охват будет сложно повторить в рамках других теоретических подходов. Во-вторых, привлечение квантовой физики, возможно, позволит углубить понимание соотношения детерминизма и определённой случайности политических и социальных процессов. В-третьих,

квантовая физика даёт объяснение проблеме ненаблюдаемых структур. До наблюдения (вернее – измерения) объект микромира находится в состоянии «бытия в возможности», квантовой «размазанности», то есть фактически находится во всех допустимых состояниях сразу [5, с. 133]. Получается, что ненаблюдаемые феномены как минимум существуют до акта наблюдения (измерения).

Эвристическая ценность нового подхода, как и приземлённая практическая ценность конструктивизма, пока не очевидна. А. Вендт, как и в случае с конструктивизмом, делает акцент на универсальности и эпистемологическом потенциале нового подхода. Предложенное А. Вендтом решение проблемы вполне может оказаться заменой одной недоработанной теории на другую.

В чём различия нового «квантового» подхода и конструктивизма? Где и в чём А. Вендту пришлось пересмотреть свои взгляды? Во-первых, ранее взаимосвязь между материальными условиями, «общими идеями» и формулировкой интереса была исключительно каузальной. В своей последней книге «Квантовый разум и социальные науки», в почти замкнутый круг детерминизма А. Вендт включает такие переменные как коллективное и индивидуальное бессознательное и, наоборот, практически исключает понятие интереса, делая его частью идентичности агента [12, с. 267-273]. Во-вторых, учёный активно включает эмерджентизм в круговорот взаимодействий структуры и агента: например, значения действий нередко определяются на произвольной основе, в результате коллапса волновых функций коллективного или индивидуального разума [12, с. 221]. То есть, «каркас» конструктивизма остался, сменилась трактовка многих его элементов и способов и их взаимодействия.

В этом смысле военно-политические исследования во многом опережают теорию международных отношений. В них ещё в середине XX в. стали широко использоваться теории моделирования процессов, бифуркации и многовариативности выбора игроков. Истоки этой тенденции появились в 1950 г., когда под руководством Пола Нитце – руководителя Управления политического планирования при Госдепартаменте США, была разработана «Директива СНБ-68». Речь шла не только о теоретико-игровых подходах, но и о более сложных моделях, где вероятностной была сама природа акторов.

Таким образом, «квантовый холизм» или «квантовый подход» в теории международных отношений является результатом бурной академической дискуссии относительно конструктивизма. Появление этого подхода отражает запрос на определённые прорывы и достижения в современных политических дисциплинах, запрос на альтернативу господствующим парадигмам и теоретическим школам. А. Вендт отчасти игнорирует справедливые замечания относительно

масштаба теоретизирования, аргументируя это, во-первых, универсальностью квантовой физики, а, во-вторых, делая многочисленные отсылки на эпистемологический потенциал предложенного подхода. В этой связи маловероятно, что выявленные пробелы конструктивизма сможет решить некая теория среднего порядка. В то

же время теория международных отношений может оказаться неготовой к освоению столь масштабного философского проекта, как в силу определённой инерционности и схематизма в мышлении представителей академического сообщества, так и в силу сложности представленных А. Вендтом соображений.

Список литературы

1. Алексеева Т.А. Мыслить конструктивистски: открывая многоголосый мир // Сравнительная политика. 2014. № 1. С. 4 - 21.
2. Гидденс Э. Новые правила социологического метода // Теоретическая социология. Антология. Т. 2. М.: Книжный дом «Университет», 2002. С. 281 – 318.
3. Гидденс Э. Устройство общества: Очерк теории структуризации. 2-е изд. М.: Академический Проект, 2005. 528 с.
4. Мид Дж. Г. Философия настоящего / под ред. А.И. Мерфи; предисл., введ. А.И. Мерфи; вступит. слово Дж. Дьюи; пер. с англ. В.Г. Николаева, В.Я. Кузьмина (доп. очерк IV); под науч. ред. В.Г. Николаева; закл. ст. В.Г. Николаева. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2014. 272 с.
5. Севальников А.Ю. Интерпретации квантовой механики: в поисках новой онтологии. Изд. 2-е. М.: ЛЕНАНД, 2016. 192 с.
6. Шапиро И. Бегство от реальности в гуманитарных науках / Пер. с англ. Д. Узланера. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2011. 368 с.
7. Alker H.R. On Learning from Wendt // Review of International Studies. 2000. Vol. 26. No.1. Pp. 141 - 150.
8. Hollis M., Smith S. Beware of Gurus: Structure and Action in International Relations. // Review of International Studies. 1991. Vol. 17. No. 4. Pp. 393 – 410.
9. Hopf T. The Promise of Constructivism in International Relations Theory. // International Security. 1998. Vol. 23. No. 1. Pp. 171 – 200.
10. Morgan J. Philosophical Realism in International Relations Theory. // Journal of Critical Realism. 2002. No. 1 (1). Pp. 95 – 118.
11. Wendt A. Anarchy Is What States Make of It: The Social Construction of Power Politics. // Essential Reading in World Politics. Ed. by K.A. Mingst. J.L. Snader. 4th ed. New York, London: W.W. Norton&Company, 2011. Pp. 64 – 88.
12. Wendt A. Quantum Mind and Social Science: Unifying Physical and Social Ontology. Cambridge: Cambridge University Press, 2015. 366 p.
13. Wendt A. The Agent-Structure Problem in International Relations Theory. // International Organization. 1987. Vol. 41. No. 3. Pp. 335 – 370.

Об авторах

Алексеева Татьяна Александровна – д.филос.н., заведующая кафедрой политической теории МГИМО, заслуженный деятель науки РФ. E-mail: ataleks@mail.ru.

Минеев Александр Петрович – к.ф.м.н., доцент кафедры политической теории МГИМО. E-mail: mineyev@list.ru.

Фененко Алексей Валерьевич – к.истор.н, в.н.с. Института проблем международной безопасности РАН, доцент Факультета мировой политики МГУ имени М.В. Ломоносова, эксперт РСМД. E-mail: afenenko@gmail.com.

Лошкарёв Иван Дмитриевич – аспирант кафедры мировых политических процессов МГИМО. E-mail: kixlo@rambler.ru.

Ананьев Борис Игоревич – аспирант кафедры политической теории МГИМО. E-mail: ananyevboris92@gmail.com.

Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда: проект № 16-03-00803 ««Инновации в методологии политических наук (попытки применения открытий в области физики)».

CONSTRUCTIVISM GOES QUANTUM: THE APPROACH REFORM

T.A. Alekseeva, A.P. Mineev, A.V. Fenenko, I.D. Loshkariov, B.I. Ananyev

Moscow State Institute of International Relations (University), 76, Prospect Vernadskogo, Moscow, 119454, Russian Federation.

Abstract: *The article deals with the evolution of constructivist paradigm of international relations. The issue is of utmost importance in terms of the search for theoretical alternatives in the IR thinking.*

First, we are giving basic introduction of constructivism on the basis of historical and hermeneutical approaches. There is no doubt that the paradigm has faced different theoretical challenges and a lot of critics which has to be addressed. The authors reconsider some constructivist theories and notions in Alexander Wendt's works and the way Wendt tried to reinforce and reassure the constructivist paradigm. This allows us to claim that quantum turn in recent Wendt's work was almost inevitable.

Second, the article attempts to answer a question whether the fundamentals of quantum physics are relevant when speaking about social and political processes. At first glance, quantum physics approach has nothing in common with the theory of politics and the theory of international relations. However, there are some grounds to believe that certain problem issues of the political science and IR theory are not deadlocks. In the second part of the article we use the unleashed and underestimated potential of analytical philosophy.

To conclude, we believe that today there are more questions than answers but the quantum paradigm is expected to be the important part of the political studies and IR theory as well.

Key words: constructivism, Quantum Mind, A. Wendt, IR theory, quantum physics, political ontology.

References

1. Alekseeva T.A. Myslit' konstruktivistski: otkryvaya mnogogolosyy mir [To think in the constructive way: opening the dispersed world]. *Sravnitel'naia politika - Comparative Politics*, 2014, no. 1, pp. 4 – 21. (In Russian).
2. Giddens A. Giddens E. Novyye pravila sotsiologicheskogo metoda. Teoreticheskaya sotsiologiya. [The new Rules of Sociologic Method. In: Theoretical sociology.] *Ontology*. Vol. 2. Moscow, Knizhnyi dom «Universitet», 2002. Pp. 281 – 318. (In Russian).
3. Giddens A. *The Constitution of Society: Outline of the Theory of Structuration*. University of California Press Berkeley and Los Angeles. 417 p. (Russ. ed.: Giddens A. Ustroeniye obshchestva: Ocherk teorii strukturatsii. 2d ed. Moscow, Akademicheskii Proekt Publ., 2005. 272 p.)
4. Mead G.H. *The Philosophy of the Present (Great Books in Philosophy)*. Prometheus Books, 2002. 202 p. (Russ. ed.: Mid Dzh. G. Filosofiya nastoyashchego. Ed. By A. I. Murphy; introduction by A. I. Murphy; introduction by Dewey J.; translated. V. G. Nikolaev, V. Y. Kuzminov; ed. by V.G. Nikolaev; conclusion by V. G. Nikolaev. Moscow, HSU Publ., 2014. 272 p.)
5. Sevalnikov A.Y. *Interpretatsii kvantovoy mekhaniki: V poiskakh novoy ontologii*. [Quantum Mechanics Interpretation: Trying to find the new ontology.] 2d ed. Moscow, Lenand Publ., 2016. 192 p. (In Russian).
6. Shapiro I. *Begstvo ot real'nosti v gumanitarnykh naukakh* [Moving away from the reality in social sciences]. Transl. by D. Uzlaner. Moscow, HSU Publ., 2011. 368 p. (In Russian).
7. Alker H.R. On Learning from Wendt. *Review of International Studies*, 2000, vol. 26, no.1, pp. 141 – 150.
8. Hollis M., Smith S. Beware of Gurus: Structure and Action in International Relations. *Review of International Studies*, 1991, vol. 17, no. 4, pp. 393 – 410.
9. Hopf T. The Promise of Constructivism in International Relations Theory. *International Security*, 1998, vol. 23, no. 1, pp. 171 – 200.
10. Morgan J. Philosophical Realism in International Relations Theory. *Journal of Critical Realism*, 2002, no. 1 (1), pp. 95 – 118.
11. Wendt A. Anarchy Is What States Make of It: The Social Construction of Power Politics. *Essential Reading in World Politics*. Ed. by K.A. Mingst. J.L. Snader. 4th ed. New York, London: W.W. Norton&Company Publ., 2011, pp. 64 – 88.
12. Wendt A. *Quantum Mind and Social Science: Unifying Physical and Social Ontology*. Cambridge, Cambridge University Press, 2015. 366 p.

■ Т.А. Алексеева, А.П. Минеев, А.В. Фененко, И.Д. Лошкарёв, Б.И. Ананьев

13. Wendt A. The Agent-Structure Problem in International Relations Theory. *International Organization*, 1987, vol. 41, no. 3, pp. 335 – 370.

About the authors

Tatiana A. Alekseeva – Doctor of Philosophy, PhD in historical science, Honored Science Worker, Prof.
E-mail: ataleks@mail.ru.

Alexandr P. Mineev – PhD in Physics and Math, Prof. E-mail: mineyev@list.ru.

Alexey V. Fenenko – PhD in historical science, Researcher at the Institute of International Security Problems of RAS, Associate Professor of the World Politics Faculty of the Moscow State University, RIAC expert.
E-mail: afenenko@gmail.com.

Ivan D. Loshkarev – MGIMO Department of Political Theory lecturer, MGIMO Postgraduate at the Department of World Politics. E-mail: kixlo@rambler.ru. rector, School of Government and International Affairs, MGIMO University. E-mail: y.vaslavskiy@inno.mgimo.ru.

Boris I. Ananyev – MGIMO Postgraduate at the Department of Political Theory.
E-mail: ananyevboris92@gmail.com.

The article is written with financial support of the Russian Humanitarian Science Foundation: Project № 16-03-00803.

СОЦИАЛЬНЫЕ СЕТИ КАК КАЧЕСТВЕННО НОВЫЙ ФАКТОР СИСТЕМНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ РОССИИ В XXI ВЕКЕ

С.А. Кравченко, А.И.Подберёзкин

Московский государственный институт международных отношений (университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации. Россия, Москва, 119454, проспект Вернадского, 76.
Институт социологии РАН, 117218, г. Москва, ул. Кржижановского, д. 24/35, к. 5.

Статья посвящена анализу взаимосвязи социальных аспектов интернет-сетей и вопросов обеспечения безопасности России. В ней показано, что современные реалии обретают глобо-сетевой характер, что амбивалентно сказывается на развитии цивилизационных и общественных взаимодействий. С одной стороны, социальные сети открывают новые возможности для взаимодействия людей, проживающих в разных странах, с другой стороны, – они могут быть использованы для проведения политики эксклюзии на глобальном уровне, что объективно производит новые риски и уязвимости. Особо рассматриваются возможности инсценирования реальности глобального риска в социальных сетях, что в качестве ответной реакции может провоцировать военно-политические конфликты и даже войны. В контексте прагматизации и глобализации политики акторов западной локальной цивилизации сети обретают качества нового и высокоэффективного вида оружия, предназначенного для разрушения и уничтожения наиболее приоритетных политических целей. Конкретно анализируется характер современной политики и войны с точки зрения возможного использования социальных сетей. Преодоление новых рисков и уязвимостей безопасности авторы видят на путях смены вектора развития научного знания с прагматического на гуманистический.

Ключевые слова: социальные сети, сетевое общество, инсценирование, международная обстановка, военно-политическая обстановка, безопасность государства, информационная борьба, новые виды оружия, новые способы ведения военных действий, гуманистический поворот.

В начале XXI в. резко обострилась международная и военно-политическая обстановка, что обусловлено стремлением акторов западной локальной человеческой цивилизации сохранить своё доминирование в мире. Это произошло, с одной стороны, на фоне уничтожения главного конкурента Западу в виде Организации Варшавского Договора и СССР, остатки которых перестали представлять ему угрозу. Как заметил Е. Фёдоров, в 1991 г., потерпев поражение, мы не просто стали другим государством или другими пятнадцатью государствами, мы стали государствами, получившими внешнее управление [25, с. 16]. С другой стороны, признание эффективности силовых политических инструментов привело к реанимации политики силы. В западном общественном сознании сформировался парадокс: не мир, а война стала рассматриваться как фактор безопасности. Так, по мнению известного социолога Я. Морриса, наш мир стал безопаснее именно благодаря войнам [15, с. 11].

Общий ход развития событий в Европе и мире объективно привёл к созданию и использованию новых средств и способов ведения силовой политики. Среди них особенно эффективными оказались информационно-психологические средства, создаваемые на базе появившихся в конце XX в. социальных сетей. Социум, по существу, обрел *глобо-сетевой* характер. Как отмечает известный испанский социолог М. Кастельс, зарождается и получает развитие «новая форма общества, сетевого общества», последствия чего были амбивалентны. Наряду с явными преимуществами, открывшимися для взаимодействия стран и народов, возникли новые неравенства: «Глобальные сети включают одних людей и территории и исключают другие» [28, с. 17]. Эти новые реалии – возможности *выборочной инклюзии и эксклюзии на глобальном уровне* – западные политики попытались использовать исключительно в своих прагматических и подчас меркантильных интересах, что, естественно, порождает новые риски и уязвимости [7].

Можно с уверенностью утверждать, в XXI в. появился новый вид оружия, причём оружия массового поражения – механизм «*инсценирования реальности* глобального риска» в социальных сетях... «через воображение и инсценирование мирового риска будущая катастрофа становится настоящим – зачастую с целью избежания её принимаются значимые решения в настоящее время» [27, с. 10]. Так, инсценирование рисков свободе и демократии привело к «беспрецедентным» войнам в Афганистане и Ираке, потому что они «были первыми войнами в человеческой истории против культурно производимого риска» [26, с. 147]. Как видно, инсценированные угрозы благодаря манипулятивному воздействию на сознание людей могут превращаться в реальные опасности, имеющие тенденцию распространяться во времени и охватывать всё новое пространство.

С тех пор данный тип оружия быстро развивается и всё чаще применяется. В очередной раз подтвердился закон, в соответствии с которым новые средства ведения войн неизбежно ведут к появлению новых способов их применения, т.е. изменениям во всех областях военного искусства, формированию принципиально новых угроз национальной безопасности. Именно такой новой угрозой национальной безопасности [17, с. 310 - 314] стали социальные сети, точнее, – их использование в качестве силовых средств внешней и внутренней политики, что нашло свое отражение даже в нормативных документах российского государства, где подчеркивается их значение в качестве средства «информационного давления» [24].

Отличительной особенностью оружия инсценирования рисков является прежде всего то, что оно далеко не всегда и не всеми признается оружием потому, что не относится к традиционным средствам поражения, хотя решение и его применение принимаются на самом высоком политическом уровне, а последствия таких решений носят далеко идущий политический характер. Так, запрет на использование сети LinkedIn в России, принятый 17 ноября 2016 г., привёл к официальному протесту со стороны правительства США [20].

Однако, если продолжать полагать, что классическая формула «война есть средство политики» сохраняет свою актуальность, то принципиально важным становится то, насколько те или иные средства и способы борьбы эффективны для достижения политических целей, а не то, насколько они обладают огневой мощью или другими классическими и традиционными показателями боевой эффективности. Надо наконец-то признать, что подобный подход, в основе которого лежит деление средств вооруженной борьбы на «стреляющие» и «обеспечивающие», уже давно не актуален. На практике оказывается, что «не стреляющие» средства вооруженной борьбы, к которым относится инсценирование рисков и угроз в социальных сетях, оказываются и более опасными, и более эффективными, чем традиционные средства огневого поражения. Тем более, что такое деление на «летальные» и «не летальные» часто удобное прикрытие для прямого военного вмешательства в дела других государств.

Кроме того, в последние десятилетия в военном искусстве произошли серьёзные изменения системного характера, в результате которых собственно военные средства стали использоваться в качестве обязательного компонента силовой (но не обязательно военной) политики. В США, например, в современной военной стратегии признается «подчинённость» собственно военных средств использованию других средств воздействия в политике: «Наши военные (возможности) поддерживают дипломатические, информационные и экономические действия, предназначенные обеспечить наши националь-

ные интересы» [29, с. 5]. В этой связи примечательно, что в военной стратегии США именно военные средства содействуют повышению эффективности применения иных силовых средств, а не наоборот.

При этом и в политическом, и в военном искусстве социальные сети в наибольшей степени отражают именно социальные особенности первого и второго видов искусств, которые – и об этом нельзя забывать – имеют исключительно важное значение. По сути в современной политике через инсценирования различных смыслов в социальных сетях создан механизм максимально полного учёта индивидуальных потенциалов личностей и их использования, допускающий создание эффектов манипулирования огромными массами людей, особенно в условиях неопределённости, дисперсии виртуального и реального. Как писал в своё время гениальный военный теоретик Р. Грин, «Военное искусство имеет дело с живыми людьми и моральными силами – отсюда следует, что оно никогда не может достигнуть абсолютного и достоверного. Для неведомого всегда остаётся простор...» [2, с. 58].

Таким образом принципиально новой реальностью военно-силового противоборства в XXI в. стало стремительное развитие и быстрое использование в борьбе субъектов и акторов – участников формирования международной обстановки (МО) средств информационной войны, прежде всего, интернета и социальных сетей, которые превратились в важнейший фактор системной безопасности. Этот фактор стёр и без того условную грань между МО и ВПО, которая стала ещё менее заметной, а роль силовых (но не военных средств) принуждения в политике ещё более усилилась. Сегодня уже трудно, а часто и невозможно определить грань между состоянием «мира» и «войны» – государства воюют, используя многочисленные средства и способы, но одновременно и участвуют в переговорах, торгуют и даже обмениваются визитами.

Это обстоятельство – «война без войны» –, в свою очередь, привело также к тому, что производство инсценированных *различных смыслов* в социальных сетях превратилось в важный фактор не только военно-политического успеха, но и классического обеспечения безопасности, мира и стабильности, от степени которых непосредственно зависит масштаб и актуальность угрозы. «На рубеже нынешнего века мир перешёл к новому типу противоборств, осмысление которого продолжается, – справедливо подчеркивает Е. Егоров. – Механизм «порабощения» противника претерпевает качественные изменения. Из научного лексикона вытесняется категория «война» категорией «операция». Сущность общественного явления от этого не меняется. Речь идёт о сетевых войнах, сетевых подходах к ведению противоборств» [3, с. 180]. И далее: «Сеть» в широком понимании включает в себя одновременно различные политические и социальные составляющие. Ими могут быть –

боевые единицы, система связи, информационное обеспечение операции, формирование общественного мнения, дипломатические шаги, социальные процессы, разведка и контрразведка, этнопсихология, религиозная и коллективная психология, экономическое обеспечение, академическая наука, технические инновации т.д.

«Сеть» стала неразрывно связана с политической и вооружённой борьбой. Особенно когда сложились условия для ведения сетевцентрической войны, в которой огромная роль принадлежит субъективному и когнитивному факторам, а также инсценированию смыслов. При этом главная особенность сетевцентрической войны, которая неизбежно отражается на характере современной международной обстановки, заключается в том, что она не имеет начала и конца, она ведётся постоянно, и её цель – обеспечить тем, кто её ведёт, способность всестороннего управления всеми инструментами влияния в политике и действующими силами человечества.

При этом существующие «громоздкие государственные структуры и международные организации, по мнению специалистов, не способны быстро реагировать на вызовы времени» [14, с. 138]. Это означает, что неконтролируемое мировым сообществом внедрение «сети» представляет собой новую *глобальную эксклюзию* стран, народов, армий и правительств мира, лишение их самостоятельности, суверенности и субъектности, превращение их в жёстко управляемые, запрограммированные механизмы. В этом смысле мир, по мнению ряда исследователей, находится в постоянном информационном противоборстве, которое является весьма широким понятием, более глубоким по содержанию чем информационная война [3, с. 181]. Это противоборство проходит на цивилизационном уровне между локальными человеческими цивилизациями (ЛЧЦ), когда победа или поражение рассматриваются как бескомпромиссный результат такого сражения, выражающийся в потере суверенитета, национальной идентичности, территорий и исчезновении самих наций [18, с. 13 - 24]. Таким образом социальные и государственные противоречия во многом попадают под влияние более мощных, цивилизационно-культурных, противоречий между субъектами МО и ВПО, а социальные сети и интернет в целом становятся инструментом политики уже не только наций, но и военно-политических и иных коалиций, созданных на базе ЛЧЦ. Учитывая же, что абсолютное большинство информационных ресурсов находится в руках одной, западной, ЛЧЦ, сказанное означает, что её стремление сохранить существующие нормы и правила в мире означает стремление обеспечить своё доминирование, в том числе и в информационном пространстве и в нормах социально-политического характера.

Социально-политическая сущность социальных сетей проявляется в самых разных аспектах, включая, например, их способность к активизации и организации политической де-

ятельности самых разных субъектов и акторов международной обстановки и политики – от представителей правящей элиты (которым она даёт мощный инструмент влияния), общества (сети позволяют поставить под сомнение всевластие элит), государства (возможность навязывать свой курс) и т.п. Оказывается, в конечном счёте, что всё зависит от того, как тот или иной субъект или иной актор политики и МО **воспользуется** такой возможностью¹. Другими словами, сегодня надо понимать, что создание, контроль и использование такого ресурса как сеть, способного производить заданные смыслы и воздействовать на общественное сознание, предполагает важную часть политики безопасности, включая контроль государства над социально-политической ситуацией в стране.

Сеть может стать «шпагой» для нанесения точечного удара по субъекту политики (конкретному лидеру, как Х. Клинтон, в избирательной кампании США), но может стать и оружием массового поражения (в «оранжевых революциях») или даже оружием массового уничтожения (в борьбе сверхдержав или коалиций ЛЧЦ) [22, с. 275 - 325]. Как справедливо в этой связи замечает Т. Грачёва, «Сеть обладает колоссальным разрушительным потенциалом. Проникая в политические и духовные пространства, она начинает действовать как новый вид оружия массового поражения в развернувшейся мировой войне за глобализацию. Эту войну ведут силы глобализации, использующие влиятельные страны как инструмент для достижения своих целей по установлению нового мирового порядка. Одним из главных таких инструментов являются США» [1, с. 147], которые, необходимо обязательно добавить, являются не только лидерами военно-политической коалиции западной ЛЧЦ, но и сконцентрировали в своих руках (и в руках своих корпораций) огромные ресурсы Сети.

Это мощное оружие может быть в самых разных руках, но, прежде всего, в руках государства (и его институтов), либо в руках акторов, выступающих против этого государства. Сеть, как особый вид оружия в войне в политическом пространстве, имеет необычную мишень. Эта «мишень» или цель – государство, препятствующее разгулу своеволия отдельных субъектов политики, прежде всего крупных корпораций, партий и институтов.

Это – «вертикаль» государственного управления и иерархия. Противоборство сети и иерархии, политики сетецентричности и политики централизма, является главной конфронтационной парадигмой современной эпохи, а осознание того, в чем суть этой войны, служит ключом к пониманию настоящего и будущего. Т. Грачёва полагает, что «Иерархия есть стержень государственного устройства и государственно-сти, которая является главным препятствием на

пути утверждения нового тоталитаризма, где в итоге все народы должны быть подчинены одному властителю. В христианстве его называют антихристом» [1, с. 147].

Социальная сеть, будучи в руках крупных корпораций, может поддерживать «правила игры» властвования. Как признаёт Б. Маккеннелл, «в киберпространстве, как и в других областях, власть принадлежит корпорациям и государству» [15, с. 136]. Пример с победой Д. Трампа этому отнюдь не противоречит: корпорации и сети допустили к власти часть истеблишмента, который изначально поставлен в узкие рамки норм поведения всей нации, т.е. рамки социального компромисса со средним классом США.

Наконец, социальная сеть – это интерактивный многопользовательский сайт, смысловой контент которого наполняется его посетителями. Это социальная структура, состоящая из отдельных людей, организаций, групп, связанных между собой общими интересами и виртуальными взаимоотношениями. Причём эти связи развиваются стремительно, лавинообразно (но отнюдь не бесконтрольно). Приведём несколько фактов, которые показывают рост влияния социальных сетей в мире. Для достижения аудитории в 50 млн человек радио понадобилось 38 лет, телевидению – 13 лет, интернету – 4 года, социальная сеть Facebook получила 100-миллионного пользователя меньше чем за 9 месяцев. 96% молодых людей, рожденных в 1970–1990 гг. (так называемое поколение Y) состоят в социальных сетях. Будучи подверженными эффекту «стрелы времени», они резко увеличивают количество и качество производимого знания [8], что непосредственно влияет на характер деятельности и политиков, и простых людей.

Сети привели к феномену «возвращения масс в политику» – сетевые активисты в доступной для них форме участвуют в социально-политической жизни, причём не только собственной страны. Так, на сайте Белого дома они не раз организовывали социологические опросы и протесты по тому или иному поводу. Стало нормой то, что любой политик имеет своё присутствие в социальных сетях и реакцию на это присутствие, что тщательно отслеживается и анализируется. Это «возвращение в политику» огромных масс граждан неизбежно ведет к повышению социальной активности и «доступности власти», которая попадает в определенную зависимость (иногда очень сильную) от социальных сетей и тех, кто ими манипулируют [18, с. 73 - 76].

Некоторые учёные справедливо считают, что «многочисленные стихийно возникшие объединения граждан, недовольных текущей экономической и политической ситуацией, становятся заметными акторами в мире политики. Выражая несогласие с тем, как избранные представители распоряжаются делегированными им пол-

¹ **Возможность** – зд. результат сложения потенциалов и намерений, а не только собственно материальных возможностей.

номочиями, участники подобных объединений и организаций показывают успешный пример самоорганизации, пусть даже их деятельность разворачивается лишь в немногих отдельных областях» [12, с. 194]. При этом перспектива перенести существующий сетевой принцип на пространство целого региона или даже страны довольно высока. Десятилетия репрезентативной демократии могут в одночасье смениться непосредственным правотворчеством народа, который, волею практически всех конституций демократических государств, представляет источник и суть власти. Тем более, что современные информационные технологии предоставляют для этого все возможности. Другое дело, что такое «правотворчество народа» пытаются с помощью инсценированных смыслов контролировать акторы иностранных государств, их специальные службы или корпорации, которые умело выдают свои трактовки «свободы» и «демократии» за народные. Получается парадокс: государство и общество заинтересованы в максимально быстром и эффективном процессе создания и развития институтов, прежде всего, реализации человеческого капитала, – главной цели социально-экономического развития, – а с другой стороны, государство должно контролировать и сдерживать их развитие из-за опасений их использования в деструктивных целях [16].

Следовательно, перед законной властью в государствах поставлена нелегкая задача одновременно содействовать развитию и защитить целые социальные слои и группы, а также отдельные группы, отличающиеся по самым разным признакам, от манипулирования извне, интегрировать широкие народные массы в легитимный политический процесс, дать людям возможность непосредственно инициировать, принимать и исполнять решения. Один из существующих инструментов для практической реализации этой задачи является электронная демократия [13, с. 193].

Поколение Z, рожденное в 1990–2000 гг., ещё более широко использует социальные сети и в основном уже не переписывается по E-mail. Социальные сети обрели популярность во многом благодаря новым возможностям, которые они дают пользователям. Все сайты, разработанные для создания на их основе социальных сетей, поддерживают ряд общих опций. Среди них: указывать информацию о себе; присутствие на сайте (увидеть того, кто в настоящее время находится на сайте, и вступить в диалог); описать отношения между двумя пользователями (друзья, члены семьи, друзья друзей ит. п.), включая общение с другими участниками сети – отправлять им личные сообщения, комментировать материалы; сформировать группы и сообщества по интересам; узнать статус другого участника, проследить его поведение внутри социальной сети.

По мнению В. Лешаковой, все гражданские инициативы можно условно разделить на «конфликтные» (выступающие против чего-либо и

защищающие свои интересы) и «поддерживающие» (нацеленные на реализацию каких-то интересов, выступающие за определённые инициативы). Дуглас Рашкофф, американский публицист и автор термина «медиаактивизм», назвал такие инициативы медиавирусами. Этим термином он маркировал медиасобытия, способные тем или иным образом влиять на изменения в жизни общества, выполняя функцию *эффекта бабочки*. Его суть в том, что даже, казалось бы, *малозначимые* действия в условиях сложного социума способны вызвать *лавинообразные рискованные последствия*, которые *проявляются нелинейно во времени и пространстве*. Под влиянием эффекта бабочки явно стабильные режимы, пишет британский социолог Дж. Урри, вдруг оказываются в коллапсе [31, с. 237]. «Теория хаоса, в частности, отвергает представления здравого смысла о том, что только большие изменения могут вызывать большие последствия... Выразим эту мысль проще – нет согласующихся отношений между причиной и результатом события. Скорее, отношения между переменными могут быть нелинейными с внезапным включением происходящего, так что одна и та же причина может в специфических обстоятельствах производить разные виды последствия» [30, с. 23]. Из этого следует, что в сетевых взаимодействиях необходимо учитывать рискованность даже, на первый взгляд, «малозначимых действий» – они, попав в социальные сети и получив там политически заданный ракурс инсценирования, могут обернуться рисками, в отношении которых трудно принять однозначно «верное» решение [10, с. 134 - 144].

Начало эпохи «сетевой демократии», стимулирующей как функциональную, так и дисфункциональную социальную активность, положено [19, с. 189]. Эта социальная активность часто не имеет какой-либо внешней четкой направленности и поэтому не может прогнозироваться, а тем более планироваться. Иногда в качестве эффекта бабочки может стать появление какой-то песни, игры или персонажа буквально взрывает Интернет, хотя для этого нет видимой причины. Это означает широкий спектр для манипулирования обществом, когда ему могут «подбрасываться» несостоятельные, весьма рискованные для функциональности общества, но модные идеи. К числу опасных идей, например, можно отнести тенденции поведения различных экстремальных социальных групп – от фанатов и «зацеперов» до самоубийц.

У социальных сетей есть уникальная социальная функция – возможность поделиться с другими участниками значимыми для них материалами, например, фотографиями, документами, ссылками, презентациями и т.д. Это резко расширяет активность по организации того или иного процесса в своих интересах (например, привлечь широкий круг пользователей к решению какой-либо научной, общественной, политической, иной проблемы. Сети можно условно

разделить на общедоступные, для которых не важны профессиональные, возрастные и гендерные особенности участников, и специальные, которые создаются для участников, объединённых по определённому признаку [5, с. 38].

Всё сказанное имеет прямое отношение к силовой политике Запада, включая внешнюю и военную политику. Насилие, рассматриваемое сегодня Западом в качестве неизбежного средства политики, может сильно выиграть, если в его основе лежит возможность социальной дезинтеграции общества вероятного противника по трём основным критериям:

- социальному;
- религиозному;
- этническому.

В любом из этих случаев может быть создано сетевое сообщество с разными аспектами деятельности и активности, максимально учитывающее специфику среды. В качестве главной характеристики новой войны описывается то, что раньше воспринималось как обычные партизанские войны и мятежи, а теперь плавно переходит в форму социальной сетевой войны и становится глобальной войной – в пределе: мировой гражданской войной (мятеже войной по терминологии Е.Э. Месснера). Для адекватного описания форм социальных сетевых войн эксперт «РЭНД-корпорации» Джон Аркилла ввёл в научный оборот термин «роение» (swarming), проявляемое во множественных «микродействиях» и «стычках»: разного рода публичные и массовые мероприятия, сюжеты в СМИ, умело навязанные диалоги и переговоры, вооружённые столкновения и т.д. и т.п. Нет больше линии фронта, а есть многомерное пространство войны и мира в политике, культуре и экономике, науке и технологиях, на улицах городов и в «мировой паутине», где не прекращается противоборство, которое формально, внешне, не переходит в вооружённую стадию, но отнюдь не становится от этого менее опасным. В этой войне в ход идут и убийства, и террористические акты, и вполне демократические дебаты, статьи в прессе и политические перевороты [23, с. 168].

Переход по нарастающей от одного этапа эскалации к другому всегда сопровождается повышенной активностью в социальных сетях. На первых этапах – информационно-когнитивных – создаются сообщества читателей и сторонников, участников дискуссий, нередко не имеющих четко выраженных социальных или политических пристрастий и поэтому внешне «привлекательных для всех». Позже выделяются активные сторонники, которые могут использоваться уже в качестве активистов, редакторов, комментаторов и даже организаторов. На этой стадии находятся, например, даже официальные сайты правительства, родов войск или командований США. Такие, как сайт Центрального командования «Евразия». Ещё позже эти активисты превращаются в сообщества «любителей спорта» «книг» или, как на Украине, литературы,

истории. И только иногда дело доходит до прямых авиаударов. Аркилла и его коллеги особенно подчёркивают, что основной силой в такой сетевой войне сегодня становится бурно растущий третий социальный сектор: весь огромный диапазон неправительственных организаций самого разного характера (nongovernmental organization – NGO) [11, с. 30 - 35].

Наконец, российские исследователи отмечают, что сегодня мы становимся свидетелями ещё одного серьёзного поворота в течениях современного бизнеса и социальных тенденций: от традиционной, закрытой экономики мир переходит к открытой, гармоничной, прозрачной «Викиномике» (Wikinomics). Перспективно мыслящие руководители превращают свои организации в открытые сетевые корпорации, поддерживая сотрудничество с экспертами и клиентами в глобальном масштабе. Первым примером успешного применения модели «Викиномики» стала интерактивная энциклопедия «Википедия». Эксперты всего мира объединились для того, чтобы создать интерактивный справочный сайт. Не нужно нанимать исследователей, писателей и людей, занимающихся проверкой фактов, выплачивать им гонорары [13, с. 137]. Между тем именно на таких информационно-справочных сайтах формируется (привносится, либо исключается) понятийный аппарат и понятийное мышление, который необходим тем, кто контролирует эти ресурсы. Так, в зависимости от инсценированной трактовки (внешне сугубо объективной) и упоминания или не упоминания того или иного события, оно позже переключивается в статьи, книги, выступления и пр.

Основным двигателем «Викиномики» являются глобальные каналы связи. Сегодня Web превращается из среды представления, создателей которой ранее беспокоили вопросы слабой визуализации и недостаточной гибкости, в информационное пространство нового поколения Web 2.0 – гигантскую вычислительную платформу, способную предоставлять осязаемые услуги. Взрывообразный рост пропускной способности способствовал тому, отмечают эксперты, что «на смену дорожке шириной в метр пришла огромная и удобная магистраль».

Ещё одним двигателем развития социальных сетей является миниатюризация чипов, камер, микрофонов и т.д., стремительный рост скорости передачи информации и объёмов памяти. Этот процесс – способность наделить интеллектуальностью любые, даже самые «неповоротливые» и неожиданные устройства – от предметов обихода до инструментов интеллектуального труда, сделает в ближайшем будущем ещё одну революцию в информационной области. Уже сегодня, например, в самых сложных изделиях систем ВКО С-400 при изготовлении во всех инструментах размещены чипы, которые показывают степень износа и прочие характеристики инструмента.

■ Исследовательские статьи

Особое значение для повышения эффективности процесса подготовки и принятия решений и ускорения научно-технического развития имеют – методы привлечения через социальные сети талантливых изобретателей, аналитиков и экспертов, что дает иногда весьма значимый эффект. Так, в корпорации Procter & Gamble около 20% новых разработок проводится за пределами организации, причём их эффективность настолько высока, что руководство компании хочет довести эту долю до 50%. Вот недавний пример. Корпорации нужно было найти формулу вещества, позволяющего выводить пятна вина с одежды. Её руководство обратилось к химикам всего мира, предложив премию в 50 млн долл. за самый удачный вариант. Победитель обнаружился очень быстро. «В данном случае руководство P&G, вместо того чтобы воспользоваться услугами многочисленных собственных специалистов, решило привлечь к решению задачи лучшие умы человечества. Дополнительным преимуществом данного подхода является то, что премию получает автор действительно самого достойного варианта» [14, с. 138]. Это необходимо иметь ввиду при создании и совершенствовании системы государственного военного и экономического управления, которые сегодня в минимальной степени используют этот ресурс [4, с. 3-4].

Исследователи отмечают, наиболее известным примером успешных результатов свободного и открытого сотрудничества является операционная система Linux, созданная «цифровыми ротарианцами» (официальная цель международной организации Rotary International — всемерно поощрять и воплощать служение обществу как основу созидательного предпринимательства). В прошлом корпорация IBM тратила на разработку каждой из своих закрытых операционных систем около 900 млн долл. За счёт сотрудничества с сообществом Linux и внедрения инноваций на основе платформы с открытым исходным кодом IBM экономит сейчас на научно-исследовательских работах 800 млн долл. [14, с. 139].

В этой связи основной вопрос заключается в том, **кто** фактически контролирует социальные сети, ведь так или иначе их создание и успешное внедрение требует огромных ресурсов, а также **как** эти сети функционируют.

Если говорить о том, кто контролирует основные социальные сети, то неизбежно приходишь к выводу о том, что такой контроль концентрируется в очень узком круге организаций и лиц, несмотря на всю внешнюю «демократичность» социальных сетей. Как уже говорилось, это, прежде всего, государство и его институты, а также крупнейшие корпорации, способные проинвестировать и продвинуть проект социальных сетей, требующий большой капитализации и множества партнёров. В то же время, по мнению, например, Т. Грачёвой, это могут быть [1, с. 150]:

1) транснациональные корпорации (ТНК) и транснациональные банки (ТНБ), включая Всемирный банк;

2) наднациональные глобальные структуры (ВТО, различные клубы – Парижский, Лондонский, Римский и т.д.);

3) номинальные государства, то есть государства, в которых власть оказалась под контролем сетевых структур и которые в силу этого утратили свою иерархичность, государственность и суверенитет, став частью глобальной сети;

4) неправительственные организации, направляющие свою деятельность на формирование сетевого сознания и сетевого мироустройства;

5) международные и надгосударственные альянсы, действующие в интересах сетевого сообщества и мироустройства (включая НАТО);

6) религиозно-этнические группы (диаспоры), стремящиеся к мировому господству;

7) деструктивные религиозные организации (тоталитарные секты и сектоподобные организации);

8) международные преступные организации;

9) международные террористические организации, устанавливающие мировой сетевой порядок с помощью террора;

10) тайные масонские общества, включая Бильдербергский клуб, Трёхстороннюю комиссию, Совет по международным отношениям, разные ордены (тамплиеров, иллюминатов, мальтийский), всякого рода клубы (Лайонс, Ротари и т.д.), а также множественные масонские ложи;

11) частные военные компании.

Подчеркнём, несмотря на внешнее разнообразие, все сетевые структуры образуют единую глобальную сеть, охватывающую мир. Их объединяет не только общий принцип организации, но и общая цель – построение сетевого мирового порядка, где нет места государству, нации, традиционной религии (монотеизму), государственности и семейному укладу [21, с. 4 - 44]. Сетевые структуры, каждая в своей области, создают новый порядок, реализуя частные сетевые стратегии, используя специфические технологии, направленные на формирование сетевой личности, воздействуя не только на массовое сознание, но, прежде всего, на политическое руководство целых государств [1, с. 150]. По сути дела сетевые структуры и являются новым мировым порядком, формирующим нормы, правила и регулирующие все стороны общественной и политической жизни. Политика, общественная жизнь, экономика уже строятся в соответствии с этим новым мировым порядком, а степень его контроля тем или иным государством определяет не только влияние на нормы и ценности этого порядка, но и диктует правила поведения другим участникам МО, у которых осталось пока некоторая возможность

влияния на этот процесс. Этой возможностью можно и нужно воспользоваться.

Все уязвимости сети так или иначе обусловлены прагматическим вектором инновационной, научно-технической деятельности человека. Их глубинные причины, по большому счёту, лежат в выбранном векторе развития *самого знания* (умаление значимости социо-гуманитарных достижений), дисфункциональные последствия чего сказываются на безопасности цивилиза-

ций, государств, обществ, людей. Вместе с тем, их можно, по крайней мере, минимизировать за счёт интеграции естественных, социальных и гуманитарных наук на основе принципов гуманистического поворота – разворота вектора развития всего научного знания к гуманистическим целям [9, с. 11 – 18; 6, с. 12 - 23], имея в виду, что сегодня требуется разработка новых идеалов гуманизма, адекватных реалиям сетевого общества, его вызовам.

Список литературы

1. Грачёва Т. Сеть против иерархии // Дипломатика. 2012. № 4. С. 146 – 156.
2. Грин Р. 33 стратегии войны. М.: РИПОЛ, 2016. 896 с.
3. Егоров Е. Россия в зеркале упражнений НАТО над Украиной // Дипломатика. 2012. № 4. С. 180 – 182.
4. Информационно-аналитическая система стратегического планирования противодействия угрозам национальной безопасности: аналитич. доклад /П.М.Шмелёв, А.И.Подберезкин (и др.). М.: МГИМО-Университет, 2014. 159 с.
5. Каргина Т. Интернет-сервисы для гражданских активистов в примерах и картинках. М.: АСИ, 2011. 88 с.
6. Кравченко С.А. Востребованность гуманистического поворота в социологии // Социологическая наука и социальная практика. 2013. № 1. С. 12-23.
7. Кравченко С.А. Социологическая диагностика рисков, уязвимостей, доверия: учебное пособие. М.: МГИМО-Университет, 2016. 431 с.
8. Кравченко С.А. Социологическое знание через призму «стрелы времени»: востребованность гуманистического поворота: монография. М.: МГИМО-Университет, 2015. 342 с.
9. Кравченко С.А. Социология в движении к взаимодействию теоретико-методологических подходов // Социологические исследования. 2011. № 1. С. 11-18.
10. Кравченко С.А. Социология риска и безопасности: учебник и практикум для академического бакалавриата. М.: Юрайт, 2016. 302 с.
11. Крупнов Ю., Калашников М. Гнев орка. М.: АСТ/Астрель, 2003. 512 с.
12. Лешакова В. Сетевая демократия – подлинное народовластие? // Дипломатика. 2012. № 4. С. 193 – 195.
13. Ломбарди Р. Викиномика – экономика сотрудничества // Дипломатика. 2012. № 4. С. 137 – 138.
14. Макконнелл Б. Сетевое сообщество и роль государства // Россия в глобальной политике. 2016. №2. 07.03.2016. С. 130 – 140.
15. Моррис Я. Война! Для чего она нужна? Конфликт и прогресс цивилизации – от приматов до роботов. М.: Кучково поле, 2016. 592 с.
16. Подберёзкин А.И. Национальный человеческий капитал. Т.3. Идеология русского социализма. М.: МГИМО-Университет, 2011. 848 с.
17. Подберезкин А.И. Стратегия национальной безопасности России в XXI веке. М.: МГИМО-Университет, 2016. 338 с.
18. Подберёзкин А.И. Третья мировая война против России: введение к исследованию. М.: МГИМО-Университет, 2015. 169 с.
19. Попова Д., Назаретян К. Сетевая демократия // Дипломатика. 2012. № 4. С. 189 – 190.
20. Посольство США в Москве выразило беспокойство блокировкой LinkedIn в России // ТАСС. 18.11.2016. Режим доступа: <http://tass.ru/obschestvo/3794842> (дата обращения 03.12.2016).
21. Прогнозирование международной ситуации: угрозы безопасности и военная политика России: аналитический доклад / А.И.Подберезкин и (др.). М.:МГИМО-Университет, 2014. 44 с.
22. Стратегическое прогнозирование международных отношений: кол. монография / Под ред. А.И. Подберезкина, М.В. Александрова. М.: МГИМО-Университет, 2016. 743 с.
23. Третьюхин М. Электронные поля мятежевойны // Дипломатика. 2012. № 4. С. 163 – 170.
24. Указ Президента Российской Федерации от 31 декабря 2015 г. № 683 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации». Режим доступа: <http://kremlin.ru/acts/bank/40391> (дата обращения: 03.12.2016).
25. Федоров Е. Госпереворот. Технология предательства. СПб.: ИГ «Весь», 2016. 180 с.
26. Beck U. Cosmopolitan Vision. Cambridge: Polity Press, 2007. 216 p.
27. Beck U. World at Risk. Cambridge: Polity Press, 2010. 240 p.
28. Castells M. The Rise of the Network Society. Second edition. Oxford: Wiley-Blackwell, 2010. 656 p.
29. The National Military Strategy of the United States of America. Washington: GPO, 2015. June. The United States Military's Contribution To National Security. 2015. June. 24 p.

■ Исследовательские статьи

30. Urry J. *Global Complexity*. Cambridge: Polity Press, 2003. 184 p.
31. Urry J. *The Complexities of the Global // Theory, Culture & Society*, 2005. Vol. 22. No. 5. Pp. 235-254.

Об авторе

Сергей Александрович Кравченко – д.филос.н., профессор, главный научный сотрудник Института социологии РАН. Россия, Москва, 117218, ул. Кржижановского, 24/35, корп. 5. E-mail: sociol7@yandex.ru.

Алексей Иванович Подберезкин – д.и.н., профессор кафедры всемирной и отечественной истории МГИМО МИД России. E-mail: podberezkin@gmail.com.

Работа выполнена в соответствии с грантом РНФ № 16-18-10411 «Институциональное доверие к научному знанию в условиях новых рисков и уязвимостей в системе безопасности современной России».

SOCIAL NETS AS A NEW FACTOR OF SYSTEM SECURITY IN RUSSIA IN THE 21ST CENTURY

S.A. Kravchenko, A.I. Podberezkin

Moscow State Institute of International Relations (University), 76 Prospect Vernadskogo, Moscow, 119454, Russia.

Institute of Sociology RAS, Krzhizhanovskogo Street, 24/35, korpus 5, 117218, Moscow, Russia.

Abstract: *The article analyzes the interconnection of social aspects of the Internet and security issues in Russia. It shows that contemporary realities acquire global network character that has ambivalent impact on the development of civilizational and social interactions. On the one hand, social networks offer new opportunities for interaction between people living in different countries, on the other hand - they can be used for exclusion at the global level which objectively produces new risks and vulnerabilities. Special consideration is given to fabrication of global risk in social networks, which may provoke military-political conflicts and even wars. In the context of growing pragmatism and globalization of activities of agents of Western civilization the networks take on the quality of the new and highly effective weapon intended to destroy and destroy high-priority policy objectives. The authors analyze the nature of contemporary politics and the war from the perspective of social networks as policy and war tools. Overcoming new security risks and vulnerabilities authors see in the ways of changing the vector of development of scientific knowledge from a pragmatic to a humanist mode.*

Key words: social networking, networked society, mock, the international situation, the military-political situation, state security, information warfare, new weapons, new methods of warfare, humanistic twist.

References

1. Gracheva T. Set' protiv ierarkhii [The Net against Hierarchy]. *Diplomatika*, 2012, no. 4, pp. 146-156. (In Russian).
2. Greene R. *The 33 Strategies of War*. New York, Profile Books, 2006. 496 p. (Russ. ed.: Grin R. *33 strategii voyny*. Moscow, RIPOL Publ., 2016. 896 p.).
3. Egorov E. Rossiia v zerkale uprazhnenii NATO nad Ukrainoi [Russia in the Mirror of NATO's Exercises over Ukraine]. *Diplomatika*, 2012, no. 4, pp. 180 – 182. (In Russian).
4. *Informatsionno-analiticheskaia sistema strategicheskogo planirovaniia protivodeistviia ugrozam natsional'noi bezopasnosti* [Informational and Analytical System of Strategic Planning of Resistance to the Threats to the National Security]. Shmelev P.M., Podberezkin A.I. Moscow, MGIMO-Universitet Publ., 2014. 159 p. (In Russian)
5. Kargina T. *Internet-servisy dlia grazhdanskikh aktivistov v primerakh i kartinkakh* [Internet services for Civil Activists in Pictures and Examples]. Moscow, ASI, 2011. 88 p. (in Russian)
6. Tret'iukhin M. Elektronnye polia miatezhevoiny [Electronic Fields of Rebel-lion War]. *Diplomatika*, 2012, no. 4, pp. 163 – 170. (In Russian).
7. Kravchenko S.A. Vostrebovanost' gumanisticheskogo povorota v sotsiologii [The Need for Humanistic Turn in Sociology]. *Sotsiologicheskaya nauka i sotsial'naya praktika*, 2013, no. 1, pp. 12-23. (in Russian)
8. Kravchenko S.A. *Sotsiologicheskaya diagnostika riskov, uязvimostei, doveriia* [Sociological Diagnostics of Risks, Vulnerabilities and Trust]. Moscow, MGIMO-Universitet Publ., 2016. 431 p. (In Russian).

9. Kravchenko S.A. *Sotsiologicheskoe znanie cherez prizmu «strely vreme-ni»: vstrebovannost' gumanisticheskogo povorota* [Sociological Knowledge through the Prism of the "Arrow of Time": the Need for Humanistic Turn]. Moscow, MGIMO-Universitet Publ., 2015. 342 p. (In Russian).
10. Kravchenko S.A. *Sotsiologiya v dvizhenii k vzaimodeistviu teoretiko-metodologicheskikh podkhodov* [Sociology on the Move towards the Interaction of Theoretical and Methodological Approaches]. *Sotsiologicheskie issledovaniia*, 2011, no. 1, pp. 11-18. (In Russian).
11. Kravchenko S.A. *Sotsiologiya riska i bezopasnosti* [Sociology of Risk and Security]. Moscow, Iurait Publ., 2016. 302 p. (In Russian).
12. Krupnov Iu., Kalashnikov M. *Gnev orka* [Rage of the Orc]. Moscow, AST/Astrel' Publ., 2003. 512 p. (In Russian).
13. Leshakova V. *Setevaia demokratiia – podlinnoe narodovlastie?* [New Democracy – True Democracy?]. *Diplomatika*, 2012, №4, pp. 193 – 195. (In Russian).
14. Lombardi R. *Vikinomika – ekonomika sotrudnichestva* [Wikinomy - Economy of Cooperation]. *Diplomatika*, 2012, no. 4, 137 – 138. (In Russian).
15. Makkokonell B. *Setevoe soobshchestvo i rol' gosudarstva* [Net Community and the Role of the Government]. *Rossia v global'noi politike – Russia in Global Affairs*, 2016, no. 2, pp. 130 – 140. (In Russian).
16. Morris I. *War! What is it Good For?: Conflict and the Progress of Civilization from Primates to Robots*. New York, Farrar, Straus and Giroux, 2014. 512 p. (Russ. ed.: Morris I. *Voina! Dlia chego ona nuzhna? Konflikt i progress tsivilizatsii – ot primatov do robotov*. Moscow, Kuchkovo pole Publ., 2016. 592 p.).
17. Podberезkin A.I. *Natsional'nyi chelovecheskii kapital* [National Human Capital]. Moscow, MGIMO-Universitet Publ., 2012, vol. 3. 848 p. (In Russian).
18. Podberезkin A.I. *Strategiia natsional'noi bezopasnosti Rossii v XXI veke* [Strategy of National Security of Russia in the 21st Century]. Moscow, MGIMO-Universitet Publ., 2016. 338 p. (In Russian).
19. Podberезkin A.I. *Tret'ia mirovaia voina protiv Rossii: vvedenie k is-sledovaniu* [The Third World War against Russia: Introduction to the Research]. Moscow, MGIMO-University, 2015. 169 p. (In Russian).
20. Popova D., Nazaretian K. *Setevaia demokratiia* [New Democracy]. *Diplomatika*, 2012, no. 4, pp. 189 – 190. (In Russian).
21. *Prognozirovanie mezhdunarodnoi situatsii: ugrozy bezopasnosti i voennaia politika Rossii: analiticheskii doklad* [Forecast of the International Situation: Security Threats and Military Policy of Russia: Analytical Report]. Ed. by A.I. Podberезkin. Moscow, MGIMO-University Publ., 2014. 44 p. (In Russian).
22. Presidential Decree *On the Russian Federation's national security strategy* of December 31, 2015 № 683. Available at: <http://kremlin.ru/acts/bank/40391> (Accessed 12.03.2016). (In Russian).
23. *Strategicheskoe prognozirovanie mezhdunarodnykh otnoshenii* [Strategic Forecasting of International Relations: Monograph]. Ed. by A.I. Podberезkin, M.V. Aleksandrov. Moscow: MGIMO-University, 2016. (In Russian).
24. TASS. 18 noiabria 2016 g. [TASS. 18 November 2016]. Available at: <http://tass.ru/obschestvo.ru> (accessed 12.09.2016).
25. Fedorov E. *Gosperevorot. Tekhnologiia predatel'stva* [Coup D'etat. Technology of Betrayal]. St. Petersburg, IG «Ves'», 2016. 180 p. (In Russian).
26. Beck U. *Cosmopolitan Vision*. Cambridge: Polity Press, 2007. 216 p.
27. Beck U. *World at Risk*. Cambridge: Polity Press, 2010. 240 p.
28. Castells M. *The Rise of the Network Society*. Second ed. Oxford: Wiley-Blackwell, 2010. 656 p.
29. *The National Military Strategy of the United States of America*. Washington: GPO, 2015. June. The United States Military's Contribution To National Security. 2015. June. 24 p.
30. Urry J. *Global Complexity*. Cambridge: Polity Press, 2003. 184 p.
31. Urry J. The Complexities of the Global // *Theory, Culture & Society*, 2005. vol. 22, no. 5, pp. 235-254.

About the author

Sergey A. Kravchenko – Doctor of Sociology, head of sociology department, Moscow State University of International Relations MFA, Russia. Chief Researcher at Institute of Sociology RAS. E-mail: sociol7@yandex.ru.

Alexei I. Podberезkin – Doctor of Economics, professor of world and national history, director of the Center for Military and Political Studies of the Russian Foreign Ministry MGIMO. E-mail: podberезkin@gmail.com.

The article is written with the financial support of RSF grant № 16-18-10411.

НЕКОТОРЫЕ ПОСЛЕДСТВИЯ BREXIT ДЛЯ РАЗВИТИЯ ЕВРОПЕЙСКОГО СОЮЗА

Н.Ю. Кавешников

Московский государственный институт международных отношений (университет)
МИД России. 119454, Россия, Москва, пр. Вернадского, 76.

В работе рассмотрены некоторые последствия референдума о выходе Великобритании из ЕС для институционально-политического развития Европейского союза и для отношений между ЕС и Великобританией.

Наиболее очевидным последствием референдума является крах идеологии постоянного и неуклонного развития интеграции. Вместо бесконечного, необратимого, априори выгодного для всех интеграционного объединения Европейский союз стал организацией, не имеющей мессианской цели и вынужденной ежечасно доказывать свою полезность.

Системный кризис Евросоюза неизбежно повлечёт за собой глубокую трансформацию институционально-политической структуры ЕС. После британского референдума в числе возможных остались лишь два варианта.

Во-первых, это частичная деконструкция Евросоюза. В основу этой стратегии может лечь тезис о том, что европейская интеграция зашла слишком далеко. Согласно этой логике, главное достижение Евросоюза – это единый рынок. Возвращение к главному – вот прагматичный подход к интеграции, который должен заменить попытки починить окончательно развалившееся (зона евро) или добиться недостижимого (политический союз). Вероятность такого развития событий невелика.

Во-вторых, это трансформация ЕС в систему «ядра и периферии» (гибкая интеграция). За последние 20 лет гибкость из переходного явления превратилась в постоянный и формализованный механизм, её элементы присутствуют в большинстве важнейших сфер деятельности ЕС. Выход Великобритании способен существенно ускорить формирование сплочённого ядра Евросоюза. Разумеется, это ядро не будет гомогенно, в нём уже видны зарождающиеся элементы управляющих структур: германо-французская ось и группа стран-основателей ЕС.

Ключевые слова: Европейский союз, Brexit, институциональная система ЕС, гибкая интеграция.

Шокирующий итог референдума в Великобритании высветил все системные дефекты политико-институциональной системы Европейского союза, усиленные внешними шоками последних лет. Задолго до референдума эксперты (а также многие политики) отмечали, что в политико-институциональной системе Европейского союза всё сильнее ощущаются системные дефекты, в частности:

1. отсутствие разделяемой всеми акторами долгосрочной цели интеграции и видения будущего;
2. недостаточная эффективность текущего управления;
3. неспособность обеспечить требуемый уровень легитимности системы в отсутствие укоренённой в обществе европейской идентичности и образ Брюсселя как далекой от народа всевластной бюрократии;
4. нарастание недовольства в адрес Евросоюза со стороны той части общества, которая ощущает себя (справедливо или нет) проигравшей от процессов региональной интеграции и глобализации;
5. чрезмерное расширение состава, в результате которого в ЕС сейчас входит слишком много стран, существенно различающихся по базовым политическим и экономическим характеристикам и приоритетам;
6. эволюция системы в сторону межправительственного сотрудничества при усиливающемся доминировании крупных стран в целом, и Германии в особенности [4].

Недовольство со стороны части общества усилилось в связи с различного рода кризисными явлениями (экономическая стагнация после кризиса 2008–2009 гг., в целом недостаточная конкурентоспособность экономики ЕС в глобальном масштабе, нарастающий миграционный кризис, дестабилизация внешней периферии ЕС)¹. Экономика, идентичность и внешняя политика – современные вызовы затрагивают наиболее важные аспекты деятельности ЕС. Хотя указанные кризисные явления во многом связаны с действиями/бездействием национальных правительств, общество, не без подсказки национальных элит, возложило ответственность за эти негативные явления на Брюссель. В последние пару лет системный характер кризиса осознали и европейские политики. В частности, председатель Европейской комиссии Жан-Клод Юнкер в сентябре заявил: «Европейский союз, по крайней мере частично, находится в экзистенциальном кризисе» [7].

Наконец, очередную злую шутку сыграл разрыв между элитами и основной массой населения. Европейские элиты (и британские в особенности) уже давно глубоко интегрировались в глобальную экономику и политическое сообщество и превратились в «граждан мира». Они прекрасно понимают, какие возможности

предоставляет глобализация и, кстати говоря, присваивают большую часть получаемых от глобализации/интеграции благ. А вот значительная часть населения по-прежнему привержена национальной идентичности, ощущает интеграцию скорее как источник не возможностей, а рисков, как причину усиления конкуренции и даже источник угроз. Соответственно, за выход Великобритании из ЕС голосовали преимущественно люди среднего и особенно старшего возраста с невысоким уровнем образования и дохода.

И вот референдум, инициированный Дэвидом Кэмероном как средство давления на партнёров по Евросоюзу, превратился в политическое землетрясение практически глобального масштаба. Процесс выхода Великобритании из ЕС займёт несколько лет. На повестке дня снова встаёт вопрос независимости Шотландии, возникает неопределённость по поводу будущего Северной Ирландии. Абсолютно неясно, на какой основе будут строиться отношения между Лондоном и Брюсселем после «развода». Практически невозможно предсказать, каким станет Европейский союз после выхода Великобритании. Ясно одно – Евросоюз не останется прежним.

Сейчас можно сформулировать лишь самые общие соображения о будущем Евросоюза и о контурах новых отношений между Великобританией и ЕС.

Наиболее очевидным последствием референдума является крах идеологии постоянного и неуклонного развития интеграции. Европейская интеграция должна постоянно углубляться, интеграция – это необратимый процесс, не имеющий обратного хода. Конечная цель неизвестна, но «всё более тесный союз народов Европы» подразумевает постоянное движение вперёд. Интеграция – это благо для всех и потому все страны Европы стремятся вступить в Европейский союз, присоединиться к «пространству свободы, безопасности и благосостояния». Большинство политиков европейского мейнстрима если и не произносили вслух эти тезисы, то вели практическую политическую деятельность на основе этих предпосылок.

Этой идеологии больше не существует. Крах Конституции ЕС в 2005 г. фактически поставил крест на проекте европейской федерации и заставил задуматься о пределе углубления интеграции [4]. События последних лет дали несколько примеров отката интеграционного процесса, фактического отказа от достигнутого уровня взаимодействия и передачи вопросов обратно на национальный уровень (например, миграционный кризис). А после референдума в Великобритании стало понятно, что интеграция – это не только расширение, но и «сужение» ЕС.

Вместо необратимо расширяющегося, априори выгодного для всех *процесса интеграции*, Европейский союз стал *организацией*, не имею-

¹ О росте антиЕСовских настроений как реакции на современные кризисы см. например, [2].

щей мессианской цели². ЕС окончательно трансформировался в организацию, вынужденную ежечасно доказывать свою полезность государствам-членам, элитам и обществам. А последнее, в свою очередь, теперь оценивают Евросоюз исходя преимущественно из национальных/групповых интересов, а не из нормативных критериев³. *Европейский союз превращается в организацию, нормальным состоянием которой должна быть стабильность, а не развитие.*

Однако чтобы достичь этого «нормального состояния», Евросоюз должен существенно трансформироваться, поскольку его современная политико-институциональная система не отвечает требованиям времени. В этой связи характерны произнесенные премьер-министром Франции Мануэлем Вальсом в июне 2016 г. слова: «Сейчас время создать другую Европу»⁴. После британского референдума пространство возможного существенно сузилось и на повестке дня, по сути, остались лишь два варианта трансформации ЕС.

Вариант 1. Частичная деконструкция Евросоюза. В основе этой стратегии лежит тезис о том, что европейская интеграция зашла слишком далеко и что следует пересмотреть некоторые «ошибки» прошлого. Например, под вопрос ставится целесообразность созданной системы управления в зоне евро (прежде всего те элементы централизации, которые были реализованы в последние годы как ответ на долговой кризис). Предлагается демонтировать ряд отраслевых политик, слишком сильно «вмешивающихся» в чувствительные «национальные» сферы (например, миграционная, социальная). Вновь ставится вопрос о сокращении регуляторных функций Евросоюза, чрезмерно искажающих свободный рынок (сельскохозяйственная политика, защита потребителей и др.). Согласно этой логике, главное достижение Евросоюза – это единый рынок. Возвращение к главному – вот прагматичный и эффективный подход к интеграции, который должен заменить попытки починить окончательно развалившееся (зона евро) или добиться недостижимого (политический союз).

Однако стратегия «меньше Европы» не может решить текущие кризисы. Роспуск еврозоны лишь усугубит экономический кризис в Европе и сделает отдельные страны более уязвимыми перед «произволом финансовых рынков».

Отказ от попыток выработать общую миграционную политику оставит приграничные страны ЕС наедине с потоком мигрантов, неминуемо приведёт к распаду Шенгенского пространства. Всё это также усилит риски политической дестабилизации на национальном уровне. Контролируемый демонтаж части достижений ЕС чреват риском неконтролируемой деградации системы. А «упрочив» национальный суверенитет за счёт возврата ряда переданных в Брюссель функций, страны ЕС окажутся менее конкурентны и менее способны дать эффективный ответ вызовам глобализации.

Вероятность такого развития событий невелика. Наиболее очевидным сторонником такого подхода была Великобритания. Однако без её лидерства лагерь сторонников мягкого частичного демонтажа достижений ЕС распадается. Характерно, что даже довольно скептически настроенные страны Вишеградской четвёрки по итогам саммита 29 июня 2016 г. отметили необходимость укрепления не только единого внутреннего рынка, но и ряда экономических политик ЕС, а также свободы передвижения и «вопросов внутренней и внешней безопасности»⁵.

Неконтролируемая деградация ЕС также представляется маловероятной. Итоги референдума в Великобритании связаны с целым рядом специфических факторов:

1. привычка Лондона выторговывать, в том числе путём «шантажа», особый статус и многочисленные уступки;
2. евроскептицизм как один из значимых (не маргинальных) элементов политической культуры общества;
3. раскол политической элиты, что особенно важно – раскол системных партий (консерваторов и либералов), что позволило провести эффективную агитационную кампанию за Brexit;
4. совпавший с периодом агитационной кампании пик миграционного кризиса (постоянное присутствие этой темы в топе новостной повестки дня).

Эти факторы отражают уникальность ситуации в Великобритании и не характерны для других стран ЕС. Кроме того, Великобритания является большой и высокоразвитой экономикой; она способна успешно развиваться самостоятельно, хотя и неизбежно столкнётся со

² Ещё продолжают звучать лозунги о необходимости поиска / возрождения глобальной мессианской роли Евросоюза. Например, Х.Патомаки полагает, что ЕС должен продвинуть «левый космополитический проект за пределы Европы» и предложить стратегию преодоления противоречий глобальной экономики на основе «зелёного демократического глобального кейнсианства» [9]. Однако эти идеи всё более маргинализуются и смотрятся крайне экстравагантно.

³ Впрочем, не стоит забывать, что ЕС предоставляет чрезвычайно важные общественные блага: отсутствие войн между государствами-членами, эффективную экономическую систему с высоким уровнем социальной защиты, инклюзивные политические системы с большим объёмом политических и гражданских свобод, экономические выгоды единого рынка, удобства единой валюты и Шенгенского пространства и т.п.

⁴ Reuters, 24.06.2016. URL: <http://in.reuters.com/article/eu-britain-hollande-idINKCN0ZA212>.

⁵ Joint Statement of the Heads of Governments of the Visegrad Group Countries: Towards Union of Trust and Action. 29 June 2016. URL: <http://www.visegradgroup.eu/calendar/2016/joint-statement-of-the-160629>

сложностями в связи с утратой части связей с континентальной Европой. А вот малые страны (или страны большие, но среднего уровня развития) должны быть частью большого экономического пространства, иначе они неизбежно будут терять конкурентоспособность.

Вероятность того, что вслед за Великобританией из ЕС выйдут другие страны (некоторые эксперты называют Венгрию, Польшу, Грецию, Нидерланды)⁶, крайне мала. Какие страны ЕС рискнут последовать за Великобританией? Венгрия, где ключевые позиции в экономике занимает иностранный капитал? Польша, ежегодно получающая из бюджета ЕС около 13 млрд евро? Греция, чтобы начать одиночное плавание с дефолта и необходимости самостоятельно перезаключить миграционную сделку с Турцией? Нидерланды, у которых 75% внешней торговли приходится на ЕС и где все традиционные партии являются последовательными сторонниками евроинтеграции?

Вероятность того, что кто-то попытается повторить британскую тактику «шантажа» (угрожая выходом из ЕС, чтобы добиться уступок), тоже невелика. Что дозволено Юпитеру, не дозволено быку. Великобритания всегда имела не только особый статус в ЕС, но и ресурсы, позволявшие получать всё новые и новые уступки. Чтобы успешно «шантажировать» Евросоюз, нужно быть пятой экономикой мира, ядерной державой и стратегическим союзником Вашингтона. Наконец, лидеры ЕС явно не хотят второй раз попасть в ловушку «шантажиста»; они постараются выстроить свои отношения с Лондоном так, чтобы никому не захотелось последовать этому примеру: никаких бонусов тому, что не хочет разделить общую ношу.

Вариант 2. Евросоюз ядра и периферии (гибкая интеграция). Термин «гибкая интеграция» используется для описания множества механизмов, позволяющих заинтересованным государствам-членам ЕС более тесно сотрудничать между собой в рамках существующих институтов ЕС и без помех со стороны их партнёров по Союзу (вперёд идут те, кто хочет и может). За последние 20 лет гибкость из временного, переходного явления превратилась в постоянный и формализованный механизм, её элементы присутствуют в большинстве важнейших сфер деятельности ЕС [3].

Ещё до референдума в Великобритании сформировался тренд на более чёткое оформление в Евросоюзе «ядра и периферии». Были

созданы механизмы, которые углубляют различия между участниками и аутсайдерами зоны евро (например, Банковский союз и пакет шести (Sixpack)) [5]. Всё чаще упоминали о взаимосвязи между единой валютой и политическим союзом. Учреждено несколько проектов продвинутого сотрудничества, в том числе в сфере экономики (европейский патент, налог на финансовые транзакции). Контуры ядра становились всё более видимы – это модернизированная зона евро минус некоторые экономически слабые страны плюс некоторые страны Центральной Европы (прежде всего Польша). Среди политиков, в последние годы отмечавших перспективы гибкой интеграции, назовём Ангелу Меркель, Николя Саркози и Франсуа Олланд, Марка Рютте и Энрико Летта [8, р. 5]. Уже после референдума о Брекзите ряд экспертов отметил, что гибкая интеграция может стать основным сценарием развития ЕС, например, П.Валь пишет о развитии гибкости за счёт «интеграции в некоторый сферах и дезинтеграции в других, основанной на варьирующихся коалициях участников» [10: 161]

Выход Великобритании способен существенно упростить формирование сплочённого ядра Евросоюза. Во-первых, уходит страна, которая традиционно оппонировала интеграционным устремлениям германо-французского тандема. Во-вторых, Великобритания, опиравшаяся на особые отношения с Вашингтоном, самым фактом своего присутствия в ЕС подрывала лидерство Германии. В-третьих, по всем экономическим и политическим параметрам еврозона становится абсолютно доминирующей группой в составе ЕС⁷.

Теперь еврозона имеет все шансы трансформироваться в устойчивое ядро, которое будет задавать вектор развития Евросоюза, «независимо от взглядов оставшиеся государств ЕС с исключениями» [6: 2]. Разумеется, это ядро не будет гомогенно; в нём уже видны зарождающиеся элементы управляющих структур. Основным контуром управления останется германо-французская ось, которая либо сохранится в современном виде, либо трансформируется в треугольник Германия–Франция–Италия⁸. Сегодня основной раскол внутри ЕС – это раскол между севером и югом. В треугольнике крупных стран Евросоюза Германия выражает интересы севера, Италия – юга, а Франция во всех смыслах занимает промежуточное положение.

Второй контур управления – это страны-основатели ЕС, то есть треугольник плюс

⁶ Страны, которые вслед за Великобританией могут покинуть ЕС. 24.06.2016. URL: <http://ru.valdaiclub.com/multimedia/infographics/strany-kotorye-mogut-pokinut-es/>

⁷ Среди условий сохранения членства Великобритании в ЕС, которые Д. Кэмерон выторговал в феврале 2016 г., одним из ключевых пунктов было не допустить дискриминации стран, сохранивших национальную валюту. Речь шла как о политических аспектах (не допустить, чтобы еврогруппа подменила собой Экофин), так и об экономических (правила функционирования зоны евро не должны подрывать единство внутреннего рынка ЕС).

⁸ Характерно, что на совещание 27 июня 2016 г. для выработки стратегии ЕС после британского референдума Ангела Меркель пригласила именно Франсуа Олланда и Маттео Ренци (а также председателя Европейского совета Дональда Туска, который должен символизировать участие всех остальных стран ЕС).

Бенилюкс. Колоссальный опыт сотрудничества, символическая аура стран-основателей, схожее видение стратегического направления развития ЕС – более чем достаточная основа для углублённого взаимодействия. При этом участие стран Бенилюкс позволит парировать критические замечания относительно «директории» и «заговора» крупных стран. К тому же сегодня всё больше экспертов полагают, что глубинную основу успешного интеграционного проекта составляет культурное единство. Не случайно легенда приписывает Жану Монне слова: «Если бы я начинал это [интеграцию] заново, я бы начал с культуры»⁹. Состав стран-основателей ЕС в начале 1950-х гг. определялся не только нюансами политики того периода. Все они – «наследники» империи Карла Великого, историческое ядро Западной Европы.

После ухода Великобритании периферия Евросоюза вероятнее всего окончательно трансформируется в страны второго сорта, в провинцию. Вплоть до настоящего времени периферийные страны ЕС (то есть те страны, которые не входят в Шенген, еврозону, пользуются специфическими исключениями в других проектах ЕС) воспринимали себя полноценными участниками интеграционного процесса, только идущими другим путём или чуть медленнее остальных. Раз Великобритания добровольно отказывалась от ряда интеграционных инициатив, значит, не все проекты ЕС в равной степени соответствуют интересам государств-членов. Значит, ядро Евросоюза – это лишь одна из групп стран ЕС (пусть и доминирующая количественно). А аутсайдеры (и те, кто не хочет, и те, кто не может) – это равноправная «другая Европа». Было бы преувеличением сказать, что Лондон выступал в роли лидера стран периферии (хотя во внешней политике именно Лондон консолидировал «новую» Европу). Однако пример Великобритании – страны с гигантским количеством исключений из правил ЕС, но при этом неотъемлемой части «Европы Евросоюза», легитимизовал существование других аутсайдеров.

С уходом Великобритании периферия ЕС будет состоять из малых стран (за исключением Польши), большинство которых имеют относительно менее развитую экономику, а часть – менее стабильную и эффективную политическую систему. К тому же большинство из них составляют периферию не по своему желанию, а потому, что не соответствуют критериям, необходимым для присоединения к тем или иным проектам ЕС.

Периферийные страны ЕС рискуют получить ярлык второсортности. А в процессе упрочения ядра их статус всё больше будет приближаться к статусу Норвегии или Швейцарии: не члены ЕС, которые имеют ограниченные возможности влиять на принятие решений, но

вынуждены соблюдать большую часть законодательства ЕС, чтобы сохранить участие в едином внутреннем рынке и Шенгенской зоне.

Место Великобритании в Европе. Говорить о какой-то позиции Великобритании по процедуре «развода» с ЕС пока рано. Однако изначально было ясно, что интересы Великобритании крайне противоречивы.

Один из лозунгов, под которым евроскептики шли на референдум – «нам нужна зона свободной торговли и ничего больше». Но в реальности Лондон будет стремиться максимально сохранить своё участие в едином внутреннем рынке. Разумеется, за исключением свободы передвижения трудящихся, ведь именно нежелание пускать приезжих из других стран ЕС (прежде всего, из Восточной Европы) – один из сильных лозунгов британских евроскептиков. Кроме того, Великобритания заинтересована в том, чтобы сохранить существующие условия финансового взаимодействия – свободу финансовых услуг, но без участия в проектах финансового и банковского сотрудничества, инициированных еврозоной, но реализованных с участием почти всех стран ЕС (пакет «двух», пакет «шести», налоговый союз, бюджетный союз). И, разумеется, неприятие Лондона вызывает то, что он считает чрезмерным регулированием экономической деятельности: технические стандарты, меры социальной политики, защита прав потребителей и т.д. Сложность в том, что соблюдение этих норм – безусловное требование доступа на единый внутренний рынок.

Обговаривая условия выхода из ЕС, Лондон может попытаться продолжить свою стратегию *cherry picking*, стремясь сохранить участие в выгодных для него элементах интеграционного проекта. Однако ЕС-27 явно не склонен потакать этим намерениям.

Ни один из существующих форматов не отвечает в полной мере интересам Великобритании, а, возможно, и ЕС [1]. Представляется, что среди наиболее вероятных можно выделить два варианта будущих отношений между Великобританией и ЕС.

Во-первых, сохранение полноценного участия Великобритании в едином внутреннем рынке по модели Норвегии или Швейцарии. При этом формально Лондон выходит из ЕС, но фактически сохраняет большую часть существующих связей. Такое положение гораздо в большей степени, нежели сегодня, ограничит суверенитет Великобритании (указанные страны, применяя значительную часть законодательства ЕС, не имеют возможности принимать участие в его разработке – иногда эту практику называют «демократия по факсу»). Кроме того, участие в едином внутреннем рынке потребует от Лондона соблюдения правил, обеспечивающих свободу передвижения трудящихся. По сути, это будет

⁹ Welcome address by Mario Draghi, President of the ECB, “Art on site” inauguration, Frankfurt am Main, 6 October 2015. URL: https://www.ecb.europa.eu/press/key/date/2015/html/sp151006_1.en.html

мягким пересмотром итогов референдума. Реализация такой стратегии потребует прямого одобрения со стороны населения, возможно в форме выборов, на которых эта стратегия «развода» будет основным пунктом избирательной кампании.

Во-вторых, в основу отношений ЕС–Великобритания может быть положен режим свободной торговли с некоторыми дополнительными элементами финансово-инвестиционного сотрудничества. В этой ситуации Великобритания окончательно займёт место не в Европе, а между Европой и США. В сфере безопасности – это НАТО. В сфере внешней политики – это суверенитет и особые отношения с Вашингтоном. В сфере экономики – это может быть участие Ве-

ликобритании в Трансатлантическом торговом и инвестиционном партнёрстве (ТТИП) наряду с США и ЕС. Такой формат может быть привлекателен для Лондона, поскольку ТТИП ограничивает в минимальной степени экономический суверенитет, не подразумевает большой регуляторной нагрузки и либерализует торговлю товарами и движение капиталов (в чём состоит основной интерес Лондона). Участие Великобритании в ТТИП привлекательно для всех заинтересованных акторов ещё и тем, что способно решить и политическую задачу сохранения трансатлантической солидарности в новых условиях. Разумеется, этот вариант возможен, лишь если сам проект ТТИП будет реализован, относительно чего существуют значительные сомнения.

Список литературы

1. Бабынина Л. «Brexit means Brexit». Что означает выход Соединенного Королевства из Европейского Союза? // Современная Европа. 2016, № 4. С. 21–33.
2. Большова Н.Н. «Пегиды» как пример массовых протестных движений, возникших в Европе под влиянием миграционного кризиса // Полис. 2016, № 3. С. 123–137.
3. Кавешников Н.Ю. «Гибкая интеграция» в Европейском союзе // Международные процессы. 2011. Том 9. № 2 (26). С. 58–69.
4. Кавешников Н.Ю. Лиссабонский договор и его последствия для развития ЕС // Актуальные проблемы Европы. 2010. № 2. С. 54–76.
5. Цибулина А.Н. Банковский и фискальный союзы в ЕС: что важнее? // Вестник МГИМО Университета. 2014. № 4 (37). С. 155–161.
6. Blockmans S., Emerson M. The Impact of Brexit on the UK and the EU // European neighborhood watch. 2016. № 126. Pp. 1–2.
7. Juncker J.-C. State of the Union 2016. Address presented in the European Parliament, 14 September 2016. [Электронный ресурс]. URL: https://ec.europa.eu/priorities/state-union-2016_en (дата обращения: 20.12.2016).
8. Koenig N. A differentiated view of differentiated integration // Jacques Delors Institute Policy Paper. 2015. №. 140. 13 p.
9. Patomäki H. Will the EU Disintegrate? // Globalizations. 2017. Vol. 14. №. 1. Pp. 168–177.
10. Wahl P. Between Eurotopia and Nationalism: A Third Way for the Future of the EU // Globalizations. 2017. Vol. 14. №. 1. Pp. 157–163.

Об авторе

Николай Юрьевич Кавешников – к.полит.н., доцент, заведующий кафедрой интеграционных процессов МГИМО МИД России; ведущий научный сотрудник Института Европы РАН.
E-mail: n.kaveshnikov@inno.mgimo.ru.

Работа выполнена в соответствии с грантом РНФ № 16-18-10411 «Институциональное доверие к научному знанию в условиях новых рисков и уязвимостей в системе безопасности современной России».

POSSIBLE OUTCOMES OF BREXIT FOR EUROPEAN UNION DEVELOPMENT

N.Y. Kaveshnikov

MGIMO-University. 76, Prospect Vernadskogo, Moscow, 119454, Russia.

Abstract: The article discusses some implications of the Brexit referendum for institutional and political development of the European Union and for relations between the EU and the UK.

■ Исследовательские статьи

The most obvious consequence of the referendum is the collapse of ideology of continuous and progressing development of integration. Instead of endless, irreversible, a priori beneficial for everyone integration process, the European Union has become an organization that does not have a Messianic goal and obliged to prove its usefulness in everyday life.

EU systemic crisis will inevitably lead to a profound transformation of its institutional and political structure. After the British referendum, only two options are possible.

First of all, partial deconstruction of the European Union. The idea that European integration has gone too far lies in the basis of this strategy. According to this logic, the single market is the main EU achievement. Return to the basics – this is a pragmatic approach to integration, which should replace attempts to fix rotten projects (like Euro) or to achieve the unattainable (political Union). This option is hardly probable.

Second option is transformation of the EU into the "core and periphery" system having the basis flexible integration. Over the past 20 years, flexibility transformed from temporary phenomenon into a permanent and formalized mechanism; its elements exist in many EU politics. Brexit would be able to accelerate significantly the formation of a cohesive core within the EU. The core will not be homogeneous; it will include as governing structures: the German-French axis and a group of EU founding countries.

Key words: European Union, Brexit, EU institutional system, flexible integration.

References

1. Babynina L. «Brexit means Brexit». Chto oznachaet vykhod Soedinennogo Korolevstva iz Evropeiskogo Soyuza? [Brexit means Brexit. What does it mean?] *Sovremennaya Evropa*, 2016, no. 4, pp. 21–33. (In Russian).
2. Bol'shova N.N. "Pegida" kak primer massovykh protestnykh dvizhenii, vznikshikh v Evrope pod vliyaniem migratsionnogo krizisa ["Pegida" as an Example of Mass Protest Movements that Emerged in Europe under the Influence of the Migration Crisis]. *Polis*, 2016, no. 3, pp. 123–137. (In Russian).
3. Kaveshnikov N.Yu. «Gibkaya integratsiya» v Evropeiskom soyuze ["Flexible integration" in the European Union]. *Mezhdunarodnye protsessy*. 2011, vol. 9, no. 2(26), pp. 58–69. (In Russian).
4. Kaveshnikov N.Yu. Lissabonskii dogovor i ego posledstviya dlya razvitiya ES [The Lisbon Treaty and its Implications for the Development of the EU]. *Aktual'nye problemy Evropy*, 2010, no. 2, pp. 54–76. (In Russian).
5. Tsibulina A.N. Bankovskii i fiskal'nyi soyuz v ES: chto vazhnee? [Banking and Fiscal Unions in the EU: Which is more Important?] *Vestnik MGIMO Universiteta*, 2014, no. 4 (37), pp. 155–161. (In Russian).
6. Blockmans S., Emerson M. The Impact of Brexit on the UK and the EU. *European neighborhood watch*. 2016, no. 126, pp. 1–2.
7. Juncker J.-C. *State of the Union 2016*. Address presented in the European Parliament, 14 September 2016. Available: https://ec.europa.eu/priorities/state-union-2016_en (accessed 20.12.2016).
8. Koenig N. A differentiated view of differentiated integration. *Jacques Delors Institute Policy Paper*, 2015, no. 140. 13 p.
9. Patomäki H. Will the EU Disintegrate? *Globalizations*. 2017, vol. 14, no. 1, pp. 168–177.
10. Wahl P. Between Eurotopia and Nationalism: A Third Way for the Future of the EU. *Globalizations*, 2017, vol. 14, no. 1, pp. 157–163.

About the author

Nikolay Y. Kaveshnikov – Ph.D. in political science, Head of Department of Integration Studies, MGIMO-University; Leading Research Fellow in the Institute of Europe RAS. E-mail: n.kaveshnikov@inno.mgimo.ru.

СОВРЕМЕННЫЙ ЕВРОСКЕПТИЦИЗМ КАК ВЫЗОВ ЕВРОПЕЙСКОЙ СОЛИДАРНОСТИ

М.О. Шибкова

Московский государственный институт международных отношений (университет)
МИД России. 119454, Россия, Москва, пр. Вернадского, 76.

В статье проанализировано влияние евроскептических настроений на уровень солидарности стран-членов Европейского союза. На начальном этапе строительства интеграционного проекта выгода от объединения разрушенного Второй мировой войной Старого Света была очевидна, однако по мере трансформации Европейского союза и появления новых вызовов, голоса евроскептиков звучат всё громче, и всё больше государств ставят под сомнение эффективность наднациональных институтов, выбирая путь принятия самостоятельных мер.

Основным триггером роста популярности евроскептиков в новом тысячелетии стал финансовый кризис и последовавшие за ним меры жёсткой экономии, вызвавшие недовольство граждан, чей уровень благосостояния заметно снизился. Не приняв во внимание итоги выборов в Европейский парламент 2014 г., показавшие усиление позиций евроскептиков, Брюссель продолжил курс на углубление интеграции. Однако со временем стало ясно, что лишённые голоса на наднациональном уровне, евроскептики способны реализовать свой потенциал влияния на ЕС через активную деятельность внутри своих государств. В результате их действий Евросоюз столкнулся с двумя серьёзнейшими вызовами: выходом из его состава Великобритании и неспособностью общими усилиями разрешить кризис беженцев.

Приводя конкретные примеры реакции правительств государств-членов ЕС на миграционный кризис и иллюстрируя зависимость этих действий от степени популярности евроскептицизма в данных странах, автор доказывает, что уровень европейской солидарности в настоящее время снизился настолько, что можно говорить о трансформации экономического кризиса ЕС в истинно политический.

Ключевые слова: Евроскептицизм, партийная система, Брекзит, Европейский союз, интеграция, миграционный кризис, Лига Севера, кризис ЕС, выборы в Европарламент, европейская солидарность.

Более полувека назад гуманистическая идея мира как главной ценности сплотила вокруг себя народы разрушенной Второй мировой войны Европы и положила начало европейской интеграции. Отцы-основатели проекта – убеждённые федералисты – апеллировали к таким понятиям как «европейская идея», «европейское братство», «Пан-Европа», и несмотря на неизбежные при таком историческом масштабе «пробуксовки» в виде срыва планов об учреждении Европейского оборонительного сообщества в 1954 г. (и, как следствие, отказа от проекта Европейского политического сообщества) или непринятии Конституции Европейского союза после референдумов во Франции и Нидерландах в 2005 г., до недавнего времени европейская интеграция развивалась по нарастающей в духе классической категоризации Б. Балассы.

Долгое время обеспечение мира в Старом Свете виделось его жителями возможным только при условии объединения и приложения совместных усилий, то есть ведения общей политики. Ключевой составляющей интеграционного проекта считалась европейская солидарность, необходимость создания которой «через конкретные достижения»¹ в качестве первого этапа построения новой Европы была отмечена ещё в Декларации Шумана 1950 г. Принцип солидарности, по общему признанию стран-членов ЕС, стоял за любой предпринимаемой на наднациональном уровне мерой, возлагая ответственность на каждого из них. Среди экспертных объяснений целесообразности существования европейской солидарности особого внимания заслуживают такие как «прямая взаимная выгода» (*direct reciprocity*) [10, с. 20], в соответствии с которой страны помогают друг другу, будучи уверенными в том, что в случае необходимости им самим также будет оказана помощь, и «предусмотрительная личная заинтересованность» (*enlightened self-interest*) [10, с. 20], опирающаяся на положение о том, что помощь «пострадавшему» отвечает не только его интересам, но и интересам всего ЕС, а значит, и любого его члена, в том числе и самого «помогающего».

Однако в настоящее время мнение государств-членов изменилось на кардинально противоположное. Устремившийся в Евросоюз неконтролируемый поток беженцев, беспорядки не только в лагерях их содержания, но и в больших европейских городах и столицах, волна терактов, осуществляемых исламскими фундаменталистами, закрытые внутренних границ в нарушение Шенгенских правил, антироссийские санкции, больно ударившие по экономике самого ЕС, и, наконец, выход Британии, одного из ведущих государств-членов ЕС из его состава, заставили устойчивую, казалось бы, конструкцию, возводимую с середины прошлого века, пошатнуться.

Из стабильно развивающегося центра силы ЕС превратился в регион с высокой террористической угрозой, наполняемый бесконечным потоком иммигрантов и раздираемый внутренними противоречиями. Страны-члены всё чаще не могут прийти к согласию и всё активнее ставят во главу угла не общую европейскую идею, а национальный интерес, впервые по-настоящему сомневаясь в способности скоординированных действий противостоять современным вызовам.

На этом фоне «евроскептицизм стал всё больше проникать и сохраняться как на европейском, так и на национальном уровнях» [21, с. 1], и эксперты всерьёз заговорили о конце европейской солидарности, кризисе европейской идентичности и конце эпохи неолитерализма. В этой связи необходимо выяснить, каких масштабов достигли антиевропейские настроения в настоящее время и представляют ли они на фоне текущих событий угрозу европейской солидарности, а значит, и Европейскому союзу в целом, а также его функционированию и единой политике. Ответить на данный вопрос предстоит посредством рассмотрения последствий проникновения евроскептицизма на наднациональный уровень по итогам выборов 2014 г., а также его влияния на конкретные решения национальных правительств в ответ на охватившие ЕС кризисы.

Справедливости ради стоит отметить, что вопрос о необходимости выработки нового подхода к европейской солидарности, «обновления» европейской гражданственности (*“European citizenship”*) появился в научном сообществе ещё до разгара экономического кризиса конца прошлого десятилетия. Так, известный французский социолог П. Бурдьё в конце прошлого века отмечал угрозу, которую представляет рынок и современный капитализм для демократической гражданственности и называл неолитерализм «адской машиной» [6, с. 100], применение которой привело к таким последствиям как «бедность, страдания растущей доли населения самых экономически продвинутых обществ, огромный рост разрыва в уровне дохода», и, самое главное, «навязывание культа “победителя”, борьбы всех против всех и цинизма как нормы всего» [6, с. 102]. Таким образом, по мнению учёного, необходимо было всколыхнуть социальные движения в защиту традиционных европейских ценностей.

Лектор Ноттингемского университета Н. Стивенсон, говоря о борьбе идентичностей в ЕС, обращал внимание на то, что поворот к национализму является способом защиты от т.н. чужих и «средством для скорейшего избавления от тревоги, вызванной политической и экономической неопределённостью» [19, с. 497]. Для того, чтобы предотвратить этот поворот, политолог настаивал на необходимости «создания альтер-

¹ The Schuman Declaration, 9 May 1950. URL: http://europa.eu/european-union/about-eu/symbols/europe-day/schuman-declaration_en (дата обращения 06.10.2016).

нативной европейской пост-национальной гражданственности» [19, с. 498], которая потребует новой «культурной и политической логики» и [19, с. 498] и будет рассматривать вопросы, касающиеся, скорее, того как «стать европейцем, а не быть им» [19, с. 498]. Выдающийся немецкий философ Ю. Хабермас утверждает, что реальной альтернативы созданию единого наднационального Европейского государства для стран, вступивших на путь европейской интеграции, нет, так как «подкреплённая в социальном отношении политическая сплочённость необходима как раз для того, чтобы защитить национальное разнообразие и беспрецедентное культурное богатство “старушки Европы” (Alteuropa) от подобного нивелирования на фоне стремительно развивающейся глобализации» [5, с. 42].

Такие призывы имели своей целью сохранить скрепы европейской солидарности и обеспечить равно достойный уровень жизни и одинаковую безопасность для всего населения ЕС и не дать губительному для всего интеграционного проекта национализму возобладать умами граждан. Тем не менее, судя по последним событиям, создание единого наднационального государства становится всё более призрачным, так как некогда сплочённые европейские державы больше не видят «прямой взаимной выгоды» от помощи друг другу и больше не чувствуют «личной заинтересованности» в выполнении директив Брюсселя.

В начале нового века стало ясно, что Европа меняется угрожающе растущими темпами, вопросы общей политики, отдававшиеся раньше на откуп элитам, теперь волнуют широкие массы населения, а национальные интересы снова стали выходить на передний план по сравнению с наднациональными. Эти изменения «стали постепенно сковывать т.н. “разрешающий консенсус”» [8, с. 239] и привнесли новые тенденции в политическую жизнь ЕС.

Первым ощутимым ударом по европейской солидарности стал мировой финансовый кризис 2008 г., приведший к кризису суверенных долгов стран еврозоны. Его последствиями стали распространение «ползучей федерализации» [2, с. 73], т.е. усиление наднационального контроля над финансовыми системами стран-членов еврозоны, а также «экономизация политики» [2, с. 75], закрепившая за наиболее сильными экономиками статус «диктующих правила», а остальным уготовившая участь эти правила выполнять. В результате чувство национального достоинства было уязвлено как в наиболее пострадавших от кризиса странах, которые столкнулись с высокой безработицей и урезанием социальных расходов в обмен на помощь ЕС, так и в государствах т.н. «ядра евроинтеграции»,

где граждане не желали терпеть лишения из-за безответственной политики более слабых соседей по интеграционной группировке. Таким образом, само понятие «европейской идентичности» было поставлено под сомнение, «вызовы экономики подтолкнули европейских граждан не к усилению чувства “европейского патриотизма” на основе их общих политических ценностей, а, скорее, к сохранению национальной этнической принадлежности и языка» [1, с. 148].

Наиболее ярким свидетельством недовольства граждан сложившейся после кризиса ситуацией в ЕС стали результаты выборов в Европейский парламент 2014 г., которые, по мнению экспертов, «войдут в историю как первые зафиксировавшие рост влияния евроскептиков» [3]. В общем и целом по итогам выборов евроскептические партии разного толка получили около одной трети мест в Европейском парламенте (сюда входят как целые фракции – «Европейские консерваторы и реформисты», «Европейские объединённые левые / Лево-зелёные Севера» и «Европа за свободу и прямую демократию», так и некоторые неприсоединившиеся депутаты). Этот результат значительно выше полученного в 2009 г., когда партии антиевропейской направленности смогли завоевать около 20% мест². Крайне правые и националисты получили 98 депутатских мандатов из 751³. В 23 из 28 стран-членов ЕС евроскептики прошли в Европейский парламент, что свидетельствует об ошутимом наращивании их поддержки со стороны электората и влияния на наднациональном уровне.

Тем не менее, потенциал влияния новых акторов, названных общим термином «евроскептики», был неоправданно недооценен политиками-федералистами, сохранившими большинство в выборном наднациональном органе. Такое протестное голосование европейцев было расценено политическими силами мейнстрима как практическое воплощение теоретической концепции, авторами которой являются К. Райф и Г. Шмитт [18]. В рамках этого подхода выборы в Европейский парламент рассматриваются как «выборы второго порядка» (second-order elections), то есть как менее важные для избирателей, чем выборы в национальный парламент, по той причине, что традиционно европейские вопросы являются менее значимыми для граждан стран-членов ЕС, чем внутриполитические проблемы. Так же как промежуточные выборы в США или дополнительные выборы в Великобритании, выборы в Европарламент не влияя напрямую на расстановку сил, а являются своего рода демонстрацией предпочтений и сигналом, который должны принять во внимание действующие власти, чтобы сохранить/ изменить свои позиции. Таким образом, эксперты сходятся

² Results of the 2009 European Elections. Outgoing Parliament. European Parliament. URL: <http://www.europarl.europa.eu/elections2014-results/en/election-results-2009.html> (дата обращения 15.09.2016).

³ S&P: успехи партии «Альтернатива для Германии» ведут к краху еврозоны // РИА Новости. 24.09.2014. URL: <http://ria.ru/world/20140924/1025434137.html> (дата обращения: 27.09.2016).

■ Исследовательские статьи

во мнении, что «электоральные предпочтения вырабатываются под воздействием внутриполитического контекста» [4].

Согласно этому подходу, незаинтересованностью населения объясняется и традиционно низкая явка на выборы в Европарламент (в 2014 г. она составила 42,61%⁴), а также высокая роль эмоционального фактора, так как, стремясь выразить своё недовольство национальному правительству, граждане отдают голоса националистическим и популистским партиям, за которые они вряд ли бы проголосовали на национальных выборах, отдавая стратегическое предпочтение мейнстримовским партиям. Следовательно, с этой точки зрения, растущая популярность евроскептических партий является свидетельством непопулярности политического курса исключительно национальных правительств и никаким образом не угрожает европейской солидарности.

Однако с данной теоретической моделью согласны далеко не все политологи. Второй подход, представленный в трудах голландского политолога К. де Врис [9], а также англоязычных профессоров С. Гоболта, Дж. Спуна [13] и др., напротив, доказывает, что исход выборов в Европейский парламент не всегда определяется степенью удовлетворённости граждан политикой национальных правительств. Более того, их результаты с каждым разом все больше отражают восприятие избирателями именно ЕС как практическое воплощение интеграционных идей, а также политику на наднациональном уровне. Таким образом, увеличение числа евроскептиков в Европарламенте означает протест против политики ЕС и свидетельствует о его неэффективности, по мнению европейцев.

На первый взгляд, результаты выборов 2014 г. доказывают правильность первого подхода, так как в большинстве случаев евроскептические партии получили поддержку электората за счёт потери голосов в пользу основных партий. Так, традиционные правящие партии Великобритании – консерваторы и либеральные демократы в 2014 г. в сумме получили на 30% голосов меньше, чем на национальных выборах 2010 г.⁵ Социалистическая партия Ф. Олланда во Франции потеряла около 27% голосов по сравнению с парламентскими выборами 2012 г.⁶ Меньшие, но всё же ощутимые потери понесла правящая испанская «Народная партия» (18% по сравнению с последними парламентскими выборами)⁷. Однако выбор итальянского электората свидетельствует об обратном: несмотря на высокий результат

евроскептической партии «Движение пяти звёзд», правящая «Демократическая партия» под руководством действующего премьер-министра М. Ренци улучшила свой показатель на 15% по сравнению с национальными выборами 2013 г. Другими словами, в данном случае у евроскептиков появился свой электорат, чей выбор не был связан с разочарованием в итальянском правительстве.

Вышеуказанные примеры дают основание предполагать, что оба теоретических подхода имеют право на существование, и европейский электорат при голосовании на парламентских выборах мог руководствоваться как политическим курсом национального правительства, так и Евросоюза в целом. Тем не менее, сигнал недовольства со стороны граждан не нашёл своего адресата в лице европейских чиновников, которые, напротив, приняли решение игнорировать евроскептические политические силы, предпочитая называть их популистами, и взяли курс на дальнейшее углубление интеграции.

Разобщённость евроскептиков, их присутствие как среди левых, так и среди правых, преследование сугубо национальных интересов и нежелание занимать подчинённое положение помешало им выступить единым фронтом, достаточно многочисленным для оппозиции федералистскому большинству в Европейском парламенте. Развернувшуюся борьбу за партнёров по коалиции между французскими и британскими евроскептиками выиграл Н. Фарадж, лидер «Партии за независимость Соединённого Королевства», которому удалось сформировать группу «Европа за свободу и прямую демократию». Кроме партий, входивших в «Европу за свободу и демократию» (евроскептическую группу Европарламента прошлого созыва) – самой «Партии независимости Соединённого Королевства» и литовского «Порядка и справедливости» – изначально к Н. Фараджу присоединились и новые союзники: «Шведские демократы», итальянское «Движение пяти звёзд», а также по одному депутату чешской «Партии свободных граждан», и «Латвийского союза фермеров». После того как к группе присоединилась избранная от «Национального фронта», но сразу вышедшая из состава партии Ж. Бержерон, формирование стало отвечать критериями представительности семи стран и было зарегистрировано.

Тем не менее, единственной по-настоящему евроскептической фракции в Европейском парламенте пришлось столкнуться с открыто враждебной реакцией со стороны ведущих

⁴ Results of the 2014 European Elections. European Parliament. URL: <http://www.europarl.europa.eu/elections2014-results/en/election-results-2014.html> (дата обращения 15.09.2016).

⁵ Election 2010. National Results. BBC News. URL: <http://news.bbc.co.uk/2/shared/election2010/results/> (дата обращения 05.09.2016).

⁶ Résultats des élections législatives 2012. Ministère de l'Intérieur. URL: [http://www.interieur.gouv.fr/Elections/Lesresultats/Legislatives/elecresult_LG2012/\(path\)/LG2012/FE.html](http://www.interieur.gouv.fr/Elections/Lesresultats/Legislatives/elecresult_LG2012/(path)/LG2012/FE.html) (дата обращения 15.09.2016).

⁷ Spain's Ruling People's Party Leads Opinion Poll. BBC News. 04.01.2015. URL: <http://www.reuters.com/article/2015/01/04/us-spain-poll-idUSKBN0KD09R20150104> (дата обращения 19.09.2016).

европейских партий, которые, забыв о старых разногласиях, теперь без колебаний выступали единым фронтом для блокирования малейшего влияния евроскептиков. Приведём несколько примеров.

Как известно, должности глав комитетов Европейского парламента распределяются между парламентскими группами по системе Дондта (D'Hondt system), т.е. пропорционально числу депутатов в них. Однако вопреки правилам депутаты от группы Н. Фараджа не были выбраны на руководящие должности ни одного из комитетов. Изначально ожидалось, что представитель «Европы за свободу и прямую демократию» получит пост главы парламентского комитета по петициям, но в результате сговора трёх основных проинтеграционных фракций – «Европейской народной партии», «Прогрессивного альянса социалистов и демократов» и «Альянса либералов и демократов за Европу» – на должность был избран депутат от либералов, несмотря на то, что евроскептика поддержали три другие парламентские фракции. Кандидат от евроскептической фракции также не был назначен на должность заместителя главы комитета, хотя был выдвинут четыре раза. Такие действия вызвали резкую критику Н. Фараджа, которые заявил, что «фанатики-федералисты показали свою истинную антидемократическую натуру»⁸, и в результате правые евроскептики были отстранены от прямого влияния на функционирование парламента. Такое поведение проевропейских фракций вызвало возмущение даже идеологически далёких от евроскептиков «Европейских объединённых левых / Лево-зелёных Севера», чей представитель в Комитете по петициям назвал подобные действия «ударом по демократическому процессу в Европейском парламенте»⁹.

Позднее, в октябре 2014 г. на выборах глав делегаций Европейского парламента фракцию Н. Фараджа постигла та же участь – её представители не были выбраны на руководящие должности. Несмотря на то, что парламентские делегации не участвуют напрямую в законодательном процессе, они несут ответственность за поддержание связей Европарламента с третьими странами. Ожидалось, что депутат от «Европы за свободу и прямую демократию» возглавит делегацию, занимающуюся отношениями с Панафриканским парламентом, однако правило пропорционального распределения должностей было снова нарушено, и три ведущих партии

своими голосами не позволили евроскептикам занять эту должность.

На этом фоне подозрения вызвал и внезапный отказ в октябре 2014 г. латышского депутата от дальнейшего участия в евроскептической фракции Европарламента, что повлекло за собой роспуск «Европы за свободу и прямую демократию», так как в нее теперь входили представители только шести стран. Сразу после выхода из состава фракции депутат была назначена на должность главы Делегации по отношениям с Казахстаном, что дало повод Н. Фараджу обвинить в распаде своей группы лично председателя Европарламента М. Шульца. Фракцию вскоре удалось восстановить после присоединения к ней депутата от польского «Конгресса новых правых», в то время как остальные члены партии остались в числе неприсоединившихся.

Резкое недовольство со стороны европейского мейнстрима последовало и после создания в 2015 г. в Европейском парламенте новой евроскептической фракции «Европа наций и свобод» под руководством лидера французского Национального фронта М. Ле Пен. Председатель правоцентристской Европейской народной партии (выигравшей последние выборы) М. Вебер заявил, что «усиление еврофобов должно стать тревожным сигналом для демократов всей Европы»¹⁰, в связи с чем «необходимо объединить все конструктивные силы в парламенте и бороться решительно во имя плодотворных результатов в интересах граждан»¹¹. Другой видный европейский политик, лидер второй по величине фракции Европейского парламента – «Прогрессивного альянса социалистов и демократов» – Дж. Пителла назвал «плохой новостью» создание «АнтиЕСовской ксенофобской группировки»¹². Подобные действия и высказывания со стороны европейского мейнстрима не только красноречиво свидетельствуют об отказе европессимистам в демократичности, но и содержат в себе открытый призыв блокировать любое их участие в жизни ЕС, не считаясь с мнением граждан, отдавших свои голоса евроскептикам.

Реальное поведение мейнстрима опровергло высказываемую некоторыми политологами гипотезу о том, что с приходом в Европарламент евроскептиков этот национальный орган станет более представительным и демократичным. Так, исследователь Свободного университета Брюсселя Н. Брэк, анализируя итоги общеевропейских выборов 2014 г., предполагала, что «присутствие

⁸ Big Three Parties Gang Up to Block Eurosceptic Committee Chair. NewEurope. URL: <http://www.neweurope.eu/article/big-three-ep-parties-gang-block-eurosceptic-committee-chair/> (дата обращения 15.09.2016).

⁹ Greens Back Farage in Row over EU Parliament Chairs. EurActiv. 04.07.2014. URL: <http://www.euractiv.com/sections/eu-elections-2014/greens-back-farage-row-over-eu-parliament-chairs-303293> (дата обращения 3.09.2016).

¹⁰ MEPs Vow to Unite against Far-right ENF Group. The Parliament Magazine. 17.06.2015. URL: <https://www.theparliamentmagazine.eu/articles/news/meps-vow-unite-against-far-right-enf-group> (дата обращения 09.09.2016).

¹¹ Ibid.

¹² Ibid.

■ Исследовательские статьи

депутатов-евроскептиков в Европарламенте могло бы способствовать налаживанию связи между гражданами и институтами ЕС, позволяя недовольству граждан быть высказанным внутри этого органа» [7, с. 346]. В этом же ключе высказывалась и эксперт Центра европейских исследований Университета Осло А. Михайлиду, называя появление евроскептицизма на наднациональном уровне закономерным явлением, свидетельствующим о том, что «запрос со стороны общества и СМИ на демократическую легитимность теперь относится и к устройству представительных институтов и процедурам принятия решений в ЕС» [16, с. 325]. В действительности же вместо того, чтобы воспользоваться шансом и расширить представительность Европейского парламента как института, являющегося площадкой для достижения компромисса между различными политическими силами ЕС и способного адекватно воспринимать критику со стороны оппозиции и меняться в соответствии с требованиями эпохи и настроениями граждан, традиционные фракции предпочитают по-прежнему вести себя так, словно их лидерству ничто не угрожает. Недальновидность такой позиции подчеркнул в своё время видный эксперт в области евроскептицизма британский исследователь С. Ашервуд, заявив, что «самая большая опасность для ЕС заключается не в том, что в Европарламент было выбрано так много евроскептиков, а в том, что парламент (и сам Союз) будет продолжать функционировать так, как будто ничего не случилось»¹³.

Блокируя евроскептицизм на наднациональном уровне и считая его ничем иным как голосом протеста против национальных властей, еврочиновники не учли того факта, «в то время, как евроскептицизм не является новым феноменом, степень влияния и успехи оппонентов ЕС впечатляющи, притом, что лидируют праворадикальные и национал-популистские партии» [12, с. 7]. Другими словами, процесс роста популярности антиЕСовских партий стал необратимым, и они неизбежно должны были войти в представительные органы стран-членов ЕС, что, в свою очередь, не могло не повлиять на политический курс этих стран в отношении ЕС. Это и произошло с вхождением в национальные парламенты греческой Коалиции радикальных левых (СИРИЗА), испанской «Подemos», итальянского «Движения пяти звёзд», а также со стремительным ростом популярности французского «Национального фронта», британской «Партии независимости

Соединённого Королевства», немецкой «Альтернативы для Германии».

Интересен тот факт, что если изначально евроскептические партии выступали, в основном, с призывами к выходу из еврозоны (в Греции, Испании, Италии) в связи с непростой экономической ситуацией в этих странах, сокращением социальных пособий и падением уровня жизни граждан, то есть проявляли экономический и социальный евроскептицизм, то последние высказываемые антиевропейские лозунги свидетельствуют о растущей доле политического евроскептицизма. Здесь речь идёт, прежде всего, о двух мощнейших кризисах, сотрясающих Европу в настоящее время: неконтролируемом притоке беженцев и выходе Великобритании из Европейского союза, нанесших ощутимый удар по европейской солидарности.

Теоретическое обоснование этому процессу дал ещё 20 лет назад ирландский политолог П. Майр, отметивший обратную зависимость усиления роли ЕС и уровня доверия граждан к национальным правительствам. По его мнению, европейская интеграция, ослабляя влияние национальных партий на политику правительства, фактически не предлагала никакой альтернативы на наднациональном уровне, где влияние на политическую жизнь всей группировки со стороны простых граждан фактически сведено к минимуму [15, с. 47]. Новые проблемы, с которыми столкнулись страны-члены ЕС, усугубили впечатление фактической беспомощности национальных правительств, выполняющих директивы Брюсселя при отсутствии механизмов для самостоятельных действий в целях защиты национальных интересов.

Волна иммигрантов, захлестнувшая ЕС, бросила настоящий вызов, прежде всего, безопасности Союза, некогда считавшегося оплотом безопасности, терпимости и правопорядка. В этих условиях некоторые страны-члены выбрали путь одностороннего объявления о восстановлении контроля над национальными границами, поставив, таким образом, под угрозу основополагающий принцип Единого европейского рынка – свободу передвижения. Первой в длинном списке приостановивших действие Шенгенского соглашения из-за массового притока беженцев стала в сентябре 2015 г. Германия, находившаяся, по словам министра внутренних дел Т. де Мезьера «на пределе своих возможностей»¹⁴. Через три дня примеру Германии последовала Австрия, затем Словения, Венгрия, Швеция, Норвегия¹⁵. Само существование Шенгенской зоны оказалось под угрозой.

¹³ Usherwood S. The Eurosceptic Paradox. The European Parties Elections and Referendums Network. 09.06.2014. URL: <https://epern.wordpress.com/tag/eurosceptics/> (дата обращения 21.09.2016).

¹⁴ Migrant Crisis: Germany Starts Temporary Border Controls. BBC News. 14.09.2015. URL: <http://www.bbc.com/news/world-europe-34239674> (дата обращения 06.09.2016).

¹⁵ Member States' notifications of the temporary reintroduction of border control at internal borders. European Commission. URL: http://ec.europa.eu/dgs/home-affairs/what-we-do/policies/borders-and-visas/schengen/reintroduction-border-control/docs/ms_notifications_-_reintroduction_of_border_control_en.pdf (дата обращения 09.10.2016).

Необходимо отметить, что в самом Шенгенском кодексе о границах (гл. II, ст. 23-26) предусмотрена процедура временного восстановления пограничного контроля на внутренних границах, которое может быть обусловлено «серьёзной угрозой общественному порядку или внутренней безопасности государства-члена»¹⁶ и должно применяться лишь «в качестве последнего средства»¹⁷. Регламент этой процедуры весьма точно прописан в вышеуказанных статьях и не сводится к простому одностороннему объявлению о восстановлении пограничного контроля со стороны государства-члена за день до его фактического восстановления. В соответствии со ст. 25 документа, незамедлительное введение пограничного контроля всё же возможно, но только «в порядке исключения». На это положение и поспешил сослаться председатель Европейской комиссии Ж.-К. Юнкер, заявив о том, что «эта возможность определённо предусмотрена и регламентирована»¹⁸ документально. Действительно, подобных случаев в истории ЕС было немало, однако все они были связаны с проведением масштабных мероприятий таких как встречи на высшем уровне, спортивные состязания, т.е. событий, изначально ассоциирующихся с массовыми беспорядками, для предотвращения которых необходимы особые меры. Так, например, Австрия приостановила действие Шенгенского соглашения летом 2008 г. в период проведения Чемпионата Европы по футболу, Италия применила эту меру в 2001 и 2009 гг. в связи с проведением саммитов Большой восьмёрки, Германия временно восстановила контроль на своих границах в 2015 г. во время саммита Большой семёрки¹⁹. Очевидно, что характер мероприятий, из-за которых действие Шенгенского соглашения временно приостанавливалось, пожалуй, в полной мере можно назвать «исключительным», в отличие от ситуации с беженцами.

Сложившееся фактически бедственное для Европы положение, спровоцированное массовым притоком мигрантов, имеет не краткосрочный, а напротив, затяжной характер. В этой связи к нему справедливо применяют понятие «кризис», а кризис, в свою очередь, уже не может подходить под критерий «исключительного случая», содержащийся в Шенгенском кодексе о

границах, так как, по энциклопедическому определению, «исключительный» есть «небывалый, необыкновенный»²⁰. Ситуация же с беженцами за последние полтора года стала для ЕС повседневной реальностью и перестала быть чем-то неординарным.

В настоящий момент контроль на границах временно восстановлен в шести странах-членах Шенгенской зоны: Германии, Австрии, Дании, Швеции, Норвегии, Франции. Из них только в последнем случае можно говорить об «исключительных» обстоятельствах, которыми, безусловно, стали теракты в Париже и Ницце. Другие страны из этого списка посчитали «исключительной» ту реальность, с которой им предстоит жить, возможно, не один год, так как причины этого явления являются комплексными, носят социальный, экономический и демографический характер и могут быть неограниченными по времени. И если текущие долгосрочные события, фактически ставшие повседневностью в ЕС, требуют регулярных и долгосрочных приостановок действия Шенгенского соглашения, фактически его нивелирующих, то возникает вопрос: а нужно ли вообще это соглашение и вместе с ним Союз, основой которого оно является?

В сложившихся обстоятельствах целесообразно вспомнить о предположениях С. ван дер Эйка и М. Франклина, выдвинутых в 2004 г. согласно которым в скором времени отношение граждан к ЕС будет использовано политтехнологами и политиками для привлечения электората как на национальных, так и на европейских выборах. Потенциал этого нового пункта политических программ был назван авторами «спящим великаном» [22, с. 47], который, судя по последним событиям, наконец-то проснулся. Как никогда громко слышны голоса евроскептиков, призывающих сделать шаг назад, ссылаясь на отсутствие солидарности среди государств-членов ЕС и говоря о невозможности искусственного сохранения «мёртвого Шенгена и распадающегося ЕС»²¹. Так, например, Венгрия, где правящая партия ФИДЕС считается мягкой евроскептической, а политику премьер-министра В. Орбана, по определению видных исследователей евроскептицизма П. Таггарта и А. Щербьяка, можно назвать «евроскептицизмом

¹⁶ Регламент (ЕС) №562/2006 Европейского Парламента и Совета от 15.03.2006 г., устанавливающий Кодекс Сообщества о режиме пересечения людьми границ.

¹⁷ Там же.

¹⁸ Junker: Sospensione di Schengen Prevista dal Trattato, non Confondere Terroristi e Rifugiati. Il Sole 24 Ore. 15.11.2015. URL: <http://www.ilsole24ore.com/art/mondo/2015-11-15/junker-la-sospensione-schengen-e-prevista-trattato--105135.shtml?uuid=ACW3NaaB> (дата обращения 09.10.2016).

¹⁹ Temporary Reintroduction of Border Control. European Commission. URL: http://ec.europa.eu/dgs/home-affairs/what-we-do/policies/borders-and-visas/schengen/reintroduction-border-control/index_en.htm (дата обращения 04.10.2016).

²⁰ Толковый словарь Ожегова. URL: <http://dic.academic.ru/dic.nsf/ogegova/75658> (дата обращения: 08.10.2016).

²¹ Milano: Salvini e Le Pen, «Finalmente Schengen è morto e l'UE si sta disgregando». RAI News. 28.01.2016. URL: <http://www.rainews.it/dl/rainews/articoli/Milano-Salvini-e-Le-Pen-Finalmente-Schengen-e-morto-e-Ue-si-sta-disgregando-l-leader-della-Enf-per-la-prima-convention-di-due-giorni-lontano-da-Strasburgo-fa2952db-d140-4910-87ea-916b7596ade8.html> (дата обращения 05.10.2016).

■ Исследовательские статьи

во имя национальных интересов» [20], перешла от слов к делу, введя контроль на границе с Сербией и Хорватией и начав уголовное преследование незаконных мигрантов. Кроме того, правительство Венгрии инициировало референдум по квотам 2 октября 2016 г., который, несмотря на то, что был признан недействительным по причине низкой явки (43% вместо минимально необходимых 50%), показал отрицательное отношение населения Венгрии к миграционной политике ЕС.

Тем временем, в декабре 2015 г. Словакия подала иск против Совета ЕС в Европейский суд в Люксембурге в связи с несогласием с системой принудительного распределения иммигрантов по квотам, решение по делу должно быть принято до конца 2016 г. Братиславе также не чужды евроскептические настроения: правящая партия левого толка «Направление – социальная демократия», к которой принадлежит действующий премьер-министр Р. Фицо, придерживается идеологии т.к. «мягкого национализма», выступает против миграционной политики ЕС и исламизации европейского населения, а также напрямую ассоциирует наплыв беженцев с повышением уровня террористической угрозы в Европе. Более того, по итогам парламентских выборов в марте 2016 г. второй по численности стала праворадикальная оппозиционная евроскептическая партия «Свобода и солидарность», чей голос против Европейского стабилизационного механизма привёл к правительственному кризису в стране в 2011 г. В этой связи отзыв иска из Европейского суда, на который возлагает надежду Совет ЕС, становится маловероятным, а ужесточение позиции страны по различным направлениям европейской политики – вполне реальным.

Призывы к отмене Шенгенского режима всё отчетливее звучат и в странах-основательницах ЕС. Во Франции лидер «Национального фронта» М. Ле Пен считает, что «без государственных границ ни защита, ни безопасность не возможны»²², с ней согласен и председатель итальянской евроскептической «Лиги Севера» М. Сальвини, призывающий последовать примеру Австрии²³. В Германии огромной популярностью пользуется «Альтернатива для Германии», показавшая второй результат на выборах в ландтаг федеральной земли Мекленбург-Передняя Померания в сентябре 2016 г., оставив позади Христианско-демократический союз во главе с действующим канцлером. Будучи изначально образованной в качестве партии, выступающей против единой валюты, с началом миграционного кризиса «Альтернатива для

Германии» сделала именно его центральным пунктом своей программы, сумев завоевать популярность в короткие сроки. В данный момент партия выступает за «закрытие национальных границ, отмену свободы передвижения в пределах Шенгенской зоны, приостановление права на получение убежища»²⁴.

Евроскептические настроения, несмотря на то, что высказываются, в основном, оппозиционными силами, напрямую влияют и на курс правительства. Наиболее яркий пример – результаты референдума о выходе Великобритании из ЕС в июне 2016 г. и роль в этом процессе «Партии независимости Соединённого Королевства». Несмотря на то, что голосование было проведено с подачи правящей «Консервативной партии», известной своей критикой ЕС по многим направлениям, профессор Кентского университета М. Гудвин и лектор Ноттингемского университета К. Милаццо утверждают, что именно «взлёт популярности ПНСК стал основной причиной, по которой Д. Кэмерон предложил проведение референдума о членстве в ЕС, однако это обязательство не смогло подорвать поддержку партии, объединившей в себе опасения, связанные с мигрантами, и евроскептицизм» [11]. Фактически став третьей силой в государстве, ПНСК смогла довести уровень недоверия к ЕС в стране до критического и своими действиями добилась своей основной цели – независимости Великобритании от ЕС. Несмотря на то, что юридически процесс ещё не запущен, сложившаяся ситуация как внутри страны с приходом нового премьер-министра, так и в Европе в связи с кризисом беженцев, не даёт оснований полагать, что решение большинства британцев будет воплощено в реальность.

Нельзя не согласиться с тем, что в данный момент мы являемся свидетелями событий поистине исторического масштаба, которые имеют большой потенциал влияния на весь интеграционный проект. Так, о возможности неблагоприятного развития событий для ЕС предупреждает в своей статье главный научный сотрудник Института философии РАН Н. Мотрошилова, отмечая, что «поспешные решения, спускаемые сверху, могут повлечь за собой опасность нежелательного всплеска национализма» [17, с. 67], так как сколь бы яростно ни критиковал народ свое правительство, ««наднациональные» евробюрократы ничем не лучше». Действительно, торопливые меры руководства ЕС, носящие принудительный характер для стран-членов в ответ на кризисы, захлестнувшие Союз, способствуют не только укреплению позиции евроскептиков, заявивших о себе на последних выборах в Евро-

²² Paris Terror Attacks Transform Debate over Europe's Migration Crisis. The Wall Street Journal. 16.11.2015. URL: <http://www.wsj.com/articles/paris-terror-attacks-transform-debate-over-europes-migration-crisis-1447608944> (дата обращения 05.10.2016).

²³ Salvini: "L'Austria Sospende Schengen e l'Italia non Fa Nulla". Blastingnews. 18.01.2016. URL: <http://it.blastingnews.com/politica/2016/01/salvini-l-austria-sospende-schengen-e-l-italia-non-fa-nulla-00739601.html> (дата обращения 07.10.2016).

пейский парламент, но и увеличению их числа за счёт новых политических сил, начавших сомневаться в эффективности ЕС как в институте, способном в равной мере учитывать и защищать интересы всех государств-членов.

Таким образом, рост недовольства граждан политикой ЕС, отсутствие сплоченности в рядах лидеров стран-членов, их решения и меры в защиту национальных интересов вопреки положениям основных законодательных актов ЕС, таких как Шенгенский кодекс о границах, свидетельствуют о том, что антиЕСовские силы, приобретшие популярность на волне недовольства монетарной политикой Союза в период финансового кризиса и, как казалось, не угрожавшие политической надстройке ЕС, сейчас имеют все шансы если не положить конец интеграционному проекту, то, по крайней мере, коренным образом преобразовать его. Выбор самостоя-

тельных путей выхода из кризиса, а в случае с Великобританией – и вовсе отказ от дальнейшего участия в интеграционном проекте свидетельствуют о потере веры в европейскую солидарность, «лежащую в самой основе европейского сообщества как ценность и как ведущий принцип различных направлений политики» [14, с. 57]. Фактический отказ стран-членов от принципов общей ответственности и взаимопомощи, на которых и зиждется солидарность, означает, что экономический кризис еврозоны превратился в политический кризис всего Евросоюза, а значит, перед проевропейскими элитами встала задача вновь убедить граждан в пользе совместного существования, а учитывая усталость европейцев от диктата Брюсселя, мер жёсткой экономии и бессилия национальных властей, сделать это будет непросто.

Список литературы

1. Берендеев М.В. Дискурс европейской идентичности в условиях кризиса в ЕС // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. 2012. №12. С. 146-154.
2. Буторина О.В. Европейский союз после кризиса: упадок или возрождение? // Вестник МГИМО. 2013. №4 (31). С. 71-81.
3. Пономарева Е. Г. Правый поворот. К итогам выборов в Европарламент // Портал МГИМО. URL: <http://www.mgimo.ru/news/experts/document251674> (дата обращения: 14.09.2016)
4. Самолетова А.М. Выборы в Европейский парламент в посткоммунистических странах Европейского союза: что они говорят о партийных системах этих стран? // Полития. № 3 (70). 2013. С. 131-146.
5. Хабермас Ю. Кризис Европейского союза в свете международного права. Эссе к вопросу о конституции Европы. (Пер. с нем. Habermas J. Die Krise der Europäischen Union im Lichte einer Konstitutionalisierung des Völkerrechts – Ein Essay zur Verfassung Europas // Zeitschrift für ausländisches öffentliches Recht und Völkerrecht. 2012. Vol. 72. Pp. 1-45).
6. Bourdieu P. Acts of Resistance. Against the Tyranny of the Market. New York: The New Press, 1998. 108 p.
7. Brack N. The roles of Eurosceptic Members of the European Parliament and their Implications for the EU // International Political Science Review. 2015. Vol. 36. №. 3. Pp. 337-350.
8. Brack N., Startin N. Introduction: Euroscepticism, from the Margins to the Mainstream // International Political Science Review. 2015. Vol. 36. №. 3. Pp. 239-249.
9. De Vries C.E., Edwards E.E., Tillman E.R. Clarity of Responsibility beyond the Pocketbook: How Political Institutions Condition EU Issue Voting // Comparative Political Studies. 2011. Vol. 43. №. 3. Pp. 339-363.
10. Fernandes S., Rubio E., Delors J. Solidarity within the Eurozone: how much, what for, for how long? // Notre Europe Policy Papers. 2012. №. 51. 74 p.
11. Goodwin M., Milazzo C. Britain, the European Union and the Referendum: What Drives Euroscepticism? // Chatham house Publications, December 2015. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.chathamhouse.org/publication/britain-european-union-referendum-what-drives-euroscepticism> (дата обращения: 09.09.2016).
12. Grabow K., Hartleb F. Europe – No, Thanks? Study on the Right-Wing and National Populist Parties in Europe // Konrad Adenauer Stiftung. Centre for European Studies, Berlin, 2014, 50 p. [Электронный ресурс]. URL: http://www.kas.de/wf/doc/kas_36200-544-2-30.pdf?140217120953 (дата обращения: 12.10.2016).
13. Hobolt S.B., Spoon J.-J., Tilley J. A. Vote against Europe? Explaining Defection at the 1999 and 2004 European Parliament Elections // British Journal of Political Science. 2009. Vol. 39. № 1. Pp. 93-115.
14. Kontochristou M., Mascha E. The Euro Crisis and the Question of Solidarity in the European Union: Disclosures and Manifestations in the European Press // Review of European Studies. 2014. Vol. 6. №. 2. Pp. 50-62.
15. Mair P. Political Parties, Popular Legitimacy and Public Privilege // Hayward J. The Crisis of Representation in Europe. London: Franck Cass, 1995. Pp. 40-58.
16. Michailidou A. The role of the Public in Shaping EU Contestation: Euroscepticism and Online News Media International // Political Science Review. 2015. Vol. 36. №. 3. Pp. 324-336.

■ Исследовательские статьи

17. Motroshilova N. Jürgen Habermas on the Crisis of the European Union and the Concept of Solidarity (2011–2013) // Russian Studies in Philosophy. 2015. Vol. 52. №. 4. Pp. 45-69.
18. Reif K., Schmitt H. Nine Second-Order National Elections: a Conceptual Framework for the Analysis of European Election Results // European Journal of Political research. 1980. Vol. 8. №. 1. Pp. 3-44.
19. Stevenson N. European Cosmopolitan Solidarity: Questions of Citizenship, Difference and Post-Materialism // European Journal of Social Theory. 2006. Vol. 9. № 4. Pp. 485-500.
20. Szczerbiak A., Taggart P. Parties, Positions and Europe: Euroscepticism in the EU Candidate States of Central and Eastern Europe // SEI Working Paper № 46. 2001. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.sussex.ac.uk/webteam/gateway/file.php?name=sei-working-paper-no-46.pdf&site=266> (дата обращения: 07.10.2016)
21. Usherwood S., Startin N. Euroscepticism as a Persistent Phenomenon // Journal of Common Market Studies. 2013. Vol. 51. №. 1. Pp. 1-16.
22. Van der Eijk C., Franklin M. Potential for Contestation on European Matters at National Elections in Europe // Marks G., Steenbergen M. European Integration and Political Conflict. Cambridge: Cambridge University Press, 2004. Pp. 32-50.

Об авторе

Шибкова Мария Олеговна – преподаватель кафедры романских языков, аспирант кафедры интеграционных процессов МГИМО МИД России. E-mail: marie_shib@mail.ru.

CONTEMPORARY EUROSCEPTICISM AS A CHALLENGE TO EUROPEAN SOLIDARITY

M.O. Shibkova

Moscow State Institute of international relations (MGIMO). Russia, 119454, Moscow, prospect Vernadskogo, 76.

Abstract: *The article analyses the influence of Eurosceptic sentiments on the level of solidarity among European Union member states. At the outset of the integration project construction the advantage of the Old Continent unification after being destroyed by the Second World War was apparent. However, with the European Union transformation and the emergence of new challenges, Eurosceptic voices are becoming louder and an increasing number of states start to question the efficiency of supranational institutions and choose to take measures on their own.*

The main trigger of the rise of Euroscepticism in the new millennium was the financial crisis with austerity measures and citizens' frustration with their low standard of living following. Without taking into consideration the results of the European Parliament Elections 2014, which proved the reinforcement of Eurosceptics, Brussels continued to further develop the integration process. However, with the lapse of time it became clear that Eurosceptics despite being deprived of the right to vote at the supranational level, can implement its potential to influence the EU through their activity within their countries. As a result of their actions the EU is faced up with two serious challenges: Brexit and inability to cope with the migration crisis by common effort.

By giving certain examples of the reaction of member states' governments on the migration crisis and illustrating how these actions depend on the extent of Euroscepticism popularity in the countries the author shows that currently the level of European solidarity has become so low that it allows to speak about the transformation of the EU economic crisis into a truly political one.

Key words: Euroscepticism, party system, Brexit, European Union, integration, migration crisis, Northern League, EU crisis, European Parliament elections, European solidarity.

References

1. Berendejev M.V. Diskurs evropejskoj identichnosti v uslovijah krizisa v ES [The discourse of "European identity" in the conditions of the EU crisis]. *Vestnik Baltijskogo federal'nogo universiteta im. I. Kanta*, 2012, no. 12, pp. 146-154. (In Russian).
2. Butorina O.V. Evropejskij sojuz posle krizisa: upadok ili vozrozhdenie? [European union after the crisis: decline or renaissance?]. *Vestnik MGIMO*, 2013, no. 4 (31), pp. 71-81. (In Russian).
3. Ponomareva E. G. Pravyj povorot. K itogam vyborov v Evroparlament [The right turn. The results of the European Parliament Elections]. *MGIMO website*. Available at: <http://www.mgimo.ru/news/experts/document251674> (Accessed: 14 September 2016). (In Russian).

4. Samoletova A.M. Vybery v Evropejskij parlament v postkommunisticheskikh stranah Evropejskogo sojuza: chto oni govoryat o partijnyh sistemah jetih stran? [European Parliament Elections in Post-Communist EU Countries: What They Tell Us about Party Systems in These Countries?]. *Politeia*, 2013, no 3 (70). (In Russian).
5. Habermas J. Die Krise der Europäischen Union im Lichte einer Konstitutionalisierung des Völkerrechts – Ein Essay zur Verfassung Europas. *Zeitschrift für ausländisches öffentliches Recht und Völkerrecht*, 2012, vol. 72, pp. 1–45. Available at: http://dpp.mpil.de/02_2013/02_2013_1_55.pdf (In German).
6. Bourdieu P. *Acts of Resistance. Against the Tyranny of the Market*. New York: The New Press, 1998, 108 p.
7. Brack N. The roles of Eurosceptic Members of the European Parliament and their Implications for the EU. *International Political Science Review*, 2015, vol. 36, no. 3, pp. 337 – 350.
8. Brack N., Startin N. Introduction: Euroscepticism, from the Margins to the Mainstream. *International Political Science Review*, 2015, vol. 36, no. 3, pp. 239–249.
9. De Vries C.E., Edwards E.E., Tillman E.R. Clarity of Responsibility beyond the Pocketbook: How Political Institutions Condition EU Issue Voting. *Comparative Political Studies*, 2011, vol. 43, no. 3, pp. 339 – 363.
10. Fernandes S., Rubio E., Delors J. Solidarity within the Eurozone: how much, what for, for how long? *Notre Europe Policy Papers*, 2012, no. 51, 74 p. Available at: <http://www.institutdelors.eu/media/solidarityemus.fernandes-e.rubionefeb2012.pdf?pdf=ok> (Accessed 17.10.2016)
11. Goodwin M., Milazzo C. Britain, the European Union and the Referendum: What Drives Euroscepticism? *Chatham house Publications*, December 2015. Available at: <https://www.chathamhouse.org/publication/britain-european-union-referendum-what-drives-euroscepticism> (Accessed 09.09.2016).
12. Grabow K., Hartleb F. Europe – No, Thanks? Study on the Right-Wing and National Populist Parties in Europe. *Konrad Adenauer Stiftung. Centre for European Studies*, Berlin, 2014, 50 p. Available at: http://www.kas.de/wf/doc/kas_36200-544-2-30.pdf?140217120953 (Accessed 12.10.2016).
13. Hobolt S.B., Spoon J.J., Tilley J.A. Vote against Europe? Explaining Defection at the 1999 and 2004 European Parliament Elections. *British Journal of Political Science*, 2009, vol. 39, no. 1, pp. 93 – 115.
14. Kontochristou M., Mascha E. The Euro Crisis and the Question of Solidarity in the European Union: Disclosures and Manifestations in the European Press. *Review of European Studies*, 2014, vol. 6, no. 2, pp. 50 – 62.
15. Mair P. Political Parties, Popular Legitimacy and Public Privilege In Hayward J. *The Crisis of Representation in Europe*. London: Franck Cass, 1995, pp. 40 – 58.
16. Michailidou A. The Role of the Public in Shaping EU Contestation: Euroscepticism and Online News Media. *International Political Science Review*, 2015, vol. 36, no. 3, pp. 324 – 336.
17. Motroshilova N. Jürgen Habermas on the Crisis of the European Union and the Concept of Solidarity (2011–2013). *Russian Studies in Philosophy*, 2015, vol. 52, no. 4, pp. 45–69.
18. Reif K., Schmitt H. Nine Second-Order National Elections: a Conceptual Framework for the Analysis of European Election Results. *European Journal of Political research*, 1980, vol. 8, no. 1, pp. 3 –44.
19. Stevenson N. European Cosmopolitan Solidarity: Questions of Citizenship, Difference and Post-Materialism. *European Journal of Social Theory*, 2006, vol. 9, no. 4, pp. 485 – 500.
20. Szczerbiak A., Taggart P. Parties, Positions and Europe: Euroscepticism in the EU Candidate States of Central and Eastern Europe. *SEI Working Paper*, no. 46, 2001. Available at: <https://www.sussex.ac.uk/webteam/gateway/file.php?name=sei-working-paper-no-46.pdf&site=266> (Accessed 07.10.2016).
21. Usherwood S., Startin N. Euroscepticism as a Persistent Phenomenon. *Journal of Common Market Studies*, 2013, vol. 51, no. 1, pp. 1 – 16.
22. Van der Eijk C., Franklin M. Potential for Contestation on European Matters at National Elections in Europe / Marks G., Steenbergen M. (eds). *European Integration and Political Conflict*. Cambridge: Cambridge University Press, 2004, pp. 32 – 50.

About the author

Mariia O. Shibkova – Lecturer at the Department of Roman Languages, PhD Student at the Department of Integration Processes at Moscow State Institute of International Relations (MGIMO-University)

ГОСУДАРСТВЕННАЯ «ГАЗЕТОБОЯЗНЬ» В РОССИИ И ФРАНЦИИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX ВЕКА

В.Ф. Блохин

Брянский государственный университет им. академика И.Г. Петровского. Россия.
Брянск, 241036, Бежицкая, 14.

Статья посвящена одной из мер административного воздействия на издателей периодических изданий – запрету розничной продажи газет и журналов в имперский период во Франции и в России. В России данный комплекс мер был разработан под влиянием французского опыта – как в области прямой цензуры, так и косвенной. Статья раскрывает особенности развития цензуры в оригинальном варианте во Франции и её вариации и трансформации в России. С помощью методов качественного анализа автор пытается ввести в оборот новые архивные данные и скорректировать сложившиеся подходы к проблеме в современной историографии.

Автор приводит анализ существующей литературы по проблематике цензуры. Затем рассматриваются некоторые компаративные параллели в опыте цензурирования. Используя официальные документы, сведения о ходе обсуждения предполагаемых мер воздействия и причин их введения, автор статьи показывает особенности подходов Министерства внутренних дел Российской империи и входившего в него цензурного ведомства к освещению ключевых проблем общественного развития, к усилению эффективности государственной цензурной политики. В статье на основе архивных источников даны примеры использования Главным управлением по делам печати запрета розничной продажи.

Статья представляет собой определённый сдвиг в изучении непрямой цензуры в России и Франции, а также общих подходов к цензурной политике. Кроме того статья позволяет пересмотреть диффузионистскую парадигму в изучении политических практик европейских империй и их реакций на появление современных медиа.

Ключевые слова: цензура, цензурное законодательство, административные взыскания, цензурные учреждения, Комитет министров, Министерство внутренних дел, история государственных учреждений, периодическая печать, публицистика, розничная продажа газет и журналов.

«Временные правила о печати», принятые в России 6 апреля 1865 г., определили политику российского правительства в отношении средств информации на последующие три с половиной десятилетия, хотя на родине аналогичного закона, во Франции, утверждённые в 1852 г. цензурные положения имели почти вдвое меньший срок действия. Более того, печатные издания во Франции даже в условиях сурового законодательства нередко находили различные способы обойти цензуру или выразить недовольство ею [20, с. 790-795]. Однако систему административных взысканий, введённую при Наполеоне III в виде декретов от 17 («Органический декрет») и 23 февраля 1852 г., с российским законодательством роднило главное: при формальной свободе слова из опасений перед административными наказаниями периодические издания становились цензорами сами себе. Определив ответственность прессы, закон сохранял за Министерством внутренних дел административные полномочия по своему усмотрению выбирать форму воздействия на лиц, чьи публикации оно нашло заслуживающими наказания. Более того, от цензоров не требовалось обосновывать причины правок и запретов, что делало их, по выражению историка Р. Голдстейна, «едва ли не всемогущими» [19, с. 55]. Это оставляло большое пространство для злоупотреблений бюрократического аппарата с учётом того, насколько сократилось участие государей в выработке, кодификации и разработке правоприменительных механизмов с середины XIX столетия [18, с. 911-912].

С чем была связана такая особенность? В условиях начавшихся реформ правительство признало необходимость некоторых либеральных уступок прессе. Ко всему прочему, опыт предыдущих лет не оставлял сомнений в том, что предварительная цензура явно не справлялась с задачей контроля над печатным словом. Замена устаревшей цензурной практики происходила в период демонтажа старой судебной системы, что и отразилось на реализации нового закона. Принимая в расчёт расстроенное состояние судов, творцы новой цензурной реформы подключили и активно использовали якобы временные административные меры.

Однако начало функционирования новой судебной системы не дало ожидаемых результатов: первые процессы по делам печати вынесли оправдательные приговоры. В результате роль суда в вопросах, связанных с функционированием прессы, была сведена к минимуму: «в его ведении оставлены *de facto* только процессы о диффамации и клеветы против частных и второстепенных должностных лиц» [7, с. 316].

Не делая существенного различия между «опасными», на их взгляд, высказываниями в прессе и основаниями, которыми руководствовался суд для признания этих высказываний «незаконными», цензурные чиновники обрекали подобные процессы на неудачу. Должностные лица в Министерстве внутренних дел, вероят-

но, недостаточно понимали особенности современного для них судебного процесса, требуя уголовного преследования авторов печатных произведений. Однако министр внутренних дел П.А. Валуев сумел использовать оправдательные приговоры по делам, возбуждённым Главным управлением по делам печати против авторов и издателей, как доказательство того, что суды не способны надлежащим образом бороться с подрывной силой печатного слова, оправдывая тем самым обход судов и использование административных полномочий. Таким образом, практически сводились на нет льготы, о которых объявлялось столичной печатью законом 1865 г., и активизировался поиск новых административных мер, способных обуздать непосlušную печать. Уже в законе 1865 г. отмечался дуалистический подход, сочетавший стремление облегчить публикацию актуальных материалов и, в то же время, сохранить влияние правительства на политическую направленность публикаций [22, с. 213-215]. При этом в области сфер, допустимых для обсуждения, во второй половине 60-х-начале 70-х гг. XIX в. ограничения были менее заметны, поскольку господствовал относительно либеральный подход к общественной дискуссии, то есть цензурные ограничения усиливались скорее с функциональной точки зрения, а не с содержательной [21, с. 263-264].

Источники и историография

В статье на основе восстановленного процесса обсуждения в Комитете министров, закреплённого в российском законодательстве, воспроизводится история введения нового административного запрета на розничную продажу периодических изданий. Автор привлёк материалы дореволюционной и советской периодики, шесть дел фонда Главного управления по делам печати, хранящихся в Российском государственном историческом архиве (РГИА) в Санкт-Петербурге (ф. 776).

Автор исследования исходил из того, что взаимоотношения власти и периодической печати в России XIX в. отличались наличием противоречивых тенденций, многовариантности, неоднозначности. Для написания статьи были использованы работы дореволюционных, советских и российских авторов, содержащие теоретические подходы к изучению рассматриваемой проблемы. Проблемно-хронологический метод дал возможность более полно рассмотреть многообразные аспекты деятельности российского правительства по созданию модели управления периодической печатью, направленной на решение главной задачи – управляющего воздействия государства на общество.

Исследований, специально посвящённых, казалось бы, столь второстепенной проблеме запрета розничной продажи печатных изданий, насчитывается немного. Среди дореволюционных публикаций можно выделить статью

В.М. Гессена, рассматривавшего законодательное оформление этого административного наказания. Автор, признавая цензурную целесообразность рассматриваемой меры, пришёл к выводу, что «долговременное ее применение цензурной администрацией покоится на явно неправильном толковании действующего законодательства о печати, и что, по самому существу своему, воспрещение розничной продажи является мерой вполне и, безусловно, незаконной» [2].

В контексте анализа цензурного законодательства второй половины XIX в. запрет на розничную продажу периодических изданий рассматривали также в своих работах К.К. Арсеньев [1] и В.А. Розенберг [6], не выделяя эту проблему в качестве отдельного сюжета. Две небольшие статьи, специально посвящённые вопросам розничной торговли периодическими изданиями, были опубликованы историком российской печати Б.И. Есиным в 1967 г. [3, 4]. В них, также как и в материалах на эту тему в диссертации Н.Г. Патрушевой [5], упор сделан на практическую составляющую законодательной меры 1868 г.

Результаты исследования

Цель настоящей статьи – рассмотреть особенности развития законодательства о печати в России после принятия закона 6 апреля 1865 г. и показать новые возможности контроля над средствами информации, полученные правительством в результате принятия законодательного положения 14 июня 1868 г., предоставившего министру внутренних дел право запрещать розничную продажу периодических изданий [10, с. 805]. В качестве подчинённых общей цели задач можно определить выяснение того, как функционировала система запретов розничной торговли периодическими изданиями, какие органы печати подвергались такого рода наказаниям.

По сохранившимся сведениям, официальное разрешение розничной продажи в Петербурге редакции газет получили в 1865 г. [4, с. 85]. В конце 1860-х гг. газеты продавались разносчиками главным образом на Невском проспекте и на перронах вокзалов. Имели право продавать газеты и некоторые табачные и бумажные лавки. За пределами столицы «разрешение на розничную торговлю произведениями печати выдавалось полицмейстерами или уездными исправниками, которые были подотчётны губернатору. Они же осуществляли контроль за разносчиками, следили, чтобы у них не было запрещённых книг, журналов или рукописей» [5, с. 128].

В 1867 г. продажей газет на улицах Петербурга занималось 149 человек. Ежедневно распространялось около 2 700 экземпляров газеты «Голос», приблизительно 1 000 экземпляров «Санкт-Петербургских ведомостей» и «Петербургского листка». Это были лидеры продаж в столице. Гораздо в меньшем количестве, от 200 до 400 экземпляров, расходились «Биржевые

ведомости», «Петербургская газета», «Русский инвалид», «Весть» [11, с. 132].

«Воспрещение розничной продажи» расширяло возможности экономических мер воздействия на редакции периодических изданий. Причём в ряду административных взысканий, налагаемых на периодическую печать, «обнаружившую вредное направление», запрет на распространение изданий помимо осуществляемой подписки, занимал всё более важное место. По мнению публициста, редактора газеты «Русские ведомости» В.А. Розенберга, рассуждавшего об одном из ключевых административных наказаний, определённых законом 1865 г.: «В двух случаях из трёх предостережение не влечёт непосредственно за собою прямого материального ущерба для издателя, хотя и является угрозой даже самому существованию его. Эта особенность рассматриваемой карательной меры давно уже признана её немаловажным недостатком» [6, с. 97]. Данным обстоятельством объясняется поиск Министерством внутренних дел новых средств административного воздействия, позволявших исправить отмеченные недостатки.

Запрет розничной торговли на практике был тем же предостережением, но не требовавшим в большинстве случаев оглашения причин этого наказания. Помимо существенного материального ущерба, эта мера влекла за собой серьёзные потери в производственно-сбытовой деятельности. Лишённое возможности оказаться на лотках разносчиков, на станциях железных дорог и в других публичных местах периодическое издание, особенно новое, неизвестное читателям, имело мало шансов получить необходимое число подписчиков. Кроме потери определённых сумм от продажи, редакции газет и журналов несли убытки из-за сокращения поступлений от рекламы и объявлений. Устойчивая тенденция увеличения тиражей периодических изданий делала эту административную меру всё более для них чувствительной и одновременно всё более привлекательной для цензурного ведомства.

Предполагаемый эффект принятия этой меры был настолько очевиден и привлекателен с точки зрения ограничения влияния «неблагонамеренного» издания на общественное мнение, что Министерство внутренних дел не стало даже особо утруждать себя убедительным обоснованием законности цензурного новшества. Министр внутренних дел генерал-адъютант А.Е. Тимашев 3 мая 1868 г. направил в Комитет министров специальную записку, в которой предлагал по возможности ограничить «розничную или уличную» продажу газет и журналов, не соответствующих по своему направлению «видам правительства» [2]. По утверждению министра внутренних дел, одним из последствий нового цензурного закона 1865 г. стало широкое развитие розничной продажи, при помощи которой «стали проникать вредные внушения в те классы народа, среди которых они особенно опасны». Он был убеждён, что «в руках власти

было очень мало средств для сдерживания печати, ибо устав 1865 г. давал только одно средство – административные предостережения», поэтому «весьма действительным (так в тексте – В.Б.) средством было бы предоставление Главному управлению по делам печати права разрешать и запрещать розничную продажу газет» [9, с. 203].

Более того, в специальном по этому поводу выступлении в Комитете министров шеф жандармов и товарищ (заместитель) министра внутренних дел заявили, что розничная продажа, «с каждым днём увеличиваясь, часто бывает поводом к беспорядкам» [9, с. 204]. Однако председателя и членов собрания смущало то обстоятельство, что дополнения или изменения к закону 1865 г. должны приниматься в законодательном порядке Государственным советом. За исключением чрезвычайных обстоятельств, чего в данном случае со всей очевидностью не было. Именно для придания особого значения предполагаемым изменениям представителям III Отделения и Министерства внутренних дел пришлось говорить о якобы связанных с розничной продажей беспорядках.

Министр внутренних дел А.Е. Тимашев был согласен с тем, что дополнение к закону 1865 г. подлежит рассмотрению в Государственном совете, но предлагал сделать исключение из правил на основании того, что его проект будет принят лишь в виде временной меры. В конечном итоге большинство членов Комитета министров согласилось с его предложением, «тем более, что такой порядок принят был как во Франции, так и в Пруссии» [9, с. 204]. Вероятно, никто из них не предполагал, что эта «временная мера» будет действовать в дальнейшем около тридцати пяти лет.

Принятый 14 июня 1868 г. Комитетом министров документ гласил: «...впредь до разрешения в законодательном порядке вопроса об ограничении розничной продажи <...> разного рода дозволенных книг и повременных изданий отдельными нумерами, предоставить министру внутренних дел указывать местным полицейским начальникам, при выдаче оными дозволений на производство означенного промысла, те периодические издания и отдельные брошюры, которые не должны быть допускаемы в розничной продаже» [10, с. 805]. Для достижения этой цели министр предлагал возложить на Главное управление по делам печати обязанность определять, с утверждения министра внутренних дел, и ставить в известность местные полиции, для надлежащих с их стороны распоряжений, какие из повременных изданий, выходящие без предварительной цензуры, допускаемы к розничной продаже на улицах, площадях, на станциях железных дорог и в других публичных местах и торговых заведениях, т.е. в трактирах, ресторанах, театрах и других подобных местах, кроме лишь книжных лавок и кабинетов для чтения, которые никак не могли быть отнесены к категории «публичных мест и торговых заве-

дений» [2]. Положение не распространялось на редакции и конторы периодических изданий.

Таким образом, право запрещать розничную продажу средств печати было дано министру внутренних дел с целью сохранения общественного порядка на улицах городов. Ничего подобного в практике цензурных запретов в России не было: кому придёт в голову мысль, будто розничная продажа газеты, разрешённой самим Министерством внутренних дел, может привести к уличным беспорядкам. В.А. Розенберг отмечал, что спустя 20 лет после принятия положения Комитета министров было выдано не менее 218 запретов на розничную продажу изданий, но, «кажется, никто ещё не слышал об уличных беспорядках по поводу продажи русских газет в розницу» [6, с. 97]. Близкое по смыслу мнение высказал известный юрист и публицист К.К. Арсеньев: «Кто помнит это время, тот знает, что никаких беспорядков розничная продажа периодических изданий не вызывала. Опыт последующего времени показал, что право запрещать розничную продажу нужно было цензурному ведомству не как способ охранения уличной тишины и спокойствия, а просто как новое средство воздействия на печать путём административной кары, <...> сначала случаев запрещения розничной продажи было немного; в административный обиход оно вошло не раньше 1870 г.» [1, с. 28].

С самого начала вступления в силу Высочайше утверждённое положение от 14 июня 1868 г. получило широкое толкование, не соответствовавшее буквальному смыслу, на котором оно было основано. Более или менее постоянный характер должен был иметь и список изданий, которые нельзя было реализовывать через розничную торговлю.

Анализируя статьи устава о цензуре, юрист и либеральный публицист В.М. Гессен отмечал, что документ Комитета министров точно воспроизводил статью 178 Устава о цензуре и печати: «Если правительство признаёт за нужное запретить напечатанную с одобрения цензуры книгу, то книгопродавцы обязываются чрез полицию подпискою, не иметь и не продавать оной, подвергаясь за нарушение сего взысканию по законам. Напечатавший же одобренную и потом запрещённую книгу, получает от правительства удовлетворение за понесенный чрез то убыток» [17, с. 35]. Статья 178 Устава о цензуре и печати была тесно связана с предыдущей, 177 статьей, которая гласила: «Торгующие книгами Российскими и в России издающимися, также мелкие продавцы и комиссионеры книжной продажи при казённых местах, обязаны представлять в Комитеты Внутренней Цензуры каталоги имеющихся у них книг. Каждый продающий заведомо напечатанные без дозволения цензуры книги, предаётся суду по законам» [17, с. 35].

Выдача местным полицейским начальством специальных разрешений на занятие особым промыслом в виде розничной торговли печатной

■ Исследовательские статьи

продукцией в общественных местах, не касалась ни книжных лавок (магазинов, киосков), ни редакций и контор периодических изданий. Однако принятое Комитетом министров положение 1868 г. предоставляло Министерству внутренних дел право на запрет розничной продажи номеров периодических изданий вне зависимости от места их продажи (т.е. и в редакциях, и в книжных лавках, и в кабинетах для чтения, и тому подобных местах), что нарушало смысл статей действовавшего цензурного Устава.

В отчёте Главного управления по делам печати за 1869 г. значилось 175 разносчиков газет в Петербурге [16, л. 21-22]. Однако официальные данные не полностью отражали ситуацию в розничной торговле. Так, по сведениям Н.Г. Патрушевой, «московский старший инспектор отмечал в отчёте за 1871 г., что розничной торговлей занималось много лиц, не получивших разрешения: они легко скрывались от инспектора, убегая в проходные дворы» [5, с. 214]. Наблюдение за розничной торговлей регулярно сталкивалось с определёнными сложностями. Например, уличённые в незаконном распространении запрещённых для продажи в розницу газет разносчики, при привлечении их к ответственности заявляли, что не торговали ими, а носили подписчикам, что служило основанием для освобождения их от административного или уголовного наказания.

Судя по сообщениям инспекторов, в 1870-е гг., несмотря на различные меры административного порядка, трудности наблюдения за розничной торговлей сохранялись. Разносчики были обязаны иметь специальную форменную одежду и бляху с номером, но продажей в разнос газетами зачастую занимались и случайные люди.

К 1880-м гг. наблюдался неуклонный рост уличных продаж ежедневных изданий. Значительно выросло число периодических изданий, а главное – количество людей, для которых чтение газет и журналов стало насущной потребностью. Ещё одной характерной чертой того времени стало появление дешёвой прессы, рассчитанной на массового потребителя. Предприимчивые издатели могли уже получать значительные суммы от продажи журналов с рублёвой и газет с четырёхрублёвой годовой подпиской. Однако низкая продажная цена предусматривала издание и распространение значительных по численности тиражей. В этих условиях розничная продажа играла всё более важную роль.

В 1876 г. ежедневно на улицах Петербурга в розницу продавалось уже 9227 экземпляров [13, л. 33, 33 об.]. Особенно возросла продажа газет в период русско-турецкой войны. В 1877 г. ежедневное розничное распространение газет в Петербурге на улицах разносчиками увеличилось на три с половиной тысячи экземпляров по сравнению с предыдущим годом и, по подсчётам инспекторов, составила 12 716 экземпляров («Голос» – 3 870, «Новое время» – 3 823, «Русский мир» – 770, «Телеграфические бюллетени» – 560,

«Санкт-Петербургские ведомости» – 390, «Новости» – 225 и т. д.) [14, л. 42].

В 1880 г. общее число газет, ежедневно продававшихся в Петербурге в розницу, достигло 23980 экземпляров («Голос» – 4500, «Новое время» – 4000, «Петербургский листок» – 2200, «St. Petersburg Zeitung» – 1115, «Минута» – 600, «Новости» – 370 и т. д.) [15, л. 45].

Впервые распоряжение о запрете розничной продажи последовало 28 сентября 1870 г. Наказание пало на газету «Биржевые ведомости» [6, с. 130-131]. Рост розничных продаж неминуемо повлёк за собой увеличение случаев их запрета. С 1872 по 1879 г. их было уже 60. В 1879 г. торговля в общественных местах была запрещена редакциям 6 газет. При этом для «Голоса», одного из самых на тот момент влиятельных изданий, запрет действовал более года [7, с. 316].

Примечательно, что, за малым исключением, распоряжения министра внутренних дел не содержали ссылок на причины вынесенного решения о наказании. Первый эпизод противоположного свойства имел место в 1874 г., когда «Петербургская Газета» была лишена права розничной продажи «за сообщение слуха, лишённого основания». В 1877 г. газета «Голос» подверглась наказанию за статью «Земская школа – система недоверия», а «Русский Мир» – «за сообщение совершенно ложного слуха о высадке турок в Евпатории». В 1878 г. ещё два издания – газеты «Новое Время» и «Северный Вестник» – получили запрет на розничную торговлю «за распространение ложных известий». В ряде случаев розничная продажа запрещалась одновременно с выданным изданию предостережением, т.е. служила дополнительным взысканием за «вредное направление».

Министерство внутренних дел, избавившись от обязательности судебных разбирательств при вынесении наказаний периодической печати, освободила себя от необходимости объяснения своих решений, а прессу от возможности защиты собственных интересов. Точнее, такая возможность была, но реализовывалась она не в судебных заседаниях, а в кабинетах администрации и зависела от благосклонности тех, кто выслушивал просителей.

Примечателен эпизод, воспроизведённый в воспоминаниях издателя газеты П.А. Гайдебурова «Неделя». Он рассказал о встрече с М.Т. Лорис-Меликовым, когда тот был министром внутренних дел. Глава министерства высказал своё неудовольствие по поводу одной из статей, напечатанной в газете, назвав её «крайне неуместной», и высказал суждение, что она, очевидно, рассчитана «на пятак», то есть на увеличение розничной продажи [8, с. 21]. Полусерьёзный, полушутливый тон, который сопровождал эти слова, запомнился надолго П.А. Гайдебурову, поскольку в тот момент он опасался за дальнейшую судьбу своей газеты, испытывавшей финансовые трудности. Разумеется, запрет на розничную продажу был мерой

более лёгкой, чем предостережения, если за ними следовала временная приостановка издания. Однако два первых предостережения сами по себе ещё не влекли последствий. Редактор и издатель могли определить для себя, о чём следует говорить с особой осторожностью. Министерство внутренних дел, периодически нуждавшееся в немедленном усмирении тех или иных изданий, не намерено было соблюдать необходимые формальности с предостережениями. В качестве примера рассмотрим один из эпизодов.

В октябре 1879 г. была запрещена розничная продажа номеров газеты «Санкт-Петербургские ведомости». В отчёте по этому вопросу министра внутренних дел, предоставленному Александру II, отмечалось, что в передовой статье № 284 от 16 октября 1879 г. по поводу заграничных известий о заключённом оборонительном союзе между этими государствами газета высказывалась в резком и враждебном тоне, несовместимом с дружественным отношением России с Германией и Австрией. Ещё в августе того же года в официальном «Правительственном вестнике» было заявлено, что подобные статьи не одобряются правительством. Однако редактор «Санкт-Петербургских ведомостей» не счёл для себя необходимым придерживаться этой правительственной рекомендации. Более того, министр внутренних дел отмечал, что публикация не была досадной для газеты случайностью, поскольку «о неудобности таковых статей» [12, л. 33–33 об.] он лично предупреждал редактора всего неделю назад. В декабре 1877 г., по случаю взятия Плевны, с периодических изданий были сложены все предостережения, поскольку «Санкт-Петербургские ведомости» ещё

не успели в 1879 г. получить новых официальных предостережений, а наказание требовалось немедленно – пришлось в очередной раз прибегнуть к запрету розничной торговли изданием.

Запрет розничной продажи практиковался не только в отношении независимых органов печати. Страдали от этой меры газеты самого разного политического направления. Более того, то или иное издание, исчезнув на время из рук разносчиков, появлялось спустя некоторое время на прилавках, не меняя ни своего содержания, ни направления.

Частные периодические издания хорошо распространялись лишь тогда, когда способны были угадать общественные настроения и подстроиться к вкусам своих читателей. Официально объявленные предостережения и запрет на розничную торговлю зачастую лишь подстёгивали внимание публики к наказуемым газетам и журналам. Однако они были необходимы в качестве одного из эффективных способов воздействия на прессу, которая в то время выступала в качестве практически единственного механизма отражения идей и настроений, господствовавших в российском обществе, средством их публичной проверки.

В сложившейся ситуации действия правительства по административному запрету изданий периодической печати, не просто передававшей картину происходившего, но и пытавшейся показать своё видение принимаемых властных решений, а тем самым формировавшей мнение общества на внутренние и внешние события, наглядно показывают способы воздействия на прессу с целью оправдания проводимой ею политики.

Список литературы

1. Арсеньев К.К. Законодательство о печати. СПб.: Типо-Литография Ф. Вайсберга и П. Гершунина, 1903. 264 с.
2. Гессен В.М. О восприятии розничной продажи // Сын Отечества. 1904. № 9. 26 ноября.
3. Есин Б.И. Запрещение розничной продажи газет как средство ограничения свободы печати: на материалах русских газет второй половины XIX в. // Вестник Московского университета. Серия «Журналистика». 1967. № 6. С. 70–71.
4. Есин Б.И. Материалы к истории газетного дела в России // Вестник Московского университета. Серия «Журналистика». 1967. № 4. С. 84–86.
5. Патрушева Н.Г. Цензурное ведомство в государственной системе Российской империи во второй половине XIX – начале XX века: дис. ... д-ра ист. наук. СПб., 2014. Т. 1. 404 с.
6. Розенберг Вл. Пресса, цензура и общество // Русская печать и цензура в прошлом и настоящем. Статьи Вл. Розенберга и В. Якушкина. М.: Издание М. и С. Сабашниковых, 1905. С. 88–117.
7. Энгельгардт Н. Очерк истории русской цензуры в связи с развитием печати (1703–1903). СПб.: Издание А. С. Суворина. 388 с.
8. Гайдебуров П. Из прошлого «Недели». (Несколько личных воспоминаний) // Книжки «Недели». 1893. № 3. С. 5–30.
9. Исторический обзор деятельности Комитета министров: к столетию Комитета министров (1802–1902) / Сост. С.М. Середонин. СПб.: Канцелярия Ком. министров, 1902. Т. 3. Ч. 2. 315 с.
10. Относительно розничной продажи периодических изданий на улицах, площадях и в других публичных местах и торговых заведениях // Полное собрание законов Российской империи (ПСЗ). Собр. 2. Т. 43 (1868). Часть 1. № 45973. С. 805.

■ Исследовательские статьи

11. Отчёты инспекторов типографий и т. п. заведений и книжной торговли в С.-Петербурге за 1867 год // РГИА. Ф. 776. Оп. 29. Ед. хр. 3.
12. РГИА. Ф. 776. Оп. 1. Ед. хр. 15.
13. РГИА. Ф. 776. Оп. 29. Ед. хр. 11.
14. РГИА. Ф. 776. Оп. 29. Ед. хр. 12.
15. РГИА. Ф. 776. Оп. 29. Ед. хр. 14.
16. РГИА. Ф. 776. Оп. 29. Ед. хр. 4.
17. Свод уставов о цензуре // Свод законов Российской империи, издания 1857 года. Том четырнадцатый. СПб., 1857. С. 1–64.
18. Borisova T. The Digest of Laws of the Russian Empire: The Phenomenon of Autocratic Legality // Law and History Review. 2012. Vol. 30. No. 3. Pp. 901–925.
19. Cragin T.J. The Failings of Popular News Censorship in Nineteenth-Century France // Book History. 2001. Vol. 4. Pp. 49–80.
20. Goldstein R.J. Fighting French Censorship, 1815–1881 // The French Review. 1998. Vol. 71. No. 5. Pp. 785–796.
21. Klier J.D. 1855–1894 Censorship of the Press in Russian and the Jewish Question // Jewish Social Studies. 1986. Vol. 48. No. 3/4. Pp. 257–268.
22. Ruud C.A. A.V. Golovnin and Liberal Russian Censorship, January–June, 1862 // The Slavonic and East European Review. 1972. Vol. 50. No. 119. Pp. 198–219.

Об авторе

Валерий Фёдорович Блохин – д.и.н., заведующий кафедрой отечественной истории факультета истории и международных отношений Брянского государственного университета им. академика И.Г. Петровского.
E-mail: blohin.val@yandex.ru.

GOVERNMENT'S FEAR OF NEWSPAPERS IN RUSSIA AND FRANCE IN THE SECOND HALF OF THE 19TH CENTURY

V.F. Blokhin

Bryansk State University named after acad. I.G. Petrovsky. Russia, Bryansk, 241036, Bezhitskaya 14.

Abstract: *The article is devoted to one of the measures of administrative influence on the publishers of periodicals in the form of a ban on the retail sale of newspapers and magazines in the imperial Russia and France. The author argues that this policy was introduced in Russia due to adoption of foreign experience of direct and indirect censorship, especially the French experience. So, the article seeks to access the difference between the original approach of the French empire and the Russian version of the policy. Also the article bridges the gap between the current Russian historiography and the existing archive materials with help of discourse analysis and comparative method.*

First, the author reviews the literature on Russian and French censorship in the second half of XIX century. This allows us to describe the original policy motives of leadership in France in area of media coverage and censorship. Second, the author presents some comparative parallels in the particular area of study of censorship and its institutional basis. Using official documents, data on discussions of the alleged measures and the reasons for their introduction, author shows features of approaches of the Russian Ministry of internal Affairs and a member of his censorship Department to highlight the key issues of social development, to enhance the effectiveness of state censorship policy.

The article gives the significant boost towards new approaches in research of indirect censorship in Russia and France as well as the role models for such a policy. Also the article allows us to reconsider the diffusionist paradigm with regard to state's policy experience circulation between European empires and their reaction to the emergence of modern media.

Key words: censorship, censorial legislation, administrative penalty, censorship institutions, the Committee of Ministers, the Ministry of internal Affairs, the history of state institutions, periodical press, journalism, retail sale of newspapers and magazines.

References

1. Arsen'ev K.K. *Zakonodatel'stvo o pechaty* [The law on the press]. / St. Petersburg, Tipo-litografia F. Vasberga, I P. Gershunina, 1903. 264 p.
2. Gessen V.M. O vospreshchenii roznichnoi prodazhi [On banning retail sale]. *Syn Otechestva*, 1904, no. 9, 26 noiabria.
3. Esin B.I. Zapreshchenie roznichnoi prodazhi gazet kak sredstvo ogranicheniia svobody pechaty: na materialah russkikh gazet vtoroi poloviny XIX v. [The prohibition of retail sale of newspapers as a means of restricting freedom of the press: on materials of the Russian newspapers of the second half of the XIX century]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya Zhurnalistika*, 1967, no. 6, pp. 70–71.
4. Esin B.I. Materialy k istorii gazetnogo dela v Rossii [Materials for the history of the newspaper business in Russia]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya Zhurnalistika*, 1967, no. 4, pp. 84–86. (In Russian).
5. Patrusheva N.G. *Cenzurnoe vedomstvo v gosudarstvennoy sisteme Rossijskoj imperii vo vtoroj polovine XIX – nachale XX veka* [Tsensurnoe vedomstvo v gosudarstvennoy sisteme Rossiiskoi imperii vo vtoroi polovine XIX – nachale XX veka]. Doct. Diss. St. Petersburg, 2014. Vol. 1. 404 p.
6. Rozenberg V.I. Pressa, tsenzura i obshchestvo [Press censorship and society]. *Russkaia pechat' i tsenzura v proshlom i nastoiashchem. Stat'i V.I. Rozenberga i V. Iakushkina*. Moscow, Izdanie M. i S. Sabashnikovyh, 1905. Pp. 88–117.
7. Engelgardt N. *Ocherk istorii russkoi tsenzury v svyazi s razvitiem pechaty (1703–1903)*. St. Petersburg, Izdanie A. S. Suvorina. 388 p.
8. Gaideburov P. Iz proshlogo «Nedeli». (Neskol'ko lichnykh vospominanii) [From the last "weeks". (A few personal memories)]. *Knizhki «Nedeli»* [Week books], 1893, no. 3, pp. 5–30.
9. *Istoricheskii obzor dejatel'nosti Komiteta ministrov: k stoletiiu Komiteta ministrov (1802–1902)* / Collection of S.M. Seredonin. St. Petersburg, Kanzeljarija Komiteta ministrov, 1902. Vol. 3. Ch. 2. 315 p.
10. Otnositel'no roznichnoi prodazhi periodicheskikh izdaniy na ulitsah, ploshchadiakh i v drugih publicznykh mestakh i torgovykh zavedeniyakh. *Polnoe sobranie zakonov Rossiiskoi imperii* (PSZ), 1868, collection 2, vol. 43, part 1, no. 45973, p. 805.
11. Otchety inspektorov tipografii i t. p. zavedenii i knizhnoi torgovli v St. Peterburge za 1867 god. *Russian State Historical Archive*. Fund 776, inventory 29, file 3.
12. *Russian State Historical Archive*. Fund 776, inventory 1, file 15.
13. *Russian State Historical Archive*. Fund 776, inventory 29, file 11.
14. *Russian State Historical Archive*. Fund 776, inventory 29, file 12.
15. *Russian State Historical Archive*. Fund 776, inventory 29, file 14.
16. *Russian State Historical Archive*. Fund 776, inventory 29, file 4.
17. Svod ustavov o tsenzure [Summary of Charter of censorship]. *Svod zakonov Rossiiskoi imperii* [Code of Laws of the Russian Empire], izdaniia 1857 goda. Vol. 14. St. Petersburg, 1857. Pp. 1–64.
18. Borisova T. The Digest of Laws of the Russian Empire: The Phenomenon of Autocratic Legality. *Law and History Review*, 2012, vol. 30, no. 3, pp. 901–925.
19. Cragin T.J. The Failings of Popular News Censorship in Nineteenth-Century France. *Book History*, 2001, vol. 4, pp. 49–80.
20. Goldstein R.J. Fighting French Censorship, 1815–1881. *The French Review*, 1998, vol. 71, no. 5, pp. 785–796.
21. Klier J.D. 1855–1894 Censorship of the Press in Russian and the Jewish Question. *Jewish Social Studies*, 1986, vol. 48, no. 3/4, pp. 257–268.
22. Ruud C.A. A. V. Golovnin and Liberal Russian Censorship, January–June 1862. *The Slavonic and East European Review*, 1972, vol. 50, no. 119, pp. 198–219.

About the author

Valery F. Blokhin – Doctor of Historical Sciences, Head of the Department of Russian history, Faculty of History and International Relations of the Bryansk State University named after acad. I.G. Petrovsky.
E-mail: blohin.val@yandex.ru.

ДИСКУССИЯ О РЕАЛИЗАЦИИ ВОЗМОЖНОСТЕЙ ВОЗДЕЙСТВИЯ ГЕНЕРАЛЬНОГО СЕКРЕТАРЯ НА ПРОЦЕСС ПРИНЯТИЯ РЕШЕНИЙ СОВЕТА БЕЗОПАСНОСТИ ООН

Д.Г. Новик, В.А. Плотников

Северо-Западный институт управления РАНХиГС. Россия. 199178, Санкт-Петербург, Средний пр. В.О., д.57/43.

Санкт-Петербургский Государственный Университет. Россия. 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб. д.7-9.

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики». Россия. 101000, г. Москва, ул. Мясницкая, д. 20.

В представленной статье рассматривается проблема взаимоотношений между главным должностным лицом ООН – Генеральным секретарём, и центральным органом структуры Объединённых Наций – Советом Безопасности. Природа роли Генерального секретаря является двойственной с самого момента создания ООН. С одной стороны, Генеральный секретарь возглавляет Секретариат – орган, выполняющий технические и вспомогательные функции по отношению к прочим Главным органам ООН. Именно в таком качестве пост Генерального секретаря изначально видели инициаторы создания ООН. С другой стороны, в Уставе ООН содержатся положения, которые, при определённой трактовке, дают Генеральному секретарю значительные полномочия, в том числе политического характера. С самого начала деятельности ООН Генеральные секретари старались определить характер этих дополнительных полномочий, закрепить практику их применения. Особую роль среди таких полномочий играют положения статьи 99 Устава, дающей право Генеральному секретарю напрямую обращаться к Совету Безопасности и привлекать его внимание к ситуациям, которые, по его (Генерального секретаря) мнению, могут угрожать международному миру и безопасности. Это своё право ряд Генеральных секретарей реализовывали в ходе различных кризисных ситуаций, возникавших после создания ООН. В статье рассмотрены последовательно конголезский кризис, ситуация с захватом в Тегеране и положение в Ливане, то есть те три ситуации, вынудившие Генеральных секретарей Хаммаршёльда, Вальдхайма и де Куэльяра в явном виде использовать своё право обращения к Совету Безопасности. В статье предпринимается попытка обнаружения инструментов Устава ООН, позволяющих реализацию политических функций Генерального секретаря в дополнение к исполняемым им техническим функциям. Результаты проведённого анализа позволяют сделать вывод о том, что основным таким инструментом являются положения статьи 99 Устава ООН, однако степень активности её использования снижается с течением времени.

Ключевые слова: ООН, Генеральный секретарь, Устав ООН, международная безопасность, Конго, Иран, Ливан, Даг Хаммаршёльд, Курт Вальдхайм, Хавьер Перес де Куэльяр, политические полномочия, миротворчество.

Устав ООН обычно рассматривается в качестве международного договора особого рода в том числе благодаря тому, что он «служит своеобразным руководством к согласованным действиям всего мирового сообщества во имя мира, сохраняющим непреходящую актуальность даже в условиях, которые его авторы не могли в своё время предвидеть» [1, с. 22-23].

До сих пор в большинстве случаев не возникает возможности для пересмотра этого документа. Поэтому чрезвычайно важны заложенные ещё в процессе создания ООН базовые элементы. Среди таких элементов представлены полномочия центральных органов – Генеральной Ассамблеи, Совета Безопасности, Секретариата и Генерального секретаря.

Выделение Генерального секретаря в отдельную категорию не случайно. Именно это должностное лицо ООН – единственное, удостоенное отдельного упоминания в Уставе и имеющее особые полномочия, не вытекающие прямым образом из функций и полномочий возглавляемого им органа. В этой статье авторы пытаются определить наличие нормативных инструментов, в частности, в Уставе ООН, позволяющих реализацию политических функций Генерального секретаря в дополнение к исполняемым им техническим функциям

Если буквально толковать положения Устава ООН, то можно сделать вывод о том, что Совет Безопасности в иерархии органов ООН стоит ниже Генеральной Ассамблеи. Он отчитывается перед Ассамблеей о своей работе, состав постоянных членов также определяется последней. Однако Генеральная Ассамблея на самом деле не вправе вмешиваться в работу Совета по предотвращению или урегулированию конфликтов.

В ряде документов конференции в Думбартон-Оксе упоминается, что Генеральная Ассамблея не рассматривалась как главный руководящий орган будущей организации. Согласно донесениям главы советской делегации А.А. Громыко, основные вопросы связывались с организацией (названным в одном из донесений руководящим органом) Совета Безопасности¹.

Более того, на конференции в Сан-Франциско четырьём приглашающим державам и Франции пришлось выдержать серьёзный натиск т.н. «малых держав», пытавшихся провести поправки, ограничивавшие права Совета в пользу Генеральной Ассамблеи. К примеру, Новая Зеландия предлагала ввести дополнительную процедуру утверждения Ассамблеей решений Совета Безопасности о введении санкций².

В связи с таким положением Совета Безопасности в системе органов ООН, особое внимание привлекает развитие взаимоотношений между Советом и уникальным должностным лицом ООН – Генеральным секретарём.

В отношении воздействия на Совет Безопасности в распоряжении Генерального секретаря имеется некоторый арсенал средств, в числе которых доклады, аналитические отчёты, обязательное участие в заседаниях Совбеза (последнее закреплено статьёй 98 Устава ООН). Имеет место также дополнительная функция, закреплённая в отдельной 99-й статье Устава этой организации, которая связана с фактом, что это должностное лицо «имеет право доводить до сведения Совета Безопасности о любых вопросах, которые, по его мнению, могут угрожать поддержанию международного мира и безопасности»³.

Устав ООН и политические функции Генерального секретаря

В 1958 г. Д. Хаммаршёльд в речи по случаю своего переизбрания подчеркнул: «Генеральный секретарь должен действовать не только в случаях, предусмотренных Уставом или решениями главных органов, но также и тогда, когда «необходимо заполнить вакуум» в созданной Уставом и традиционной дипломатией системе обеспечения международного мира и безопасности». Идеологически в этом аспекте Хаммаршёльд опирался на функции Генерального секретаря, прописанные в 98-й статье Устава ООН: «Генеральный секретарь действует в этом качестве на всех заседаниях Генеральной Ассамблеи, Совета

¹ Донесение председателя советской делегации А.А. Громыко в Народный комиссариат иностранных дел СССР от 24-25.08.1944 // Советский Союз на международных конференциях периода Великой Отечественной войны 1941-1945 гг., Т. 3: Конференция представителей СССР, США и Великобритании в Думбартон-Оксе (21 авг. - 28 сент. 1944 г.) С. 116.

² Запись седьмого пленарного заседания Конференции Объединённых Наций. 1.05.1945 г. // Советский Союз на международных конференциях периода Великой Отечественной войны 1941-1945 гг.: Сборник документов [В 6-ти т.]. М., 1984. Т. 5: Конференция Объединённых Наций в Сан-Франциско (25 апреля – 26 июня 1945 г.) С.237-238.

³ Устав ООН.

Безопасности, Экономического и Социального Совета и Совета по Опеке и выполняет такие другие функции, какие возлагаются на него этими органами». В результате деятельности этого политика была оформлена «концепция имманентной/подразумеваемой компетенции».

Хаммаршёльд называл ст. 98 Устава нормативным источником безграничной «эволюции» функций «главного административного должностного лица Организации» и видевшего в её положениях юридическое обоснование своей политики «превентивной дипломатии», «заполнения вакуума», то есть замены постом Генерального секретаря коллективных органов ООН, полномочных выносить политические решения [8, с. 102].

Шаши Тарур ссылается на статьи 97 и 98 Устава как на основу административной компетенции Генерального секретаря, указывая, что его политические полномочия происходят из положений статей 98 и 99 [6, с.33-34].

Выступая за расширение политических функций Генерального секретаря, Хаммаршёльд уточнял: «При определении компетенции Генерального секретаря следует, прежде всего, исходить из «духа Устава», а методологические положения не являются обязательными и должны изменяться в соответствии с развитием нужд Организации». Аргументируя данную позицию, Д. Хаммаршёльд акцентировал внимание на различных «специальных дипломатических и оперативных функциях», которые неоднократно возлагались на Генерального секретаря различными решениями Генеральной Ассамблеи и Совета Безопасности [1, с. 103].

Действие же 99-й статьи способно стать инструментом для реализации политической роли Генерального секретаря. Ш.Тарур, С. Честерман и Т. Франк, например, ссылаются на статью 99 как на не до конца определённую правовую основу для широкого развития политической роли Генерального секретаря. Причём предполагается, в том числе, и наличие у Генерального секретаря права и обязанности на вынесение независимых политических суждений, и, что ещё важнее, на независимые политические действия [6, с. 33-34, 233-234].

В этом случае Генеральный секретарь становится не представителем вспомогательного по отношению к Совету Безопасности органа, а играет самостоятельную роль, способную повлиять на повестку дня и, косвенно, на решения Совбеза. Более того, как считал, например, всё тот же Даг Хаммаршёльд, сам факт существования статьи 99 позволяет Генеральному секретарю использовать неформальные дипломатические методы и запрашивать информацию у различных участников международных политических процессов. [1, с. 335.] При этом, очевидным образом, далеко не все такие расследования и практические действия Генерального

секретаря должны заканчиваться обращением в Совет Безопасности.

Повышенным вниманием статья 99 Устава ООН пользовалась в период работы таких Генеральных секретарей, как Даг Хаммаршёльд, У Тан, Курт Вальдхайм, Хавьер Перес де Куэльяр.

Среди исследований, посвящённых рассмотрению роли статьи 99 Устава в правовой и политической жизни ООН, помимо монографии Д.Г.Арутюняна «Генеральный секретарь ООН и международное право» [1], стоит отметить работу А. Уолтера Дорна, посвящённую роли 99-й статьи в системе раннего предупреждения о конфликтных ситуациях. Дорн выделяет 10 случаев обращения Генеральных секретарей к своему праву согласно статье 99, однако только три из них рассматривает как случаи прямого и явного использования такого права: ситуация в Республике Конго в 1961 г., отношения между США и Ираном в 1979 г., положение в Ливане в 1989 г.[3]. С таким разделением вполне можно согласиться, так как только в этих трёх случаях Генеральными секретарями была использована словесная формула, предусмотренная статьёй 99: «[ситуация]...по мнению [Генерального секретаря] представляет угрозу международному миру и безопасности». В этой связи Дж. Кокейн и Д. Мэлоун отмечают особую важность право информирования Совета Безопасности, закреплённое статьёй 99, и определяют отношения между Генеральным секретарём и Советом как «непростое и нестабильное партнёрство», требующее от Генерального секретаря постоянной неформальной работы с членами Совета. [5, с. 69-70].

Практика применения 99-й статьи Устава ООН

Здесь стоит отметить один, важный на наш взгляд момент. В советской и российской историографии сложилась достаточно прочная традиция обвинять первого Генерального секретаря ООН Трюгве Ли в том, что он фактически инициировал обсуждение в Совете Безопасности ситуации в Корее в июне 1950 г., и таким образом спровоцировал интервенцию войск ООН. Однако, при обращении к документации ООН, ситуация выглядит иначе. В повестке дня первого заседания по данному вопросу в качестве документа, выносимого на обсуждение, значится «Письмо представителя Соединённых Штатов Америки от 25 июня 1950 г. на имя Генерального секретаря с препровождением адресованного председателю Совета Безопасности сообщения относительно акта агрессии против Корейской Республики (S/1495)»⁴. В самом данном документе к Генеральному секретарю обращена лишь просьба о препровождении приложенного сообщения председателю Совета Безопасности, а также указание, что информация была ранее до-

⁴ 473-е заседание Совета Безопасности. Официальный стенографический отчёт. Документ ООН S/PV.47.

ведена до Ли устно. Требование о созыве Совета было изложено уже в части документа, предназначенной председателю.

Разумеется, он исполнил свои обязанности максимально быстро и эффективно, но это не даёт возможности говорить о нём как об инициаторе процесса – по крайней мере, с формальной точки зрения.

Сам Ли, тем не менее, в своих мемуарах определял свои действия именно как использование положений статьи 99, несмотря на отсутствие характерных делопроизводительных «следов» [8, с. 328]. Кокейн и Мэлоун считают, что действия Ли приблизили его политическое «падение». Они также отмечают, что после обращения к Совету, Ли специально заявил, что Совет имеет право и обязан рассмотреть вопрос об агрессии Северной Кореи. [6, с. 71-72]

Рассматривая применение Генеральными секретарями ООН права привлечения внимания Совета Безопасности к вопросам, угрожающим поддержанию международного мира и безопасности, необходимо обратиться к случаю, который явился первым в рамках прямого использования Генеральным секретарём своего права на созыв Совбеза. Речь идёт о ситуации, сложившейся вокруг Республики Конго (в настоящее время – Демократическая Республика Конго) сразу после обретения ею независимости от Бельгии.

Не останавливаясь подробно на непосредственно истории кризиса, следует отметить ряд ключевых моментов, предшествовавших появлению вопроса на повестке дня СБ.

Бывшая колония Бельгии Конго считалась одной из самых богатых природными ресурсами стран Африки. При этом в годы господства Бельгии она была крайне зависима от метрополии с точки зрения административного управления. Среди конголезцев было крайне мало квалифицированных администраторов, и вообще специалистов в разных областях. Все ключевые посты, не только в высшем руководстве важнейших отраслей, но и на местах занимали бельгийцы.

После переговоров в начале 1960 г., было решено, что Конго получит независимость через полгода. 30 июня 1960 г. в Леопольдсвиле была провозглашена независимость Республики Конго. Новое государство подало заявление о вступлении в ООН (рассмотрено Советом Безопасности на 872-м заседании 7 июля 1960 г. и поддержано единогласно).

Однако проблемы начались практически сразу после объявления независимости. Жизнь конголезцев мало изменилась, бельгийцы продолжали занимать руководящие должности. На этой почве начался мятеж в жандармерии (Force Publique). Начались беспорядки, и, что самое важное, насилие на расовой почве. Правительство Бельгии приняло решение о направлении

в страну вооружённых сил. Параллельно стали нарастать сепаратистские выступления в крупной и богатой конголезской провинции Катанга.

Здесь следует отметить, что между Бельгией и Конго был заключён договор о дружбе, среди прочего предусматривавший возможность присутствия бельгийских войск на территории республики, но только с согласия её правительства.

События развивались, фактически, шли боевые действия. Генеральный секретарь ООН Даг Хаммаршёльд, посчитав, что ситуация приняла крайне опасный характер, 13 июля обратился к председателю Совета Безопасности с письмом (документ Совета Безопасности S/4381), в котором указал, что сложившаяся ситуация, по его мнению, может угрожать поддержанию международного мира и безопасности, и потребовал созвать срочное заседание Совета для заслушивания его доклада.

873-е заседание СБ было созвано в тот же день. На нём была принята резолюция Совета Безопасности 143 (1960), требовавшая от Бельгии вывести войска с территории Конго. Той же резолюцией Генеральному секретарю было поручено координировать оказание конголезскому правительству военную и иную необходимую помощь.

Это заседание стало первым из 58 заседаний Совета Безопасности, посвящённых рассмотрению проблемы Конго, как она была поставлена Генеральным секретарём Хаммаршёльдом, то есть в соответствии со статьёй 99 Устава ООН. На первой серии заседаний (пять заседаний с 13 по 22 июля, зачастую следовавших друг за другом с перерывом в несколько часов и продолжавшихся по ночам) были рассмотрены доклады Генерального секретаря – доклад о ситуации первый доклад о реализации мер, предусмотренных резолюцией Совета. Была принята ещё одна резолюция: 145 (1960). В обеих резолюциях одобрялись действия Генерального секретаря, предписывалось предпринять все меры для скорейшего вывода бельгийских войск и замены их на силы ООН и стабилизации ситуации.

В своих докладах Генеральный секретарь отметил ряд проблем, важных не только для разрешения конкретного кризиса, но и для всей дальнейшей миротворческой деятельности ООН. Он, среди прочего, отметил, что, несмотря на то, что ВС ООН фактически выполняют функцию сил безопасности Конго, находясь на территории страны с согласия правительства до того момента, пока национальные силы не будут готовы работать самостоятельно, эти формирования находятся под командованием Генерального секретаря, действующего под контролем СБ, и не могут принимать какую-либо сторону в каких-либо внутренних конфликтах⁵. Это было весьма важно, так как Хаммаршёльд указывал,

⁵ Первый доклад Генерального Секретаря о проведении в жизнь Резолюции S/4387 Совета Безопасности от 14 июля 1960 года. Документ ООН S/4389.

что под территорией миротворческой операции, должна пониматься вся территория Конго, в том числе и отколовшаяся Катанга⁶.

Кокейн и Мэлоун считают, что одной из важных проблем в отношениях Генерального секретаря с органами ООН в рамках конголезского кризиса стало то, что Хаммаршёльд перешёл границы терпимости СССР, посчитавшего, что Генеральный секретарь действует в интересах США. [6, с. 73-74]. При этом, однако, Генеральный секретарь, как представляется, проявил подлинную независимость от всех членов ООН, что стало возможно благодаря наличию у него определённых политических полномочий, происходящих из Устава.

В ходе прений можно выделить два основных направления. Первое – это полемика между Бельгией и Конго о причинах и последствиях ввода войск. Бельгийцы обращались к свидетельствам о зверствах, учиняемых конголезцами над европейским населением Конго. Конголезское правительство указывало на нарушение договоров и фактический повторный захват власти в только что освобождённой стране.

Второе направление – это полемика между Советским Союзом и поддерживавшей его Польшей с одной стороны, и западными державами, в первую очередь, США – с другой. СССР и Польша обвиняли западные державы в колониальном заговоре и поддержке действий Бельгии с целью продолжения реализации колониальной политики «под новой вывеской». Западные державы, в свою очередь, обвиняли СССР (Польшу в значительно меньшей степени) в подмене понятий, попытках проецирования холодной войны на Африку и расширения зоны своего влияния, в том числе путём подготовки к вмешательству в дела Конго. СССР также прямо обвинял Бельгию в агрессии, западные державы придерживались иных формулировок, отстаивая право Бельгии на защиту своих граждан за границей, признавая, тем не менее, необходимость в кратчайшие сроки заменить бельгийские войска на ВС ООН.

По итогам заседаний была принята резолюция 145 (1960), предложенная представителями Туниса и Цейлона с минимальным изменением, предложенным самими инициаторами. Резолюция одобряла работу Генерального секретаря, обязывала Бельгию незамедлительно вывести войска, а все государства – не препятствовать восстановлению порядка в Конго и не осуществлять любых действий, подрывающих территориальную целостность страны. В заключительной части 879-го заседания председатель Совета Безопасности выразил от имени Совета благодарность Генеральному секретарю за ра-

боту, «проделанную им в качестве доверенного лица Совета».

Всего в связи с этим кризисом на 58 заседаниях было принято шесть резолюций Совета. Стоит отметить, что девять заседаний, на одном из которых была принята резолюция 169 (1961), прошли уже после гибели Дага Хаммаршёльда в Конго.

Конголезский кризис рассматривается как продолжавшийся как минимум до 1965 г. При этом последнее заседание Совета Безопасности, формально посвящённое рассмотрению письма Хаммаршёльда и последующих вопросов, состоялось 30 января 1962 г. То есть, на этом моменте закончилось рассмотрение вопроса в соответствии со статьёй 99 Устава ООН.

Заседание 30 января 1962 г. не привело ни к какому решению, так как по предложению представителя США поставленный вопрос был снят с повестки дня в связи с желанием представителя Республики Конго выступить перед Генеральной Ассамблеей. Значительная часть заседания была посвящена прению между представителем СССР и председателем (представитель Соединённого Королевства) по процедурным вопросам возможности снятия вопроса с повестки. Миротворческая операция в Конго продолжалась до 1964 г. В ней было задействовано почти 20 000 военнослужащих, расходы составили свыше 400 млн долларов США⁷. 250 служащих ООН (245 военнослужащих и пять гражданских служащих) погибли⁸. Среди них был и Генеральный секретарь Даг Хаммаршёльд.

В период У Тана прямого применения положения статьи 99 не происходило, однако, как отмечают Кокейн и Мэлоун, У Тан продолжил политику «добрых услуг», основанную на широком толковании этой статьи. Они отмечают действия Генерального секретаря по урегулированию спора о границе между Таиландом и Камбоджей, спорной ситуации между Нидерландами и Индонезией в Западной Новой Гвинее, а также по вопросу о независимости Бахрейна. В последнем случае действия Генерального секретаря, принятые без указания от Совета Безопасности, были в дальнейшем утверждены последним. [4]

Более результативным, а потому и более важным с точки зрения анализа политической роли Генеральных секретарей, выступает случай, связанный с событиями в ирано-американских отношениях, последовавший сразу после исламской революции.

Одним из самых острых событий конца 1970-х – начала 1980-х гг. стал захват американского посольства в Тегеране. Можно сказать, что последствия этих событий продолжают ощущаться в международных отношениях и

⁶ 877-е заседание Совета Безопасности. Официальный стенографический отчёт. Документ ООН S/PV.877

⁷ Завершённые операции ООН по поддержанию мира. Операция Организации Объединённых Наций в Конго (ОНУК). Информация с официального сайта ООН. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.un.org/ru/peacekeeping/missions/past/congo.htm> (дата обращения: 20.01.2016).

⁸ Там же.

появились. Стоит отметить, что и для Организации Объединённых Наций события в Тегеране стали определённой вехой.

В начале 1979 г. в Иране произошла исламская революция, в результате которой шах Пехлеви был свергнут. В том же году он выехал в США на лечение. 4 ноября 1979 г. группа радикально настроенных иранцев захватила здание посольства США в Тегеране, где в тот момент находилось не менее 66 человек. Отпустив женщин, чернокожих и не американцев, захватчики потребовали выдать новому правительству Ирана беглого шаха, а также «вернуть наворованное состояние шаха иранскому народу; принести официальные извинения за действия американцев в Иране в прошлом и пообещать не вмешиваться в его внутренние дела в будущем»⁹. Действия захватчиков получили фактическую поддержку нового правительства Ирана.

Отношения между США и новым правительством Ирана мгновенно накалились, американское правительство наложило эмбарго на иранскую нефть, а затем и на прочие товары. В апреле была предпринята попытка освобождения заложников путём проведения спецоперации, получившей название «Орлиный коготь». Операция завершилась полным провалом, по сути, не успев начаться. Переговоры шли тяжело, процесс осложнила ирано-иракская война, но в январе 1981 г. заложники были освобождены в обмен на денежный выкуп, выплаченный из средств арестованных иранских активов.

В контексте настоящего исследования особый интерес представляет то, как первый и наиболее острый этап был отражён в деятельности ООН, и, в частности, Генерального секретаря и Совета Безопасности.

4 ноября произошёл захват заложников, а 9 ноября председатель Совета Безопасности (в ноябре 1979 г. – представитель Боливии) сделал заявление, в котором выразил обеспокоенность Совета ситуацией с захватом дипломатического персонала и призвал Иран освободить заложников и поручил Генеральному секретарю «продолжать использовать свои добрые услуги, чтобы оказать помощь в достижении этой цели»¹⁰.

13 ноября поверенный в делах постоянного представительства Ирана при ООН препроводил Генеральному секретарю письмо ответственного за деятельность министерства иностранных дел Ирана Бани-Шахра. В этом письме содержится

изложение позиции нового правительства Ирана касательно отношений Ирана и США. Фактически, правительство Ирана обвинило США в создании текущей ситуации, в том, что предыдущий режим управлялся Америкой, эксплуатировавшей иранский народ и попиравшей его права. В письме содержалось два требования к США: признать виновность шаха Пехлеви в том, в чём его обвиняло новое правительство, а также вернуть Ирану находящиеся в США активы, принадлежащие шаху, его семье и другим представителям режима Пехлеви¹¹.

Затем в официальной переписке в рамках ООН наступило затишье до 25 ноября, когда Генеральный секретарь Вальдхайм направил председателю Совета Безопасности письмо, в котором указал на опасную ситуацию в отношениях США и Ирана. Последний абзац письма явным образом отсылает к Статье 99 (Ср.: «Генеральный секретарь имеет право доводить до сведения Совета Безопасности о любых вопросах, которые, по его мнению, могут угрожать поддержанию международного мира и безопасности»):

«Таким образом, по моему мнению, нынешний кризис создаёт серьёзную угрозу международному миру и безопасности. В связи с этим, выполняя свою обязанность в соответствии с Уставом Организации Объединённых Наций, прошу Совет Безопасности срочно собраться на заседание и попытаться найти мирное решение этой проблемы в соответствии с принципами справедливости и международного права»¹².

Здесь стоит отметить, что в Уставе такая возможность обозначена как право Генерального секретаря, Вальдхайм же ссылается на свою обязанность по Уставу.

Заседание в соответствии с этим требованием Генерального секретаря было созвано 27 ноября. Председатель Совета поддержал Вальдхайма, но также проинформировал о получении письма представителя Ирана при ООН с просьбой отложить заседание с рассмотрением ситуации по существу в связи с религиозными праздниками¹³. Председатель Совета удовлетворил просьбу Ирана, вопрос был отложен до 1 декабря с возможностью возвращения в случае возникновения необходимости¹⁴. Соответствующее заявление председателя Совета было опубликовано отдельно¹⁵.

Рассмотрение проблемы продолжилось на четырёх заседаниях, первое из которых,

⁹ Захват посольства США в Тегеране 4 ноября 1979 г. Справка. РИА Новости. [Электронный ресурс]. URL: <http://ria.ru/world/20091104/191810271.html> (дата обращения: 06.02.2016).

¹⁰ Заявление председателя Совета Безопасности от 9.11.1979. Документ ООН S/13616

¹¹ Письмо поверенного в делах постоянного представительства Ирана при Организации Объединённых Наций от 13 ноября 1979 г. на имя Генерального секретаря. Документ ООН S/13626

¹² Письмо Генерального секретаря от 25 ноября 1979 г. на имя председателя Совета Безопасности. Документ ООН S/1364

¹³ Письмо поверенного в делах постоянного представительства Ирана при Организации Объединённых Наций от 27 ноября 1979 г. на имя председателя Совета Безопасности. Документ ООН S/13650

¹⁴ 2172-е заседание Совета Безопасности. Официальный стенографический отчёт. Документ ООН S/PV.2172

¹⁵ Заявление председателя Совета Безопасности от имени Совета на 2172-м заседании 27 ноября 1979 г.

■ Исследовательские статьи

как и предполагалось, состоялось 1 декабря 1979 г. В ходе заседаний США, при поддержке большинства выступавших, обвиняли Иран в тяжком нарушении международного права и требовали освободить заложников. Представитель СССР, выразивший симпатию своего государства к народу Ирана, указал, что нарушение Венской конвенции о дипломатических сношениях недопустимо, и Совет должен предпринять все усилия для разрешения кризиса¹⁶.

Проект резолюции, подготовленный в ходе консультаций между членами Совета, был принят единогласно на 2178-м заседании 4 декабря 1979 г. В последовавшем выступлении Генеральный секретарь, среди прочего, ещё раз призвал все стороны к сдержанности. Завершилось последнее заседание из этой серии выступлением представителя США, который указал на важность решения подобных проблем в органах ООН и выразил надежду на то, что Иран прислушается к мнению Организации и освободит заложников. Также США подтвердили, что не собираются добиваться изоляции Ирана или вмешиваться в его внутренние дела¹⁷.

Принятая резолюция призвала Иран немедленно освободить американских дипломатов, обе стороны – проявить сдержанность и решать проблемы в двусторонних отношениях мирными средствами, а Генерального секретаря – оказать добрые услуги для разрешения опасной ситуации¹⁸.

Стоит отметить, что в ходе указанных четырёх заседаний, ряд выступавших неоднократно ссылались на статью 99 Устава, выражая признательность Генеральному секретарю за его действия и поддерживая их¹⁹. Особенно стоит выделить выступление представителя Бельгии, в котором он упомянул, что «только в четвёртый раз за долгую историю Организации Объединённых Наций Генеральный секретарь был вынужден использовать свои прерогативы, которыми он наделен по Уставу» [6].

Сложно говорить о выдающемся успехе ООН в этом конкретном случае. Драма с захва-

том заложников продолжалась ещё более года после принятия резолюции, и решение было найдено скорее на двустороннем уровне, нежели на уровне всемирной организации. Отношения между двумя странами продолжали накаляться, дипломатические отношения были разорваны, в апреле 1980 г. администрацией Картера были введены жёсткие экономические санкции против Ирана.

Между тем, как известно, США не предприняли попытки начать широкую военную операцию для освобождения заложников, на что имели моральное право, и что могло бы привести к непредсказуемым последствиям в масштабах региона, а то и всего мира. Единственная попытка силового решения – неудавшаяся операция «Орлиный коготь» в конце апреля 1980 г., не направленная на нанесение ущерба стране. После начала ирано-иракской войны, Тегеран стал нуждаться в финансовых средствах. Переговоры при посредничестве Алжира привели к тому, что США согласились «разморозить» 8 млрд долларов из иранских активов и не преследовать захватчиков, а Иран согласился отпустить заложников. Они были освобождены в день инаугурации нового президента США Р.Рейгана 20 января 1981 г.²⁰.

Можно ли утверждать, что усилия Курта Вальдхайма предотвратили войну? Это было бы не вполне верно – как и в любом политическом процессе здесь сложилось большое количество факторов. К тому же, попытка Вальдхайма лично договориться об освобождении заложников полностью провалилась. В начале 1980 г. он прибыл в Иран с этой целью, однако аятолла Хомейни отказался принять его, а рядовые иранцы восприняли его приезд крайне враждебно. Согласно ряду источников, причиной этого оказались неудачно подобранные формулировки в речи Вальдхайма²¹. Однако именно Генеральный секретарь вынес рассмотрение этой взрывоопасной проблемы на наиболее высокий международный уровень, чем убедил стороны сохранить спектр последовавших действий в

¹⁶ 2175-е заседание Совета Безопасности. Официальный стенографический отчёт. Документ ООН S/PV.2175(OR). 2176-е заседание Совета Безопасности. 2 декабря 1979 года. Официальный стенографический отчёт. Документ ООН S/PV.2176. 2177-е заседание Совета Безопасности. Официальный стенографический отчёт. Документ ООН S/PV.2177(OR).

¹⁷ 2178-е заседание Совета Безопасности. 4 декабря 1979 года. Официальный стенографический отчёт. Документ ООН S/PV.2178(OR).

¹⁸ Резолюция Совета Безопасности 457 (1979) от 4 декабря 1979 года. Документ ООН S/RES/457(1979).

¹⁹ Там же.

²⁰ Iranhostagecrisis. Infoplease [Электронный ресурс]. URL: <http://www.infoplease.com/encyclopedia/history/iran-hostage-crisis.html> (дата обращения: 06.02.2016).

Захват посольства США в Тегеране 4 ноября 1979 года. Справка. РИА Новости [Электронный ресурс]. URL: <http://ria.ru/world/20091104/191810271.html> (дата обращения: 06.02.2016).

²¹ самых неловких ошибок перевода в истории. OddLife. [Электронный ресурс]. URL: <http://oddlife.ru/989/> (дата обращения: 06.02.2016).

Умер бывший генсек ООН Курт Вальдхайм. BBC. Русская служба. [Электронный ресурс]. URL: http://news.bbc.co.uk/hi/russian/international/newsid_6754000/6754101.stm (дата обращения: 06.02.2016).

Что такое переговорная сила? Mindspace. [Электронный ресурс]. URL: http://mindspace.ru/858-peregovornaya_sila/ (дата обращения: 06.02.2016).

правовом поле. Можно сказать, что как минимум США были просто вынуждены вести себя в рамках цивилизованных правил после вынесения вопроса на рассмотрение Совета Безопасности и последовавшего широчайшего резонанса, видимого по количеству участников заседаний, не являвшихся членами Совета.

Последний из случаев явного применения Генеральным секретарём своего права согласно статье 99 Устава произошёл в 1989 г. С 1975 г. в Ливане шла гражданская война, положение осложнило военное вмешательство соседней Сирии. В 1989 г. ситуация ухудшилась. Обострилось вооружённое противостояние, появилась опасность прямого вмешательства новых участников, в том числе великих держав.

Сложившаяся ситуация побудила Х. Переса де Кэульера 15 августа 1989 г. обратиться к Совету Безопасности с требованием о созыве заседания. Заседание было созвано в тот же день, однако, как и ещё три заседания вплоть до конца ноября 1989 г. не привело к принятию каких-либо обязательных решений. Только 29 ноября была принята резолюция 645 (1989), продлевавшая мандат Сил ООН в Ливане на полгода.

Стоит отметить, что в данном случае Генеральный секретарь лишь обратил внимание СБ на конкретное обострение ситуации, уже находящейся в фокусе внимания Совета (предыдущее заседание, посвящённое ситуации на Ближнем Востоке, состоялось 31 июля, то есть всего за две недели до заседания, созванного де Кэульером. Учитывая этот факт, а также то, что фактически принятие решения было отложено на значительный срок, данный случай представляется менее значимым в контексте рассмотрения политических полномочий Генерального секретаря ООН.

Использование заложенных в Уставе ООН возможностей Генеральных секретарей представляется не их приоритетной задачей, но в определённой мере воздействует на международную среду. Наибольшая политическая активность наблюдалась в периоды пребывания в

должности Генерального секретаря таких дипломатов, как Даг Хаммаршёльд, У Тан, Курт Вальдхайм, Хавьер Перес де Куэльяр. Что говорит не только о личностном факторе, но и о поиске в рамках институтов ООН оптимальных механизмов миротворческой деятельности. Например, работа Дага Хаммаршёльда в отношении миротворчества сводилась не только к использованию потенциала 99-й статьи Устава ООН, но и к поиску других форм воздействия на кризисные ситуации.

В последнее время использование рассматриваемого инструментария сократилось. Конечно, этот факт демонстрирует некоторое снижение личной заинтересованности Генеральных секретарей в развитии политического потенциала своей должности. Также уменьшение частоты использования этого правового средства связано с институциональными изменениями, произошедшими в ООН с созданием структур (Департамент операций по поддержанию мира Секретариата, Комиссия по миростроительству и оказывающее ей содействие Управление по поддержке миростроительства Секретариата, а также ряд других), способных дополнить работу уставных органов по предотвращению конфликтов. Существует также мнение о том, что это связано с ограниченностью ресурсов, в частности информационных, Генерального секретаря по сравнению с государствами-членами ООН, располагающими дипломатическими миссиями и разведывательными службами и сопротивляющимися получению Секретариатом дополнительных ресурсов и полномочий, позволяющих Генеральному секретарю приобрести необходимую независимость. [2]

Как и другие важные основы деятельности ООН, политический потенциал Генерального секретаря восходит к процессу создания Организации. Несмотря на то, что основные архитекторы ООН видели роль Генерального секретаря как техническую, трагический опыт Лиги Наций вынудил их создать механизм воздействия на основные органы, лежащий вне возможностей государств-членов.

Список литературы

1. Арутюнян Д.Г. Генеральный секретарь ООН и международное право: монография. Воронеж: Институт ИТОУР, 2010. 218 с.
2. Chesterman S. *Shared Secrets: Intelligence and Collective Security*. Sydney: Lowy Institute for International Policy, 2006. 115 p.
3. Preventing Terrorism? Direct Measures First—Intrusive, Normative, and Personal. *Conflict Prevention from Rhetoric to Reality. Vol.2: Opportunities and Innovations*. Schnable A., Carment D.(eds.). Latham, ML, Lexington Books, 2004.Pp.307-313.
4. Jensen E. The Secretary-General's Use of Good Offices and the Question of Bahrain // *Millennium*. 1985, Vol. 14. No. 3. Pp. 335–348.
5. *United Nations, Divided World: The UN's Roles in International Relations*. Ed. by Roberts A., Kingsbury B. 2d ed. Oxford: Clarendon Press, 1993. 606 p.
6. *Secretary or General? The UN Secretary-General in World Politics*. Ed. by S. Chesterman. Cambridge, UK, Cambridge university press, 2007. 280 p.

■ Исследовательские статьи

7. *Servant of Peace: A Selection of the Speeches and Statements of Dag Hammarskjöld*. Ed. by Wilder Foote. New York, Harper & Row, 1963. 388 p.
8. Trygve L. In the Cause of Peace: Seven Years with the United Nations. New York: Macmillan, 1954. 473 p.

Об авторе

Владислав Александрович Плотников – к.полит.н., м.н.с. Международной лаборатории экономики, управления и политики в области здоровья Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики». E-mail: va.plotnikov@hse.ru.

Дмитрий Геннадьевич Новик – аспирант кафедры американских исследований Санкт-Петербургского государственного университета, ведущий специалист Управления международного сотрудничества Северо-Западного института управления РАНХиГС. E-mail: novikdg@gmail.com.

**UN SECRETARY-GENERAL NORMATIVE CAPABILITY
TO INFLUENCE THE SECURITY COUNCIL DECISION-MAKING
PROCESS**

D.G. Novik, V.A. Plotnikov

North-West Institute of Management, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (RANEPA), 199178, Russia, Saint-Petersburg, 57/43 Sredniy prospect of Vasilyevsky ostrov. St.Petersburg State University, 7/9 Universitetskaya nab., St. Petersburg, 199034 Russia.
National Research University Higher School of Economics, 101000, Moscow, Myasnitskaya Ulitsa, 20.

Abstract: *The present article studies the issue of the interrelation between the senior UN official – the Secretary-General and the main UN body – the Security Council. The nature of the Secretary-General role is ambiguous since the very creation of the UN. On one hand, the Secretary-General leads the Secretariat – the body that carries out technical and subsidiary functions in relation to other UN Main Bodies. This is the way the Secretary-General position was initially viewed by the UN authors. On the other hand, the UN Charter contains certain provisions that, with a certain representation, give the Secretary-General vigorous powers, including political ones. Since the very beginning of the UN operation the Secretary-Generals have tried to define the nature of these auxiliary powers, formalize the practice of their use. Special place among these powers have the provisions given in the Charter article 99. This article give to the Secretary-General the right to directly appeal to the Security Council and draw its attention to the situation that, in his (Secretary-General's) opinion may threaten the international peace and security. This right was used by some Secretary-Generals during different crises occurred after the creation of the UN. This article covers consecutively the crisis in Congo, Iran hostage crisis and the situation in Lebanon. These are three situations that forced Secretary-Generals Hammarskjöld, Waldheim and de Cuellar to explicitly use their right to appeal to the Security Council. Other cases in UN history involving the Secretary-General appealing to the Security Council while mentioning article 99 cannot be considered as the use of the nature of this article in full sense of its spirit. Such cases were preceded by other appeals to the Council on the same situations by other subjects (notably, the UN member states) or other actions that made Secretary-General to merely perform its technical function. The main research problem here is the search for the UN instrument that could grant the Secretary-General with political powers I addition to existing administrative ones. The outcomes of the analysis show that the main instrument of such kind is the UN Charter Article 99. However, the degree of its usage activity is decreasing over time.*

Key words: United Nations, Secretary-General, UN Charter, international security, Congo, Iran, Lebanon, Dag Hammarskjöld, Kurt Waldheim, Javier Perez de Cuellar, political powers, peacekeeping.

References

1. Arutiunian D.G. *General'nyi sekretar' OON i mezhdunarodnoe parvo*: monografiia [UN Secretary-General and international law: monograph]. Voronezh, Institut ITOUR Publ., 2010. 218 p. (In Russian).
2. *Chesterman Simon. Shared Secrets: Intelligence and Collective Security*. Sydney, Lowy Institute for International Policy Publ., 2006. 115 p.

3. Preventing Terrorism? Direct Measures First—Intrusive, Normative, and Personal. *Conflict Prevention from Rhetoric to Reality, vol. 2: Opportunities and Innovations*. Albrecht Schnable and David Carment (eds.). Latham, ML, Lexington Books Publ., 2004, pp.307-313.
4. Jensen E. The Secretary-General's Use of Good Offices and the Question of Bahrain. *Millennium*, vol. 14, no. 3 (1985), pp. 335–348.
5. *United Nations, Divided World: The UN's Roles in International Relations*. Roberts Adam and Kingsbury Benedict (eds.). 2d ed. Oxford, Clarendon Press Publ., 1993. 606 p.
6. *Secretary or General? The UN Secretary-General in World Politics*. Ed. by Simon Chesterman. Cambridge, UK, Cambridge university press Publ., 2007. 280 p.
7. *Servant of Peace: A Selection of the Speeches and Statements of Dag Hammarskjöld*. Ed. by Wilder Foote. New York, Harper & Row Publ., 1963. 388 p.
8. Trygve Lie. *In the Cause of Peace: Seven Years with the United Nations*. New York, Macmillan Publ., 1954. 473 p.

About the author

Vladislav Aleksandrovich Plotnikov – PhD in political science, junior research fellow, International Centre for Health Economics, Management, and Policy, National Research University Higher School of Economics. E-mail: plotnikov@hse.ru.

Dmitry Guennadievich Novik – postgraduate student of the Chair of American researches, St. Petersburg State University, international coordinator within the Department of International Cooperation in the North-West Institute of Management, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (RANEPA). E-mail: novikdg@gmail.com.

НЕОИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЙ ПОДХОД КАК МЕТОДОЛОГИЧЕСКАЯ ОСНОВА ИССЛЕДОВАНИЯ ЭЛЕКТРОННОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА

Я.И. Ваславский, С.В. Габуев

Московский государственный институт международных отношений МИД России.
119454, Россия, Москва, пр. Вернадского, 76.

.....

Статья посвящена рассмотрению неоинституционального подхода как методологической основы изучения электронного правительства. В рамках данной работы обосновывается выбор неоинституционального подхода к изучению процессов внедрения информационных и коммуникационных технологий в деятельность государственных институтов, анализируются отличия неоинституционализма от традиционного институционального подхода, рассматриваются особенности различных направлений неоинституционализма, а именно социологического, исторического и теории рационального выбора. Внимание уделено причинам возрождения интереса к политическим институтам в политической науке. Подчеркивается важность рассмотрения электронного правительства как института, а условий его внедрения в российскую политическую систему - как институциональной среды. Особое внимание уделено социологической разновидности неоинституционализма, применяемого, помимо политической науки, в социологии организаций. На основе сравнительного анализа проектов электронного правительства в России и зарубежных странах обосновывается ценность использования социологического институционализма для изучения электронного правительства, исследуются его эвристические возможности. В рамках данного подхода изучается влияние системы норм и ценностей институциональной среды на процессы становления и развития электронного правительства в России. Рассматриваются вопросы применения теории институционального изоморфизма в исследовании электронного правительства. Отмечается, что исследовательские возможности данной теории обусловлены тем, что она позволяет проследить причины копирования и тиражирования неэффективных практик и организационно-управленческих схем, определить факторы, препятствующие инновационности применяемых государством технологий электронного взаимодействия. Подчеркивается, что использование теории институционального изоморфизма полезно в тех сферах реализации электронных правительственных технологий, в которых ключевую роль играют плюрализм, горизонтальные управленческие связи, межведомственная координация.

.....

Ключевые слова: неоинституционализм, институциональный подход, электронное правительство, социологический неоинституционализм, методология.

Потребность в рассмотрении неoinституционализма как методологической базы исследования электронного правительства основана на институциональной природе самого явления электронного правительства, необходимости учёта совокупности формальных и неформальных условий его внедрения, которые определяют эффективность реализации электронного правительства в конкретной институциональной среде.

Новизна исследования состоит в рассмотрении возможностей неoinституционализма при сравнительном анализе российской и мировой практики развития электронного правительства. Такой подход позволяет продемонстрировать эвристический потенциал неoinституционального подхода на примере реальных проектов внедрения информационных и коммуникационных технологий в сферу взаимоотношений власти и общества. Проблематика исследования представляется недостаточно изученной в связи с отсутствием в научной литературе работ, непосредственно посвящённых анализу применения социологического неoinституционализма при изучении процессов внедрения электронного правительства в деятельность властных структур и отражающих исследовательские возможности данной методологии на примере реализации соответствующих проектов в России и зарубежных странах.

Анализ проблем формирования электронного правительства в сравнительно-институциональной перспективе позволяет определить эффективность государственной политики в данной сфере, оценить качество отечественного институционального порядка, соответствие основных институциональных характеристик электронного правительства уже существующим в российской политической сфере институциональным отношениям, выявить перспективы формирования нового институционального дизайна, включающего в качестве одного из основных элементов электронные правительственные технологии.

В обзорном исследовании Организации Объединённых Наций «United Nations E-Government Survey 2014: E-Government for the Future We Want», посвящённом электронному правительству, оно определяется как «внедрение и использование государственными органами информационных технологий в государственном управлении для оптимизации и интеграции процессов и процедур в целях эффективного управления данными и информацией, улучшения качества предоставления государственных услуг и расширения каналов коммуникации для вовлечения людей в процесс принятия политических решений» [23, с. 2].

Согласно Концепции формирования в Российской Федерации электронного правительства до 2010 г., утверждённой распоряжением Правительства Российской Федерации от 06.05.2008 № 632-р, под электронным правитель-

ством понималась «новая форма организации деятельности органов государственной власти, обеспечивающая за счёт широкого применения информационно-коммуникационных технологий качественно новый уровень оперативности и удобства получения организациями и гражданами государственных услуг и информации о результатах деятельности государственных органов». Следует отметить более широкое понимание концепта «электронного правительства» в обзорном документе ООН, чем в отечественном официальном концептуальном документе, включающее возможность участия населения во взаимодействии с властными структурами на основе использования информационных технологий.

Институциональный подход в социальных науках в настоящее время, по оценкам учёных, переживает значительный подъём, который продолжается последние 25-30 лет. В отечественной науке данное методологическое направление отличается различными временными периодами интенсификации аналитического интереса в зависимости от отрасли научного знания. Если в политической науке интерес к институциональному анализу активизировался начиная с середины 1990-х гг., то в экономической теории институционализм гораздо раньше обратил на себя внимание отечественных исследователей [5].

Значимость институциональной теории признается виднейшими представителями политической науки. Так, по утверждению Р.И. Гудина и Х.-Д. Клингемана, «в настоящее время институциональный подход доминирует в политической науке в целом и в её отдельных субдисциплинах» [5, с. 43].

Особая роль институционализма подчёркивается и в исследованиях в рамках сравнительной политологии. «Институциональный подход составляет базис сравнительной политологии. Он остается основополагающим», указывает Д.И. Аптер [2, с. 363]. Такое утверждение он делает на основе разделения множества подходов к сравнительному исследованию на три главных: институционализм, деволюционализм (политический и экономический) и неoinституционализм. Причём последний подход (неoinституционализм) учёный определяет как сочетание первых двух и обращает внимание на то, что «неoinституционализм не только вернул государство в поле зрения исследователей, но и изменил направление внимания деволюционалистов в сторону большего операционализма, рассчитанного на изучение функционирования политических систем и государства» [2, с. 363].

Для понимания сущности нового институционализма необходимо определить его отличительные черты по отношению к «старому» или классическому институционализму. Как замечает Б. Питерс, «частое использование термина «новый институционализм» подразумевает, во-первых, что в прошлом существовал некий старый институционализм, и во-вторых,

что современная версия чем-то отличается от него» [12, с. 218].

«Старый» институционализм характеризовался акцентом на изучении формальных норм, совокупности фасадных черт государственных, административных учреждений, политическая сфера исследовалась главным образом через официальные государственные институты, особое внимание уделялось легальным нормам и процедурам, определяющим функционирование политических институтов. Классический институционализм, представленный трудами В. Вильсона, Дж. Брайса, Т. Коула, Г. Картера, К. Фридриха отличается описательно-индуктивным подходом к исследуемым явлениям: официальным органам власти и их формальной структуре. В целом же, по мнению Т.А. Алексеевой, «институциональный подход использует три основных метода исследования: описательно-индуктивный, формально-легальный и историко-компаративистский» [1, с. 98].

Первоначальный институционализм получил название «старого» или классического в середине 1980-х гг., когда начал складываться неoinституционализм. При этом начиная с 1950-х гг. и до 1980-х гг. наблюдался определенный спад интереса к институциональному анализу, что обусловлено, главным образом доминированием в этот период бихевиорализма и теории групп. Политические институты и организационные формы отодвигались на задний план, внимание было сосредоточено на анализе социально-экономических и культурных факторов политической жизни. В частности в марксистском (неомарксистском) политическом анализе институты рассматривались лишь как арена борьбы за власть между группами интересов, учитывались только в качестве производной от экономического базиса и не обладали самостоятельной ролью в этих процессах, не являлись независимой причиной политических изменений [14, с. 155].

Ответом именно на эти методологические течения является неoinституционализм, возникновение которого в политической науке часто связывают с выходом статьи Дж. Марча и Й. Олсена «Новый институционализм: Организационные факторы в политической жизни» [18], в которой на основе критики ряда особенностей, присущих политическим теориям 1950-х гг. (контекстуализм, редукционизм, утилитаризм, инструментализм и функционализм), постулируются принципы нового институционализма. К методологиям, ответом на которые стало появление нового институционализма, иногда относят и структурный функционализм [15]. Вместе с тем, тенденция к возвращению институтов в сферу политического анализа наметилась уже в 1970-е гг. в разных методологических традициях, что обусловило появление нескольких направлений нового институционализма [10, с. 41]. Отмечается также, что возрождению интереса к политическим институтам в политиче-

ской теории способствовала работа Дж. Роулза «Теория справедливости» 1971 г. [14, с. 153]. Существенное влияние на процесс становления неoinституционализма в политической науке оказал «экономический империализм». Экспансия экономической методологии в социологию, политологию и другие науки прослеживается в частности в заимствовании экономической терминологии и концептуальных построений (транзакционные издержки и пр.) [13, с. 110].

Отдельные учёные связывают появление неoinституционализма с неспособностью «традиционных» методологий предсказать крупные институциональные преобразования. Например, Д.И. Аптер приводит в качестве одной из причин развития неoinституционализма то, что «неoinституциональный анализ оказался востребованным в связи с распадом Советского Союза. Если по окончании холодной войны началась третья волна демократизации, то, в не меньшей степени, активизировались такие политические явления, как сепаратизм и религиозное сектантство и фундаментализм, ни одно из которых не было спрогнозировано и не могло быть объяснено теориями «социального изменения» [2, с. 374]. Таким образом, подчеркиваются прогностические возможности неoinституционального подхода и его эвристический потенциал при анализе крупных политических трансформаций.

При этом необходимо сразу отметить, что новый институционализм не является прямым противопоставлением «старому» институциональному подходу, скорее он дополняет его новым взглядом на факторы воспроизводства институтов. По справедливому замечанию С.В. Патрушева, «новый институционализм, с одной стороны, продолжает институциональную традицию, а с другой — использует достижения своих исторических оппонентов» [7, с. 9].

В чём же состоят отличия нового институционализма от классического институционального подхода? Ответ на этот вопрос представляется важным для понимания исследовательских возможностей данного подхода и обоснования его применения к анализу концепта электронного правительства. Значимость отличий неoinституционализма от его предшественника подчеркивается и в исследовательской среде, отмечается даже, что «различия между старым и новым институционализмом являются ключевыми для понимания развития современной политической теории» [12, с. 218].

Прежде всего, необходимо отметить, что неoinституционализм не является однородным течением, в его рамках существует множество подходов, значительный круг оценок и суждений, основанных главным образом на разной интерпретации института как явления в политическом, социологическом и экономическом институционализме (теория рационального выбора) [7, 11].

Неoinституционализм имеет в качестве основных отличительных черт по отношению

к «старому» институционализму смещение акцента от исследования формальных структур к изучению институциональных полей, совокупности норм и ценностей, упор на социокультурную обусловленность политических процессов и институтов. Представители данного подхода считают основным фактором формирования и эволюции институтов легитимность в восприятии этих институтов обществом, а не юридические установления, инициированные государством. Неоинституционалисты трактуют институты не как формальные нормы и официальные организации, а как реально действующие «правила игры», структурирующие взаимодействие между людьми в целях минимизации издержек этого взаимодействия, связанных в частности с возможностью оппортунистического поведения участников и их ограниченной рациональностью (Г. Саймон). Это, безусловно, более объёмное толкование институтов. Так, по мнению Б. Питерса, «одним из достоинств нового институционализма является то, что благодаря ему можно вести речь об институтах с более широкими компаративистских позиций» [12, с. 220].

Неоинституционализм полагает в качестве причины той или иной модели принятия управленческих решений и политического поведения институциональные процедуры. Отсюда, убеждение в возможности изменения качества политических решений при изменении институтов их определяющих. Вместе с тем, по утверждению Б. Питерса, «современный институциональный анализ изучает скорее реальное поведение, чем лишь формальные, структурные аспекты институтов» [12, с. 219]. Одной из основных черт нового институционализма является также фокус на результатах публичной политики в виде политических решений, государственных программ, стратегий, официальных концептуальных документов [7, с. 13; 13, с. 219]. Отмечается преимущественное использование количественных методов анализа, что связано с влиянием экономического инструментария. В этой связи Д. Аптер делает вывод, что «неоинституционализм не столь ограничен, как прежний институционализм, он восприимчив к экономическому анализу, ибо имеет дело с финансовой и валютной политикой, банками, рынками и глобализацией» [2, с. 376].

В связи с тем, что основной методологической установкой неоинституционализма является принцип «институты важны», в рамках данного подхода постулируется представление о политических институтах как реальных акторах, имеющих собственные интересы и определяющих направления и модели активности людей в политике посредством установления ограничений индивидуального выбора. Институциональный контекст, таким образом, определяет результаты политики, функционирование институтов и их качество отражаются на политическом поведении индивидов и характери-

ках политической системы. Расширяя предмет своего анализа за пределы органов государственной власти и нормативно-правовой базы их функционирования, неоинституционалисты исследуют все социетальные институты, структурирующие взаимоотношения людей по поводу власти и управления, добавляя к институтам также акторов, ресурсы и стратегии [8, с. 209]. Существенным преимуществом неоинституционализма является то, что данный подход снимает противоречие между формально-юридическим и социо-культурным контекстом в факторах формирования институционального порядка.

Несмотря на достоинства нового институционализма, этот подход не лишён и определённых недостатков [5, с. 32]. Отмечается, в частности, слабость неоинституционализма в анализе институциональных изменений, что связано с влиянием фактора исторической обусловленности в неоинституциональном подходе, больше подходящего для объяснения статичных, а не динамичных явлений мира политики. К недостаткам неоинституционализма относят также его структуралистскую специфику, в рамках которой деятельность акторов обусловлена главным образом «логикой соответствия», а не требованиями эффективности в достижении целей.

В неоинституционализме выделяют три главных подхода: социологический, исторический и теорию рационального выбора [5, с. 34; 20, 22, 26]. Помимо указанных основных направлений различают также структурный, медиаторный, международный и эмпирический институционализм [10].

Социологический (или нормативный) институционализм сосредотачивается на исследовании ценностной основы деятельности акторов и культурного контекста, в рамках которого функционируют организации. Представителями социологического (нормативного) институционализма являются Дж. Марч и Й. Олсен, интерес которых был, главным образом, связан с организационными факторами политической жизни [12, с. 221]. Данный подход акцентирует внимание на кодах, нормах должного поведения, которыми руководствуются акторы в организациях. Действуя на основе своего восприятия того, что есть «правильное поведение» с точки зрения принятых в данной среде норм, акторы сопротивляются внутренним и внешним изменениям, особенно если это связано с их профессиональной деятельностью и функционированием организации. Акторы внутри организаций связаны общими ценностями, что объясняет не только их склонность к срыву возможных изменений, но и способность организаций к самовоспроизводству. Таким образом, социологический институционализм определяет институты в терминах системы убеждений акторов, которых в свою очередь рассматривает скорее как членов профессиональных, деловых ассоциаций и союзов, чем как рационально действующих индивидов, преследующих свои собственные

интересы. Подчёркивается, что индивиды внутри организаций настроены консервативно, боятся перемен и решительны в отстаивании организационных принципов и норм. Для социологического институционализма характерно использование гибких категориальных схем при объяснении предметов анализа [10, с. 40]. Именно для социологического (нормативного) институционализма справедливы слова Дж. Хаса о том, что «неоинституционалисты видят в человеке больше, чем просто холодный расчёт. Они видят его как порождение обычаев, смыслов, власти и непредвиденных обстоятельств» [16, с. 115].

Исторический институционализм подчёркивает значимость решений и выбора, сделанных ранее, и вводит понятие «тропы зависимости», согласно которому траектория трансформации институциональной среды обусловлена изначально принятыми решениями. Особое внимание уделяется пониманию важности исторической обусловленности социальных и политических процессов в целом и исторической специфике отдельных сфер публичной политики и государственного управления в частности. Принятие решений, согласно данному подходу, определяется траекторией предыдущего развития, и изменение этой траектории воспринимается как излишне затратная деятельность. Отличительной чертой данного направления является внимание к государству и государственному сектору, а также то, что государство воспринимается не как единая организация или институт, а как совокупность взаимосвязанных организаций с собственными интересами [12, с. 223]. Традиции, наследие рассматриваются как независимые переменные, указывается на то, что политические решения обусловлены предыдущим выбором, политические деятели не могут игнорировать заключенные ранее договорённости и обязательства, существующую легитимную конфигурацию взаимоотношений, сформированную до них институциональную среду, высказываются опасения в способности государственных органов самостоятельно реформировать свою деятельность.

Согласно теории рационального выбора, институты не более чем отражение коллективной воли. Данный подход рассматривает институты с инструментальной точки зрения, как средство максимизации выгод индивидов. Институционализм рационального выбора развился вследствие влияния экономической науки на политологию [10, с. 41]. Институты, описываемые с позиции средства достижения цели, согласно данному подходу, являются постольку важными, поскольку могут ограничивать негативные последствия индивидуального взаимодействия. Институционализм рационального выбора пытается соединить методологический индивидуализм с институциональным дизайном. Свидетельством признания значимости теории рационального выбора является награв-

ждение представителей данного методологического направления Нобелевской премией по экономике – Д. Норта в 1993 г. и Дж. Бьюкенена в 1986 г. за исследование договорных и конституционных основ теории принятия экономических и политических решений [12, с. 222]. Для теории рационального выбора специфичным является следование дедуктивно-номологической объяснительной модели, согласно которой, предмет анализа исследуется через подведение его под общие законы [10, с. 40].

Общим для всех направлений неоинституционализма является интерпретация институтов как факторов, определяющих направление политического развития. Институты обеспечивают стабильность и предсказуемость, регулярность и устойчивость поведения акторов, они влияют на политический выбор. Институты могут выступать и как зависимые переменные и как независимые, поскольку создаются индивидами, но испытывают на себе влияние социума.

Несмотря на наличие общих точек соприкосновения разных направлений неоинституционализма, необходимо учитывать и существенные отличия в этих подходах. В этой связи П.В.Панов обращает внимание, что «институционализм рационального выбора и социологический институционализм ... фундаментально различаются в понимании социальной реальности и природы институтов» [10, с. 39-40]. Этот же автор предлагает считать институционализм рационального выбора и социологический институционализм не просто разными направлениями нового институционализма как одного методологического течения, но разными институционализмами, имея в виду существенные отличия этих подходов в интерпретации социальности действительности и сущности институтов *per se* [10, с. 41].

На важность использования институционального подхода к изучению процессов построения «Виртуального государства» обращает внимание Дж. Фонтейн, отмечая, что «включённость правительственных чиновников в познавательные, культурные, социальные и институциональные структуры влияет на дизайн, восприятие и использование интернета и связанных с ним [информационных технологий]» [17, с. 88]. Дискутируя с Дж. Фонтейн, К. Янг акцентирует несколько важных аспектов использования неоинституциональной теории: во-первых, в научном сообществе отсутствует единство в понимании возможностей сочетания различных направлений неоинституционализма, напротив речь идет скорее о том, что разные направления неоинституционализма применимы для разных предметных областей; во-вторых, подчёркивается незрелость и двойственность неоинституционализма при анализе институциональных изменений, излишняя идеалистичность и слишком широкий подход при эмпирических исследованиях. [24, с. 232-242]. Представляется, что учёт

подобных ограничений при использовании неоинституционального подхода позволяет избежать неверной интерпретации результатов исследования.

Интересным для анализа развития электронного правительства представляется рассмотрение разновидности неоинституционализма, применяемого в социологии организаций. Эвристические возможности этого типа неоинституционализма в исследовании электронного правительства мы считаем недостаточно изученными и перспективными, поскольку в основе становления информационного общества лежит взаимообусловленная деятельность государственных и негосударственных организаций. Недостаточная изученность электронного правительства с точки зрения влияния на его становление и развитие окружающей политической и институциональной среды, необходимость более глубокого исследования политической природы электронного правительства являются, по мнению учёных, актуальными задачами при анализе данного феномена. [25, с. 647].

Как отмечает Дж. Хасс, «неоинституционализм появился из двух выдающихся работ: статьи Мейера и Роуэна «Институционализированные организации: формальная структура как миф и ритуал» и статьи ДиМаджио и Пауэлла «Ещё раз о «железной клетке»: институциональный изоморфизм и коллективная рациональность в организационных полях». Из этих статей выросла целая школа социологической мысли, бросившая вызов экономической теории, теории организаций и даже политической социологии» [16, с. 112-113]. По мнению П.В. Панова, именно теория организаций (Дж. Мейер и Б. Роуэн, П. Дж. ДиМаджио и У. В. Пауэлл) явилась основой зарождения социологического институционализма, а «пионеры» неоинституционализма Дж. Марч и Й. Олсен принадлежали именно к данной научной традиции [10, с. 41]. На важность работ этих учёных (Дж. Мейер и Б. Роуэн, П. Дж. ДиМаджио и У. В. Пауэлл) для становления и развития неоинституционализма указывает также Б. Ротстайн [14, с. 156, 160].

Предварительно оговоримся, что, несмотря на анализ организационных структур в данных работах, институты и институциональный анализ проходят красной нитью через их исследовательскую логику. В этой связи Дж. Хасс замечает, что «... авторы просто обсуждают организации, но довольно скоро становится понятно, что, поскольку организации являются частным случаем институтов, зарождающаяся теория ... имеет дело с институтами вообще» [16, с. 115].

Рассмотрим для начала взгляды Дж. Мейера и Б. Роуэна на причины изменений организационных стратегий и структур организаций. Эти учёные пытались выявить факторы, обуславливающие перемены в деятельности организаций, которые не ведут к повышению эффективности их деятельности, однако отвечают требованиям институционального поля, в котором функцио-

нируют данные организации и тем самым, считаются легитимными.

Дж. Мейер и Б. Роуэн отмечают характерную особенность влияния институциональной среды на организации, функционирующие в этой среде: организации вынуждены внедрять в свою деятельность нормы и стандарты, которые признаны рациональными и легитимными в данной среде. Это позволяет им обрести легитимность и поддержку со стороны государства. Указанные доминирующие нормы и практики функционируют в обществе как мифы, а организации и институты перенимают их и осуществляют как церемониал.

Вместе с тем такая конформность институтов по отношению к доминирующим нормам и практикам (часто неформальным) институциональной среды во многих случаях противоречит логике эффективности деятельности организаций. Как следствие, попытки поддержать церемониальную конформность организации становятся слабо сцепленными (*loosely coupled*) в части разрывов между своей формальной структурой и целями, ради которых они создаются.

С этой точки зрения интересным представляется рассмотрение электронного правительства и как института, подверженного влиянию других институтов (формальных и неформальных), и как составного элемента общего институционального дизайна, который оказывает формирующее влияние на иные формальные и неформальные институты, в частности на устоявшиеся практики политического управления.

Под влиянием неэффективных институционализированных стратегий, программ и практик концепт электронного правительства рискует не реализовать весь свой потенциал как инновационной модели государственного управления, предполагающей определённые трансформации в существующей институциональной среде. Таким образом, конформность электронного правительства устоявшимся неэффективным практикам, считающимся легитимными в данном конкретном обществе, тенденция к изоморфности по отношению к институциональной среде чреваты снижением эффективности функционирования данного института с точки зрения его изначальных целей.

Другой ракурс рассмотрения проблемы заключается в допущении, что институциональная среда способна содействовать повышению эффективности электронного правительства. В этой связи отмечается, что «многие позиции, стратегии, программы и процедуры современных организаций навязываются общественным мнением; мнением ключевых контрагентов (*constituents*); знанием, легитимированным системой образования; социальным престижем; законами» [9, с. 47]. С данной позиции сформированные населением требования о предоставлении качественных электронных государственных услуг, расширении возможностей интерактивного взаимодействия с властью мо-

гут способствовать более интенсивному внедрению информационных и коммуникационных технологий в деятельность государственных институтов как попытка государства соответствовать рационализированным требованиям окружающей институциональной среды.

В России подобные тенденции влияния институционального поля на деятельность государственных структур могут быть выявлены при анализе взаимоотношений федерального центра и субъектов Российской Федерации в процесс становления электронного правительства. Обладая, в соответствии со статьей 73 Конституции Российской Федерации, всей полнотой государственной власти в пределах своих полномочий, регионы России могут реализовывать проекты в сфере электронного правительства, в частности создавать информационные системы для предоставления государственных услуг, по своему усмотрению. Вместе с тем, действующая практика свидетельствует о том, что федеральные структуры стремятся внедрить такие нормы и стандарты становления электронного правительства, которые препятствуют полноценному освоению имеющегося у субъектов федерации потенциала в данной сфере.

Так, несмотря на то, что регионы в соответствии с положениями Федерального закона «Об организации предоставления государственных и муниципальных услуг» могут создавать региональные порталы государственных и муниципальных услуг, по рекомендациям Подкомиссии по использованию информационных технологий при предоставлении государственных и муниципальных услуг Правительственной комиссии по использованию информационных технологий для улучшения качества жизни и условий ведения предпринимательской деятельности (далее соответственно – Подкомиссия, Комиссия) вынуждены активно вовлекать жителей советующих субъектов федерации в использование федерального портала государственных и муниципальных услуг. Помимо этого, субъекты федерации также принуждаются к использованию федеральной информационной системы идентификации и аутентификации граждан (ЕСИА), вместо создания аналогичных систем на уровне регионов в целях реализации полномочий региональных органов власти. В частности, требования об обязательности интеграции с ЕСИА содержатся в Налоговом кодексе Российской Федерации (ст. 333.35) для случаев получения гражданами скидки в размере 30% при оплате государственной пошлины при совершении юридически значимых действий в электронной форме.

Подобные требования обосновываются необходимостью снижения издержек бюджетов всех уровней за счёт сокращения дублирующих элементов инфраструктуры электронного правительства (порталов государственных услуг, иных инфраструктурных элементов), а также целесообразностью централизации мероприя-

тий в данной сфере в целях построения единообразной системы электронного правительства вне зависимости от региона Российской Федерации. Вместе с тем такие тенденции позволяют предположить формирование институционального поля, способного ограничивать в перспективе возможности региональных властей по развитию собственных моделей электронного правительства и, как следствие, сокращающего пространство для конкуренции между регионами в данной сфере (это тем более справедливо для регионов, обладающих достаточным ресурсным потенциалом - Москва, Санкт-Петербург, Республика Татарстан). Примечательно, что в США, по мнению отдельных учёных, имеет место иная модель взаимоотношений центра и регионов в сфере реализации проектов электронного правительства: вследствие имеющихся географических, демографических и инфраструктурных различий отдельные штаты служат в качестве лабораторий лучших практик электронного правительства. Федеральные чиновники могут находить различные примеры успешного планирования и применения электронного правительства на уровне штатов и использовать указанные практики для реализации будущих решений в сфере развития федеральных информационных систем и сервисов. [21, с.1].

Анализируя последствия конформности институциональных структур по отношению к внешней среде, Дж. Мейер и Б. Роуэн делают несколько важных выводов. Во-первых, организации внедряют в свои формальные структуры элементы институционального окружения, не потому, что указанные элементы являются эффективными для данной организации, а потому, что они легитимированы в институциональной среде. Во-вторых, организации определяют ценность тех или иных структурных элементов, исходя из внешних или церемониальных критериев оценивания. В-третьих, отношения зависимости от внешних институтов, прочные взаимосвязи со средой, обеспечивают устойчивость и стабильность организаций. Отмечается, что «в результате институциональный изоморфизм способствует успеху и выживанию организаций» [9, с. 49]. Здесь ключевую роль играют лояльность и отношение социального окружения к институтам, именно они придают им устойчивость и способствуют выживаемости.

В этом контексте представляется целесообразным рассматривать влияние общественных требований на отдельные направления развития электронного правительства. В частности, ряд проектов в г. Москве, связанных с предоставлением возможностей электронного участия для граждан в принятии управленческих решений городскими властями, выглядит как удовлетворение ощущаемых властью, но ещё не артикулированных обществом потребностей в самостоятельном принятии решений по вопросам, которые не требуют наличия определённых компетенций (переименование станции метро-

политена, организация парковой зоны и другие). Удовлетворяя такие требования населения, создавая признанные средой легитимными элементы общественного участия, власти избегают обвинений в неэффективности, несовременности, нерациональности и ослабляют возможности оппозиции по дискредитации основных направлений государственной политики в указанной сфере.

Примечательно в этом смысле развитие региональными властями города Москвы проектов «Активный гражданин» и «Наш город», направленных на стимулирование участия населения в решение текущих вопросов функционирования городской среды посредством проведения опросов, публичных слушаний, сбора предложений и голосований по ним с использованием информационных ресурсов в сети Интернет. Проект «Активный гражданин», стартовавший в 2014 г., позиционируется в качестве «площадки для проведения открытых референдумов в электронной форме». Согласно Отчёту за 2016 г., в результате реализации проекта за время его существования реализовано 850 решений, принятых по инициативе участников проекта, количество которых по состоянию на ноябрь 2016 г. составило 1 456 265 человек. Немного иную направленность имеет проект «Наш город», который предлагается гражданам как площадка для «конструктивного диалога между жителями и органами исполнительной власти города Москвы по конкретным вопросам городского хозяйства». Основная тематика данного ресурса – это сообщения о выявленных нарушениях в работе городских структур жилищно-коммунального хозяйства и благоустройства. На ноябрь 2016 г. в качестве решенных фигурировало 1 441 866 проблем, ещё 35 220 значились в стадии решения.

Вместе с тем, подобная позитивная динамика и впечатляющие статистические данные не должны заслонять политический контекст данных инициатив, состоящий в стремлении властных структур соответствовать требованиям институциональной среды. В этой связи представляется, что данные проекты в том числе направлены на повышение легитимности властных институтов и формирование поддержки со стороны населения, основанной на мнении о власти, как отвечающей требованиям современных моделей электронного государственного управления и использующей механизмы электронной демократии. В научной литературе справедливо обращается внимание, что данные проекты оставляют право принятия окончательного решения за властью, поскольку «результаты голосований на электронном референдуме не имеют юридической силы, а являются консультативным агентом в выборе возможных управленческих решений и ресурсом поддержки инициатив горожан. В результате мы получаем всё тот же «чёрный ящик», который только стал более технологичным» [11, с. 108-113]. Важно

также осознавать, что для проявления реальных социально-политических последствий применения механизмов электронного участия граждан в выработке государственных решений необходимо наработать определённый опыт использования данных инструментов как властью, так и социумом [6, с. 94-100].

Дж. Мейер и Б. Роуэн обращают внимание также на две проблемы, с которыми сталкиваются организации, успех которых сильно зависит от их соответствия институционализированным правилам. Во-первых, возникает конфликт между запросом на эффективность организации и необходимостью соблюдения церемониальных норм институциональной среды, в которой она функционирует. Во-вторых, эти церемониальные нормы могут возникать в разных точках институциональной среды и часто противоречат друг другу, что с неизбежностью ведет к конфликту при попытке их применения. Два примера очень хорошо поясняют логику соблюдения церемониальных норм в ущерб реальной эффективности их действия. «Автобусная компания должна обслуживать установленные маршруты вне зависимости от того, как много пассажиров ими пользуется. Университет должен сохранять некоторые факультеты вне зависимости от набора на них. Таким образом, деятельность обладает ритуальным значением: она поддерживает внешние атрибуты и обосновывает существование организации» [9, с. 58].

Рассматривая концепт электронного правительства с позиций первой составляющей проблемы (противоречие между эффективностью и легитимностью) можно выявить риски, связанные с тенденцией соблюдения только церемониальной составляющей применения информационных и коммуникационных технологий как легитимированных институциональной средой практик и отсутствием реальной эффективности использования указанных технологий для трансформации организационно-управленческих процессов в государственном секторе. В данном контексте следует упомянуть в частности примеры, связанные с переводом в электронную форму низко востребованных у населения (по количеству обращений за отчётный период) государственных услуг. Орган власти в таких случаях, как правило, руководствуется формальными нормами о необходимости предоставления государственных услуг в электронной форме, а не реальной эффективностью результатов этих мероприятий для общества, в том числе в части оправданности бюджетных затрат на их проведение.

Вторая составляющая проблемы изоморфных институциональной среде организаций может быть показана на примере внедрения механизмов электронного участия граждан в процессы принятия управленческих решений в публичной сфере. Указанные механизмы как составная часть электронного правительства с одной стороны поддерживаются населением,

заинтересованным в возможности реального участия в принятии управленческих решений (один полюс институциональной легитимации - неформальный), с другой стороны в большинстве случаев власть относится к этим механизмам с опаской, поскольку их применение может способствовать социально-политической нестабильности и излишней политизации социума (другой полюс институциональной легитимации - формальный).

Таким образом, институт электронного правительства оказывается в ситуации неопределённости, связанной с одной стороны с необходимостью соотнесения противоречивых институциональных требований, а с другой - с потребностью снятия конфликта между стандартами институциональной среды, которым он вынужден соответствовать и требованиями собственной эффективности.

Какой же выход возможен для института из подобных конфликтных отношений между легитимированными обществом церемониальными нормами и требованиями эффективности? Дж. Мейер и Б. Роуэн предлагают четыре возможных сценария частичного устранения указанных выше несоответствий. Во-первых, организации и институты могут оказывать сопротивление рационализированным элементам среды и тем самым подрывать веру в свою эффективность, поскольку такие организации и институты не могут представить документальные (формальные) подтверждения своей эффективности. Во-вторых, организации и институты могут заключить себя в состояние изоляции и отказа от внешних контактов для того, чтобы обеспечить полное соответствие своей деятельности институционализированным предписаниям, что может повлечь определённое разочарование в этом институте поскольку «институционализированные организации должны не только быть конформными по отношению к мифам, но и поддерживать впечатление, что эти мифы действительно работают» [9, с. 59-60]. В-третьих, организации и институты могут заявить о необоснованности институционализированных требований и своей несовместимости с ними, что приводит к потере таким институтом или организацией легитимности. В-четвёртых, организация и институт могут позиционировать себя как структуры, которые находятся в процессе легитимации: обещание трансформации формальных структур института в целях соответствия легитимированным и рационализированным в обществе элементам. Но такой способ, по сути, констатирует нелегитимность существующей версии института и организации.

Так как указанные выше способы разрешения конфликтных отношений являются частичными, предлагается два других взаимосвязанных метода устранения несоответствия между церемониальными правилами и эффективностью: расцепление (*decoupling*) и логика уверенности (*logic of confidence*). Под расцепле-

нием понимается рассогласованность как между элементами формальной структуры института, так и разобщенность между структурой и функционированием института. Этот процесс характеризуется следующим утверждением: «Поскольку попытки контроля и координации деятельности в институционализированных организациях ведут к конфликтам и потере легитимности, элементы структуры отцеплены от деятельности и друг от друга» [9, с. 60]. Логика уверенности и добросовестности - это факторы, обуславливающие легитимность институционализированных организаций и придающие их деятельности характер полезности даже при несоответствии существующим в данной среде техническим требованиям [9, с. 61].

С этим сопряжено несколько рисков для электронного правительства. Во-первых, такое расцепление приводит к тому, что организации и институты делают процедуры проверки и оценивания собственной эффективности церемониальными. Это ставит под сомнение соответствие между относительно высокими статистическими показателями реализации проектов электронного правительства и реальной отдачей от их реализации. В частности, количество государственных услуг, переведённых в электронную форму, с одной стороны не отражает реальную динамику спроса у населения на эти услуги, а с другой, предоставление указанных услуг может быть организовано в электронной форме только частично и получение результата указанных услуг может требовать личной явки заявителя в органы власти. Во-вторых, расцепление провоцирует развитие неформальных отношений внутри структуры института. В рамках электронного правительства могут развиваться неофициальные практики, различные виды деятельности могут делегироваться на региональный и местный уровень, что приводит к несогласованности мероприятий в данной сфере или проблемам с финансовым обеспечением этих проектов.

Все эти механизмы в конечном итоге направлены на уменьшение неопределённости и сохранение при этом формальной структуры института. Формируется общая атмосфера уверенности и удовлетворённости. При реализации проектов электронного правительства возможна ритуальная приверженность ответственных сотрудников государственных органов легитимированным государством элементам института электронного правительства. Данная ситуация объясняется Дж. Мейером и Б. Роуэном следующим утверждением: «Чем в большей степени структура организации происходит из институционализированных мифов, тем активнее она поддерживает выработанные способы продемонстрировать уверенность, удовлетворённость и добросовестность как внутри, так и вовне» [9, с. 62].

В итоге выделяется несколько основных следствий изоморфизма организаций по отно-

шению к развитой институциональной среде, а именно: 1) расщепление элементов формальной структуры с деятельностью института и структурных элементов между собой; 2) создание ритуалов уверенности и добросовестности функционирования института; 3) избегание проверок и оценивания эффективности института.

Общее же заключение относительно социальной эффективности изоморфных и слабо сцепленных организаций, которое делают Дж. Мейер и Б. Роуэн, «не занимая никакой определенной позиции», состоит в том, что такие институты и организации могут быть неэффективными в краткосрочной перспективе (или на микроуровне). «В то же время они максимизируют долгосрочную эффективность, принуждая своих членов к добросовестной деятельности и придерживаясь общих принципов рациональности, присущих более крупным структурам» [9, с. 63].

На наш взгляд, такой вывод может быть верным только в контексте задач выживания института в данной институциональной среде, но в случае, если задача состоит в воздействии института на институциональную среду с целью вызвать в ней определенные структурные изменения (как в случае с электронным правительством), то конформность будет скорее дискредитировать основную идею института и снижать эффективность реализуемых в данном направлении проектов.

Вместе с тем требования институционального поля не всегда могут противоречить императивам эффективности организаций, функционирующих в данной среде. Необходимо также учитывать возможность стимулирующей функции институтов, влияние которых может повышать эффективность реализации проектов электронного правительства. На такую особенность обращает внимание К. Янг, отмечая, что институты - это сцена, но мастерство исполнения ролей на этой сцене зависит от действующих лиц, - политических акторов [24, с. 232-242].

Переходя к анализу идей П. Дж. Димаджо и У. В. Пауэлла, следует отметить что, если значительная часть исследований в рамках теорий организаций на момент написания их статьи «The Iron Cage Revisited: Institutional Isomorphism and Collective Rationality in Organizational Fields» (1983 г.) была посвящена вопросу: «Почему организации столь разнообразны?», проблемам дифференциации и вариативности организаций, то основной смысл усилий П. Дж. Димаджо и У. В. Пауэлла в рамках этой статьи состоял в попытке ответа на противоположный вопрос: «Что делает организации такими похожими?», в стремлении выявить причины бюрократизации и рационализации в обществе, которые одновременно приводят к изоморфизму организаций и институтов [4].

В отличие от Вебера, для которого причинами бюрократизации являлись: во-первых, конкуренция организаций в условиях свобод-

ного рынка; во-вторых, конкуренция между государствами и, в-третьих, требования равной защиты перед законом, П. Дж. Димаджо и У. В. Пауэлл считают, что двигатель процессов рационализации и гомогенизации изменился - «бюрократизация и другие формы гомогенизации возникают в результате структуриации организационных полей. А на этот процесс сильно воздействуют государство и профессии, ставшие великими рационализаторами второй половины XX в.» [4, с. 36]. Именно контекст, формируемый сильно структурированными организационными полями, провоцирует единообразие на организационном уровне.

При этом под структуриацией в данном случае понимается процесс институционального определения, состоящий из четырех частей: 1) усиление взаимоотношений между организациями; 2) появление межорганизационных структур; 3) повышение информационной нагрузки на организации и 4) увеличение степени взаимной осведомленности участников друг о друге.

П. Дж. Димаджо и У. В. Пауэлл различают два типа изоморфизма: конкурентный и институциональный. Конкурентный изоморфизм предполагает отсеивание неоптимальных форм организаций и институтов и отбор тех форм, которые соответствуют требованиям эффективности, предъявляемым средой. Конкурентный тип изоморфизма предлагается дополнить институциональным, согласно которому «организации конкурируют не только за ресурсы и покупателей, но и за политическую власть и институциональную легитимность, за социальное соответствие среде точно так же, как и за экономическое» [4, с. 39]. Именно институциональный тип изоморфизма рассматривается в качестве средства, полезного при анализе различных факторов современной организационной жизни. Для исследования изоморфных изменений выделяется три механизма институционального изоморфизма в зависимости от причин, обуславливающих институциональные преобразования: принудительный (coercive isomorphism), подражательный (mimetic isomorphism) и нормативный (normative isomorphism). При этом делается важная оговорка: «несмотря на то, что все три типа на практике перемешиваются, они обычно проистекают из различных условий и могут приводить к различным результатам» [4, с. 39].

В рамках исследования электронного правительства этот подход представляется интересным с нескольких позиций. Во-первых, реализация концепта электронного правительства связана с деятельностью совокупности различных организаций, как государственных органов и учреждений, так и предприятий частного сектора. Кластеры и группы этих организаций в процессе структуриации (институционального определения) образуют соответствующие организационные поля, которые определяют направления изоморфных структурных изменений для вновь возникающих проектов в этой сфере и

тем самым влияют на эффективность реализации концепции электронного правительства. Во-вторых, деление механизмов институциональных изоморфных изменений на три типа позволяет выявить и проследить соответствующие факторы влияния на электронное правительство: политическое давление и требования легитимности (принудительный), реакция на неопределенность среды (подражательный) и профессионализация (нормативный).

Рассмотрим особенности действия этих институциональных механизмов с точки зрения электронного правительства. Принудительный изоморфизм обусловлен влиянием институциональной среды, формируемой главным образом государством. Такое влияние возможно через формирование формальной, правовой среды – привязка к финансовому году, годовые отчеты и др. Вместе с тем принудительный изоморфизм возможен также в виде неформальных требований к организациям, к примеру, через культурное давление на их деятельность.

В контексте внедрения электронного правительства принудительный изоморфизм детерминирует гомогенизацию организаций реализующих проекты в сфере информационно-коммуникационных технологий через создание государством жестко регулируемой правовой среды. Избыточное регулирование может создавать проблемы для организаций инновационной направленности, что является серьезным ограничением для развития такой чувствительной сферы как информационные технологии, в которой гибкость и оперативность реагирования на инновации являются ключевыми факторами успеха. Это же ограничение может препятствовать диверсификации практик по развитию электронного правительства на уровне различных субъектов Российской Федерации. Обладая различным ресурсным потенциалом, регионы России могут с разной степенью интенсивности развивать проекты электронного правительства. Вместе с тем, преследуя цели унификации и стандартизации, федеральный законодатель зачастую блокирует на уровне нормативных правовых актов возможности создания региональных государственных информационных систем либо требует их обязательно интегрировать в федеральные аналоги, в частности в таких сферах как идентификация и аутентификация пользователей электронных государственных услуг, осуществление электронных платежей в рамках предоставления государственных услуг и др.

Более тонкая модель принудительного изоморфизма в рамках реализации электронного правительства возможна, например, при тиражировании типовых решений, эффективность которых признана государством, однако их применение не является законодательно обязательным для иных участников процесса развития электронного правительства. Успешный опыт реализации тех или иных проектов в сфере

электронного правительства является весомым аргументом при рекомендации субъектам Российской Федерации использовать соответствующие административно-управленческие схемы координации развития электронных услуг.

В определенной степени примером данного типа изоморфизма можно считать сдвиг в парадигме восприятия электронного правительства в США, произошедший под влиянием событий 11 сентября 2001 г. В этой связи отмечается, что «привычное восприятие электронного правительства в качестве инструмента, повышающего степень удобства предоставления государственных услуг, стимулирования административной реформы и продвижения демократического участия сменилось на отношение к электронному правительству как к средству защиты против террористических угроз» [25, с. 649]. Обращает на себя внимание и то, что в России, также имеют место тенденции к усилению защитной функции информационных и коммуникационных технологий в восприятии этих технологий властью, что свидетельствует о воздействии институциональной среды, формируемой в условиях возрастания угроз международного терроризма. В частности, целевые индикаторы подпрограмм «Безопасность в информационном обществе» государственной программы Российской Федерации «Информационное общество (2011-2020 гг.)» в действующей редакции 2014 г. дополнены новыми положениями, которые отсутствовали на этапе принятия данной подпрограммы в предыдущей редакции 2013 г. в том числе индикатором – «доля проведенных контрольных мероприятий в сфере противодействия распространению идеологии терроризма, экстремизма, пропаганды насилия в общем количестве запланированных».

Вместе с тем, не все изоморфные тенденции обусловлены принудительным давлением со стороны общества или государства. Подражательный изоморфизм происходит из ситуаций неопределенности технологий деятельности, неоднозначности целей, которые стоят перед организациями. В таких ситуациях организации начинают копировать модели более успешных, с их точки зрения, организаций. Такое моделирование осуществляется как в явном виде через внедрение технологий, успешно освоенных в организациях-лидерах соответствующей отрасли, так и непредумышленно через перемещение сотрудников между различными органами и организациями (к примеру, ротация на государственной службе). Одним из аспектов подражательного изоморфизма является стремление организаций обрести легитимность с точки зрения институциональной среды, следование принятому в данной среде технологическому ритуалу. Важное значение имеет также то, что в высокотехнологичных отраслях альтернатив не так много и организации вынуждены перенимать одну из нескольких успешных моделей.

Подражательный изоморфизм в области внедрения электронного правительства можно проследить на примере усвоения зарубежных моделей предоставления государственных услуг в электронной форме, организации официальных порталов правительственных органов, принципов информационного взаимодействия органов публичной власти и населения. Значимый фактор в этих процессах состоит в том, что при импорте успешных институциональных моделей вопрос их эффективности в российской институциональной среде изучается не достаточно полно. Зачастую такие институты как не отвечающие традиционным культурным и управленческим особенностям социума-реципиента трудно приживаются в новых условиях.

В научной литературе отмечается, что проекты в сфере электронного правительства могут инициироваться различными организациями вследствие того, что схожие проекты готовятся другими организациями из данного институционального поля или по причине убеждения чиновников высокого ранга представителями крупных поставщиков информационно-коммуникационного оборудования и технологий в том, что реализация таких проектов необходима для соответствующих государственных организаций [25, с. 656]. Стремление к соответствию институциональным требованиям, конкуренция за политическую легитимность осуществляемых проектов становится в таких случаях решающим фактором при принятии решений о реализации проектов в сфере электронного правительства.

Третий механизм институциональных изоморфных изменений – нормативный изоморфизм – имеет в качестве главной движущей силы профессионализацию, принадлежность менеджеров и функционеров в соответствующей отрасли к общим профессиональным ассоциациям, образовательным учреждениям. Профессионализация имеет в данном отношении два аспекта. Во-первых, общность взглядов, моделей поведения и принятия решений во многом определяется навыками, полученными в университетах и институтах, готовящих специалистов в данной сфере. Во-вторых, членство в профессиональных организациях (союзах, ассоциациях) приводит к соблюдению принятых в данных организациях норм и правил профессионального поведения. В результате формируются профессиональная этика и стандарты, члены профессионального сообщества становятся в функциональном отношении тождественными, способными без значительных издержек заменять друг друга на соответствующих должностных позициях. Как отмечают П. Дж. Димаджио и У. В. Пауэлл, «поскольку менеджеры и ключевые кадры являются выпускниками одних университетов и их отбор осуществлялся на основе одинаковых критериев, они склонны одинаково смотреть на проблемы, считать нормативно санкционированными одни и те же стратегии, процедуры и структуры,

а также весьма сходным образом подходить к принятию решений» [4, с. 44].

Профессионализация в сфере реализации электронного правительства как фактор нормативного изоморфизма организационных структур с одной стороны может свидетельствовать о развитости данной сферы отношений, наличии сформированной институциональной среды, что способствует успешности проектов в рамках внедрения электронного правительства. С другой стороны, институционально изоморфные процессы могут «продолжаться даже при отсутствии подтверждений каких-либо свидетельств роста внутренней организационной эффективности» [4, с. 45]. Главным здесь является стремление организаций (в том числе государственных органов) обрести легитимность через соответствие профессиональным стандартам деятельности.

Таким образом, теория институционального изоморфизма имеет важное значение в исследованиях, связанных с гомогенизацией организаций и институтов, в том числе в области реализации электронного правительства. Эвристические возможности данного подхода при исследовании электронного правительства обусловлены тем, что он позволяет проследить причины копирования и тиражирования неэффективных практик и организационно-управленческих схем, определить факторы, препятствующие инновационности применяемых государством технологий электронного взаимодействия. Использование теории институционального изоморфизма полезно в тех сферах реализации электронных правительственных технологий, в которых ключевую роль играют плюрализм, горизонтальные управленческие связи, межведомственная координация.

Подводя итог, следует отметить, что рассмотрение электронного правительства с точки зрения неоинституционализма позволяет исследовать на институциональных основаниях процессы политической трансформации, связанные с применением информационных технологий органами публичной власти, что в свою очередь может способствовать формированию более выверенной институциональной среды, необходимой для развития электронного правительства в России.

Внедрение и развитие электронного правительства в России предполагает необходимость определённых политических и институциональных преобразований. Успешность проектов в этой сфере будет определяться комплексом факторов, из которых важнейшим является конгруэнтность норм и стандартов информационного общества и традиционных институтов политического управления в России. Поскольку электронное правительство является для России относительно новой формой организации деятельности властных структур, инновационной моделью взаимоотношений власти с социумом, мероприятия в этой области будут неминуемо

■ Исследовательские статьи

сталкиваться с необходимостью изменения существующих неэффективных государственных институтов, требовать установления новых организационных форм. Перестройки потребует не только формальное правовое поле реализации электронного правительства, но и неформальные практики и стандарты восприятия новых электронных технологий со стороны политического и административного руководства страны. В связи с этим, исследование институциональных аспектов указанных трансформаций целесообразно проводить на основе методологии нового институционализма, позволяющей учитывать всю совокупность институциональных факторов (формальных и неформальных), включая ценностную основу деятельности политических акторов, общее институциональное поле реализации электронного правительства, степень соответствия институциональной прак-

тики достигнутым институциональным соглашениям.

Социологический неоинституционализм позволяет увидеть влияние институциональной среды на становление электронного правительства, выявить на ранних стадиях расхождение целей электронного правительства и реальных форм его реализации, обусловленное действием «логики соответствия», стремлением к конформности организаций, реализующих электронное правительство, существующим неэффективным государственным институтам и практикам. Данный подход также полезен при рассмотрении проблем противоречивости институциональных норм, несоответствия формальных институтов неформальным «правилам игры», которые обладают значительным негативным потенциалом для построения информационного общества в России.

Список литературы

1. Алексеева Т.А. Современные политические теории. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2000. 479 с.
2. Аптер Д.И. Сравнительная политология вчера и сегодня // Политическая наука: новые направления / под ред. Р. Гудина, Х.-Д. Клингеманна; пер. с англ. яз. М. Гурвица, А. Демчук, Т.В. Якушева. М.: Вече, 1999. 816 с.
3. Гудин Р.И., Клингеманн Х.-Д. Политическая наука как дисциплина // Политическая наука: новые направления / под ред. Р. Гудина, Х.-Д. Клингеманна; пер. с англ. яз. М. Гурвица, А. Демчук, Т.В. Якушева. М.: Вече, 1999. С. 361 - 380.
4. Димаджио П. Дж., Пауэлл У. В. Новый взгляд на «железную клетку»: институциональный изоморфизм и коллективная рациональность в организационных полях // Экономическая социология. Т. 11. № 1 (январь). 2010. С. 35 - 56.
5. Зазнаев О.И. Полупрезидентская система теоретические и прикладные аспекты. Казань: Казанский государственный университет им. В.И. Ульянова-Ленина, 2006. 374 с.
6. Зотов В.Б., Бронников И.А. Информационно-коммуникационные технологии – лейтмотив городского управления // Власть. 2015. № 11. С. 94 - 100.
7. Институциональная политология: Современный институционализм и политическая трансформация России / под ред. С.В. Патрушева. М.: ИСП РАН, 2006. 586 с.
8. Кокорхоева Д.С. Современные исследования институтов политической власти (сравнительный анализ теорий) // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: История. Политология. 2010. Вып. 7 (78). Т. 14. С. 208 – 217.
9. Мейер Дж., Роуэн Б. Институционализированные организации: формальная структура как миф и церемониал. // Экономическая социология. 2011. № 1 (январь). Т. 12. С. 44 - 67.
10. Панов П.В. Институционализм(ы): Объяснительные модели и причинность // Полис. Политические исследования. 2015. № 3. С. 39 - 55.
11. Перезолова А.С. Городские электронные референдумы: опыт проекта «Активный гражданин» // Власть. 2015. № 2. С. 108 - 113.
12. Питерс Б. Политические институты: вчера и сегодня // Политическая наука: новые направления / под ред. Р. Гудина, Х.-Д. Клингеманна; пер. с англ. яз. М. Гурвица, А. Демчук, Т.В. Якушева. М.: Издательство «Вече», 1999. С. 218 - 234.
13. Радаев В.В. Новый институциональный подход: построение исследовательской схемы // Журнал социологии и социальной антропологии. 2001. Т. 4. № 3. С. 109 – 130.
14. Ротстайн Б. Политические институты: общие проблемы // Политическая наука: Новые направления / под ред. Р. Гудина, Х.-Д. Клингеманна; пер. с англ. яз. М. Гурвица, А. Демчук, Т.В. Якушевой. М.: Вече, 1999. С. 149 - 179.
15. Сморгунов Л.В. Сравнительная политология: Учебник для вузов. Стандарт третьего поколения. СПб.: Питер, 2012. 448 с.

16. Хасс Дж. Социологический неoinституционализм и анализ организаций (предисловие к разделу) // Вестник Санкт Петербургского университета. Сер. 8, Менеджмент. 2007. № 3. С. 112 - 125.
17. Fountain J.E. Building the virtual state: Information technology and institutional change. Washington, DC: Brookings Institution. 2001. 88 p.
18. March J.G. and Olsen J.P. The New Institutionalism: Organizational Factors in Political Life // The American Political Science Review. 1984. Vol. 78. No. 3 (September). Pp. 734 - 749.
19. Peters G. Institutional theory in political science: The new institutionalism. London, N.Y., Pinter, 1999. 183 p.
20. Riker H. William. Implications from the Disequilibrium of Majority Rule for the Study of Institutions // American Political Science Review. 1980. No. 2 (June). Iss. 74. Pp. 432 - 447.
21. Seifert J.W. and McLoughlin G.J. State E-Government Strategies: Identifying Best Practices and Applications'. CRS Report for Congress. July 23, 2007. 61 p. URL: <http://www.fas.org/srg/crs/secretary/RL34104.pdf> (дата обращения: 03.12.2016).
22. Simon A. Herbert. Administrative Behavior: A Study of Decision-Making Processes in Administrative Organization. 2d ed. New York: Macmillan, 1957. 259 p.
23. United Nations E-Government Survey 2014: E-Government for the Future We Want. 284 p. URL: https://publicadministration.un.org/egovkb/Portals/egovkb/Documents/un/2014-Survey/E-Gov_Complete_Survey-2014.pdf (дата обращения: 03.12.2016).
24. Yang K. Neo-Institutionalism and E-Government: Beyond Jane Fountain // Science Computer Review. 21(4). 2003. Pp. 232 - 242.
25. Yildiz M. E-government research: Reviewing the literature, limitations, and ways forward. // Government Information Quarterly. 24 (3). 2007. Pp. 646 - 665. URL: <http://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S0740624X07000056> (дата обращения: 03.12.2016).
26. Zucker G. Lynne. The Role of Institutionalism in Cultural Persistence // The New Institutionalism in Organizational Analysis. Ed. by Powell and DiMaggio. Pp. 83 - 107.

Об авторах

Ян Ильич Ваславский – к.полит.н., доцент кафедры политической теории МГИМО, директор Института международных отношений и управления МГИМО. E-mail: y.vaslavskiy@inno.mgimo.ru.

Сослан Валерьевич Габуев – аспирант кафедры политической теории МГИМО. E-mail: s.gabuev@gmail.com.

NEO-INSTITUTIONAL APPROACH TO THE STUDY OF ELECTRONIC GOVERNMENT

Y. Vaslavskiy, S. Gabuev

Moscow State Institute of International Relations (University), 76, Prospect Vernadskogo, Moscow, 119454, Russian Federation.

Abstract: *The article is devoted to the neo-institutional approach as a methodological basis in the study of electronic government. In this article substantiates the choice of neo-institutional approach to the study of the processes of implementation of information and communication technologies in the activity of state institutions, analyzes the differences of neoinstitutionalism from traditional institutional approach, considers the features of the different directions of neo-institutionalism, namely sociological, historical and rational choice theory. Attention is paid to the reasons for the renewed interest in political institutions in political science. The article emphasizes the importance of considering the electronic government as an institution, and the conditions for its implementation in the Russian political system as the institutional environment. The authors pay special attention to the variety of sociological neo-institutionalism, used, in addition to political science in sociology of organizations. The article substantiates the value of using sociological institutionalism to explore the electronic government based on a comparative analysis of e-government projects in Russia and abroad and explores its heuristic capabilities. It examines the impact of the system of norms and values of the institutional environment on the processes of formation and development of electronic government in Russia. The research capacity of this theory is due to the fact that it allows us to trace the reasons for copying and replication of inefficient practices and organizational and management schemes, to identify the factors impeding innovation use by the state of electronic interaction technologies. It is emphasized that the use of the theory of institutional isomorphism is useful in the sphere of implementation of electronic technologies, in which a key role play pluralism, horizontal managerial communication, inter-agency coordination.*

Key words: neoinstitutionalism, institutional approach, e-government, sociological neoinstitutionalism, methodology.

References

1. Alekseeva T.A. *Sovremennye politicheskie teorii* [Modern political theory]. Moscow, Rossiiskaia politicheskaiia entsiklopediia (ROSSPEN) Publ., 2000. 479 p. (In Russian).
2. Apter D.E. Comparative Politics, Old and New. *A New Handbook of Political Science*. Ed. by R.E. Goodin, H.-D. Klingemann. New York, OUP Oxford, 1998. Pp. 372 – 397. (Russ. ed.: Apter D.I. Sravnitel'naia politologiia vchera i segodnia. *Politicheskaiia nauka: novye napravleniia*. Ed. by R. Gudin, Kh-D. Klingemann. Moscow, 1999. Pp. 361-380.)
3. *A New Handbook of Political Science*. Ed. by R.E. Goodin, H.-D. Klingemann. New York, OUP Oxford, 1998. 864 p. (Russ. ed.: Politicheskaiia nauka kak distsiplina. *Politicheskaiia nauka: novye napravleniia*. Moscow, Veche Publ., 1999. 816 p.)
4. Dimadzhio P. Dzh., Pauell U.V. Novyi vzgliad na «zheleznuuiu kletku»: institutsional'nyi izomorfizm i kollektivnaia ratsional'nost' v organizatsionnykh poliakh [A new look at the "iron cage": Institutional isomorphism and collective rationality in organizational fields]. *Ekonomicheskaiia sotsiologiia*, vol. 11, no. 1, 2010, pp. 35 - 56. (In Russian)
5. Zaznaev O. I. *Poluprezidentskaia sistema teoreticheskie i prikladnye aspekty* [Semipresident system theoretical and applied aspects]. Kazan', Kazanskii gosudarstvennyi universitet im. V.I.Ul'ianova-Lenina, 2006. 374 p. (In Russian)
6. Zotov V. B., Bronnikov I. A. Informatsionno-kommunikatsionnye tekhnologii – leitmotiv gorodskogo upravleniia [Information and communication technologies - the leitmotif of urban governance]. *Vlast'*, 2015, no. 11, pp. 94 - 100. (In Russian)
7. Instituttsional'naia politologiia: Sovremennyi institutsionalizm i politicheskaiia transformatsiia Rossii [Institutional Political Science: Modern institutionalism and political transformation of Russia]. Ed. by S.V. Patrushev. Moscow, ISP RAN Publ., 2006. 586 p. (In Russian)
8. Kokorkhoeva D.S. Sovremennye issledovaniia institutov politicheskoi vlasti (sravnitel'nyi analiz teorii) [Current research institutions of political power (comparative analysis of theories)]. *Nauchnye vedomosti Belgorodskogo gosudarstvennogo universiteta. Serii: Istorii. Politologiia*, 2010, no. 7 (78), vol. 14, pp. 208 – 217. (In Russian)
9. Meier Dzh., Rouen B. Instituttsionalizirovannye organizatsii: formal'naia struktura kak mif i tseremonial [Institutionalized organization: Formal structure as a myth and ceremony]. *Ekonomicheskaiia sotsiologiia*, 2011, no. 1, vol. 12, pp. 44 - 67. (In Russian)
10. Panov P.V. Instituttsionalizm(y): Ob"iasnitel'nye modeli i prichinnost' [Institutionalism (s): Explanatory models and causality]. *Polis. Politicheskie issledovaniia*, 2015, no. 3, pp. 39 - 55. (In Russian)
11. Perezolova A.S. Gorodskie elektronnye referendumy: opyt proekta «Aktivnyi grazhdanin» [Urban Electronic referendum: the experience of "Active Citizen" project]. *Vlast'*, 2015, no. 2, pp. 108 - 113. (In Russian)
12. Peters B.G. Political Institutions: Old and New. *A New Handbook of Political Science*. Ed. by R.E. Goodin, H.-D. Klingemann. New York, OUP Oxford, 1998. Pp. 205 – 222. (Russ. ed.: Piters B. Politicheskie instituty: vchera i segodnia. *Politicheskaiia nauka: novye napravleniia*. Ed. by R. Gudin, Kh-D. Klingemann. Moscow, 1999. Pp. 218-234.)
13. Radaev V. V. Novyi institutsional'nyi podkhod: postroenie issledovatel'skoi skhemy [A new institutional approach: building a research scheme]. *Zhurnal sotsiologii i sotsial'noi antropologii*, 2001, no. 3, vol. 4, pp. 109 – 130. (In Russian)
14. Rothstein B. Political Institutions: An Overview. *A New Handbook of Political Science*. Ed. by R.E. Goodin, H.-D. Klingemann. New York, OUP Oxford, 1998. Pp. 133 – 166. (Russ. ed.: Rotstain B. Politicheskie instituty: obshchie problem. *Politicheskaiia nauka: Novye napravleniia*. (red. R. Gudin, Kh-D. Klingemann). Moscow, 1999. Pp.149-179.)
15. Smorgunov L.V. *Sravnitel'naia politologiia: Uchebnik dlia vuzov. Standart tret'ego pokoleniia* [Comparative Political Science: Textbook for universities. the third generation standard]. St. Petersburg, Piter Publ., 2012. 448 p. (In Russian)
16. Khass Dzh. Sotsiologicheskii neoinstituttsionalizm i analiz organizatsii (predislovie k razdelu) [Neoinstitutionalism Opinion and analysis organizations (preface to the list)]. *Vestnik Sankt Peterburgskogo universiteta. Ser. 8, Menedzhment*, 2007, no. 3, pp. 112–125. (In Russian)
17. Fountain J.E. *Building the virtual state: Information technology and institutional change*. Washington, DC: Brookings Institution. 2001. 88 p.

18. March J.G. and Olsen J.P. The New Institutionalism: Organizational Factors in Political Life. *The American Political Science Review*, 1984, vol. 78, no. 3, pp. 734 - 749.
19. Peters G. *Institutional theory in political science: The new institutionalism*. London, New York, 1999. 183 p.
20. Riker H. William. Implications from the Disequilibrium of Majority Rule for the Study of Institutions. *American Political Science Review*, 1980, no. 2, iss. 74, pp. 432 - 447.
21. Seifert J.W. and McLoughlin G.J. *State E-Government Strategies: Identifying Best Practices and Applications*, CRS Report for Congress, July 23, 2007. 61 p. Available at: <http://www.fas.org/sgp/crs/secrecy/RL34104.pdf> (Accessed: 03.12.2016).
22. Simon A. Herbert. *Administrative Behavior: A Study of Decision-Making Processes in Administrative Organization*, 2d ed. New York, Macmillan Publ., 1957. 259 p.
23. *United Nations E-Government Survey 2014: E-Government for the Future We Want*. 284 p. Available at: https://publicadministration.un.org/egovkb/Portals/egovkb/Documents/un/2014-Survey/E-Gov_Complete_Survey-2014.pdf (Accessed: 03.12.2016).
24. Yang K. Neo-Institutionalism and E-Government: Beyond Jane Fountain. *Science Computer Review*, no. 21(4), 2003, pp. 232 - 242.
25. Yildiz M. E-government research: Reviewing the literature, limitations, and ways forward. *Government Information Quarterly*, 2007, no. 24, pp. 647 – 665. Available at: <http://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S0740624X07000056> (Accessed: 03.12.2016).
26. Zucker G. Lynne The Role of Institutionalism in Cultural Persistence. The New Institutionalism in Organizational Analysis. Ed. by Powell and DiMaggio. Pp. 83-107.

About the authors

Yan I. Vaslavskiy – PhD, Political Science, Associate Professor, Department of Political Theory, Faculty of Political Science, MGIMO University, Director, School of Government and International Affairs, MGIMO University. E-mail: y.vaslavskiy@inno.mgimo.ru.

Soslan V. Gabuev – graduate student, Department of Political Theory, Faculty of Political Science, MGIMO-University. E-mail: s.gabuev@gmail.com.

КОМПОНЕНТЫ ЦИФРОВОГО СУВЕРЕНИТЕТА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ КАК ТЕХНИЧЕСКАЯ ОСНОВА ИНФОРМАЦИОННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

В.В. Бухарин

Факультет государственного управления, МГУ имени М.В. Ломоносова, 119991, Россия, Москва, ГСП-1, Ломоносовский проспект, д. 27, корп. 4.

В статье рассматривается возникновение в России понятия «информационный суверенитет», перспективы его практического и теоретического введения в научный оборот. Исследуется проблема «информационного суверенитета» в нормативных документах России, Китая и других стран. Основное внимание в статье, впервые в отечественной и зарубежной историографии, уделено техническому аспекту проблемы независимости в области цифровых технологий. В этой связи анализируются наиболее важные компоненты цифрового суверенитета, технически обеспечивающие национальную безопасность. Автор приходит к выводу, что основной отличительной особенностью российской технической базы по обеспечению информационного суверенитета является неравномерность и фрагментарность развития её компонентов. Наибольший прогресс достигнут в развитии таких компонентов как российские поисковые системы, социальные сети, национальный сегмент сети Интернет и навигационная система. Российское программное и аппаратное обеспечение требует ускоренного развития для обеспечения информационного суверенитета, национальной безопасности России. Наибольшее внимания заслуживает российская платёжная система, поскольку данный вопрос находится в прямой зависимости от направления развития экономики страны. Проблема обеспечения информационного суверенитета в значительной степени связана с вопросами принятия государственных решений, приведения нормативной, законодательной базы в соответствие с концепцией национальной безопасности страны.

Ключевые слова: информационный суверенитет, цифровой суверенитет, национальная безопасность, информационная безопасность, импортозамещение.

В процессе глобализации и интеграции появляются наднациональные органы управления, переформируются национальные и международные институты. В научных и политических кругах всё более распространённым становится мнение о том, что государственный суверенитет, в традиционном понимании, утрачивает своё значение.

Для основоположника теории государственного суверенитета Ж. Бодена – государственного деятеля Франции, писателя и мыслителя эпохи Возрождения, суверенитет ассоциировался с верховной властью правителя. Соответственно, он являлся одним из главных признаков государства, его основой [4, с. 137, 151-158]. Именно независимые, суверенные государства на протяжении многих столетий играли ведущую роль в системе международных отношений. В отечественной историографии государственный суверенитет определяется как «верховенство и независимость государственной власти, проявляющиеся в соответствующих формах во внутренней и внешнеполитической деятельности государства» [5, с. 26].

В конце XX - начале XXI вв. существенно возросла роль информационных технологий и информационной сферы в целом, которая представляет собой «совокупность информации, информационной инфраструктуры, субъ-ектов, осуществляющих сбор, формирование, распространение и использование информации, а также системы регулирования возникающих при этом общественных отношений»¹. В связи с ограниченностью запасов сырьевых и энергетических ресурсов именно информация (знания), стала тем ресурсом, обладание которым даёт стратегические преимущества в конкурентной борьбе между странами, в мировой политике и международных отношениях. «Информационная сфера, являясь системообразующим фактором жизни общества, активно влияет на состояние политической, экономической, оборонной и других составляющих безопасности Российской Федерации»². Развитие информационно-коммуникационных технологий (ИКТ) в условиях глобализации ведёт к появлению качественно новых (информационных) методов и технологий борьбы, которые могут принимать форму так называемых сетевых, кибер-, гибридных и информационных войн. Это требует поддержания своей государственной самостоятельности (суверенитета) на новом, информационном уровне.

Основной задачей исследования является изучение состояния компонентов цифрового суверенитета как технической основы инфор-

мационной безопасности России, их влияния на национальную безопасность, а также анализ применения понятия «информационный суверенитет» в нормативных документах России и стран ближнего и дальнего зарубежья.

Согласно Доктрине информационной безопасности Российской Федерации, «интересы государства в информационной сфере заключаются в создании условий для обеспечения суверенитета и территориальной целостности России»³, т.е. традиционного государственного суверенитета.

Понятия «цифровой» или «информационный суверенитет» [10], «суверенитет в информационном пространстве» - достаточно новые. До 2016 г. они фактически отсутствовали в российских нормативных документах. В науке не сложилось чёткой дефиниции данных терминов. Вызывает вопрос и их происхождение. В российском сегменте сети Интернет, авторство приписывается Н.Н. Федотову - главному аналитику компании InfoWatch, а одним из основных популяризаторов считается И.С. Ашманов - генеральный директор компании «Ашманов и партнёры». Компании тесно сотрудничают, являются одними из лидеров российских информационных технологий (ИТ). «Ашманов и партнёры» занимаются интернет-маркетингом, InfoWatch - информационной безопасностью в корпоративном секторе: защитой корпораций от утечек информации и целевых атак извне. На долю последней приходится около 50% российского рынка в области систем защиты конфиденциальных данных.

И.С. Ашманов одним из первых в России попытался дать определение «цифрового суверенитета», понимаемого как «право государства определять свою информационную политику самостоятельно, распоряжаться инфраструктурой, ресурсами, обеспечивать информационную безопасность и т.п. Цифровой суверенитет также можно поделить на несколько категорий. Одна из них – электронный суверенитет, который связан с защитой от кибератак»⁴. Как видно из определения, у Ашманова понятие «цифровой суверенитет» тождественно «информационному суверенитету».

Определение информационного суверенитета присутствует в нормативных документах некоторых стран ближнего и дальнего зарубежья. Например, в Законе Украины «О национальной программе информатизации» информационный суверенитет государства определяется как «способность государства контролировать и регулировать потоки информации из-за пределов государства в целях соблюдения законов Украи-

¹ Доктрина информационной безопасности Российской Федерации // Совет Безопасности Российской Федерации. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.scrf.gov.ru/documents/6/5.html> (дата обращения: 07.10.2016).

² Там же.

³ Там же.

⁴ Ашманов И. Информационный суверенитет России: новая реальность // Россия навсегда. 13.05.2013. [Электронный ресурс]. URL: <http://rossiyanavsegda.ru/read/948/> (дата обращения: 07.10.2016).

■ Исследовательские статьи

ны, прав и свобод граждан, гарантирования национальной безопасности государства»⁵. Согласно законодательству Украины, главным органом в системе центральных органов исполнительной власти в сфере обеспечения информационного суверенитета является Министерство информации Украины, учреждённое постановлением Кабинета Министров Украины от 14 января 2015 г. № 2.

Понятие «суверенитет в информационной сфере» присутствует в законодательстве Белоруссии. Так, в «Стратегии развития информатизации в Республике Беларусь на 2016 – 2022 гг.» говорится о том, что необходимо «содействие обеспечению национального суверенитета в информационной сфере и национальной безопасности»⁶. В документе фигурирует также термин «цифровой суверенитет», определение которого отсутствует. Однако очевидно, что эти понятия не тождественны. В Стратегии подчеркивается, что «развитие национальной отрасли информационных технологий – необходимое условие успешного развития информатизации, обеспечения 'цифрового суверенитета' государства, а также важный фактор глобальной конкурентоспособности экономики страны». В качестве важной задачи отмечено, что необходима «организация научных исследований, разработка и производство собственных аппаратных и программных средств защиты информации, ключевых элементов ИКИ, совершенствование системы их стандартизации, сертификации и аттестации в целях обеспечения информационной безопасности и 'цифрового суверенитета' Республики Беларусь»⁷.

В Китае с 2010 г. активно развивается так называемая концепция «интернет суверенитета», которая нашла отражение в «белой книге» под названием «Интернет в Китае»⁸. В работе «Мысли об интернет-суверенитете»⁹ (опубликованной в 2015 г.) Е Чжен – члена Стратегического Консультативного комитета Народной Освободительной армии Китая – делается вывод

о том, что «интернет-суверенитет» непосредственно влияет на национальную безопасность и стабильность. В его трактовке появление понятия «интернет-суверенитет» связано с переосмыслением Китаем «государственного суверенитета».

На работу Е Чжен оперативно отреагировала американская пресса. Джеймс Ареди на страницах The Wall Street Journal отметил, что «председатель КНР Си Цзиньпин с помощью консерваторов в правительстве, учёных, военных и использования высоких технологий стремится к тому, чтобы оказывать влияние на весь цифровой мир Китая, от полупроводников до социальных медиа»¹⁰. 23 мая 2016 г. Симон Деньер в The Washington Post опубликовал статью «Страшный урок Китая для мира: Цензура интернета работает»¹¹. Содержание статьи полностью отражено в её заголовке.

Стоит отметить, что Китай действительно блокирует для своих граждан доступ к ресурсам, запрещённым китайским правительством. Система фильтрации контента, под названием «Золотой щит», более известная в западных СМИ как «Великий китайский файервол» (The Great Firewall of China) [19], была запущена в 2003 г. В её разработке принимали участие американские корпорации, в том числе и IBM.

Безусловно, существует достаточно простой, но весьма спорный способ поддержания информационного суверенитета: тотальный контроль и запрещение или ограничение части СМИ и сети Интернет. Так, Куба долгое время сохраняла свой информационный суверенитет во многом благодаря почти полному отсутствию доступа в интернет у населения.

В настоящее время Америка делает новые попытки проникнуть в информационное пространство Кубы. Несколько лет назад Агентство международного развития (АМР США) начало финансировать кубинскую версию Twitter - ZuneZuneo через кубинско-американскую мо-

⁵ Закон Украины от 4 февраля 1998 года №74/98-ВР «О национальной программе информатизации» // WEB-версия ИПС «Законодательство стран СНГ». [Электронный ресурс]. URL: http://base.spinform.ru/show_doc.fwx?rgn=31607 (дата обращения: 07.10.2016).

⁶ Стратегия развития информатизации в Республике Беларусь на 2016 – 2022 гг. // e-Gov.by. [Электронный ресурс]. URL: <http://e-gov.by/zakony-i-dokumenty/strategiya-razvitiya-informatizacii-v-respublike-belarus-na-2016-2022-gody> (дата обращения: 07.10.2016).

⁷ Там же.

⁸ The Internet in China. Information Office of the State Council of the People's Republic of China // China Internet Information Center. 8 June 2010. [Электронный ресурс]. URL: http://www.china.org.cn/government/whitepaper/node_7093508.htm (дата обращения: 07.10.2016).

⁹ Bandursk D. China's Internet sovereignty // The China Media Project. [Электронный ресурс]. URL: <http://cmp.hku.hk/2015/10/02/39285/> (дата обращения: 07.10.2016).

¹⁰ Areddy J.T. China Pushes to Rewrite Rules of Global Internet // The Wall Street Journal. 28 July 2015. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.wsj.com/articles/china-pushes-to-rewrite-rules-of-global-internet-1438112980> (дата обращения: 07.10.2016).

¹¹ Denyer S. China's scary lesson to the world: Censoring the Internet works // The Washington Post. 23 May 2016. [Электронный ресурс]. URL: https://www.washingtonpost.com/world/asia_pacific/chinas-scary-lesson-to-the-world-censoring-the-internet-works/2016/05/23/413afe78-fff3-11e5-8bb1-f124a43f84dc_story.html (дата обращения: 07.10.2016).

лодѣжную группу под названием «Корни Надежды»¹². Активизировались и крупные коммерческие компании. Например, Google выпустил свои версии браузера Chrome и бесплатные версии Google Play и Analytics in Cuba¹³. Вместе с тем, отсутствие свободного доступа в интернет на Кубе является основным сдерживающим фактором. Именно поэтому Google предложил устанавливать точки доступа wi-fi по всей стране. Второй секретарь кубинской коммунистической партии Хосе Рамон Мачадо Вентура на предложение Google ответил: «Нам нужен интернет, но в нашем случае империалисты будут его использовать, чтобы уничтожить Революцию»¹⁴. Путь Китая и Кубы представляется малоэффективным. В современном мире создание искусственных барьеров для распространения информации негативным образом отражается на развитии страны.

В странах западной Европы на протяжении многих лет проблема информационного суверенитета не являлась первостепенной, поскольку суверенитет в определённой степени защищался национальным законодательством. Например, существовали правовые нормы, требующие регистрации мест сохранения данных в Швеция, в ФРГ обработка данных, касающихся государства, должно было осуществлять само государство, которому они принадлежат и т.д. [3, с. 101]. Однако случай, связанный с электронной слежкой сотрудниками АНБ за политическими партнёрами США в Европе, может дать новый импульс европейской дискуссии о проблеме «информационного суверенитета»¹⁵, основу которого составляет «цифровой суверенитет».

Наиболее актуальным для Российской Федерации представляется технический аспект проблемы. Нашей стране необходима прежде всего независимость в области цифровых технологий. В этой связи следует выделить наиболее важные компоненты цифрового суверенитета, *технически обеспечивающие национальную безопасность*: поисковая система, социальные сети, операционная система и программное обеспечение, микроэлектроника, сетевое оборудование,

национальный сегмент сети Интернет, платёжная система, собственные средства защиты, криптографические алгоритмы и протоколы, навигационная система.

Российский сегмент сети Интернет является одним из крупнейших в мире. В доменах «.ru» и «.рф» зарегистрировано более 6 млн адресов; в стране насчитывается более тысячи операторов связи. «Россия занимает третье место в мире по устойчивости национального сегмента интернета к возможным сбоям — более надёжными оказались лишь сети Великобритании и США»¹⁶. Российская Федерация принимает активное участие в глобальном управлении сетью, являясь постоянным участником Internet Governance Forum (IGF)¹⁷.

Создание собственных поисковых систем началось в России в 80-е – начале 90-х гг. В настоящее время в российском сегменте интернета наиболее популярными отечественными системами поиска являются: Rambler, Yandex, Mail.ru.

Rambler – одна из первых российских поисковых систем, разработка которой началась ещё в 1991 г. 8 октября 1996 г. поисковая система была запущена. Многие российские пользователи именно с этого момента отсчитывают историю российского сегмента сети Интернет, часто называемого «Рунет». Несмотря на достаточно успешное развитие поисковой системы в начале 2000-х, в 2011 г. компания отказалась от собственного поиска в пользу поисковой системы «Яндекс»¹⁸, которая впервые была анонсирована в Москве 23 сентября 1997 г. На сегодняшний день «Яндекс» остался единственной конкурентоспособной поисковой системой «Рунета», которая по популярности у российских пользователей сравнялась с мировым лидером - Google (график №1). Важным представляется вопрос о юридической принадлежности компании «Яндекс», которая зарегистрирована в России, а весь её уставной капитал принадлежит акционерному обществу Yandex N.V. Регистрацию в Нидерландах прессслужба компании объясняет «исключительно особенностями корпоративного права, а не целью оптимизации налогообложе-

¹² US secretly created «Cuban Twitter» to stir unrest and undermine government // The Guardian. 3 April 2014. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.theguardian.com/world/2014/apr/03/us-cuban-twitter-zunzuneo-stir-unrest> (дата обращения: 07.10.2016).

¹³ King B. Google Brings Free Play Store Apps To Cuba For The Few People Who Can Use Them // Android Police. 26 November 2014. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.androidpolice.com/2014/11/26/google-brings-free-play-store-apps-cuba-people-can-use/> (дата обращения: 07.10.2016).

¹⁴ Ravensberg F. Cuban Communist Party Tells Google No Thanks on Free WiFi // Havana Times. 13 July 2015. URL: <http://www.havanatimes.org/?p=112542> (дата обращения: 07.10.2016).

¹⁵ Скандал со сбором данных спецслужбами США // РИА Новости. [Электронный ресурс]. URL: http://ria.ru/trend/usa_internet_07062013/ (дата обращения: 07.10.2016).

¹⁶ Коломыченко М. Рунет не уложить // Газета «Коммерсантъ». 07.06.2016. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.kommersant.ru/doc/3006949> (дата обращения: 07.10.2016).

¹⁷ Internet Governance Forum. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.intgovforum.org> (дата обращения: 07.10.2016).

¹⁸ «Рамблер» отказался от собственного поиска // Радиостанция «Вести ФМ». 24.06.2011. [Электронный ресурс]. URL: http://radiovesti.ru/episode/show/episode_id/10977 (дата обращения: 07.10.2016).

■ Исследовательские статьи

ния»¹⁹. В 2009 г. компания передала Сбербанку так называемую «золотую акцию» (она позволяет банку блокировать продажу более чем 25% компании). Российские пользователи обслуживаются в российских дата-центрах «Яндекс», а западные серверы компании используются исключительно для индексации зарубежного веба²⁰. Несмотря на то, что «Яндекс» является «национальной поисковой системой»²¹, в контексте проблемы «цифрового суверенитета» вопрос остается открытым.

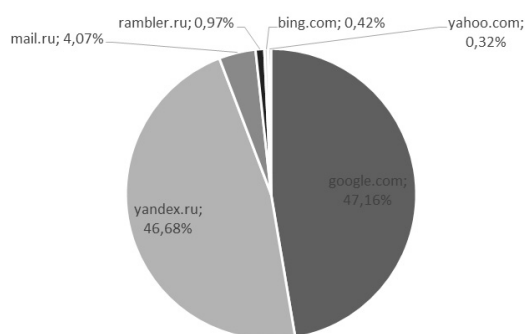


Рис. 1

Figure 1.

Популярность поисковых систем в рунете²²
Popularity of the search engine in runet

Проблема социальных сетей, по мнению многих аналитиков, тесно связана с национальной безопасностью и суверенитетом [2]. Уже ни для кого не секрет, что социальные сети стали инструментом для проведения так называемых «цветных революций» [12]. Социальные сети — это одновременно и «организационное оружие» и — бизнес-продукт. Крупнейшей социальной сетью на данный момент является Facebook [15], в котором зарегистрировано более 1.4 млрд пользователей. Для российских соцсетей «ВКонтакте» и «Одноклассники», учитывая, что большая часть пользователей — это наши граждане, подобный показатель представляется недостижимым. Вместе с тем, ещё в 2014 г. «ВКонтакте» вошла в топ-10 крупнейших социальных сетей мира, обогнав такие популярны сервисы, как Instagram, Pinterest и Foursquare. Социальная сеть «ВКонтакте» принадлежит российской компании Mail.Ru Group. Среди активов

компании также социальная сеть «Одноклассники», службы мгновенного обмена сообщениями ICQ и «Агент Mail.Ru», служба электронной почты «Почта Mail.Ru», портал и поисковая система Mail.ru и др. сервисы.

Популярность и формальная принадлежность социальной сети России не являются гарантом безопасности [8]. Достаточно ввести несколько поисковых запросов в социальных сетях «Одноклассники» и «ВКонтакте», чтобы обнаружить страницы, содержащие скрытую пропаганду экстремистских идей, информацию, направленную на разжигание межэтнической, межконфессиональной, межсоциальной и межгендерной розни. Существуют также группы, пропагандирующие свержение государственного строя и изменение политической системы [14]. Разумеется, правоохранительные органы и Роскомнадзор работают с отечественными социальными сетями. По требованию Роскомнадзора блокируются сообщества, нарушающие законодательство. По запросу правоохранительных органов социальные сети представляют личные данные пользователя (обычно, необходим именно IP-адрес). По решению суда правоохранительные органы имеют возможность получить доступ и к личной переписке пользователя. В некоторых случаях, согласно внутренним правилам, администрация социальных сетей сама блокирует запрещённый контент. Стоит отметить, что, например, «Правила пользования сайтом ВКонтакте»²³ или «Лицензионное соглашение» сайта «Одноклассники»²⁴ описывают практически все возможные нарушения законодательства, что теоретически позволяет администрации сайта самостоятельно блокировать любой опасный или нежелательный контент. Постепенно социальные сети становятся важным элементом национальной безопасности. Документы, которые были раскрыты Сноуденом и Ассанжем, полностью подтвердили мнение экспертов, что социальные сети разрабатывались в США для осуществления контроля над населением планеты.

Еще в 1947 г. легендарный аналитик ЦРУ Шерман Кент, основоположник «аналитической разведки», считал, что в мирное время до 80% информации можно получать из открытых ис-

¹⁹ Голицына А. «Яндекс» прокомментировал заявления Путина. // «Ведомости». 24.04.2014. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.vedomosti.ru/technology/articles/2014/04/24/yandeks> (дата обращения: 07.10.2016).

²⁰ «Яндекс» заявил, что не использует для обслуживания россиян зарубежные серверы // ТАСС информационное агентство. 24.04.2014. [Электронный ресурс]. URL: <http://tass.ru/ekonomika/1145507> (дата обращения: 07.10.2016).

²¹ Путин обнаружил вмешательство Запада в развитие «Яндекса» // INTERFAX.RU. 24.04.2014. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.interfax.ru/russia/373662> (дата обращения: 07.10.2016).

²² HotLog за июль 2016 г. [Электронный ресурс]. URL: <http://hotlog.ru/global/se?month=3> (дата обращения: 07.10.2016).

²³ Правила пользования сайтом ВКонтакте // ВКонтакте. [Электронный ресурс]. URL: <https://new.vk.com/terms> (дата обращения: 07.10.2016).

²⁴ Об утверждении государственной программы Российской Федерации «Развитие электронной и радиоэлектронной промышленности на 2013 - 2025 гг.» // Сайт Правительства РФ. [Электронный ресурс] URL: <http://government.ru/docs/3345/> (дата обращения: 07.10.2016).

точников. Позднее, генерал-лейтенант Самуэль Уилсон заявил, что «90% необходимой информации разведка получает из открытых источников, а остальные 10% добывает агентура» [21, р. 78]. С развитием социальных сетей процент получаемой из открытых источников возрос ещё больше.

Сдерживающим фактором, как это было сказано применительно к Кубе и Китаю, является отсутствие свободного доступа к сети Интернет. С 2013 г. компания Facebook при поддержке компаний Samsung, Ericsson, MediaTek, Opera Software, Nokia и Qualcomm начала развивать проект Internet.org²⁵. Суть данной инициативы состояла в предоставлении бесплатного доступа к ряду интернет-ресурсов жителям наименее развитых стран. Список доступных ресурсов до апреля 2015 г. был строго ограничен и определялся самой компанией Facebook. Обращает внимание тот факт, что среди доступных ресурсов и в настоящее время нет правительственных сайтов, учебных заведений; отсутствуют многие популярные развлекательные сайты. Таким образом, как справедливо отмечает обозреватель журнала PCWorld Майк Элган, «Facebook получает клиентов, данные пользователей и возможность монетизации благодаря рекламе, в то время как люди ограждаются от полноценного интернета и от конкурирующих компаний и других услуг, которые могли бы отвлечь их от того, чтобы проводить большую часть своего времени на Facebook»²⁶.

Согласно документам, опубликованным Сноуденом, разведка активно использует данные, полученные из социальных сетей. Так, более 24%²⁷ процентов ресурсов глобальной системы радиоэлектронной разведки «Эшелон» [20] отведено именно под мониторинг социальных сетей.

Проект «Эшелон» был разработан и координируется АНБ. Основная цель проекта состоит в перехвате электронной корреспонденции, факса, телекса и телефонной связи во всех телекоммуникационных сетях. Объектами наблюдения являются невоенные цели, такие как правительства, организации, предприятия и физические лица. Система, используя сложный программно-аппаратный комплекс, перехватывает и анализирует данные для идентификации и извлечения полезной информации. «Эшелон» анализирует огромный массив перехваченной информации на предмет наличия ключевых слов (имена, места, субъекты, персональные данные физических лиц).

Одними из основных инструментов перехвата информации «Эшелона» являются также и

вполне легальные программные средства крупных американских ИТ-корпораций, например, Microsoft - ОС Windows, продукты Google.

В ответ на разработку системы «Эшелон» в 1970-х гг. был создан отечественный аналог – «Система объединённого учёта данных о противнике» (СОУД). Соглашение о создании данной системы было подписано странами Варшавского договора в 1977 г., а сама система запущена в 1979 г. Официальной целью являлось предотвращение террористических актов в СССР во время Олимпиады 1980 г. в Москве. Система была переоснащена и доработана в 2000-х гг. Однако в силу секретности данные о её текущем состоянии нам не известны.

Большинство компьютеров в нашей стране оснащено продукцией компаний Microsoft или Apple. Данное обстоятельство ставит Россию в прямую зависимость от западных корпораций. Например, в случае введения санкций в виде запрета на продажу операционной системы (ОС), экономика нашей страны может сильно пострадать. Ещё одну опасность таит использование иностранной закрытой коммерческой операционной системы. Готовую ОС достаточно сложно проанализировать на наличие скрытых уязвимостей, которые могут представлять определённую угрозу информационной безопасности РФ. Корпорация никогда не предоставит полный исходный код собственной продукции, поскольку данная информация составляет коммерческую тайну, интеллектуальную собственность. Покупая продукцию западных корпораций (например, Windows и Microsoft Office), Россия не только лишает себя возможности достижения суверенитета в информационном пространстве, но и прямо вкладывает средства в экономику другой страны.

Для обеспечения информационной безопасности и цифрового суверенитета России важным является создание отечественной операционной системы и программного обеспечения. Данный процесс – явление сложное и многофакторное, которое основывается на достижениях мировой научной мысли и разработках предыдущих лет.

Упомянутые выше компании Microsoft и Apple начали разработку собственных операционных систем с покупки уже существующих, используя их в качестве основы. Так, компания Microsoft свою первую операционную систему Xenix создавала на базе ОС Version 7 Unix от компании AT&T [13, с. 787]. Наиболее известной операционной системой компании Microsoft стала MS-DOS, основанная на 86-DOS от Seattle

²⁵ Объединить весь мир // Internet.org. [Электронный ресурс]. URL: https://info.internet.org/ru/?noredirect=ru_RU (дата обращения: 07.10.2016).

²⁶ Elgan M. The surprising truth about Facebook's Internet.org // PCWorld. 15 February 2016. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.pcworld.com/article/3033274/internet/the-surprising-truth-about-facebooks-internetorg.html> (дата обращения: 07.10.2016).

²⁷ Тихонов С. Как «ВКонтакте» и «Одноклассники» отстаивали независимость России // Эксперт Online. [Электронный ресурс]. URL: <http://expert.ru/2013/11/20/kak-vkontakte-i-odnoklassniki-otstoyali-nezavisimost-rossii/> (дата обращения: 07.10.2016).

■ Исследовательские статьи

Computer Products²⁸. Компании потратили несколько десятков лет, чтобы получить программный продукт в том виде, в котором мы привыкли его видеть в настоящее время.

Стоит отметить тот факт, что отдельные компании и коллективы делали и делают попытки создания абсолютно новых операционных систем. Например, MenuetOS²⁹ была разработана группой любителей-энтузиастов, основной дистрибутив которой умещается на дискету (1,44 Мб). Несмотря на небольшой размер это полноценная операционная система, которая имеет определённый набор драйверов, браузер, текстовый процессор, графический редактор и т.д. В MenuetOS встроена полная поддержка файловых систем FAT12/16/32, а для чтения доступны NTFS, ISO 9660, Ext2/3/4. ОС представляет собой скорее интересный эксперимент любителей, чем продукт пригодный для реального использования.

Операционная система под названием «Реакт ОС» (ReactOS) создавалась в России также энтузиастами-любителями, которые ставили своей целью сделать ОС полностью совместимую с Windows. Проект до сих пор не завершён, но уже начал морально устаревать³⁰. Разработчики рассчитывали, что толчком к распространению ОС станет прекращение расширенной поддержки Windows XP в апреле 2014 г., однако этого не случилось. Сложно не согласиться с мнением генерального директора компании Alt Linux А. Новодворского, что ReactOS пока не показывает результатов, которые могли бы быть применимы в реальной практике заказчиков. Число Windows-приложений и драйверов, работающих под ReactOS, недостаточно велико³¹.

В сложившейся ситуации с разработкой российской операционной системы выходом могло бы стать использование так называемого открытого программного обеспечения (англ. open-source software), т.е. с открытым исходным кодом, который доступен для просмотра, изучения и изменения. В зависимости от лицензионного соглашения, возможно или прямо заимствовать исходный код, или изучать использованные алгоритмы и технологии, а затем внедрять их в собственное программное обеспечение. Таким образом, возможно, например, создать отече-

ственную операционную систему, взяв за основу ядро Linux.

Илья Массух, будучи заместителем министра связи, ещё в 2010 г. сообщил о ведущихся работах по созданию национальной операционной системы к 2020 г. Федеральный ядерный центр в Сарове (РФЯЦ-ВНИИЭФ) на основе ядра Linux ведёт разработку отечественной ОС под названием «Синергия». В 2014 г. над данным проектом работало более 70 сотрудников ядерного центра и к 2015 г. разработка перешла в стадию тестирования продукта. ОС «Синергия», по мнению разработчиков, позволит в перспективе отказаться от ОС Windows.

ОС «Синергия» является 64-битной операционной системой с мандатным принципом контроля доступа и разделением ресурсов. В ОС интегрирован гипервизор первого уровня с мультимедийной структурой ввода-вывода для виртуализации, а также СУБД на базе PostgreSQL, которая должна заменить СУБД Oracle. По информации опубликованной в T-adviser, «платформа на базе ОС «Синергия» сможет одновременно работать в трёх сетях с информацией различной степени конфиденциальности (гостайна, ДСП, интернет) по технологии «тонкого клиента», включая работу с инженерными приложениями CAD, CAM, CAE»³².

Компанией АО МЦСТ (первоначально «Московский центр SPARC-технологий») для вычислительного комплекса с архитектурой SPARC и «Эльбрус» создала операционную систему ОС «Эльбрус». Данная система (как и ОС «Синергия») основана на базе ядра Linux (текущая версия на Linux 2.6.33). ОС «Эльбрус» является многозадачной операционной системой с многопользовательским режимом. «Для неё разработаны особые механизмы управления процессами, виртуальной памятью, прерываниями, сигналами, синхронизацией, поддержка тегированными вычислениями»³³.

Для использования вычислительного комплекса серии «Эльбрус» в ряде ответственных систем проделана фундаментальная работа по преобразованию ОС Linux в операционную систему, поддерживающую режим работы в реальном времени, для чего были реализованы актуальные оптимизации АО МЦСТ.

²⁸ Shustek L. Software Gems: The Computer History Museum Historical Source Code Series // Computer History Museum. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.computerhistory.org/atchm/microsoft-ms-dos-early-source-code/> (дата обращения: 07.10.2016).

²⁹ MenuetOS. [Электронный ресурс]. URL: <http://menuetos.net/> (дата обращения: 07.10.2016).

³⁰ ReactOS. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.reactos.org/> (дата обращения: 07.10.2016).

³¹ Легезо Д. Школьник попросил Медведева выделить 1 млн евро на разработку «бесплатной Windows» // CNews. 01.09.2011. [Электронный ресурс]. URL: http://www.cnews.ru/news/top/shkolnik_poprosil_medvedeva_vydelit (дата обращения: 07.10.2016).

³² Синергия Операционная система. // TAdviser. [Электронный ресурс]. URL: http://www.tadviser.ru/index.php/%D0%9F%D1%80%D0%BE%D0%B4%D1%83%D0%BA%D1%82:%D0%A1%D0%B8%D0%BD%D0%B5%D1%80%D0%B3%D0%B8%D1%8F_%D0%9E%D0%BF%D0%B5%D1%80%D0%B0%D1%86%D0%B8%D0%BE%D0%BD%D0%BD%D0%B0%D1%8F_%D1%81%D0%B8%D1%81%D1%82%D0%B5%D0%BC%D0%B0 (дата обращения: 07.10.2016).

³³ Операционная система Эльбрус // АО «МЦСТ». [Электронный ресурс]. URL: http://www.mcst.ru/os_elbrus (дата обращения: 07.10.2016).

Кроме указанных выше операционных систем, разработка которых ещё не завершена, существуют специализированные дистрибутивы Linux с повышенным уровнем защищённости. Ещё на этапе проектирования в них были учтены повышенные требования к защищённости, которые предъявляются к компьютерным системам управления критически важными объектами [9, с. 168-216]. Среди подобных дистрибутивов, разрабатываемых и совершенствуемых в десятках активно развивающихся проектов, в качестве примера следует привести продукцию компаний НТЦ ИТ РОСА и ОАО НПО РусБИТех. Первая разработала семейство операционных систем ROSA Linux, основанных на Mandriva (desktop-ный вариант) и RedHat (серверный вариант). Дистрибутивы ROSA Linux сертифицированы ФСТЭК России и российским Министерством обороны для обработки конфиденциальной информации и персональных данных, а также обработки сведений, составляющих государственную тайну. Например, ОС РОСА DX «Никель» 1.0, согласно информации, опубликованной на официальном сайте компании, «сертифицирована (до весны 2017 г.) Восьмым управлением ГШ ВС РФ, со встроенными средствами защиты от несанкционированного доступа к информации — на соответствие РД СВТ по 4 классу и РД НДВ по 3 уровню контроля»³⁴. Вторая компания — научно-производственное объединение «Русские базовые информационные технологии» (РусБИТех) — совместно со специалистами Академии ФСБ разработала операционную систему специального назначения Astra Linux Special Edition» (ОС Astra Linux)³⁵. Дистрибутив сертифицирован в системах сертификации средств защиты информации ФСБ России, ФСТЭК России и Минобороны России. ОС Astra Linux обеспечивает защиту информации содержащую сведения, составляющие государственную тайну с грифом не выше «совершенно секретно».

Ещё одним важным компонентом информационного суверенитета, является российская микроэлектроника. В 1970-80-х гг. СССР занимал второе место в мире после США по уровню раз-

вития микроэлектроники. В 1990-е гг. российская экономика находилась в кризисе, электронная промышленность пришла в упадок [11]. В августе 2007 г. была принята «Стратегия развития электронной промышленности РФ до 2025 г.»³⁶. В данном документе констатируется тяжёлое состояние российской электронной промышленности и подчёркивается, что страна не только отстала от ведущих держав, но и утратила часть собственного потенциала после распада СССР; доля России на мировом рынке электронной компонентной базы снизилась до 0,23%. Даже внутри страны доля импортной электронной компонентной базы составила 60% от общего объёма электронных изделий. В 2008 г. была запущена программа «Развитие электронной компонентной базы и радиоэлектроники» на 2008-2015 гг.³⁷.

Указанные программы стали составной частью новой государственной программы Российской Федерации «Развитие электронной и радиоэлектронной промышленности на 2013-2025 гг.», утверждённой 15 декабря 2012 г. «Целью программы является повышение конкурентоспособности радиоэлектронной промышленности посредством создания инфраструктуры для развития приоритетных направлений, интеграции в международный рынок и реализации инновационного потенциала»³⁸. На её реализацию предусмотрено выделить из федерального бюджета 65743 млн руб. и 37198 млн руб. из внебюджетных источников³⁹.

29 сентября 2015 г. на совещании по вопросу развития рынка микроэлектроники В.В. Путин отметил, что «с 2009 г. отечественный рынок микроэлектроники вырос почти в три раза – до 150 млрд рублей, а объём экспорта гражданской продукции увеличился примерно в два раза»⁴⁰. В своём выступлении президент РФ подчеркнул значимость развития отрасли для национальной безопасности страны и отметил существующую опасность срыва поставок импортного оборудования. Геополитическое противостояние вынуждает Россию быстрыми темпами двигаться по пути импортозамещения, уделяя пристальное внимание развитию элементной базы в сфере

³⁴ ООО «НТЦ ИТ РОСА». [Электронный ресурс]. URL: <https://www.rosalinux.ru/products/> (дата обращения: 07.10.2016).

³⁵ Astra Linux. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.astra-linux.com/products/alse.html> (дата обращения: 07.10.2016).

³⁶ Об утверждении Стратегии развития электронной промышленности России на период до 2025 года // «Тех-эксперт». [Электронный ресурс]. URL: <http://docs.cntd.ru/document/902063681> (дата обращения: 07.10.2016).

³⁷ Федеральная целевая программа «Развитие электронной компонентной базы и радиоэлектроники» на 2008 - 2015 гг. // Департамент государственных целевых программ и капитальных вложений Минэкономразвития России. [Электронный ресурс]. URL: <http://fcp.economy.gov.ru/cgi-bin/cis/fcp.cgi/Fcp/ViewFcp/View/2015/246> (дата обращения: 07.10.2016).

³⁸ Федеральная целевая программа «Развитие электронной и радиоэлектронной промышленности на 2013 - 2025 гг.» // Департамент государственных целевых программ и капитальных вложений Минэкономразвития России. [Электронный ресурс]. URL: <http://fcp.economy.gov.ru/cgi-bin/cis/fcp.cgi/Fcp/ViewGP/View/2014/19/> (дата обращения: 07.10.2016).

³⁹ Там же.

⁴⁰ Совещание по развитию микроэлектроники // Администрация Президента России. 29.09.2015. [Электронный ресурс]. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/50397> (дата обращения: 07.10.2016).

■ Исследовательские статьи

телекоммуникаций, транспорта, электронных документов, а также в финансовом секторе.

Можно наблюдать первые результаты политики импортозамещения в области микроэлектроники. В России на отечественных чипах стал возможен выпуск смарт-карт, электронных удостоверений, паспортов и других электронных документов. Например, Московский метрополитен ежегодно получает более 235 млн билетов, Мосгортранс - 80 млн билетов. Постепенно вводятся в эксплуатацию электронные билеты и в регионах РФ. Отечественные чипы используются в банковской сфере, в том числе в процессе создания национальной платежной системы.

В свете развития одного из основных элементов информационного суверенитета – микроэлектроники, сложно переоценить важность создания современного российского процессора. В настоящее время на микропроцессорном рынке господствуют две американские компании: Intel и AMD. Подавляющее большинство серверных и настольных компьютеров основано именно на их процессорах. Данное обстоятельство не только ставит Россию в зависимость от продукции американских корпораций, но и таит скрытую опасность. Ещё в 2005 г. Научный совет министерства обороны США опубликовал отчёт⁴¹, в котором была отмечена опасность производства процессоров за пределами США. В документе подчёркивалось, что существует возможность намеренного изменения процессора в ходе проектирования или производства, что может поставить под угрозу национальную безопасность. Данная угроза некоторое время считалась гипотетической, но в 2013 г. её реальность, опытным путем доказали: Георг Беккер, Франческо Регаццони, Кристоф Паар и Уэйн Берлесон. Эта интернациональная команда учёных, возглавляемая профессором из университета штата Массачусетс Г. Беккером, смогла создать две версии «тройная аппаратного уровня» [16], которые не обнаруживались традиционными средствами. Таким образом, стало окончательно ясно, что внедрённый в процессор «тройнянский конь» или «аппаратная закладка» могут оставаться незамеченными, угрожая не только информационной безопасности, но и на фундаментальном уровне подрывая обороноспособность страны.

Первые советские микропроцессоры появились в 1970-е гг. В 1977 г. была выпущена серия K580, клон Intel i8080, а с 1980-х гг., в условиях политики «перестройки», социально-экономической нестабильности, СССР фактически полностью перешёл к копированию западных. Это сильно затормозило развитие российской микроэлектроники. Однако, разработка микропроцессоров продолжалась в отдельных НИИ. В настоящее время можно говорить о создании как минимум трёх перспективных отечественных

процессоров: «Эльбрус 8С» (компания МЦСТ), Baikal (компания «Т-Платформы») и «Мультиклет R1». Создание каждого из них стало значимым событием в развитии российской микроэлектроники, которое вызвало дискуссию на страницах СМИ, в российском сегменте сети Интернет. Дискуссия разгорелась вокруг таких вопросов, как экономическая конкурентоспособность данной продукции, производительность процессоров, их значение в рамках политики импортозамещения.

В связи с тем, что данные вопросы непосредственно связаны с национальной безопасностью, стоит попытаться более подробно их проанализировать. Разработка любого процессора начинается с выбора его архитектуры, определяющей устройство, набор исполнительных команд. Не вдаваясь в тонкости определения понятия процессорной архитектуры, следует отметить, что именно она во многом определяет назначение процессора и его потенциал. Наиболее распространёнными являются: архитектура x86 (от англ. Intel 80x86), а также архитектуры разработанные в соответствии с концепцией RISC (от англ. restricted (reduced) instruction set computer - сокращённым набором команд) или, иными словами, RISC-подобные, как ARM (от англ. Advanced RISC Machine - усовершенствованная RISC-машина) и MIPS (от англ. Microprocessor without Interlocked Pipeline Stages).

Большая часть процессоров для настольных компьютеров и серверов имеет x86(x86-64) архитектуру. Под x86 написано колоссальное количество программного обеспечения, достигнута рекордная производительность. Вместе с тем, данная архитектура считается малоперспективной для использования в мобильных устройствах в связи с большим энергопотреблением. Эту архитектуру невозможно лицензировать. Как уже было отмечено, СССР копировал процессоры, созданные по данной архитектуре. В настоящее время подобное нарушение авторского права стало бы как минимум экономически невыгодным, не говоря уже о стратегической нецелесообразности, препятствием на пути достижения информационного суверенитета.

Таким образом, возможно или использовать собственную архитектуру, что потребует создание всего комплекса программного обеспечения, или разрабатывать процессоры на основе лицензируемой, например, на MIPS. Первый вариант был избран при создании процессоров «Эльбрус 8С» (компания МЦСТ) и «Мультиклет R1», второй - для Baikal (компания Т-Платформы). Разработка микропроцессоров «Эльбрус» началась ещё в 1970-е гг.: был создан 10-процессорный комплекс на базе TTL логики. В 1985 г. вышла его усовершенствованная версия. В 1990-е гг. в сложных экономических условиях разработка и производство микропроцессоров продолжа-

⁴¹ U.S. Department of Defense. Defense science board task force on high performance microchip supply. February 2005. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.acq.osd.mil/dsb/reports/ADA435563.pdf> (дата обращения: 07.10.2016).

лась на основе открытой архитектуры SPARC, созданной Sun Microsystems.

Улучшение экономической ситуации в 2000-е гг., курс на импортозамещение, а также накопленные к тому времени компанией МЦСТ разработки, позволили в 2008 г. перейти к производству принципиально нового российского микропроцессора на VLIW архитектуре. Данный микропроцессор, в первую очередь, предполагалось использовать в системах ПВО и ПРО. В 2014 г. начался серийный выпуск микропроцессора «Эльбрус-4С», изготовленного по технологии 65 нм. Процессор содержит 4 ядра, которые функционируют на частоте 800 МГц. Каждое из них оснащено 2 МБ кэш-памяти. В 2015 г. была изготовлена и передана органам исполнительной власти первая партия серверов на базе данного микропроцессора. По информации, опубликованной на официальном сайте Объединённой приборостроительной корпорации, в 2016 г. начата разработка вычислительной техники на базе нового российского 8-ядерного микропроцессора «Эльбрус-8С»⁴².

Стоит отметить, что некоторые аналитики выражают скептицизм относительно перспектив российских микропроцессоров данной серии. Например, обозреватель журнала PC World Марк Хахман в статье, озаглавленной «С российским процессором Эльбрус, ПК был бы фантастическим в 1999 г.»⁴³, отмечает, что микропроцессоры «Эльбрус» не могут конкурировать с продукцией Intel в связи с низким техпроцессом и производительностью. Сложно согласиться с мнением автора статьи. Микропроцессор «Эльбрус-4С», о котором речь идёт в публикации, не совсем корректно сравнить с продукцией корпорации Intel, поскольку он был выпущен в первую очередь с целью создания «техники для государства и стратегических секторов, где остро стоит вопрос защиты информации и ухода от небезопасных технологий»⁴⁴. Стратегическое назначение микропроцессора может несколько снизить значимость показателей производительности, а также подразумевать оптимизацию микропроцессора и программного обеспечения под специфические задачи. Справедливости ради стоит обратить внимание, что на официальном сайте компании МЦСТ указаны достаточно высокие показатели производительности, например, для «Эльбрус-4С» - 25 Gflops (64 разряда, двойная точность), а для «Эльбрус-8С» 125 Gflops (64 разряда, двойная точность). В связи с закрытостью

компании МЦСТ нет достоверной информации о том, каким образом данные были получены: указана ли теоретическая производительность или согласно синтетическим тестам, включают ли эти цифры производительность DSP процессора и т.д. Острой критике в СМИ подвергается выбор VLIW архитектуры микропроцессора. Не вдаваясь в технические подробности и не пытаясь сравнить различные архитектуры, отметим, что Россия не стала первой страной, выпустившей микропроцессоры с VLIW архитектурой. Корпорация Intel совместно с Hewlett Packard разработала IA-64 (Intel Architecture-64) архитектуру, основанную на VLIW. В 2001 г. Intel выпустила первый IA-64 процессор линейки Itanium. Процессоры Itanium продолжают выпускаться, однако их сложно назвать коммерчески успешным продуктом. С другой стороны, если рассматривать процессоры «Эльбрус» исключительно с точки зрения национальной безопасности, достижения цифрового суверенитета, то коммерческая составляющая отходит на второй план.

Что касается упомянутого выше процессора Baikal, то он ориентирован на динамично развивающийся рынок коммуникационных решений и встроенных систем. Процессор «Мультиклет R1» может быть востребован в приборостроительной отрасли, оборонной и авиакосмической промышленности, научно-исследовательских и образовательных центрах.

Стоит отметить, что микропроцессор является основным, но не единственным компонентом компьютера. В настоящее время, например, нет достоверной информации о выпуске отечественных жестких дисков и графических процессоров.

Подъём российской микроэлектроники способствовал развитию сетевого и телекоммуникационного оборудования. Продукция нескольких десятков отечественных компаний уже сумела хорошо зарекомендовать себя на российском рынке, что безусловно способствует достижению информационного суверенитета.

Достижение цифрового суверенитета невозможно без создания шифровальных (криптографических) средств защиты информации, обеспечивающих безопасное хранение и передачу данных. Приказом ФСБ России от 9 февраля 2005 г. № 66 было утверждено «Положение о разработке, производстве, реализации и эксплуатации шифровальных (криптографических) средств защиты информации»⁴⁵. С целью практической реализации данного положения, при-

⁴² ОПК разрабатывает защищенное оборудование на базе «Эльбруса-8С» // Госкорпорация Ростех. 20.01.2016. [Электронный ресурс]. URL: <http://rostec.ru/news/4517650> (дата обращения: 07.10.2016).

⁴³ Nachman M. Russia's homegrown Elbrus processor and PC would be fantastic in 1999 // PC World. 12 May 2015. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.pcworld.com/article/2920988/russias-homegrown-elbrus-processor-and-pc-would-be-fantastic-in-1999.html> (дата обращения: 07.10.2016).

⁴⁴ ОПК разрабатывает защищенное оборудование на базе «Эльбруса-8С» // Госкорпорация Ростех. 20.01.2016. [Электронный ресурс]. URL: <http://rostec.ru/news/4517650> (дата обращения: 07.10.2016).

⁴⁵ Приказ ФСБ РФ от 9 февраля 2005 г. N 66 «Об утверждении Положения о разработке, производстве, реализации и эксплуатации шифровальных (криптографических) средств защиты информации (Положение ПКЗ-2005)» (с изменениями и дополнениями) // Портал ГАРАНТ.РУ. [Электронный ресурс]. URL: <http://base.garant.ru/187947/> (дата обращения: 07.10.2017).

■ Исследовательские статьи

казом Ростехрегулирования от 28 декабря 2007 г. был создан технический комитет по стандартизации «Криптографическая защита информации» (ТК 26). С 2010 по 2015 гг. ТК26 проводил комплексную работу по обновлению национальных стандартов криптографии. 7 августа 2012 г. Федеральное агентство по техническому регулированию и метрологии утвердила ГОСТ Р 34.10–2012 «Информационная технология. Криптографическая защита информации. Процессы формирования и проверки электронной цифровой подписи»⁴⁶ и ГОСТ Р 34.11–2012 «Информационная технология. Криптографическая защита информации. Функция хеширования»⁴⁷. 19 июня 2015 г. приказами Федерального агентства по техническому регулированию и метрологии № 749-ст и 750-ст национальных стандартов ГОСТ Р 34.12–2015⁴⁸ и ГОСТ Р 34.13–2015⁴⁹ были окончательно определены алгоритмы блочного шифрования и режимы их работы.

Перспективы применения российских алгоритмов шифрования обсуждаются многими экспертами. Российские алгоритмы обладают высокой стойкостью к взлому, а их программная реализация (без использования специальных конструкций SSE/AVX) позволяет добиться сопоставимой с западными аналогами скорости шифрования/дешифровки [6]. Вместе с тем, в настоящее время можно констатировать отсутствие аппаратной поддержки российских алгоритмов шифрования как в западных, так и в отечественных микропроцессорах. Стоит отметить, что наличие в последних поколениях микропроцессоров Intel и AMD расширения системы команд AES (Advanced Encryption Standard) даёт значительное ускорение приложений, использующих шифрование по алгоритму AES [17]. Учитывая, что российские процессоры имеют архитектуру с сокращённым набором команд, перспективы использования отечественных алгоритмов представляются не столь радужными. Успешная реализация алгоритмов ГОСТ 28147–89 и ГОСТ Р 34.12–2015 на графическом процессоре (Graphics Processing Unit, GPU), которая

подчёркивается некоторыми экспертами [7], представляется слабым доводом в пользу отечественных алгоритмов шифрования, поскольку, как было отмечено выше, графические процессоры в России пока не производятся.

С криптографическими проблемами связан ещё один аспект национальной безопасности – борьба с терроризмом. В июле 2016 г. были приняты два законопроекта, фигурирующие в СМИ под названием «Пакет Яровой» (по фамилии одного из его авторов — депутата Государственной думы V и VI созывов Ирины Яровой). Законопроект № 1039149-6 «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части установления дополнительных мер противодействия терроризму и обеспечения общественной безопасности»⁵⁰ обязывает операторов связи до полуночи хранить записи телефонных разговоров, SMS и интернет-трафик пользователей, и до трёх лет информацию о самом факте приёма или передачи данных. Поскольку значительная часть информации шифруется, в законопроект были внесены поправки, согласно которым социальные сети, мессенджеры, почтовые сервисы, а также операторы связи должны предоставлять ключи для дешифровки данных по требованию властей. Подобное нововведение технически легко реализуемо по отношению к российским компаниям. Что касается западных сервисов, например, Gmail, то вопрос расшифровки данных остаётся открытым. Справедливости ради отметим, что использование западных сервисов соотечественниками может представлять угрозу национальной безопасности не только в связи со сложностями антитеррористической борьбы. Согласно информации, обнародованной Эдвардом Сноуденом в 2013 г., Агентство национальной безопасности США создало в 2007 г. систему разведки (программу) Prism [18], позволяющую спецслужбам получать прямой доступ к серверам компаний без санкции суда. Таким образом, американские спецслужбы уже имеют прямой доступ к серверам девяти ведущих интернет-компаний: Microsoft (с 2007 года), Yahoo (2008), Google, Facebook, PalTalk

⁴⁶ Об утверждении национального стандарта. Приказ Росстандарта от 7 августа 2012 года №215-ст // Техэксперт - электронный фонд правовой и нормативно-технической документации. [Электронный ресурс]. URL: <http://docs.cntd.ru/document/902368267> (дата обращения: 07.10.2016).

⁴⁷ Голицына А. «Яндекс» прокомментировал заявления Путина // «Ведомости». 24.04.2014. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.vedomosti.ru/technology/articles/2014/04/24/yandeks> (дата обращения: 07.10.2016).

⁴⁸ ГОСТ Р 34.12–2015. Информационная технология. Криптографическая защита информации. Блочные шифры // Российский Архив Государственных Стандартов, а также строительных норм и правил (СНиП) и образцов юридических документов. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.rags.ru/gosts/gost/60339/> (дата обращения: 07.10.2016).

⁴⁹ ГОСТ Р 34.13–2015 Информационная технология. Криптографическая защита информации. Режимы работы блочных шифров // Техэксперт - электронный фонд правовой и нормативно-технической документации. [Электронный ресурс]. URL: <http://docs.cntd.ru/document/1200121984> (дата обращения: 07.10.2016).

⁵⁰ Законопроект № 1039149-6 «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части установления дополнительных мер противодействия терроризму и обеспечения общественной безопасности» // Государственная Дума Федерального Собрания Российской Федерации. [Электронный ресурс]. URL: [http://asozd2.duma.gov.ru/main.nsf/\(Spravka\)?OpenAgent&RN=1039149-6](http://asozd2.duma.gov.ru/main.nsf/(Spravka)?OpenAgent&RN=1039149-6) (дата обращения: 07.10.2016).

(все три с 2009 г.), YouTube (2010), AOL, Skype, (обе с 2011 г.) и Apple (2012)⁵¹.

Российские программные средства обеспечения информационной безопасности развиваются достаточно активно. В «Единый реестр российских программ для электронных вычислительных машин и баз данных» входят более 260 программных продуктов⁵².

Важным звеном национальной безопасности и цифрового суверенитета является глобальная навигационная система. Первые спутники отечественной «Глобальной навигационной спутниковой системы» (ГЛОНАСС) начали функционировать ещё в 1982 г., а основные работы над её созданием завершились к 1993 г. ГЛОНАСС была официально принята в эксплуатацию Министерством обороны России. Два года спустя система достигла своего штатного состояния в 24 спутника. Вместе с тем, в связи с экономическими проблемами, поддержание работоспособности ГЛОНАСС в 90-е гг. практически не проводилось. Число работающих спутников сократилось к 2001 г. до шести. Систему ГЛОНАСС удалось восстановить благодаря принятой в 2001 г. федеральной целевой программе «Глобальная навигационная система»⁵³. К сентябрю 2010 г. количество спутников достигло 26-ти, обеспечено полное покрытие Земли. 7 декабря 2015 г. строительство ГЛОНАСС было официально завершено, систему предъявили заказчику — Министерству обороны РФ⁵⁴. По точности система ГЛОНАСС уже приблизилась к показателям американской системы GPS (Global Positioning System). В рамках федеральной целевой программы «Поддержание, развитие и использование системы ГЛОНАСС на 2012 - 2020 гг.»⁵⁵ планируется дальнейшая модернизация отечественной навигационной системы, повышение точности ГЛОНАСС (до 0,6 м).

Идея создания Национальной платёжной системы обсуждалась экспертами ещё в начале

90-х гг., однако, в связи с особенностями внутренней и внешней политики Российской Федерации того периода, практические шаги для её реализации предприняты не были [1]. 85% мировых транзакций по пластиковым картам проводилось двумя международными платёжными системами (МПС) — MasterCard и Visa, а вся информация, включая российскую, обрабатывалась на их терминалах. Безусловно, подобная практика могла стать угрозой национальной безопасности, информационному суверенитету. 27 июня 2011 г. был принят федеральный закон N 161-ФЗ «О национальной платёжной системе»⁵⁶. Закон мало что изменил на практике, поскольку вопрос о создании национальной системы платёжных карт на тот момент в нём не был оговорен.

21 марта 2014 г., в связи с санкциями США, платёжные системы Visa и MasterCard заблокировали пластиковые карточки ряда российских банков. Реальная угроза национальной безопасности России потребовала внесения поправок в Федеральный закон «О национальной платёжной системе», позволяющих создать инфраструктуру для осуществления денежных переводов внутри России, «Национальную систему платёжных карт» (НСПК). Таким образом, в 2015 г. удалось полностью перевести на процессинг НСПК все внутрироссийские транзакции Visa и MasterCard. В настоящее время российская национальная платёжная система активно развивается. Она получила официальное название «Мир», были заключены соглашения с MasterCard, Japan Credit Bureau и American Express. Согласно данным, опубликованным в РИА «Новости», «банки РФ уже выпустили 537 тыс. карт национальной платёжной системы «Мир», которые принимают более полумиллиона банкоматов и POS-терминалов»⁵⁷.

Проведённый анализ компонентов цифрового суверенитета России позволяет утверждать, что достижение информационного суверените-

⁵¹ Greenwald G., MacAskill E. NSA Prism program taps in to user data of Apple, Google and others // The Guardian. 7 June 2013. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.theguardian.com/world/2013/jun/06/us-tech-giants-nsa-data> (дата обращения: 07.10.2016).

⁵² Единый реестр российских программ для электронных вычислительных машин и баз данных // Официальный сайт оператора единого реестра российских программ для электронных вычислительных машин и баз данных в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет». [Электронный ресурс]. URL: <https://reestr.minsvyaz.ru/reestr/> (дата обращения: 07.10.2016).

⁵³ Федеральная целевая программа «Глобальная навигационная система» // Департамент государственных целевых программ и капитальных вложений Минэкономразвития России. [Электронный ресурс]. URL: <http://fcp.economy.gov.ru/cgi-bin/cis/fcp.cgi/Fcp/ViewFcp/View/2006/117> (дата обращения: 07.10.2016).

⁵⁴ Чуберко И. Система ГЛОНАСС сдана Минобороны для финальных испытаний // «Газета Известия». 07.12.2015. [Электронный ресурс]. URL: <http://izvestia.ru/news/598340> (дата обращения: 07.10.2016).

⁵⁵ Федеральная целевая программа «Поддержание, развитие и использование системы ГЛОНАСС на 2012 - 2020 годы» // Департамент государственных целевых программ и капитальных вложений Минэкономразвития России. [Электронный ресурс]. URL: <http://fcp.economy.gov.ru/cgi-bin/cis/fcp.cgi/Fcp/ViewFcp/View/2016/396> (дата обращения: 07.10.2016).

⁵⁶ Федеральный закон от 27 июня 2011 г. N 161-ФЗ «О национальной платёжной системе» (с изменениями и дополнениями) // ЭПС «Система ГАРАНТ». 07.12.2015. [Электронный ресурс]. URL: <http://base.garant.ru/12187279/#help> (дата обращения: 07.10.2016).

⁵⁷ Российские банки выпустили 537 тысяч карт «Мир» // РИА Новости. 09.09.2016. [Электронный ресурс] URL: <https://ria.ru/economy/20160909/1476485837.html> (дата обращения: 07.10.2016).

■ Исследовательские статьи

та возможно в недалёком будущем. Очередным шагом на пути достижения информационной безопасности стало решение главы администрации президента РФ Сергея Иванова (решением президента от 12 августа 2016 г. руководителем администрации президента РФ назначен А. Э. Вайно) от 3 февраля 2016 г. о создании рабочей группы «по использованию информационно-телекоммуникационной сети Интернет в отечественной экономике при формировании её новой технологической основы и в социальной сфере»⁵⁸. 28 сентября подгруппа «Интернет+суверенитет» рассмотрела проект дорожной карты, основной целью создания которой является «импортозамещение программного обеспечения и оборудования, снижение критической зависимости от зарубежных технологий и промышленной продукции в отрасли информационных технологий и телекоммуникаций»⁵⁹. О важности данной проблемы говорит и тот факт, что правительством подготовлена новая редакция «Доктрины информационной безопасности Российской Федерации», в которой впервые используется понятие «суверенитет в информационной сфере»⁶⁰.

Таким образом, основной отличительной особенностью российской технической базы по обеспечению информационного суверенитета является неравномерность и фрагментарность развития её компонентов. Наибольший прогресс достигнут в развитии таких компонентов как

российские поисковые системы, социальные сети, национальный сегмент сети Интернет и навигационная система, которая уже способна в полной мере обеспечивать национальную безопасность. Российское программное и аппаратное обеспечение требует ускоренного развития для обеспечения информационного суверенитета, национальной безопасности России. Наибольшее внимание заслуживает российская платёжная система, поскольку данный вопрос находится в прямой зависимости от направления развития экономики страны. Проблема обеспечения информационного суверенитета в значительной степени связана с вопросами принятия государственных решений, приведения нормативной, законодательной базы в соответствие с концепцией национальной безопасности страны.

Сохранение государственного суверенитета, национальной безопасности в значительной степени зависит от информационной безопасности, независимости в области цифровых технологий, цифрового суверенитета. В «Доктрине информационной безопасности Российской Федерации», утверждённой президентом Российской Федерации В.Путиным 9 сентября 2000 г., сказано: «Национальная безопасность Российской Федерации существенным образом зависит от обеспечения информационной безопасности, и в ходе технического прогресса эта зависимость будет возрастать»⁶¹.

Список литературы

1. Ануреев С.В. Платежные системы и их развитие в России. М.: Финансы и статистика, 2011. 288 с.
2. Балугев Д.Г. Влияние современных социальных медиа на информационный суверенитет России: основные подходы к исследованию // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки СКАГС. № 3. 2015. С. 140-143.
3. Батурин Ю.М., Жоджижский А.М. Компьютерная преступность и компьютерная безопасность. М.: Юридическая литература, 1991. 160 с.
4. Бодэн Ж. Метод лёгкого познания истории. М.: Наука, 2000. 412 с.
5. Большая советская энциклопедия. Т. 25. М.: Большая советская энциклопедия, 1976. 600 с.
6. Бондаренко А., Маршалко Г., Шишкин В. ГОСТ Р 34.12–2015: чего ожидать от нового стандарта? // Information Security - Информационная безопасность. 2015. № 4. С. 48 - 50.
7. Ищукова Е.А., Богданов К.И. Реализация алгоритма шифрования Магма с использованием технологии NVidia Cuda // Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований. 2015. №12. С. 789 - 793.

⁵⁸ Анненков А. В АП создана рабочая группа для координации работ по исполнению поручений о развитии Интернета в России – прошло первое заседание // Экспертный центр электронного государства. 11.02.2016. [Электронный ресурс]. URL: <http://d-russia.ru/v-ap-sozdana-rabochaya-gruppa-dlya-koordinacii-rabot-po-ispolneniyu-poruchenij-o-razvitii-interneta-v-rossii-proshlo-pervoe-zasedanie.html> (дата обращения: 07.10.2016).

⁵⁹ Анненков А. Подгруппа «Интернет+суверенитет» рабочей группы по Интернету рассмотрела проект дорожной карты // Экспертный центр электронного государства. 29.09.2016. [Электронный ресурс]. URL: <http://d-russia.ru/podgruppa-internetsuverenitet-rabochej-gruppy-po-internetu-rassmotrela-proekt-dorozhnoj-karty.html> (дата обращения: 07.10.2016).

⁶⁰ Доктрина информационной безопасности Российской Федерации (проект) // Совет Безопасности Российской Федерации. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.scrf.gov.ru/documents/6/135.html> (дата обращения: 07.10.2016).

⁶¹ Доктрина информационной безопасности Российской Федерации // Совет Безопасности Российской Федерации. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.scrf.gov.ru/documents/6/5.html> (дата обращения: 07.10.2016).

8. Крапивенский А.С. Вербальный аспект культурной безопасности молодежи в социальных сетях и блогосфере рунета // Современные проблемы науки и образования. 2012. № 2. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.science-education.ru/ru/article/view?id=5935> (дата обращения: 04.12.2016).
9. Критически важные объекты и кибертерроризм. Часть 2. Аспекты реализации средств противодействия / О.О. Андреев, А.С. Шундеев, С.А. Афонин и др. Под ред. В.А. Васенина. М.: МЦНМО, 2008. 607 с.
10. Кучерявый М.М. Государственная политика информационного суверенитета России в условиях современного глобального мира // Управленческое консультирование. 2014. № 9. С. 7 - 14.
11. Малашевич Б.М. 50 лет отечественной микроэлектронике. Краткие основы и история развития. М.: Техносфера, 2013. 800 с.
12. Наумов А.О. Мягкая сила, цветные революции и технологии смены политических режимов в начале XXI века. М.: Аргатакс-медиа, 2016. 274 с.
13. Таненбаум Э., Бос Х. Современные операционные системы. 4-е издание. М.: Питер, 2015. 1120 с.
14. Шиллер В.В., Шелудков Н.Н. Российские социальные сети как потенциальная угроза национальной безопасности России (на примере сайтов «Одноклассники» и «ВКонтакте») // Вестник Кемеровского государственного университета. 2013. № 1 (1). С. 124-129.
15. Штайншаден Я. Социальная сеть. Феномен Facebook. СПб.: Питер, 2011. 223 с.
16. Becker G.T., Regazzoni F., Paar C., and Burleson W.P. Stealthy Dopant-Level Hardware Trojans // Cryptographic Hardware and Embedded Systems – CHES. 2013. Vol. 8086 of the series Lecture Notes in Computer Science. Pp. 197 - 214.
17. Daemen J., Rijmen V. The Design of Rijndael, AES - The Advanced Encryption Standard. Springer-Verlag, 2002. 238 p.
18. Greenwald G. No Place to Hide: Edward Snowden, the NSA, and the U.S. Surveillance State. NY, Metropolitan Books, 2014. 304 p. [Электронный ресурс]. URL: <http://us.macmillan.com/static/holt/greenwald/NoPlaceToHide-Documents-Uncompressed.pdf> (дата обращения: 07.10.2016).
19. McMahon R., Bennett I. U.S. Internet Providers and the «Great Firewall of China» // Council on Foreign Relations. 23.02.2011. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.cfr.org/internet-policy/us-internet-providers-great-firewall-china/p9856> (дата обращения: 07.10.2016).
20. O'Neill J. Echelon: Somebody's Listening. Word Association Publishers, 2005. 345 p.
21. Paulson T.M. Intelligence Issues & Developm. Nova Publishers, 2008. 177 p.

Об авторе

Владислав Викторович Бухарин – к.и.н., старший преподаватель факультета государственного управления, МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, РФ. E-mail: Bukharin@spa.msu.ru.

THE RUSSIAN'S DIGITAL SOVEREIGNTY AS A TECHNICAL BASIS OF INFORMATION SECURITY

V.V. Bukharin

School of Public Administration, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation.

Abstract: *The article deals with the problem of the emergence of concept of "information sovereignty" in Russia, the prospects for its practical and theoretical introduction to the scientific revolution. The problem of "information sovereignty" in the normative documents of Russia, China and other Countries is examined. The focus of the article, first time in the domestic and foreign historiography, the technical aspects of independence in the field of digital technologies is analyzed. In this connection, the most important components of digital sovereignty is analyzed, technically ensuring national security. The author concludes that the main feature of the Russian technical resources to ensure the sovereignty of the information is fragmentary and uneven in the development of its components. The greatest progress has been made in the development of components such as the Russian search engines, social networks, national segment of "Internet" and the navigation system. Russian software and hardware require to ensure the accelerated development of information sovereignty, Russia's national security. The greatest attention should be Russian payment system, because this issue is directly dependent on the direction of development of the national economy. The problem of information sovereignty is largely related to issues of public decision-making, in bringing regulatory and legislative framework in line with the national security concept of the country.*

Key words: Information sovereignty, digital sovereignty, national security, information safety, import substitution.

References

1. Anureev S.V. *Platzhnye sistemy i ikh razvitie v Rossii* [Payment systems and their development in Russia]. Moscow, Finansy i statistika Publ., 2011. 288 p. (In Russian).
2. Baluev D.G. Vlianie sovremennykh sotsial'nykh media na informatsionnyi suverenitet Rossii: osnovnye podkhody k issledovaniyu [The impact of social media on information sovereignty of Russia: approaches to the study. State and municipal management]. *Gosudarstvennoe i munitsipal'noe upravlenie. Uchenye zapiski SKAGS*, 2015, no. 3, pp. 140 - 143. (In Russian).
3. Baturin Ju.M., Zhodzizhskij A.M. *Komp'yuternaya prestupnost' i komp'yuternaya bezopasnost'* [Computer crime and computer security]. Moscow, Iuridicheskaya literatura Publ., 1991. 160 p. (In Russian).
4. Bodjen Zh. Metod legkogo poznaniia istorii [Method for the easy knowledge of history]. Moscow, Nauka Publ., 2000. 412 p. (In Russian).
5. Bol'shaia sovetskaia entsiklopediia [The Great Soviet Encyclopedia]. Vol. 25. Moscow, Bol'shaia sovetskaia entsiklopediia, 1976. 600 p. (In Russian).
6. Bondarenko A., Marshalko G., Shishkin V. GOST R 34.12-2015: chego ozhdat' ot novogo standarta? [GOST R 34.12-2015: what to expect from the new standard?]. *Information Security - Informacionnaya bezopasnost'*, 2015, no. 4, pp. 48 - 50. (In Russian).
7. Ishchukova E.A., Bogdanov K.I. Realizatsiia algoritma shifrovaniia Magma s ispol'zovaniem tekhnologii NVidia Cuda [Implementation of the encryption algorithm magma using NVidia CUDA technology]. *Mezhdunarodnyi zhurnal prikladnykh i fundamental'nykh issledovaniy*, 2015, no. 12, pp. 789 - 793. (In Russian).
8. Krapivenskii A.S. Verbal'nyi aspekt kul'turnoi bezopasnosti molodezhi v sotsial'nykh setiakh i blogosfere runeta [Verbal aspect of youth cultural security in social networks and blogosphere of runet]. *Sovremennye problemy nauki i obrazovaniia*, 2012, no. 2. Available at: <http://www.science-education.ru/ru/article/view?id=5935> (Accessed: 04.12.2016). (In Russian).
9. *Kriticheski vazhnye ob"ekty i kiberterrorizm. Chast' 2. Aspekty realizatsii sredstv protivodeistviia* [Crucial facilities and cyberterrorism. Part 2: Aspects of implementation of countermeasures]. O.O. Andreev, A.S. Shundeev, S.A. Afonin. Ed. by V.A. Vasenin. Moscow, MTsNMO Publ., 2008. 607 p. (In Russian).
10. Kucheryavii M.M. Gosudarstvennaia politika informatsionnogo suvereniteta Rossii v usloviakh sovremennogo global'nogo mira [State Policy Information Sovereignty Russia in Today's Global World]. *Upravlencheskoe konsul'tirovanie*, 2014, no. 9, pp. 7 - 14. (In Russian).
11. Malashevich B.M. *50 let otechestvennoi mikroelektronike. Kratkie osnovy i istoriia razvitiia* [50 years of domestic microelectronics. Brief history of the foundations and development]. Moscow, Tekhnosfera Publ., 2013. 800 p. (In Russian).
12. Naumov A.O. *Mjagkaja sila, cvetnye revoliucii i tekhnologii smeny politicheskikh rezhimov v nachale XXI veka* [Soft power, the color revolutions and the technology change of political regimes at the beginning of the XXI century]. Moscow, Argamak-media Publ., 2016. 274 p. (In Russian).
13. Tanenbaum A., Bos H. *Modern operating systems*. 4th edition. Prentice Hall, 2014. 1101 p. (Rus. Ed.: Tanenbaum A., Bos H. *Sovremennye operatsionnye sistemy*. 4th edition. Moscow, 2015. 1120 p.).
14. Shiller V.V., Sheludkov N.N. Rossiiskie sotsial'nye seti kak potentsial'naia ugroza natsional'noi bezopasnosti Rossii (na primere saitov «Odnoklassniki» i «VKontakte») [Russian social networking as a potential threat to Russian national security (example «Odnoklassniki» and «VKontakte»)]. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2013, no. 1 (1), pp. 124 - 129. (In Russian).
15. Steinschaden Ja. *Phenomen Facebook: Wie eine Webseite unser Leben auf den Kopf stellt*. Carl Ueberreuter Verlag GmbH, 2010. 208 p. (Rus. ed.: Shtainshaden Ia. *Sotsial'naia set'. Fenomen Facebook*. Sankt-Peterburg, 2011. 223 p.).
16. Becker G.T., Regazzoni F., Paar C., and Burleson W.P. Stealthy Dopant-Level Hardware Trojans. *Cryptographic Hardware and Embedded Systems - CHES 2013*, vol. 8086 of the series Lecture Notes in Computer Science, pp. 197 - 214.
17. Daemen J., Rijmen V. *The Design of Rijndael, AES - The Advanced Encryption Standard*. Springer-Verlag, 2002. 238 p.
18. Greenwald G. *No Place to Hide: Edward Snowden, the NSA, and the U.S. Surveillance State*. New York, Metropolitan Books, 2014. 304 p. Available at: <http://us.macmillan.com/static/holt/greenwald/NoPlaceToHide-Documents-Uncompressed.pdf> (Accessed 07.10.2016).

19. McMahon R., Bennett I. U.S. Internet Providers and the «Great Firewall of China». *Council on Foreign Relations*, 23.02.2011. Available at: <http://www.cfr.org/internet-policy/us-internet-providers-great-firewall-china/p9856> (Accessed 07.10.2016).
20. O'Neill J. *Echelon: Somebody's Listening*. Word Association Publ., 2005. 345 p.
21. Paulson T.M. *Intelligence Issues & Developm*. Nova Publ., 2008. 177 p.

About the author

Vladislav V. Bukharin – Ph.D., Senior Lecturer, School of Public Administration, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation. E-mail: Bukharin@spa.msu.ru.

СОСТОЯНИЕ И СТРАТЕГИИ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ИНФОРМАЦИОННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ В СТРАНАХ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ НА ПРИМЕРЕ РЕСПУБЛИКИ КАЗАХСТАН

З.А. Асадова

Бакинский государственный университет, 1148, Азербайджан, Баку, ул. Академика Захида Халилова, 23.

В данной статье рассматривается история создания и развития общей концепции информационной безопасности, современное состояние информационной безопасности, а также соответствующей нормативно-правовой базы в странах Центральной Азии на примере Республики Казахстан. В вводной части статьи анализируется и проводится краткий обзор развития информационно-коммуникационных технологий. Особое внимание уделяется формированию понятия информационной безопасности в рамках международных оценочных стандартов. Автор исследует и перечисляет основные источники угроз мировой информационной безопасности, а также разъясняет историю создания геополитического термина «Центральная Азия». В основной части статьи освещаются вопросы становления и развития концепции информационной безопасности, проводится краткий обзор истории развития информационно-коммуникационных технологий в республике. В этой же части автор проводит подробный анализ законодательства и концепций государства относительно вопроса обеспечения информационной безопасности, выделяет основные ключевые вопросы обеспечения информационной безопасности. Также анализируется Стратегия развития республики до 2030 г. (Стратегия «Казахстан-2030»), проводится краткий обзор государственных законов и программ в области обеспечения информационной безопасности в Республике Казахстан. В заключении автор приходит к выводу, что сегодня Казахстан только приступает к формированию собственных механизмов защиты информационной безопасности, и приводит соответствующие рекомендации для решения поставленных задач перед государством.

Ключевые слова: информация, безопасность, коммуникация, технология, общество, глобализация, интеграция, государство, республика, политика, право, законодательство, экономика, современное, источник, разведка, образование, анализ, концепция, развитие, термин, стратегия.

Информационно-коммуникационные технологии (ИКТ) стремительно развиваясь, стали глобальным жизненно необходимым явлением, влияющим на формирование мирового сообщества. ИКТ влились во все сферы жизнедеятельности государств, стали проводником взаимодействия правительства и гражданского общества. Информационная безопасность стала частью международной безопасности, оставив позади себя экологию, энергетику и другие аспекты международной безопасности. Так, в июле 2000 г. на саммите в Японии лидерами «восьмерки» была принята Хартия глобального информационного общества, в которой подчеркивается, что «информационно-коммуникационные технологии являются одним из наиболее важных факторов, влияющих на формирование общества XXI в.»¹.

В рамках информационной безопасности обсуждаются такие проблемы, как хакерские атаки, финансовые мошенничества, информационные войны и информационный терроризм, информационный криминал, и, наконец, использование информационных технологий в военных целях [4, с. 75].

В конце XX столетия одним из самых значимых и крайне важных событий в мире стал распад СССР. Геополитическая карта Евразии перекрасилась, появились новые суверенные государства, в том числе и государства Центральной Азии: Кыргызстан, Таджикистан, Туркменистан, Узбекистан и Казахстан. Получив независимость, эти государства стали разрабатывать свои национальные модели развития. С появлением ИКТ одной из главных задач молодых государств Центральной Азии стало обеспечение информационной безопасности. Каждая республика формирует собственные концепции обеспечения информационной безопасности, которые находят отражение в национальных законодательствах. Практически во всех государствах региона есть специальные комиссии по проблемам информационной безопасности, принимаются межправительственные соглашения по защите информационного пространства [5].

Цель данной статьи – анализ обеспечения информационной безопасности в государстве-лидере Центральной Азии. Какие меры предпринимает Казахстан для обеспечения информационной безопасности, и каковы современные проблемы данной отрасли? Возможно, те меры, которые он предпринимает сегодня для обеспечения информационной безопасности, завтра станут моделью для остальных государств Центральной Азии.

В современном мире Казахстан занимает лидирующую позицию по доступу к информа-

ционным технологиям среди стран Центральной Азии. История развития ИКТ здесь перетерпела несколько этапов. Начальным этапом формирования ИКТ можно считать начало 1990-х гг., когда государство обратило внимание на перспективу развития ИКТ, на проблему обучения и подготовки соответствующих кадров. Во многих вузах были открыты специальности по данному направлению и начато обеспечение классов передовыми на тот период персональными компьютерами. На втором этапе в 1995–1999 гг. наблюдался рост количества компаний по продаже, ремонту компьютеров, оказанию информационно-технологических услуг и разработке программного обеспечения с расширением спектра предоставляемой продукции. В 2000–2005 гг. начинается становление казахстанских компаний как в области производства, продажи ПК, так и в области разработки программного обеспечения. [2, с. 950-954]

С 2000-х гг. государство начинает активно принимать участие в регулировании отрасли ИКТ. В законодательной сфере Республики Казахстан принимаются значимые законы и постановления, образуются новые и расширяются существующие структуры по управлению и координации развития отрасли, что способствует дальнейшему динамичному развитию ИКТ.

Законодательство в области интернета строится преимущественно исходя из норм и принципов международного права, соблюдение международных договоров и иных актов международного права, ратифицированных в Республике Казахстан в установленном порядке, а также с учётом необходимости обеспечения информационной безопасности и защиты своих интересов. Тем не менее, проделана и определённая работа в сфере развития собственного национального законодательства в области интернета в республике. Казахстан — первая страна в Центральной Азии, где были приняты нормативно-правовые документы, регулирующие деятельность участников интернета. [5]

В октябре 1997 г. в послании президента «Процветание, безопасность и улучшение благосостояния всех казахстанцев» была представлена стратегия развития Казахстана до 2030 г., где определены 30 важнейших направлений внутренней и внешней политики республики. Проникая во все сферы деятельности государства, информация приобретает конкретное политическое, материальное и стоимостное выражение. В документе признается, что национальная безопасность страны существенным образом зависит от обеспечения информационной безопасности, и в ходе технического прогресса эта зависимость будет возрастать².

¹ Developments in the field of information and telecommunications in the context of international security General Assembly. United Nations /A/RES/55/554. 8 November 2000. Page 2. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.un.org/documents/ga/docs/55/a55554.pdf> (дата обращения: 25.09.2016)

² Стратегия «Казахстан -2030» На новом этапе развития Казахстана 30 важнейших направлений нашей внутренней и внешней политики. Часть II. [Электронный ресурс]. URL: <http://zhkh.kz/upload/files/2012/09/2030.doc> (дата обращения: 27.09.2016)

■ Исследовательские статьи

В этой связи в Казахстане приняты государственные программы обеспечения информационной безопасности, обеспечения защиты государственной тайны, Концепция обеспечения информационной безопасности, а также ряд других организационных и практических мер, которые реализуются государственными органами во взаимодействии с Комитетом национальной безопасности. КГБ во взаимодействии с соответствующими госструктурами участвует в разработке ряда нормативных правовых актов по созданию и развитию единой информационной телекоммуникационной системы государственных органов.

Согласно статье 22 Закона «О национальной безопасности», обязанностью государственных органов, организаций, независимо от формы собственности, является принятие всех необходимых мер по недопущению информационной экспансии и блокады со стороны других государств, информационной изоляции Президента, Парламента, Правительства и сил обеспечения национальной безопасности Республики Казахстан³.

В 2016 г. Казахстан первым среди стран Центральной Азии создал министерство оборонной и аэрокосмической промышленности. К ведению данного министерства президент Нурсултан Назарбаев своим указом отнес «электронную промышленность», а также обеспечение «безопасности в сфере информатизации и связи (кибербезопасности)»⁴.

Правительству поручено обеспечить создание Комитета по информационной безопасности, который фактически будет выполнять функции уполномоченного органа (регулятора) по разра-

ботке государственной политики в сфере национальной информационной безопасности. Задача министерства развивать промышленность в сфере информационной безопасности, то есть решать стратегическую задачу поэтапного импортозамещения в сфере защиты информации. Естественно, этот процесс требует выполнения наукоёмких и сложных проектов в области информационной безопасности и защиты информации. Но существующие кадровые проблемы являются серьёзным препятствием для развития отрасли, необходима консолидация учёных и специалистов. Рабочие кадры страны не владеют навыками компьютерного проектирования, работы со сложными системами, техническим английским языком. Ежегодно привлекается 30 тыс. иностранных работников, из них 24,9 тыс. (83%) – для промышленности.

Ещё одной серьёзной проблемой является отсутствие условий для развития производства (разработка, внедрение) национальных программных и технических средств обеспечения информационной безопасности.

Таким образом, Казахстан сегодня находится только на пути становления и формирования собственных механизмов защиты информационной безопасности, основанной на импортозамещении. Для развития отрасли в первую очередь необходимо обеспечение качественного технического образования, подготовки высококвалифицированных технических специалистов. Только в условиях развитой научно-исследовательской и производственной платформы можно успешно реализовать стратегическую программу импортозамещения в сфере информационной безопасности.

Список литературы

1. Ибрагимова Г. Подходы государств Центральной Азии к вопросам управления интернетом и обеспечения информационной безопасности // Индекс безопасности. 2013. №1. (104). С. 103 – 128.
2. Казанцев А.А., Синегубов А.Л., Чернявский С.И., Орлов А.А. «Мягкая сила» России в новом тысячелетии и возможности её использования в Центральной Азии // Ежегодник Института международных исследований Московского государственного института международных отношений (Университета) Министерства иностранных дел Российской Федерации. 2014. № 1 (7). С. 70 – 88.
3. Мехдиев Э.Д., Гулиев И.А. Понятие «мягкой силы» как инструмента глобальных политических технологий // Juvenisscientia. 2016. № 3. С. 49– 52.
4. Рустамова Л. Р. «Умная сила» России набирает обороты // Право и управление. XXI век. 2014. №3 (32). С. 53– 58.
5. Рустембаев Б. Е., Нурмаганбетов К. К., Каскатаев Н. М., Асильов Б. У. Развитие информационно-коммуникационных технологий в Республике Казахстан // Фундаментальные исследования. 2013. № 4. С. 950 – 954.
6. Содиков Ш.Д., Сафронов К.Ю., Мехдиев Э.Т. Постмайданные перспективы евразийской интеграции // Международная жизнь. 2016. № 4. С. 53– 72.

³ Закон Республики Казахстан от 6 января 2012 года № 527-IV «О национальной безопасности Республики Казахстан» [Электронный ресурс]. URL: http://online.zakon.kz/Document/?doc_id=31106860 (дата обращения: 28.09.2016).

⁴ Нурмаков Адиль. Запрет на смартфоны в госорганах Казахстана создает правовые коллизии. Digital Report, 04.04.2016. [Электронный ресурс]. URL: <https://digital.report/zapret-na-smartfonyi-v-gosorganah-kazahstana-sozdaet-pravovyye-kollizii/> (дата обращения: 26.10.2016).

7. Чечевишников А. Л. Международная конференция «Центральная Азия-Каспий-Кавказ: Международное политико-энергетическое измерение» // Южный фланг СНГ. Центральная Азия - Каспий - Кавказ: энергетика и политика. Москва, 2005. С. 439–447.
8. Beynəlxalq Münasibətlər, milli təhlükəsizlik, geoiqtisadiyyat və geosiyasətin fundamental və tətbiqi problemləri. Bakı, 2015, 26-27 noyabr– elmi-praktiki konfrans. С. 75 – 80.
9. Kazantsev A. Russian policy in Central Asia and Caspian sea region // Europe-Asia Studies. 2008. Vol. 60. No. 6. Pp. 1073– 1088.
10. Nikitina Y. Reflecting on twenty years of post-soviet experience // Demokratizatsiya. 2012. Vol. 20. No. 3. Pp. 256– 261.
11. Kniazev A. Russia in Central Asia: Return // Central Asia and the Caucasus. 2007. No. 5 (47). Pp. 33– 40.
12. Grozin A. Influence of the world centers of power on Kazakhstan and new geopolitical trends in Central Asia // Central Asia and the Caucasus. 2006. No. 3 (39). Pp. 39– 49.
13. Laumulin M. Central Asia as seen from Russia // Central Asia and the Caucasus. 2012. Vol. 13. No. 4. Pp. 106– 119.

Об авторе

Зарифа Аллахверан кызы Асадова – аспирантка кафедры международных отношений Бакинского государственного университета. E-mail: z.asadova@mail.ru.

INFORMATION SECURITY IN THE COUNTRIES OF CENTRAL ASIA: THE CASE OF KAZAKHSTAN

Z.A. Asadova

Baku State University, Azerbaijan, Baku, street Academician Zahid Khalilov, 23.

Abstract: *The article discusses the history of the creation and development of the overall concept of information security, the current state of the information security, as well as the appropriate legal and regulatory framework in the countries of Central Asia on the example of the Republic of Kazakhstan. Introductory part of the article analyzes and provides a brief overview of the development of information and communication technologies. Particular attention is given to information security concepts in the framework of international valuation standards. The author investigates and lists the main sources of global information security threats, as well as explaining the history of the creation of a geopolitical term - Central Asia. In the main part of the article on the example of Kazakhstan one of the leading Central Asian countries, highlights issues of formation and development of the concept of information security, provides a brief overview of the history of development of information and communication technologies in the country. In this part the author conducts a detailed analysis of the legislation and the concept of the state with respect to the issue of information security, in the investigation highlights the major key issues of information security in the Republic of Kazakhstan. It also analyzes the development strategy of the Republic of Kazakhstan till 2030 (the "Kazakhstan-2030" Strategy), provides a brief overview of the state of laws and programs in the field of information security in the Republic of Kazakhstan. In conclusion, the author comes to the conclusion that today Kazakhstan is just beginning to form their own information security protection mechanisms and leads appropriate recommendations to achieve the objectives of the state.*

Key words: information, security, communication, technology, society, globalization, integration, state, republic, policy, law, legislation, economy, modern, source, intelligence, education, analysis, concept, development, term, strategy.

References

1. Ibragimova G. Podkhody gosudarstv Tsentral'noi Azii k voprosam upravleniia internetom i obespecheniia informatsionnoi bezopasnosti [The Central Asian states approaches to Internet governance and information security]. *Indeks bezopasnosti*, 2013, no. 1 (104), pp. 103 – 128. (In Russian).
2. Kazantsev A.A., Sinegubov A.L., Cherniavskii S.I., Orlov A.A. «Miagkaia sila» Rossii v novom tysiacheletii i vozmozhnosti ee ispol'zovaniia v Tsentral'noi Azii ["Soft power" of Russia in the new millennium, and the possibility of its use in Central Asia]. *Ezhegodnik Instituta mezhdunarodnykh issledovaniy Moskovskogo gosudarstvennogo universiteta*.

■ Исследовательские статьи

- darstvennogo institute mezhdunarodnykh otnoshenii (Universiteta) Ministerstva inostrannykh del Rossiiskoi Federatsii*, 2014, no. 1 (7), pp. 70 – 88. (In Russian).
3. Mekhdiev E.D., Guliev I.A. Poniatie «miagkoisily» kak instrumenta global'nykh politicheskikh tekhnologii [The concept of "soft power" as a tool for global political technologies]. *Juvenisscientia*, 2016, no. 3, pp. 49 – 52. (In Russian).
 4. Rustamova L. R. «Umnaiasila» Rossiinabiraetoboroty [Russian "Smart power" is gaining momentum]. *Pravo i upravlenie. XXI vek*, 2014, no. 3 (32), pp. 53 – 58. (In Russian).
 5. Rustembaev B. E., Nurmaganbetov K.K., Kaskataev N. M., Asilov B. U. Razvitie informatsionno-kommunikatsionnykh tekhnologii v Respublike Kazakhstan [Development of information and communication technologies in the Republic of Kazakhstan]. *Fundamental'nye issledovaniia*, 2013, no. 4, pp. 950–954. (In Russian).
 6. Sodikov Sh.D., Safronov K.Iu., Mekhdiev E.T. Postmaidannye perspektivy evraziiskoi integratsii [Postmaydan prospects of Eurasian integration]. *Mezhdunarodnaia zhizn'*, 2016, no. 4, pp. 53 – 72. (In Russian).
 7. Chechevishnikov A. L. Mezhdunarodnaia konferentsiia «Tsentral'naia Aziia-Kaspий-Kavkaz: Mezhdunarodnoe politiko-energeticheskoe izmerenie» [International Conference "Central Asia-Caspian-Caucasus: international policy and energy measurement"]. *Iuzhnyi flang SNG. Tsentral'naia Aziia – Kaspий – Kavkaz: energetika i politika* [Southern flank of the CIS. Central Asia – Caspian Sea – Caucasus: energy and politics]. Moscow, 2005. Pp. 439 – 447. (In Russian).
 8. Beynəlxalq Münasibətlər, millitəhlükəsizlik, geoiqtisadiyyatvəgeosiyasətin fundamental vətəbqi problemləri. Bakı, 2015, 26-27 noyabr– elmi-praktikikonfrans. Pp. 75 – 80.
 9. Kazantsev A. Russian policy in Central Asia and Caspian sea region. *Europe-Asia Studies*, 2008, vol. 60, no. 6, pp. 1073 – 1088.
 10. Nikitina Y. Reflecting on twenty years of post-soviet experience. *Demokratizatsiya*, 2012, vol. 20, no. 3, pp. 256 – 261.
 11. Kniazev A. Russia in Central Asia: Return. *Central Asia and the Caucasus*, 2007, no. 5 (47), pp. 33 – 40.
 12. Grozin A. Influence of the world centers of power on Kazakhstan and new geopolitical trends in Central Asia. *Central Asia and the Caucasus*, 2006, no. 3 (39), pp. 39 – 49.
 13. Laumulin M. Central Asia as seen from Russia. *Central Asia and the Caucasus*, 2012, vol. 13, no. 4, pp. 106 – 119.

About the author

Zarifa Allahveran gizi Asadova – postgraduate student, Department of international relations of Baku state University. E-mail: z.asadova@mail.ru.

СТРАТЕГИИ УКРАИНСКИХ ЭЛИТ В ОТНОШЕНИИ ДОНБАССА: «BIG DATA»-ИССЛЕДОВАНИЕ НАЦИОНАЛЬНОГО СЕГМЕНТА FACEBOOK

А.А. Токарев

ОАО «ИД Коммерсантъ». 127055, Россия, Москва, Тихвинский пер., д. 11, стр. 2.

Исследовательский вопрос: какие стратегии в отношении Донбасса актуализированы украинскими элитами? Методологическая основа: анализ украинского сегмента сети Facebook при сочетании количественной («большие данные»¹) и качественной (глубинные интервью) методологии, что позволяет не только провести полноценное исследование на пространстве, до этого не затронутом аналитическими методами политической науки, но и успешно верифицировать его.

Результаты исследования свидетельствуют о том, что тема Донбасса в целом крайне слабо освещается на страницах топовых украинских блогеров в Facebook. Исследуемый контент в основном русскоязычный, Россия упоминается в два раза чаще Донбасса. США и Европа занимают примерно равное положение в публичном дискурсе по количеству упоминаний, уступая Донбассу. В массиве из почти 90 000 постов за первые 10 месяцев 2016 г. лишь 6% посвящено теме региона-сепарации. Количество постов, содержащих если не стратегическое видение, то хотя бы малейшее упоминание о будущем неподконтрольных Киеву территорий, составляет меньше полу-процента.

По итогам ручной обработки данных автор приходит к основному выводу исследования – украинские элиты не обладают консенсусной стратегией в отношении Донбасса, причём между собой, прежде всего, конкурируют стратегии заморозки конфликта и завоевания Донбасса. Регион воспринимается, прежде всего, в рамках юридических (аккредитация журналистов в ОРДЛО), криминальных (падение «Боинга»), геополитических (противостояние России и США) процессов, но никак не в качестве, во-первых, полноценного субъекта, имеющего репутацию самостоятельно действующей единицы политики, во-вторых, не как объект, за который Украине следует бороться, реинтегрируя не только территорию, но и население.

В заключение представлены необходимые в дальнейшем итерации, направленные на повышение степени верификации выводов в новых исследованиях².

Ключевые слова: украинский конфликт, Донбасс, АТО, количественные методы, Facebook.

¹ «Big Data» в названии исследования мы употребляем условно. При формальном подходе «большими данными» следует признать массивы от миллиона единиц. 88 536 единиц нашего массива не позволяют формально называть его Big Data.

**Украинский конфликт:
позиции акторов и посредников**

С 2014 г. на территории Украины не прекращается внутригосударственный конфликт (с участием внешних акторов) между новыми властями в Киеве и силами на юго-востоке страны, который приобрел затяжной характер. После завершения по объективным причинам проекта «Новороссия» Россия заинтересована в сохранении Донбасса в рамках украинского государства, но с такими полномочиями, которые позволят местным лидерам блокировать сближение Украины с НАТО, т.к. оно противоречит российским национальным интересам.

Украина, напротив, дискурсивно подчёркивая целостность «государственного тела» и юридический суверенитет Киева над конфликтными территориями, де-факто не стремится принимать отдельные районы Донецкой и Луганской областей (далее – ОРДЛО) под свой контроль. Украинские элиты понимают цели официальной Москвы и не готовы «возвращать Донбасс любой ценой». Задача номер один для Украины – сохранить нынешний уровень фактического суверенитета. Реинтеграция Донбасса – вторая задача. Если решение второй противоречит первой, вторую решать не будут².

США стремятся сохранить если не ситуацию масштабной войны, то высокий уровень напряжённости на российско-украинской границе и – шире – внутри Европы, чтобы не допустить сближения России и «старой» континентальной Европы, а также России и Китая, геополитическое и экономическое соперничество с которым будет основным фактором, определяющим внешнюю политику США в первой половине XXI в³.

ДНР и ЛНР не готовы к реинтеграции, во-первых, в украинское государство, не способное предоставить гарантии безопасности их элитам, во-вторых, – в украинское общество, воспринимающее население Донбасса в большинстве своём в качестве «террористов», но никак не сограждан. В республиках сохраняется значимый пассионарный костяк элит, не готовых к возвращению в состав Украины ни при каких условиях (включая давление Москвы).

ОБСЕ, являясь посредником в разрешении конфликта и в целом выражая мнение «старой

Европы» (прежде всего, Франции и Германии), выступает категорически против его заморозки, настаивая на реальной имплементации «Минска-2»⁵. В настоящее время стороны не готовы отказаться от этого документа по двум основным причинам. Во-первых, он во многом остановил активные боевые действия. Ежедневно в зоне конфликта продолжаются обстрелы, но крупные калибры разведены по обе стороны от линии соприкосновения. В случающихся боевостолкновениях с использованием стрелкового оружия по-прежнему гибнут люди с обеих сторон, однако массовыми эти потери не являются и не повторяют статистику первых двух лет конфликта. Во-вторых, ни одна сторона не способна предложить сейчас реальный механизм, который мог бы заменить «Минск-2».

Тем не менее, документ остаётся невыполнимым. Основные противоречия кроются вокруг очерёдности выполнения таких пунктов, как «возврат контроля над границей», «местные выборы», «внесение изменений в конституцию Украины», «амнистия», «децентрализация». Россия настаивает на точном следовании тексту документа, согласно которому «восстановление контроля над границей должно начаться в первый день после проведения местных выборов». Украина по понятным причинам уходит от подобной схемы имплементации и неофициально в кулуарах говорит о «пакетном подходе», поясняя: «Будем делать одновременно», что конечно, не приемлемо ни для России, ни для элит непризнанных республик.

По обе стороны конфликта война «вошла» в музеи и серванты. Во многих семьях и на подконтрольной Киеву территории, и в непризнанных республиках за стёклами мебели в комнатах появились фотографии отцов, братьев, мужей с оружием в руках и траурной лентой. «Папу убили террористы» и «брат погиб от рук неонацистов» – такой дискурс распространяется в семьях по обеим сторонам противостояния. Массовое сознание с обеих сторон также недооценивает пассионарность и искренность друг друга: в случае Украины реальность заменяют отсылки в сторону России («это всё российские регулярные войска и наёмники»), на Донбассе же восприятие ВСУ и НГУ как неонацистов/польских или литовских добровольцев/украин-

² Исследование проведено А.А. Токаревым, магистрантом МГИМО А.Р. Марговым, магистром ХНУ им. Каразина М.М. Борошенко, студентом ХНУ им. Каразина М.О. Корниловым при помощи информационно-аналитической системы «Семантический архив», предоставленной компанией «Аналитические бизнес-решения».

³ Здесь и далее, если не указано иное, в оценках массовых настроений автор опирается на глубинные интервью с экспертами, сделанные по обе стороны фронта в 2016 г.: как на Украине (Днепропетровск, Харьков, Киев, Львов), так и в Л/ДНР (Донецк, Луганск, Дебальцево, Ясиновата, Алчевск, Горловка).

⁴ Данное мнение разделяет в частности Д. Фридман, глава агентства «Стратфор». См.: Черненко Е., Габуев А. Интересы РФ и США в отношении Украины несовместимы друг с другом // Коммерсант. – Режим доступа: <http://www.kommersant.ru/doc/2636177> (дата обращения: 21.12.2016).

⁵ Это подтверждается не только постоянными официальными заявлениями, но и продвигается статусными европейскими чиновниками и политиками в кулуарах. Как минимум, Мартин Сайдик, глава мониторинговой миссии ОБСЕ на Донбассе, и Мишлин Кальмин-Рё, экс-президент Швейцарии, в 2016 г. заверяли автора в том, что настоящая цель ОБСЕ в регионе состоит именно урегулирование, деэскалация конфликта, а не «заморозка».

цев, воюющих не за идею, а исключительно по приказу из Киева, управляемого Вашингтоном, – столь же мешает пониманию того, что Украина сосредотачивается вокруг идеи сохранения суверенитета и государственной состоятельности.

Несмотря на понимание населением ДНР и ЛНР крайне низкого уровня их внутреннего суверенитета, фактического отсутствия разделения властей и эффективной судебной системы, высочайшего уровня коррупции, сохраняющихся практик «отжимов» мелкого и среднего бизнеса, обиды на Россию («хотели присоединения, как в Крыму, а не серой зоны»), ненависть к украинской государственной власти (не к обществу), начавшей и продолжающей АТО, является основным фактором национального строительства на Донбассе. Использование украинской стороной авиации в начале конфликта, неизбирательного оружия, реактивных систем залпового огня (РСЗО), танков, продолжающиеся обстрелы жилых кварталов (при сохранении ответного или провоцирующего огня со стороны армейского корпуса) – основные причины, по которым реинтеграция населения региона невозможна. Представляется, что украинские элиты и украинское общество не знают, что делать с ОРДЛО. Дискурс власти и официальной пропаганды направлен на поддержание приемлемого уровня ненависти к России как «агрессору» и к участникам ополчения ДНР и ЛНР как «террористам» и «участникам бандформирований», которые управляются «напрямую из России» и сформированы «преимущественно российскими военными или наёмниками». Тотальное упрощение реальной картины и нежелание рефлексировать – характерная черта современного украинского общества. С одной стороны, и власть, и общество имеют общий нарратив, являющийся константой массового сознания: «Донбасс – это наша территория, и её необходимо возвращать». С другой, среди украинской элиты нет открытой дискуссии о конкретных стратегиях возвращения ОРДЛО под контроль Киева и, что важнее, о населении Донбасса. Не анализируя официальный дискурс и основываясь только на отдельных сообщениях, раскручиваемых в украинских медиа, можно прийти к выводу, что в стране доминирует идея о «тотальном завоевании подконтрольных террористам территорий тогда, когда США и Европа поставят летальное оружие и неофициально дадут «добро» на операцию по боснийскому сценарию».

Постановка вопроса

Постсоветская украинская политической культура требует от лидера общественного мнения ведения (желательно – личного) своего аккаунта или страницы в социальной сети Facebook. В отличие от России, где всплеск политического интереса к соцсетям был ситуативно

связан с особенностями лидерства президента Д. Медведева, Украина – то государство, где власть и лидеры общественного мнения в буквальном смысле живут в Facebook, который является одним из важнейших инструментов репрезентации их для общества в целом и избирателя, в частности. Именно с призыва журналиста Мустафы Найема в Facebook формально начался «Евромайдан».

Мы сознательно исключаем из нашего анализа масс-медиа, поскольку они не позволяют оценить «чистую, кристаллизованную» позицию конкретного индивида – в отличие от конкретной страницы с несколькими десятками тысяч подписчиков. Мы не отрицаем влияние «темников» от различных политических структур (от администрации президента до крупнейших финансово-промышленных групп), которые явным образом влияют на блогеров, равно как и психологические механизмы самопрезентации, позволяющие использовать соцсети, скорее, для конструирования, нежели описания реальности. Однако мы считаем, что массовость выборочной совокупности, взятой для исследования, и метод «больших данных» в значительной мере нивелируют эти особенности социальных сетей.

Исследовательский вопрос мы формулируем следующим образом: какие стратегии в отношении Донбасса актуализированы элитами? Гипотеза: мы предполагаем, что при использовании метода анализа «больших данных» сможем реконструировать семантическое пространство украинской политической сферы, что позволит выделить конкретные стратегии в отношении будущего Донбасса, существующие сегодня в украинском политическом обществе. Вероятнее всего, эти стратегии будут занимать незначительное место в общем дискурсе, что позволит сделать верифицированный вывод о том, что украинские элиты не имеют стратегического видения в отношении Донбасса, не воспринимая его реинтеграцию как реальную необходимость и используют феномен Донбасса преимущественно для поддержания уровня агрессии по отношению к России как «внешнему врагу» и собственной легитимизации на основании образа

«Большие данные» используются в количественных исследованиях социальной реальности на Западе более десяти лет [8, 9]. Несмотря на то, что для академической литературы это совсем не затёртая тема, исследования в отношении украинского конфликта на примере соцсетей мы не встречали. Одно из исследований российских учёных было посвящено изучению протестного поведения в соцсетях во время Евромайдана в 2013 г [1]. Общий обзор той области исследований, что получила название «социального компьютеринга», можно найти в работе российского социолога А. Давыдова [3]. В России на данном направлении заметны работы

⁶ Именно в этой соцсети, а не «ВКонтакте» или «Одноклассники».

■ Исследовательские статьи

коллег из ИС РАН, МПГУ и ИТМО [2]. Одна из последних масштабных работ, объясняющих методы «социальных вычислений» издана Л. Мановичем в 2015 г. [10]. Последний по времени всплеск интереса широкой общественности к «большим данным» относится к концу 2016 г. и связан с освещением использования Big Data командой Дональда Трампа в рамках президентской кампании [7].

Формирование баз данных: блогеры и посты

Первый этап формирования базы данных заключался в составлении списка из 116 человек, которые, по нашему мнению, являются лидерами общественного мнения. На втором этапе список прошёл верификацию, и после консультаций с экспертами по национальным сегментам соцсетей вырос до 135 человек. На третьем этапе мы обратились к результатам исследований⁷ о топовых блогерах украинского сегмента Facebook, и в итоге в списке оказалось 175 аккаунтов, которые отвечают двум условиям: формирование политических смыслов и наличие 10 тыс. подписчиков. Первый критерий важен тем, что исключал из массива данных посты пользователей Facebook, пишущих на нерелевантные темы. Без учёта этого критерия в число лидеров украинского сегмента Facebook могли войти Вера Брежнева и доктор Комаровский (но, например, певица Руслана Лыжичко, известная своим политическим бэкграундом, осталась).

Второй критерий справедливо вызывает вопрос: почему в качестве нижнего порога установлены именно 10 тыс. подписчиков, а не пять, пятьдесят или сто тысяч? Данный показатель мы взяли в качестве аксиоматического. Возможно, в следующих исследованиях пороговый барьер будет снижен до пяти тысяч подписчиков – это позволит существенно увеличить объёмы исследуемых данных.

При помощи программного обеспечения «Семантический архив»⁸ был запущен мониторинг аккаунтов Facebook из сформированного списка – в базу были выгружены все записи, опубликованные с 1 января по 1 ноября 2016 г. В рамках пилотного исследования этот период был выбран произвольно – в дальнейшем его границы могут быть изменены в любую из сторон. Итоговый массив данных составил 88 563

записи – на этом база данных была окончательно сформирована.

Работа с поисковым запросом

Основным инструментом, с помощью которого проводилось изучение базы данных, был поисковый запрос. Первоначально он состоял всего лишь из трёх слов – Донбасс, ДНР, ЛНР (с расшифровкой аббревиатур в том числе). Таким образом, мы нашли 3988 постов. При каждой последующей итерации добавлялись синонимы, которые мы предлагали мозговым штурмом. После добавления уничижительных слов («Луганда» и «Донбасс»), при помощи которых в 2014–2015 гг. украинская блогосфера активно дегуманизировала население Донбасса, количество постов выросло лишь на 33, что позволяет сделать предварительный вывод о снижении тренда на дегуманизацию. Лишь 60 постов содержали аббревиатуру ОРДЛО без упоминания уже перечисленных синонимов, что может говорить о том, что данный юридический термин не распространён в публичном дискурсе украинских лидеров общественного мнения. 559 постов в базу принесло добавление синонима «Минск»⁹, почти столько же (560) – перевод синонимов на украинский. Отметим, что делать выводы о присутствии конкретных синонимов на основании количественной разницы между постами по запросам неверно, поскольку в рамках узкой формальной логики машина делает акцент на конкретном слове. Например, если пост содержит одновременно слова «Донбасс» и «ОРДЛО», машина считает его как один и относит к категории «Донбасс» (по первому слову – второе её уже не волнует). Мы проанализировали запросы на предмет поиска отдельных синонимов в чистом виде, т.е. задавали каждый раз новый объект для поиска, чтобы получить более точные данные по каждому из них.

Украинский Facebook, как минимум, на тему Донбасса русскоязычен на 90%. Тренд на дегуманизацию населения Донбасса постепенно ослабевает. Уровень упоминания слов с явно негативными коннотациями не превышает 10%. Уровень упоминания объектов поиска в совокупности из 5200 постов (везде с учётом морфологии), представлен в таблице 1.

Русскоязычность украинского Facebook не является секретом. Использование русского на Украине отнюдь не равно пророссийскости.

⁷ «Исследованиями» эти журналистские материалы мы называем с очень большой натяжкой. В отсутствие серьёзных академических проектов, посвящённых украинской блогосфере, мы пользуемся тем, что есть в публичном доступе [9, 10, 11]. Наверняка в нашей базе представлены не все украинские блогеры с числом подписчиков 10 000+. При этом вопросы «скольких мы упустили?» и «насколько именно упущенные нами определяют уровень рефлексии?» остаются риторическими.

⁸ Информационно-аналитическая система «Семантический архив» представляет собой инструмент для создания интегрированного хранилища информации с возможностью хранения досье на объекты мониторинга, происходящие события, а также текстовые документы. Подробнее см.: Семантический архив. URL: <http://old.anbr.ru/products/semarchive/> (дата обращения: 21.12.2016).

⁹ «Минские соглашения» не прописываются в запросе отдельно, поскольку являются составной частью морфологии запроса «Минск...»

В этом смысле язык является не политическим маркером, а средством коммуникации, рассчитанным на большую аудиторию, чем государственный язык. Скорее, мы были удивлены тем, какое незначительное число постов, посвящённых Донбассу, написано на украинском – 10,8%. Наиболее важным представляется вывод о том, что в дискурсе украинской элиты на пространстве Facebook Донбасс занимает чуть менее 6%. Для сравнения мы составили поисковый запрос, содержащий формы слова Россия на русском или украинском языках, или сокращение РФ, и нашли 12866 записей (14,5 %). Украинский Facebook думает о России почти в 2,5 раза чаще, чем о Донбассе, а Украина упоминается немногим менее, чем в половине постов блогеров, включённых в базу данных.

Упомянув Россию в поисковом запросе, мы не могли не заставить машину искать «Европу» и США (см. таблицу 3). На основании результатов, представленных в таблице, можно сделать предварительный вывод о том, что «европоцентричность» дискурса украинских элит также весьма преувеличена.

В рамках «мозговых штурмов» с участниками исследования мы выделили четыре стратегии, которые, по нашему предположению, украинские лидеры общественного мнения могут использовать для определения будущего Донбасса: завоевание, экономическое вовлечение, отгораживание и заморозка конфликта. Попытка верификации через экспертные оценки не принесла успеха в том смысле, что ни один из опрошенных нами экспертов не смог предложить

альтернативу этим четырём. Поэтому именно они были взяты за основу для распределения постов по рубрикам.

На первом этапе мы в качестве рабочей методологии предложили машине ориентироваться на слова-маркеры для сортировки постов по выбранным четырем стратегиям. Если автор поста думает о завоевании Донбасса, он скорее всего будет использовать слова «боевики», «террористы» и т.д.; о заморозке конфликта – «отложить», «прекратить огонь» и т.д. (см. таблицу 4).

«Отторжение» и «заморозка» с незначительной разницей остались в хвосте, «экономическое вовлечение» с явным отрывом вышло на второе место. С почти двукратным перевесом победила стратегия завоевания.

Мы подвергли выводы сомнениям по двум причинам, в итоге отказавшись от машинной обработки сформированного массива. Первая – количество полученных записей. Из 5200 постов про Донбасс поисковые запросы со словами-маркерами суммарно выдали 1061 пост, а значит, 4139 постов не содержат этих слов, т.е. исключены из анализа. Вторая причина имела качественный, а не количественный характер. Предположим, что условный украинский радикальный националист «Дмитрий Ярош» пишет пост: «Надо, наконец, победить российского агрессора: взять оружие в руки, сесть в танки и с Богом в душе зачистить украинский Донбасс от войск разлагающейся империи, сохранить за Украиной право на самостоятельное развитие, сохранив саму Украину. Слава Украине!» Прочитав его, условный сторонник федерализации и умиротворения Донбасса «Виктор Медведчук» делает репост с цитатой: «Есть те,

Табл. 2
Изменения объектов поискового запроса
Search objects' changes

101

Табл. 3

Количество упоминаний объектов поискового запроса
The number of references to the search object

Название запроса	Количество постов в базе	% от общего числа
"США" OR "Америк**"	4610	5,2
"ЕС" OR "Европ**" OR "Європ**"	4644	5,3
Донбасс и 14 синонимов	5200	5,9
"Росси**" OR "РФ" OR "Росі**"	12866	14,5
"Украин**" OR "Україн**"	38102	43

кто призывает Украину к войне: «Надо, наконец, победить российского агрессора: взять оружие в руки, сесть в танки и с Богом в душе зачистить украинский Донбасс от войск разлагающейся империи». Я категорически возражаю против такого человеконенавистнического подхода. Мы должны слышать всех граждан Украины, в т.ч. на востоке страны».

Очевидно, что в одном и том же посте могут употребляться слова-маркеры из конфликтующих стратегий, либо могут быть использованы слова, подходящие к стратегии, с которой автор поста не согласен. Программное обеспечение не способно самостоятельно определить мнение автора поста – в этом случае оба поста с наличием слов-маркеров «агрессор», «оружие», «танк» уйдут в стратегию «завоевание».

На данном этапе исследования мы присудили машине поражение и сели за вычитку 5200 постов. В процессе прочтения записей украинских блогеров и поиска в них признаков одной из четырёх стратегий было введено понятие «осмысленный пост». Из 5200 записей про Донбасс большинство содержало описание общей геополитической ситуации с точки зрения обывателей, обсуждение вопроса аккредитации журналистов в ОРДЛО, новостные сводки с фронта, дебаты о субъектах, атаковавших «Боинг» и прочие, не относящиеся к определению будущего региона размышления. Лишь в 327 постах (0,37 % от генеральной совокупности и 6,3 от выборочной) был минимальный намёк на то, как, по мнению автора, необходимо поступить с Донбассом. Для включения поста в рубрику с соответствующей стратегией было достаточно, например, фраз «Донбасс надо отгородить стеной» либо «пора уже завоевывать ОРДЛО». При отсутствии масштабных осмысленных стратегий – такие короткие фразы оказались для нас макси-

мумом рефлексии, который и был подвергнут сортировке. 117 постов относились к «заморозке» – их авторы настаивали на необходимости сохранения ситуации «ни мира, ни войны». К стратегии «завоевания» были отнесены 107 постов, об экономическом вовлечении говорилось в 69 постах, наконец, отгородиться стеной хотели авторы 34 постов.

Таким образом, если украинский Facebook является важнейшим каналом коммуникации, если пороговое значение в 10 тыс. подписчиков и временные рамки исследования выбраны верно, то мы можем сделать следующий вывод: у украинской элиты нет доминирующей стратегии в отношении Донбасса.

В России кажется, что Украина только и говорит о возвращении Донбасса, но в реальности из всего того, что было написано лидерами общественного мнения в сети Facebook за неполный 2016 г., Донбассу посвящено меньше 6% постов.

Среди выборочной совокупности в 5200 постов лишь 6,3% содержат хоть какое-то мнение о будущем региона. О конкретных стратегиях (цели, задачи, методы решения) пока говорить не приходится. В публичном дискурсе украинских элит «Донбасс» представляет собой, скорее, территорию – геополитическую единицу или объект, на который направлены политические технологии, или участвующий в юридических процедурах, нежели отколотый от «материнского государства» регион, в отношении которого обсуждаются стратегии возвращения, будущее которого принципиально важно.

Следует отметить, что 14,5% упоминания России в нашей выборке нам кажется незначительным для статуса «государства-агрессора». Вместе с тем, специфика этих упоминаний должна быть дополнительно исследована. Означает

Табл. 4

Слова-маркеры
Word-markers

Стратегии	Запрос	Кол-во постов
Завоевание	российско-террористические войска, боевики, террористы, вата, ватники, захватить, колорады, забрать, Россия-агрессор, сепаратисты, сепары	606
Заморозка	отложить, прекращение огня, заморозить, заморозка	34
Вовлечение	контроль, пенсии, децентрализация, реинтеграция, пацификация, прекращение огня, сограждане, гражданская война, шахты, заводы, переговоры	380
Отгораживание	отдать, забыть, Россия-агрессор, мёртвая зона, стена	41

ли это понижение степени россиецентричности украинского массового сознания, или же украинский Facebook не разделяет магистрального отношения власти к пропаганде стереотипов о «российской агрессии»? Поскольку отношение к России не было предметом наших изысканий, победоносно объявить о переходе количества в качество в данном случае мы не можем.

Составленная база данных может быть использована для поиска ответа на смежные вопросы. Новые исследовательские вопросы могут быть сформулированы следующим образом: что представляет собой феномен «Донбасс» для лидеров украинского общественного мнения? Донбасс – это, прежде всего, территория или население? Является ли Донбасс частью украинского национального сообщества? Жители

Донбасса, защищающие свои республики с оружием в руках, могут быть реинтегрированы в национальное сообщество? Есть ли у них право на политическое украинство при сохранении русской самоидентификации? Есть ли различия в восприятии украинскими элитами Донбасса, Крыма и особенно роли России в отношении обоих казусов? Для ответа на эти вопросы дискурс-анализ представляется многообещающим.

Ещё одно принципиально иное направление исследования с той же базой может касаться самих лидеров общественного мнения. Кто эти люди? Что они говорят, например, о России, формируя тренды в украинской политике? В данном случае очевидна смена не только исследовательского вопроса и поисковых запросов, но и методологии в принципе.

Список литературы

1. Азаров А.А., Бродовская, Е.В., Дмитриева О.В. Домбровская А.Ю., Фильченков А.А. Стратегии формирования установок протестного поведения в сети интернет: опыт применения киберметрического анализа (на примере евромайдана, ноябрь 2013 г.) // Мониторинг общественного мнения. № 3. 2014. С. 36 – 74.
2. Бродовская Е.В., Домбровская А.Ю., Синяков А.В. Стратегии использования социальных сетей в современной России: результаты многомерного шкалирования // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2016. № 1. С. 283 — 296.
3. Давыдов А.А. Системная социология: Social Computing. [Электронный ресурс]. URL: http://www.isras.ru/index.php?page_id=1016&printmode (дата обращения: 10.12.2016).
4. ТОП-100 блогеров 2015 года. Рейтинг ICTV-факты. [Электронный ресурс]. URL: <http://bloggers.fakty.ictv.ua/> (дата обращения: 10.12.2016).
5. ТОП-120 популярных украинских блогеров и политиков «Фейсбук». Рейтинг рекламного агентства E-iq для издания «Биржевой лидер». [Электронный ресурс]. URL: <http://www.finanso.net/world/21967-izvesten-top-akkauntov-blogerov-i-politikov-ukrainy-v-feysbukeza-aprel.html> (дата обращения: 10.12.2016).
6. ТОП-50 украинских блогеров в Facebook и Twitter. Рейтинг НВ. [Электронный ресурс]. URL: <http://nv.ua/publications/virtualnye-geroi-politiki-i-zhurnalisty-tesnyat-pop-znamenitostey-v-facebook-i-twitter-infografika-nv-22945.html> (дата обращения: 10.12.2016).
7. Grassegger H. Ich habe nur gezeigt, dass es die Bombe gibt // Daz Magazine. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.dasmagazin.ch/2016/12/03/ich-habe-nur-gezeigt-dass-es-die-bombe-gibt/> (дата обращения: 10.12.2016).
8. Leetaru K. Data mining methods for the content analyst: An introduction to the computational analysis of content. Routledge, 2011. 120 p.
9. Liu H., Salerno J., Young M. Social Computing and Behavioral Modeling. Berlin: Springer, 2009. 264 p.
10. Manovich L. The Science of Culture? Social Computing, Digital Humanities and Cultural Analytics. 2015. [Электронный ресурс]. URL: <http://manovich.net/index.php/projects/cultural-analytics-social-computing> (дата обращения: 10.12.2016).
11. Wynn J. Digital sociology: Emergent technologies in the field and the classroom // Sociological Forum. 2009. 24 (2). Pp. 448 – 456.

Об авторе

Алексей Александрович Токарев – к.п.н., с.н.с. Центра глобальных проблем Института международных исследований МГИМО МИД России. E-mail: a.tokarev@inno.mgimo.ru.

**UKRAINIAN ELITES STRATEGIES TO DONBAS:
«BIG DATA»-RESEARCH OF THE FACEBOOK NATIONAL SEGMENT**

A.A. Tokarev

"Kommersant" 127055, Russia, Moscow, Tikhvin per., 11, build. 2.

Abstract: *The conflict in the South-East of Ukraine has acquired a protracted nature, what is significantly affected by three main factors. 1) The main actors of the conflict (Ukraine, DPR/LPR, Russia, USA, OSCE) have in principle different opinions about its resolution/escalation. Secondly, despite the recognition of the DPR/LPR territory belonging de jure to Ukraine by majority of actors, the basic document "Minsk-2" uses by the discursive, but not a real support of the actors. Third, Ukraine does not have a consolidated position in the national community and elites concerning the Donbass. Fourth, contrary to the technical, economic, and military support for the region by Russia the official Kiev is the main promoter of secession in Donbas by means of ATO, in spite of the public discourse about the need to reintegrate these territories.*

Research question: what strategy for the Donbass are shared by Ukrainian elites? Methodological basis: analysis of the Ukrainian Facebook network segment with a combination of quantitative (Big Data¹⁰) and qualitative (in-depth interviews) methodology.

Results: the topic of Donbass in general very poorly presented on the pages of top Ukrainian bloggers in Facebook. The test content is mainly Russian-speaking, Russia is mentioned more often than Donbas. The US and Europe occupy roughly equal positions in the public discourse on the number of references. In the array of almost 90 000 posts in the first 10 months of 2016 only 6% relate to the region of Donbass. Number of posts that contain not the strategic vision of the Donbass future, but only mention of it, is less than half-percent.

As a result of manual processing of data, the author comes to the key findings - Ukrainian elites have no the consensus strategy for the Donbass, but strategies to froze the conflict and to conquer of Donbass compete one to each other. The region is not perceived like an object for which Ukraine should fight not only for the territory, but also the people.

In conclusion author presented the later iterations which are necessary to improve the degree of verification of the findings in the new study.

Key words: Ukrainian conflict, Donbass, ATO, quantitative methods, Facebook.

References

1. Azarov A., Brodovskaya E., Dmitrieva O., Dombrovskaya A., Phylchenkov A. Strategii formirovaniya ustanovok protestnogo povedeniya v seti internet: opyt primeneniya kiberneticheskogo analiza (na primere yevromaydana, noyabr' 2013 g.) [The Strategy of the Protest Behavior Formation in the Internet: Experience of Cyber-Analysis (the Case of Euromaidan, November 2013)]. *Monitoring of Public Opinion*, 2014, no. 3, pp. 36 – 74. (In Russian).
2. Brodovskaya E., Dombrovskaya A., Sinyakov A. Strategii ispol'zovaniya sotsial'nykh setey v sovremennoy Rossii: rezul'taty mnogomernogo shkalirovaniya [Strategies of the Social Networks Using in Modern Russia: the Multidimensional Scaling Results]. *Monitoring of Public Opinion, Economic and Social Changes*, 2016, no. 1, pp. 283 — 296. (In Russian).
3. Davydov A. *Sistemnaya sotsiologiya: Social Computing* [Systemic Sociology: Social Computing]. Available at: http://www.isras.ru/index.php?page_id=1016&printmode (accessed: 10.12.2016). (In Russian).
4. Top-100 Bloggers in 2015. *ICTV-facts Rating*. Available at: <http://bloggers.fakty.ictv.ua/> (accessed: 10.12.2016).
5. Top-120 Popular Ukrainian Bloggers and Politicians in Facebook. *Rating of the E-iq Agency for Market Leader*. Available at: <http://www.finanso.net/world/21967-izvesten-top-akkauntov-bloggerov-i-politikov-ukrainy-v-feysbukeza-aprel.html> (accessed: 10.12.2016).
6. Top-50 Ukrainian Facebook and Twitter bloggers. *New Time Rating*. Available at: <http://nv.ua/publications/virtualnye-geroi-politiki-i-zhurnalisty-tesnyat-pop-znamenitostey-v-facebook-i-twitter-infografika-nv-22945.html> (accessed: 10.12.2016).
7. Grassegger H. Ich habe nur gezeigt, dass es die Bombe gibt. *Daz Magazine*. Available at: <https://www.das-magazin.ch/2016/12/03/ich-habe-nur-gezeigt-dass-es-die-bombe-gibt/> (accessed 10.12.2016).

¹⁰ «Big Data» in the name of research we use the conditional. In the formal approach, Big Data should be recognized as arrays of a million units. 88,536 of our array units do not allow formal call it Big Data

8. Leetaru K. *Data mining methods for the content analyst: An introduction to the computational analysis of content*. Routledge, 2011. 120 p.
9. Liu H., Salerno J., Young M. *Social Computing and Behavioral Modeling*. Berlin, Springer Publ., 2009. 264 p.
10. Manovich L. The Science of Culture? *Social Computing, Digital Humanities and Cultural Analytics*, 2015. Available at: <http://manovich.net/index.php/projects/cultural-analytics-social-computing> (accessed 10.12.2016).
11. Wynn J. Digital sociology: Emergent technologies in the field and the classroom. *Sociological Forum*, 2009, 24 (2), pp. 448 - 456.

About the author

Alexey A. Tokarev – PhD in Political Science, Senior Researcher at Center for Global Issues, Institute for International Studies of MGIMO–University. E-mail: a.tokarev@inno.mgimo.ru.

ПОСТКЕЙНСИАНСТВО КАК ЭВОЛЮЦИЯ КЕЙНСИАНСКОЙ МОДЕЛИ МАКРОЭКОНОМИКИ XX ВЕКА

Л.Н. Артамонова

Московский государственный институт международных отношений (университет)
МИД России. Россия, 119454, Москва, пр. Вернадского, 76.

В статье анализируется развитие теории Дж. Кейнса в работах нового для второй половины XX в. направления экономической мысли – посткейнсианства. Показано, что в условиях рыночного хозяйствования кейнсианская методология должна быть дополнена исследованием принципов государственного регулирования. Посткейнсианство оказало существенное влияние на предмет исследования, включив в него принципы свободного предпринимательства, рыночное ценообразование, уровень динамики цен – всё то, что позволяет реализовать принцип саморегулирования рыночного механизма. С учётом реальных изменений и кризисных явлений в экономике для эффективного применения кейнсианских моделей регулирования в формировании экономической политики государства требуется проанализировать основные направления развития экономики. Рассмотрены новые подходы посткейнсианцев к роли государства и государственному регулированию в сочетании со свободой предпринимательства. Проанализированы основные направления развития посткейнсианства, в частности, неорикардianская теория цены и стоимости благ на основе прямых затрат на производство товаров П. Сраффа, теория информационной «фундаментальной» неопределённости будущего Р. Клауэра и гипотеза финансовой нестабильности Х. Мински.

В статье отмечается, что развитие посткейнсианства позволяет представить новейшие исследования современной кейнсианской школы в рамках междисциплинарного подхода к изучению экономических проблем.

Ключевые слова: кейнсианство, макроэкономический анализ, финансовая нестабильность, информационная неопределённость будущего, экономический агент, измеритель стоимости товаров.

Экономические кризисы в 70-х гг. XX в., в том числе энергетические, структурные, экологические, потребовали от экономической науки и поиска практических решений, и теоретического анализа политики государства по регулированию национального хозяйства. Потребность в уточнении и дополнении кейнсианской теории возникла под влиянием критики неоклассиков и монетаристов, упрекавших кейнсианскую концепцию в пренебрежении принципами свободного предпринимательства, вопросами рыночного ценообразования, а также динамики цен и нормы процента - собственно, механизмам саморегулирования рынка.

Кроме того, в 1970-е гг. в экономической политике многих государств на первое место вышли проблемы дефицита государственных бюджетов, роста внутренних и внешних национальных долгов, борьба за сохранение национальной финансовой и кредитной систем, а также вопросы реформирования мировой валютной системы. Всё это создало объективные предпосылки для обновления основных идей кейнсианской школы и внесения в неё элементов, которые сделали бы её вновь востребованной для решения макроэкономических проблем.

В течение 1950-1960-х гг. Н. Калдор, Дж. Робинсон, П. Сраффа и другие экономисты выдвинули новаторские идеи по развитию и регулированию экономики на макроуровне, которые оказали серьёзное влияние на формирование нового направления - посткейнсианской экономической теории. Как этот абзац согласуется с вышесказанным о причинах, побудивших приняться за обновление кейнсианства? Здесь говорится о развитии теории учениками и соратниками Кейнса в 50-60-е гг., а выше - о критике кейнсианства в 1970-е. Представляется логичным соблюдать хронологию и «развести» описанные этапы становления посткейнсианства, как это принято делать, выделяя «рикардианское» и «кейнсианское» кейнсианство.

Термин «посткейнсианство» использовался в 1950-1960-х гг. для обозначения исследовательских работ по развитию и дополнению теории Дж.М. Кейнса о причинах и способах выхода экономики из кризиса [1; 2]. В настоящее время термин «посткейнсианство» следует понимать иначе. Представителей посткейнсианства отличает стремление к исследованию макроэкономических проблем в контексте проблем реального бизнеса на микроуровне. При всём разнообразии концепций, в рамках посткейнсианства не создаётся новой теоретической системы.

Основные направления современного посткейнсианства - это «левое кейнсианство» (представители - Дж. Робинсон, П. Сраффа) и «монетарное кейнсианство» (представители - М. Фридмен, Р. Клауэр). Последнее направление нередко называется неорикардианством.

Теории «левого кейнсианства» критикуют теорию Д. Кейнса «равновесия с неполной занятостью» [2], предлагают новый подход к вопросам

денежной системы, и, самое главное, используют методологию микроэкономического анализа для решения проблем экономики в целом.

В середине XX в. посткейнсианство, опираясь на методологию классической школы, делает попытки дополнить кейнсианскую модель идеями Д. Рикардо [4; 5]. Известно, что П. Сраффа редактировал собрание сочинений Д. Рикардо.

В рамках теории «левого кейнсианства», неорикардианства, опираясь на методологию Д. Рикардо [4; 5], исследовались проблемы формирования стоимости товара, его цены, роста доходов, теория накопления капитала, экономического роста с позиций макроэкономики [1; 10]. Это направление в рамках методологии кейнсианской школы изучало проблемы роста заработной платы как фактора роста эффективного спроса, выступало за ограничение власти монополий и проведения социальных реформ [10; 53]. Теория стоимости Д. Рикардо, его методология научного анализа позволили описать механизма формирования стоимости товара и его цены на уровне национального хозяйства.

Неорикардианская теория цены и стоимости благ на основе прямых затрат на производство товаров в рамках кейнсианской теории исследуются в трудах П. Сраффа [1; 10] и его последователей [1; 22; 49]. В этих работах ставится цель на макроуровне найти новый «измеритель» стоимости товара, который не зависел бы от изменения, распределения цен и субъективной оценки конкретного товара на рынке. В работах П. Сраффа [1; 10] на основе теоретического анализа предложено выделить или сконструировать такую отрасль (совокупность отраслей), которая будет производить так называемый «товар-эталон». В этой отрасли (совокупности отраслей) соотношение «чистого продукта» к стоимости «материальных затрат» не будет меняться под влиянием изменений цен и распределения материальных затрат на отдельных конкретных производствах экономики. «Чистый продукт» такой системы становится «чистым продуктом-эталон», а отношения между этим «чистым продуктом» и совокупными материальными затратами становятся «отношениями-эталоном» [10]. На макроуровне эта отрасль (совокупность отраслей) должна выделяться из реальной экономики и становиться стандартной отраслью. Стандартная отрасль (совокупность отраслей) производит товары, которые в той или иной степени прямо или косвенно входят в производство всех других товаров. При этом её (их) структура товара и структура затрат должна оставаться неизменной длительный период. В следствие чего, единица «чистого продукта - эталона» («композитного товара» - термин П. Сраффа) на макроуровне объективно становится физическим измерителем стоимости всех остальных товаров независимо от цен реального рынка. Своей теорией П. Сраффа показывает как складываются стоимостные пропорции товаров и услуг, их распределение на макроуров-

не. Он подчёркивал, что это возможно только при условии, что в экономике уже сформировался определённый, устоявшийся технологический уровень производства товаров и услуг. Спрос и предложение на макроуровне в модели П. Сраффа тождественны между собой в тот момент, когда стоимость товара совпадает с его ценой, а сами цены определяются условиями предложения (производством) «композитного товара». Тем самым П. Сраффа пытается доказать, что процесс формирования реальной цены товара на рынке не влияет на выравнивание совокупного спроса и совокупного предложения на макроуровне. Он пытался оспорить теорию «эффективного спроса» Д. Кейнса [2].

В связи с этим «левые кейнсианцы», неоркардианцы в своих трудах изучали проблемы макроэкономического равновесия [1; 10; 48; 60; 61]. Они расширяют и углубляют исследования о совокупном (эффективном) экономическом спросе и его стимулировании за счёт потребительских расходов [2], связывают его динамику (расширение) с психологическими факторами, определяющими склонность к потреблению, сбережению и инвестициям. Исследование макроэкономического равновесия они провели с позиций социальных-экономических проблем общества [51; 53], связав их с распределением доходов и господством монополий. Опираясь на теорию Дж. Кейнса [2], представители «левого кейнсианства» видели главную причину нарушения макроэкономического равновесия в углублении неравенства в распределении национального продукта [53]. Они показали, что те, кто хочет потреблять (или расширить свое потребление), не имеют денег для покупки товаров, а те, кто имеет денежные средства, не хотят расширить потребление в размерах своего реального дохода, а предпочитают тратить средства на накопление богатства. «Неупотребление» своих доходов (термин Джоан Робинсон) является следствием усиления монополизма в экономике, а это ведёт к углублению неравенства в распределении национального дохода [1; 51; 53; 56]. Одновременно усиление монополизма в экономике ведёт к падению реальной заработной платы ниже стоимости предельного продукта труда, что, как считали «левые кейнсианцы», приводит к снижению совокупного спроса, делает невозможным использование его изменения в восстановлении макроэкономического равновесия. Фактическое снижение совокупного спроса в условиях монопольной экономики есть результат, с одной стороны, низкого уровня дохода основной части населения и, с другой стороны, нежелание увеличивать потребление людей с высоким уровнем дохода. Устранение неравенства в распределении доходов «левые кейнсианцы» отводят государственному регулированию заработной платы. Следует подчеркнуть, что рост заработной платы они связывают с ростом производительности труда, а также с совершенствованием антимонопольного

законодательства, предупреждением кризисов перепроизводства, сдерживанием инфляции и сокращением уровня безработицы со стороны государства [1; 22; 23; 31; 52].

Исследование макроэкономического «неравновесия» и его причин в рамках теории посткейнсианства дается с работами Р. Клауэра [1; 16; 17; 18].

Методологической особенностью его исследования является изучение проблемы информационной «фундаментальной» [16; 17] неопределённости будущего, против которого экономический агент оказывается практически безоружным. В работах Р. Клауэра применяется методология маржинализма - «элемент робинзонады» [1]. Теорию неравновесия совокупного спроса и совокупного предложения Р. Клауэр изучает через макроэкономическую систему, которая в реальности стремится не к восстановлению равновесия, а к постоянному его нарушению. Такое состояние в макроэкономике Р. Клауэр связывает с несовершенством информации о работе бизнеса, то есть не совпадением в ожидании результатов от деятельности и реальным положением дел в бизнесе. Проблемы «информационной неопределённости будущего» становятся условием для нарушения устойчивого макроэкономического равновесия [17]. Р. Клауэр назвал свою концепцию «гипотезой двойного решения». Согласно этой концепции следует различать теоретически предполагаемый (воображаемый) прирост совокупного спроса и реальный (эффективный) прирост спроса. В условиях неопределённости и несовершенства информации равновесия между воображаемым и эффективным спросом может и не быть, считает Р. Клауэр. Потому что в реальности «воображаемые доходы», которые определяются доходами домашних хозяйств при полной занятости, могут быть ниже фактических, и в этом случае «эффективный» спрос будет меньше воображаемого. Это может привести к тому, что производители на рынке будут получать неверные ценовые сигналы, что нарушит равновесное состояние экономики. В условиях неравновесия с «неправильными ценами» (термин Р. Клауэра) восстановление макроэкономического равновесия будет зависеть не от динамики роста доходов (совокупного спроса), а от изменения цен товаров на рынке [16; 17]. Поэтому действие потребительской функции, которую Дж. Кейнс рассматривал через основной психологический закон, Р. Клауэр связал с недостаточной, несовершенной информацией, которую получает бизнес на рынке о реальном положении дел. Р. Клауэр назвал это явление в экономике «процессом ограниченного дохода» и показал, что проблемы информационной «фундаментальной» [16; 17] неопределённости будущего, против которого экономический агент оказывается практически незащищенным, становятся основной причиной нарушения макроэкономического равновесия.

Параллельно с исследованием проблем макроэкономического равновесия и причин его нарушения в рамках посткейнсианской теории разрабатывалась теория «монетарного кейнсианства», представители которой, используя методологию кейнсианской школы, изучают причины финансовых кризисов и особую, новую роль денег в макроэкономике [19; 20; 60].

Основателями посткейнсианства этого направления являются М. Калецкий [1; 12; 27; 54], Х. Ф. Мински [3; 7; 34; 36; 38; 40], П. Дэвидсон [18], С. Вайнтрауб [61], Джоан Робинсон [53], Н. Калдор [1, 25, 26], Л. Пазинетти [1; 47; 48] и другие [44; 45]. Некоторые авторы учебников называют их теории «оригинальными», «неисказёнными» версиями кейнсианства [1, 60], потому что они дают «неисказённое» понимание основной теории Дж. Кейнса о роли денег в экономике [2].

Исследование представителей «монетарного кейнсианства» строится на том, что, по их мнению, деньги создаются эндогенно, т.е. независимо от политики центрального банка, и изменение их количества оказывает глубокое и долговременное воздействие на макроэкономические процессы. Концепция «эндогенной денежной массы» разрабатывалась П. Дэвидсоном и С. Вайнтраубом.

По мнению посткейнсианцев, одной из главных причин неустойчивости в макроэкономике является проблема инвестиционного портфельного выбора. По причине неопределённости развития экономики однозначных рациональных принципов реализации таких инвестиционных проектов не существуют. В то же время портфельный выбор определяет динамику развития рыночной экономики. Поэтому посткейнсианцы считают, что выбор портфельных активов становится наиболее актуальной и сложной проблемой в поддержании макроэкономического равновесия не только для бизнеса, но и для государства.

Такая постановка вопроса о причинах неустойчивости экономики на макроуровне характерна только для посткейнсианства. Она определяет оригинальный посткейнсианский подхода к исследованию причин инфляции, роста цен, кризиса и циклического развития экономики в целом. Кризис в экономике, как правило, порождает неустойчивость финансовой системы. Деньги играют важную роль в развитии национальной экономики, увеличивают возможности промышленного сектора за счёт роста инвестиций [2; 28; 29; 30]. Деньги как актив создаются внутри денежно-кредитной системы, и одновременно «создание денег является частью механизма... по выпуску конкретной инвестиционной продукции» [38, с. 223, 224].

Следует остановиться на концепции Х.Ф. Мински, которая, опираясь на денежную теорию кейнсианской школы, использует новый подход в изучении проблем финансовой сферы и выдвигает свою гипотезу причин финансовой

нестабильности [там же, с. 505-524] и её влияния на развитие реального производства и макроэкономическое равновесие.

Согласно концепции «нечейности» денег, спрос на деньги влияет не только на величину инвестиций и накопления, но и на макроэкономические показатели, такие как занятость, национальный доход, уровень цен в целом [11]. На уровне микроэкономики спрос на деньги, который может привести к росту их количества в обращении, воздействует на величину цен конкретных товаров и на реальные показатели производства, что в конечном счёте также влияет на финансовую систему экономики.

Нестабильность финансовой сферы, по мнению Х. Мински [41; 42; 43], порождает неустойчивость совокупного спроса, прежде всего неустойчивость инвестиционного спроса. Поэтому что в условиях неопределённости растущая финансовая задолженность населения, фирм, банков, государства, международных финансовых структур оказывает влияние на динамику процентных ставок, изменения величины прибыли, котировок ценных бумаг и т.д. [39, с. 171-187].

Колебания финансовой системы, её неустойчивость, связана, по мнению Х. Мински, с тем как бизнес финансирует свои инвестиции [1; 2; 3; 35]. Автор различает три вида финансирования инвестиций: первый – обеспеченное финансирование, второй – спекулятивное финансирование и третий, самый рискованный – понци-финансирование (по имени банкира Ч. Понци, который в своей финансовой деятельности использовал финансовые пирамиды).

Х. Мински считал, что при обеспеченном финансировании инвестиций текущие денежные поступления от предпринимательской деятельности обеспечивают погашения всей суммы долга и проценты по его погашению [40]. При спекулятивном финансировании инвестиций денежных поступлений от деятельности бизнеса хватает только на погашение процентов по банковскому долгу, но денежных средств не хватает для погашения основной суммы задолженности. Поэтому предприниматели вынуждены брать новые кредиты для погашения основного долга. Это приводит к тому, что долгосрочные инвестиционные проекты погашаются за счёт краткосрочных кредитов. Возникает эффект понци-финансирования. Понци-финансирование, по мнению Х. Мински, которое будет строиться на принципах финансовых пирамид, не только не сможет обеспечить выплату всех банковских кредитов, но и погашение процентов по ним. Это повлечёт за собой увеличение предпринимательской задолженности и сбой в реальном производстве. Поэтому такой тип финансирования инвестиций, по мнению Х. Мински, влияет на цикличность развития экономики и может вызвать кризис в экономике. Переход от одного вида инвестиционного финансирования предпринимательской деятельности к другому,

■ Исследовательские статьи

более рискованному, вызвана циклическими колебаниями экономики 36; 42].

В инвестировании производства в начале повышательной фазы делового цикла преобладает так называемое обеспеченное финансирование деловой активности. В дальнейшем рост деловой активности приводит к снижению рисков, в том числе риску задолженности. Брать и давать в долг становится выгодно, а поэтому создаются условия для перехода к спекулятивному финансированию. Спекулятивное финансирование сопровождается повышенным спросом на деньги, это приводит к росту процентных ставок. В экономике создаются условия для понци-финансирования производства. При этом в виде финансирования бизнес может оказаться в положении, когда будет невозможно получить новые кредиты для погашения прежних долгов. Часто бизнес в подобных ситуациях начинает реализацию (продажу) своих капитальных активов, что снижает цены на капитальные блага, одновременно падает спрос на них из-за снижения предпринимательской деятельности, а это приводит к уменьшению объёмов инвестиций. В целом это порождает финансовую нестабильность, создаёт условия для банкротства бизнеса и экономического кризиса [38, р. 213].

Х. Мински сделал вывод, что экономические кризисы возникают из-за неспособности бизнеса вовремя погашать свои долги финансовому сектору, что приводит к нестабильности финансовой системы. «В обществе, в котором долгосрочные инвестиционные проекты финансируются через кредит, причём краткосрочный, накапливается финансовая хрупкость» [8, с. 45]. Смягчить кризисные явления можно только при последовательной денежно-кредитной политике центрального банка, государственном регулировании денежного сектора. Например, с помощью стимулирующей (экспансионистской) государственной политики можно создавать условия

для увеличения денежных возможностей у потенциальных предпринимателей-должников, которые могут стать банкротами. Такая государственная политика, по мнению Х. Мински, может трансформировать долговую дефляцию в стагфляцию, что положительно повлияет на экономику целом. С точки зрения Х. Мински, в экономике долговая дефляция опаснее стагфляции, потому что, в отличие от стагфляции, дефляция связана с глубоким и длительным спадом в производстве. А поэтому, считает Х. Мински, нужна государственная институциональная политика по поддержке реального производства и стимулированию новейших технологий в реальном производстве, что положительно повлияет на совокупный спрос. Это позволит экономике быть менее чувствительной к финансовой нестабильности и экономическим кризисам.

Поэтому посткейнсианское направление денежной экономики, «монетарное кейнсианство» выступает за активное вмешательство государства в регулирование финансовой нестабильности, за снижение или ограничение спекулятивных операций, потому что «финансирование собственности на капитальные активы и инвестиций представляет собой ключевой дестабилизирующий феномен» [7, с. 38; 36, с. 520]. Посткейнсианцы считают, что фискальная и денежная политика государства должна быть направлена не только на стимулирование совокупного спроса, но и на регулирование финансовых потоков, потому что такое регулирование может привести к краху всей финансовой системы. Ориентация центрального банка (как требуют монетаристы и неоклассики) на стабилизацию денежного обращения, приводит к поддержанию на определённом уровне величины прибыли бизнеса и обеспечивает финансовые поступления коммерческим банкам, не всегда положительно влияя на стабильное экономическое развитие.

Список литературы

1. Блауг М. Экономическая мысль в ретроспективе. М.: Дело, 1995. 687 с.
2. Кейнс Дж. Общая теория занятости, процента и денег. М.: Гелиос АРВ, 2002. 332 с.
3. Минский Х.П. Экономическая теория Кейнса: Общий взгляд на деньги. Современная экономическая мысль. Серия «Экономическая мысль Запада». М.: «Прогресс», 1981. 437 с.
4. Рикардо Д. Начала политической экономии и налогообложения. Избранное. Т. 1. М.: ИП Стребцкий, 2007. 960 с.
5. Мальтус Т. Опыт влияния низких хлебных цен на прибыль с капитала. 1815 // Рикардо Д. Начала политической экономии и налогообложения. Избранное. Т.1. М.: ИП Стребцкий, 2007. С. 352-585.
6. Розмаинский И.В. Денежная экономика как основной «предметный мир» посткейнсианства // TERRA ECONOMICUS. 2007. Т. 5, № 3. С. 58-68.
7. Розмаинский И.В. Вклад Х.Ф. Мински в экономическую теорию // TERRA ECONOMICUS. 2009. Т. 7, № 1. С. 31-42.
8. Розмаинский И.В. Посткейнсианская макроэкономика: основные аспекты // Вопросы экономики. 2006. № 5. С. 20-25.
9. Розмаинский И. Неопределённость и институциональная эволюция в сложных экономических системах: посткейнсианский подход // Вопросы экономики. 2009. № 6. С. 48-59.

10. Сраффа П. Производство товаров посредством товаров. М.: ЮНИТИ, 1999. 160 с.
11. Фридман М. Методология позитивной экономической науки // THESIS. 1994. № 4. С. 20-52.
12. Asimakopulos A. Kalecki and Keynes on Finance, Investment and Saving // Cambridge Journal of Economics. 1983. Vol. 7. No. 3/4. Pp. 221-233.
13. Arestis P., Palma G., Sawyer M. Capital Controversy, Post-Keynesian Economics and the History of Economic Theory: Essays in the honour of Geoff Harcourt, Vol. 1. London and New York: Routledge, 1997. 463 p.
14. Blaug M. The Methodology of Economics. Cambridge: Cambridge University Press, 1980. 900 p.
15. Blaug M. Economic Theory in Retrospect, 3rd Edition. Cambridge: Cambridge University Press, 1978. 400 p.
16. Clower R. The Keynesian counter-revolution. Ed. by F. Hahn and F. Brechling. The Theory of Interest Rates. London: Macmillan, 1965. Pp.103-125.
17. Clower R. What Traditional Monetary Theory Really Wasn't. Ed. by F. Hahn and F. Brechling. The Theory of Interest Rates. London: Macmillan, 1965. Pp. 299-302.
18. Davidson P. Rational expectations: a fallacious foundation for studying crucial decision-making processes // Journal of Post-Keynesian Economics. 1982-1983. Vol. 5. Pp. 182-198.
19. Friedman M. The methodology of positive economics. M. Friedman. Essays in Positive Economics. Chicago, IL: University of Chicago Press, 1953. Pp. 3-43.
20. Friedman M. Optimal expectations and the extreme Information assumptions of «rational expectations» macro models . Journal of monetary Economics. 1979. Vol. 5. Pp. 403-421.
21. Friedman M. A Theory of the Consumption Function. Princeton, N.J.: Princeton University Press, 1957. 296 p.
22. Frydman R. Towards an understanding of market processes, individual expectations: learning and convergence to rational expectations equilibrium . American Economic Review. 1982. Vol. 72. Pp. 652-668.
23. Harcourt G.C. The Structure of Post-Keynesian Economics. Cambridge: Cambridge University Press, 2006. 216 p.
24. Kaldor N. The new monetarism // Lloyds Bank Review. 1970. Vol. 97. Pp. 1-18.
25. Kaldor N., Trevithick J. A Keynesian perspective on money // Lloyds Bank Review. 1981. Vol. 139. Pp. 1-19.
26. Kaldor N. Causes of Growth and Stagnation in the World Economy. The 1984 Raffaele Mattioli Lectures. Cambridge University Press, 2002. 244 p.
27. Kalecki M. Trend and Business Cycles Reconsidered . Economic Journal. 1968. Vol. 78. Pp. 263-276.
28. Weintraub S., Davidson P. Keynes, Keynesians and Monetarists. University of Pennsylvania, 1978. 351 p.
29. Keynes J.M. The «ex ante» theory of the rate of interest // Economic Journal. 1937. Vol. 47. № 188. Pp. 663-669.
30. Keynes J.M. The General Theory of Employment, Interest and Money. London: Macmillan, 1936. 263 p.
31. Lawson T. Keynesian model building and the rational expectations critique // Cambridge Journal of Economics. 1981. Vol. 5. Pp. 311-326.
32. Lawson T., Pesaran M.H. Keynes' Economics: Methodological Issues. London: Croom Helm, 1985. P. 10-45.
33. Leijonhufvud A. On Keynesian Economics and the Economics of Keynes. Oxford: Oxford University Press, 1968. 446 p.
34. Minsky H.P. Inflation, Recession and Economic Policy. Brighton, 1982. 301 p.
35. Minsky H.P. John Maynard Keynes. New York: Columbia University Press, 1975. 181 p.
36. Minsky H.P. The financial instability hypothesis: a restatement . Thames Papers in Political Economy. Autumn 1978. 44 p.
37. Minsky H.P. Can «It» Happen Again. New York: M.E. Sharpe, 1982.
38. Minsky H.P. Stabilizing an Unstable Economy. New Haven: Yale University Press 1986. 432 p.
39. Minsky H.P. Central banking and money changes // Quarterly Journal of Economics. 1957 .Vol. 71. № 2. Pp.171-187.
40. Minsky H.P. Capitalist financial processes and the instability of capitalism // Journal of Economic Issues. 1980. Vol.14. №. 2. Pp.505-524.
41. Minsky H.P. The financial instability hypothesis: An interpretation of Keynes and an alternative to «standard» theory. Ed. by J.C. Wood John Maynard Keynes. Critical assessments. London: Macmillan, 1983. Pp.282-292.
42. Minsky H.P. The financial instability hypothesis: A restatement // Arestis P., Skouras. Post-Keynesian economic theory: A challenge to neoclassical economics. Brighton, 1985. Pp. 24-55.
43. Minsky H.P. Stabilizing an Unstable Economy. London, 1986. 436 p.
44. Patinkin D. Keynesian monetary theory and the Cambridge School // Banca National del Lavoro Quarterly Review. 1972. Vol. 12. Pp. 536-547.
45. Pasinetti L. Rate of profit and income distribution in relation to the rate of economic growth // Review of Economic Studies. 1962. Vol. 29. Pp. 267-279.
46. Pasinetti L. Structural Change and Economic Growth. Cambridge, 1981. 287 p.
47. Pasinetti L. Structural Economic Dynamics. A Theory of the Economic Consequences of Numan Learning. Cambridge, 1993. 208 p.

■ Исследовательские статьи

48. Pasinetti L. The Difficulty, and Yet Necessity of Aiming at Full Employment: A Comment on Nina Sapiro's Note // Journal of Post-Keynesian Economics. 1984-1985. Vol. 7. №. 2. Pp. 246-248.
49. Patinkin D. Anticipations of the General Theory and Other Essays on Keynes. Oxford, 1982. 308 p.
50. Robinson J. An Essay on Marxian Economics. 1967. 104 p.
51. Robinson J. An Essay on the Nature and Significance of Economic Science. London: Macmillan, 1945. 160 p.
52. Robinson J. Michal Kalecki on the Economics of Capitalism // Oxford Bulletin of Economics and Statistics. 1977. Vol. 39. №. 1. Pp. 7-17.
53. Robinson J. The Accumulation of Capital. London: Macmillan, 1956. 228 p.
54. Sawyer V.C. The Economics of Michal Kalecki. L., 1985. 275 p.
55. Sawyer V.C. Macroeconomics in Question: The Keynesian-Monetarism Orthodoxies and Kaleckian Alternative. Brighton, 1982. Pp. 108-114.
56. Schumpeter J.A. Economic Dogma and Method: An Historical Sketch. New York: Oxford University Press, 1954. 209 p.
57. Sraffa P. The Works of David Ricardo. 1951. Vol.1. 348 p.
58. Sraffa P. Production of Commodities by Means of Commodities: Prelude to a Critique of Economic Theory. Cambridge, 1960. 95 p.
59. Sraffa P., Dobb M.H. The Works and Correspondence of David Ricardo. 11 vols. Cambridge, 1965. 512 p.
60. Wray L.R., Tymoigne E. Macroeconomics Meets Hyman P. Minsky: The Financial Theory of Investment. The Levy Economics Institute // Working Paper № 543. September.2008. Pp. 1-23.
61. Weintraub S. An Approach to the Theory of Income Distribution. Chilton, 1958. 214 p.

Об авторе

Артамонова Любовь Николаевна – к.э.н., доцент кафедры экономической теории МГИМО МИД России.
E-mail: lnartamonova@gmail.com.

POST-KEYNESIANISM: EVOLUTION OF KEYNESIAN MACROECONOMICS IN THE 20TH CENTURY

L.N. Artamonova

Moscow state institute of international relations (University), av. Vernadskogo 76, Moscow, 119454, Russia.

Abstract: *The article analyzes the development of J.M. Keynes's theory in the second half of the twentieth century due to the works within the new direction of economical science – Post-Keynesianism. It is shown that in free-market economy Keynesian school based of the original Keynesian methodology requires additional studies of state regulation principles and take into account the qualitative changes in the market mechanisms. It is shown that post-Keynesianism has had a significant impact on the subject of research and has taken into account the principles of free enterprise, market pricing, level of price dynamics. All this principles allow realizing the principle of self-regulation of the market mechanism. New approaches to the post-Keynesians role of the state and state regulation combined with the freedom of entrepreneurship are analyzed.*

Taking into account real changes and economic crises it is necessary to analyze the main directions of development of the Keynesian model of economic regulation with a view to their effective use in shaping economic policy.

There are considered the basic directions of development of post-Keynesianism such as Neo-Ricardian theory of value and prices of goods based on direct costs of production in the framework of macroeconomic model by P.Sraffa, information theory of "fundamental" uncertainty of the future by R. Klauer and the theory of financial instability hypothesis by H.Minsky. Their differences within the framework of post-Keynesianism under the subject specialization are considered. It is noted that the development of Post-Keynesianism allows to present the latest research in modern Keynesian school within an interdisciplinary approach to economical problems.

Key words: Keynesianism, macroeconomic analysis, financial instability, Information uncertainty of the future, economic agent, measuring the value of goods.

References

1. Blaug M. *Ekonomicheskaya mysl' v retrospektive* [Economic Theory in Retrospect]. Moscow: Delo Publ. 1995. 687 p. (In Russian)
2. Keynes J. M. *Obshchaya teoriya zaniatosti, protsenta i deneg* [The General Theory of Employment, Interest and Money]. Moscow: Gelios ARV Publ., 2002. 332 p. (In Russian)
3. Minsky H.P. *Ekonomicheskaya teoriya Keinsa: Obshchii vzgliad na den'gi. Sovremennaya ekonomicheskaya mysl'* [The economic theory of Keynes: General view of money. Modern economic thought. A series of "Economic Thought of the West"]. Moscow: «Progress» Publ., 1981. 437 p. (In Russian).
4. Ricardo D. *Nachala politicheskoi ekonomii i nalogooblozheniia*. Izbrannoe, t. 1. [Principles of Political Economy and Taxation]. Moscow: IP Strebitsky, 2007. 960 p. (In Russian).
5. Maltus T. Opyt vliianiia nizkikh khlebnnykh tsen na pribyl' s kapitala. 1815, v kn. Rikardo D. *Nachala politicheskoi ekonomii i nalogooblozheniia*. Izbrannoe, t. 1. [Experience the effect of lower grain prices on the capital gains. 1815 in the book. Ricardo D. Principles of Political Economy and Taxation. Favorites, Volume 1] Moscow: IP Strebitsky, 2007, pp. 352-585. (In Russian).
6. Rozmaluinsky I.V. Denezhnaya ekonomika kak osnovnoi «predmetnyi mir» postkeinsianstva [The monetary economy as the main "objective world" post-Keynesianism] *TERRA ECONOMICUS*. 2007, vol. 5, no 3, pp. 58-68. (In Russian).
7. Rozmaluinsky I.V. *Vklad Kh.F. Minski v ekonomicheskuiu teoriyu* [Contribution HF Minsky in economic theory] *TERRA ECONOMICUS*, 2009, vol. 7, no 1, pp. 31-42 (In Russian).
8. Rozmaluinsky I.V. Postkeinsianskaya makroekonomika: osnovnye aspekty [Post-Keynesian macroeconomics: basic aspects] *Voprosy ekonomiki*, 2006, no. 5, pp. 20-25. (In Russian).
9. Rozmaluinsky I.V. Neopredelennost' i institutsional'naya evoliutsiia v slozhnykh ekonomicheskikh sistemakh: postkeinsianskii podkhod [uncertainty and institutional evolution of complex economic systems: Post Keynesian approach]. *Voprosy ekonomiki*, 2009, no 6, pp. 48-69. (In Russian).
10. Sraffa P. *Proizvodstvo tovarov posredstvom tovarov* [Production of goods through the goods]. Moscow: YUNITI Publ., 1999. 160 p. (In Russian).
11. Friedman M. Metodologiya pozitivnoi ekonomicheskoi nauki [Methodology of Positive Economics]. *THESIS*, 1994, no. 4, pp. 20-52. (In Russian).
12. Asimakopulos A. Kalecki and Keynes on Finance, Investment and Saving. *Cambridge Journal of Economics*, 1983, vol. 7, no. 3/4. pp. 221-233.
13. Arestis P., Palma G., Sawyer M. *Capital Controversy, Post-Keynesian Economics and the History of Economic Theory*. Essays in the honor of Geoffrey Harcourt, Vol. 1. London and New York: Routledge. 1997, 463 p.
14. Blaug M. *The Mythology of Economics*. Cambridge: Cambridge University Press, 1980. 900 p.
15. Blaug M. *Economic Theory in Retrospect*, 3rd Edition. Cambridge: Cambridge University Press, 1978. 400 p.
16. Clower R. *The Keynesian counter-revolution*. Ed. by F. Hahn and F. Brechling. The Theory of Interest Rates. London: Macmillan, 1965. Pp.103-125.
17. Clower R. *What Traditional Monetary Theory Really Wasn't*. Ed. by F. Hahn and F. Brechling. The Theory of Interest Rates. London: Macmillan, 1965. Pp. 299-302.
18. Davidson P. Rational expectations: a fallacious foundation for studying crucial decision-making processes. *Journal of Post-Keynesian Economics*. 1982-1983, vol. 5, pp. 182-198.
19. Friedman M. *The methodology of positive economics*. M. Friedman. Essays in Positive Economics. Chicago, IL: University of Chicago Press, 1953. Pp. 3-43.
20. Friedman M. Optimal expectations and the extreme Information assumptions of «rational expectations» macro models. *Journal of monetary Economics*, 1979, vol. 5. pp. 403-421.
21. Friedman M. *A Theory of the Consumption Function*. Princeton, N.J.: Princeton University Press, 1957. 296 p.
22. Frydman R. Towards an understanding of market processes, individual expectations: learning and convergence to rational expectations equilibrium. *American Economic Review*. 1982, vol. 72, pp. 652-668.
23. Harcourt G.C. *The Structure of Post-Keynesian Economics*. Cambridge: Cambridge University Press, 2006. 216 p.
24. Kaldor N. The new monetarism. *Lloyds Bank Review*. 1970, vol. 97, pp. 1-18.
25. Kaldor N., Trevithick J. A Keynesian perspective on money. *Lloyds Bank Review*. 1981, vol. 139, pp. 1-19.
26. Kaldor N. *Causes of Growth and Stagnation in the World Economy*. The 1984 Raffaele Mattioli Lectures. Cambridge University Press, 2002. 244 p.
27. Kalecki M. Trend and Business Cycles Reconsidered. *Economic Journal*. 1968, vol. 78, pp. 263-276.
28. *Keynes, Keynesians and Monetarists*. Ed. by S. Weintraub, P. Davidson. University of Pennsylvania, 1978. 351 p.
29. Keynes J.M. The «ex ante» theory of the rate of interest. *Economic Journal*. 1937, vol. 47, no. 188, pp. 663-669.
30. Keynes J.M. *The General Theory of Employment, Interest and Money*. London: Macmillan, 1936. 263 p.
31. Lawson T. Keynesian model building and the rational expectations critique. *Cambridge Journal of Economics*. 1981, vol. 5, pp. 311-326.

■ Исследовательские статьи

32. Lawson T., Pesaran M.H. *Keynes' Economics: Methodological Issues*. London: Croom Helm, 1985. Pp. 10-45.
33. Leijonhufvud A. *On Keynesian Economics and the Economics of Keynes*. Oxford: Oxford University Press, 1968. 446 p.
34. Minsky H.P. *Inflation, Recession and Economic Policy*. Brighton, 1982. 301 p.
35. Minsky H.P. *John Maynard Keynes*. New York: Columbia University Press, 1975. 181 p.
36. Minsky H.P. *The financial instability hypothesis: a restatement*. Thames Papers in Political Economy. Autumn 1978. 44 p.
37. Minsky H.P. *Can «It» Happen Again*. New York: M.E. Sharpe, 1982. 301 p.
38. Minsky H.P. *Stabilizing an Unstable Economy*. New Haven: Yale University Press 1986. 432 p.
39. Minsky H.P. Central banking and money changes. *Quarterly Journal of Economics*. 1957, vol. 71, no. 2, pp.171-187.
40. Minsky H.P. Capitalist financial processes and the instability of capitalism. *Journal of Economic Issues*. 1980, vol.14, no. 2, pp.505-524.
41. Minsky H.P. *The financial instability hypothesis: An interpretation of Keynes and an alternative to «standart» theory*. J.C. Wood (ed.). John Maynard Keynes. Critical assessments. London: Macmillan, 1983. P. 282-292.
42. Minsky H.P. *The financial instability hypothesis: A restatement*. In Arestis P., Skouras (eds.). Post-Keynesian economic theory: A challenge to neoclassical economics. Brighton, 1985. P. 24-55.
43. Minsky H.P. *Stabilizing an Unstable Economy*. London, 1986. 436 p.
44. Patinkin D. Keynesian monetary theory and the Cambridge School. *Banca National del Lavoro Quarterly Review*. 1972, vol. 12, pp. 536-547.
45. Pasinetti L. Rate of profit and income distribution in relation to the rate of economic growth. *Review of Economic Studies*. 1962, vol. 29, pp. 267-279.
46. Pasinetti L. *Structural Change and Economic Growth*. Cambridge, 1981. 287 p.
47. Pasinetti L. *Structural Economic Dynamics. A Theory of the Economic Consequences of Human Learning*. Cambridge, 1993. 208 p.
48. Pasinetti L. The Difficulty, and Yet Necessity of Aiming at Full Employment: A Comment on Nina Sapiro's Note. *Journal of Post-Keynesian Economics*. 1984-1985, vol. 7. no. 2, pp. 246-248.
49. Patinkin D. *Anticipations of the General Theory and Other Essays on Keynes*. Oxford, 1982. 308 p.
50. Robinson J. *An Essay on Marxian Economics*. 1967. 104 p.
51. Robinson J. *An Essay on the Nature and Significance of Economic Science*. London: Macmillan, 1945. 160 p.
52. Robinson J. Michal Kalecki on the Economics of Capitalism. *Oxford Bulletin of Economics and Statistics*. 1977, vol. 39, no. 1, pp. 7-17.
53. Robinson J. *The Accumulation of Capital*. London: Macmillan, 1956. 228 p.
54. Sawyer V.C. *The Economics of Michal Kalecki*. L., 1985. 275 p.
55. Sawyer V.C. *Macroeconomics in Question: The Keynesian-Monetarism Orthodoxies and Kaleckian Alternative*. Brighton, 1982. P. 108-114.
56. Schumpeter J.A. *Economic Dogma and Method: An Historical Sketch*. New York: Oxford University Press, 1954. 209 p.
57. Sraffa P. *The Works of David Ricardo*. 1951. Vol.1. 348 p.
58. Sraffa P. *Production of Commodities by Means of Commodities: Prelude to a Critique of Economic Theory*. Cambridge, 1960. 95 p.
59. Sraffa P., Dobb M.H. *The Works and Correspondence of David Ricardo*. 11 vols. Cambridge, 1965. 512 p.
60. Wray L.R., Tymoigne E. *Macroeconomics Meets Hyman P. Minsky: The Financial Theory of Investment*. The Levy Economics Institute. Working Paper no. 543. September.2008, pp. 1-23.
61. Weintraub S. *An Approach to the Theory of Income Distribution*. Chilton, 1958. 214 p.

About the author

LLyubov N. Artamonova – PhD in Economics, Associated Prof. at MGIMO-University.
E-mail: lnartamonova@gmail.com

МИРОВОЙ РЫНОК НЕФТИ: ПОИСК РАВНОВЕСИЯ В УСЛОВИЯХ НОВОЙ «НЕФТЯНОЙ» РЕАЛЬНОСТИ

Т.А. Малова, В.И. Сысоева

Московский государственный институт международных отношений (университет)
МИД России. Россия, 119454, Москва, проспект Вернадского, д. 76.

В статье дан анализ изменения мирового рынка нефти в условиях новой «нефтяной» реальности, определены факторы её формирования в глобальном мире. Обоснована актуальность и степень научной разработанности проблемы. Показано, что в российской и зарубежной литературе значительное внимание уделяется анализу динамики количественных переменных, характеризующих флуктуации и шоки на рынке нефти, но недостаточно изучена проблема поиска равновесия рынка в условиях новой экономической реальности. Предложенный подход позволяет раскрыть сущность трансформации мирового рынка нефти, оценить происходящие в нём изменения с точки зрения развитости и эффективности функционирования рыночного механизма, перспектив ценовой волатильности на рынке нефти. Выявлены основные направления преобразования мирового рынка нефти: развитие субъектной основы нефтяного рынка в связи с изменением роли основных рыночных игроков, состав которых в настоящее время включает США, Саудовскую Аравию и Россию; воздействие комплекса регулирующих факторов на движение рынка нефти к равновесию, к которым относятся: деятельность ОПЕК, предложение сланцевой нефти, фьючерсный рынок, деятельность единого регулятора и национальных регуляторов; трансформация нефтяного рынка в направлении совершенства конкурентных отношений, достижения оптимального рыночного равновесия в результате координации и взаимодействия интересов участников глобального нефтяного рынка.

Ключевые слова: мировой рынок нефти, новая «нефтяная» реальность, субъекты нефтяного рынка, регулирующие факторы, сланцевая нефтедобыча, рыночное равновесие.

Основные факторы формирования новой «нефтяной» реальности

По мнению российских и зарубежных исследователей [4;7;11;17], глобальный рынок нефти находится в состоянии глубокого изменения, что оказывает воздействие на текущие и перспективные возможности мирового производства и потребления нефти и нефтепродуктов. При этом «рынок нефти – это глобальный рынок, к тому же склонный к образованию «пузырей», и даже страны, способные самостоятельно удовлетворять свои потребности в нефти, не могут быть изолированы от его влияния» [17, р. 13]. В этой связи радикальное преобразование глобального нефтяного рынка затрагивает интересы широкого круга экономических субъектов, а исследование сущности и роли этого процесса представляется актуальной научно-практической задачей.

Изменение нефтяного рынка происходит под влиянием комплекса фундаментальных факторов, в пространстве которых рождается новая экономическая реальность нефтегазового производства, по существу, новая «нефтяная» реальность. К факторам такого рода относятся:

- формирование нового технологического уклада нефтегазовой отрасли, включая применение технологий быстрой обработки больших массивов геологических данных, а также развитие многоступенчатой переработки сырья;
- расширение источников углеводородных ресурсов (добыча на поздних стадиях разработки геологических формаций, добыча нетрадиционных видов нефти¹, диверсификация источников предложения жидких углеводородов);
- изменение структуры мировой нефтегазовой отрасли: формирование нового сегмента добычи трудноизвлекаемой нефти; расширение шельфовой добычи; глобализация газового рынка в связи с увеличением объёмов транспортировки сжиженного газа;
- распространение энергосберегающих технологий и альтернативных видов топлива, реальная перспектива снижения стоимости и доступности возобновляемых источников энергии;
- зависимость цены на нефть как от соотношения спроса и предложения, так и от рынка производных от цены финансовых инструментов;
- углубление дисбаланса между спросом и предложением на растущем рынке нефти;
- ценовая волатильность на рынке нефти;
- рост числа участников рынка и обострение конкуренции между ними;
- снижение доли нефти в общем энергобалансе под воздействием межтопливной конкуренции между первичными энергоносителями;

– изменение направлений глобальных торговых потоков: повышение энергонезависимости США, рост значения Азиатско-Тихоокеанского региона (АТР) в международной торговле.

Различным аспектам проблемы изменения мирового рынка нефти посвящены многие работы российских и зарубежных экспертов. В исследовании, проведённом Институтом энергетических исследований РАН совместно с Аналитическим центром при Правительстве РФ, по научному обоснованию и методологической основе исследования и прогнозирования развития мировой энергетики и эволюции энергетических рынков в сочетании с системной оценкой их влияния на экономику и ТЭК Российской Федерации, выделены четыре этапа процесса формирования современного рынка нефти по двум критериям (энергетическому и институциональному) и дана характеристика этих этапов [7]. Обоснование нового качества модели управления современным рыночным комплексом России и других государств – членов ЕАЭС осуществляется на основе анализа состояния регулирующей системы общих рынков нефти и нефтепродуктов ЕАЭС [1].

В работах зарубежных авторов активно изучается влияние «сланцевой революции» на перспективы развития глобального рынка нефти [17], обосновывается необходимость разработки новых принципов, применения новых инструментов при анализе рынка нефти, поскольку «рынок нефти существенно изменился в течение последних 10-15 лет. Принципы и предположения, которые хорошо служили в прошлом, сегодня бесполезны при анализе рынка нефти. Необходимо модернизировать набор принципов, отражающих возникновение Новой экономики нефти» [11, р. 2]. Особо отметим, что в зарубежных исследованиях фиксируется изменение базовых рыночных условий [16, р. 10], однако экономический смысл этих изменений не раскрывается.

Современный рынок нефти и перспективы его развития, прежде всего с точки зрения количественных характеристик шоков или флуктуаций конъюнктуры, находятся в центре внимания международного экономического сообщества [8;10;14]. Вместе с тем, помимо количественных оценок важна характеристика качественной составляющей происходящих изменений, которая позволяет раскрыть сущность трансформации мирового рынка нефти, оценить изменения рынка нефти с точки зрения развития и эффективности функционирования его механизма. Проведённое нами исследование позволяет выделить основные направления преобразования глобального рынка нефти.

¹ Так, сланцевая нефтедобыча кардинально изменила современные представления о возможных масштабах запасов сланцевой нефти. По имеющимся оценкам, только общие запасы горючих сланцев в мире составляют порядка 650 трлн т. Из них можно получить до 26 трлн т сланцевой нефти. Вероятно, объёма сланцевой нефти в 13 раз больше, чем запасов традиционной нефти. При нынешнем уровне потребления этих энергоресурсов хватит более чем на 300 лет непрерывной добычи [2].

Табл. 1

Производство нефти в США, Саудовской Аравии и России в 2016– 2035 гг.
(млн барр. в день)

Крупнейшие страны-производители нефти	2016	2020	2035
США	12.53	11.10	9.20
Саудовская Аравия	10.25	10.60	12.30
Россия	11.17	10.00	9.00

Источник: Salameh M.G. Impact of U.S. Shale Oil Revolution on the Global Oil Market, the Prize of Oil & Peak Oil / International Association for Energy Economics. Third Quarter, 2013; International Energy Agency (IEA). Oil Market Report. 14 June 2016.

Развитие субъектной основы глобального рынка нефти

Экономический смысл понятия «развитие субъекта мирового рынка нефти» состоит в формировании нового круга ведущих участников рынка и изменении их роли в достижении рыночного равновесия. Можно сказать, что происходит «кристаллизация» основных игроков рынка нефти, «обладающих не только ресурсным, геологическим потенциалом, но и широким комплексом факторов, требующихся для воздействия на рынки» [4, с. 31]. В настоящее время в число этих стран включают США, Саудовскую Аравию и Россию. Это мировые лидеры по среднесуточной добыче нефти, текущие и прогнозные показатели которой приведены в таблице 1.

У каждой из названных стран имеются свои основания для доминантной позиции на рынке нефти, которые обусловлены не только ресурсными, но и институциональными и технологическими возможностями, а также механизмами принятия стратегических решений.

США – производитель нефти глобального масштаба, который кардинально изменил свою позицию в мировой нефтяной иерархии за короткий исторический промежуток времени. Ещё недавно прогнозы относили эту страну к категории чистого импортёра углеводородов (см. табл. 2), а в конце 2015 г. Конгресс США отменил запрет на экспорт нефти-сырца, который действовал в стране более 40 лет. Формирование новой роли страны обусловлено разработкой и применением инновационных технологий добычи нетрадиционных видов нефти. Сегодня США – это страна, «нефтяная отрасль которой

стала драйвером как произошедших изменений на нефтяном рынке, так и современного этапа технологического рывка в отрасли» [4, с. 31].

Технологический прорыв США обеспечил ускорение темпов роста сланцевой нефтедобычи. По самому скромному прогнозу, добыча сланцевой нефти в США возрастет в 2030 г. до трёх млн баррелей в сутки. При этом необходимо учитывать, что даже незначительный дефицит мирового предложения повысит цены на рынке нефти, что может привести к увеличению объёмов сланцевой добычи в США. Вместе с тем, в условиях избытка мирового производства и запасов нефти сланцевая добыча сокращается.

Несмотря на большие расхождения в оценках запасов сланцевой нефти США – от 800 млрд барр. до 1,5 трлн барр. [17, р. 3], добычу сланцевой нефти в этой стране следует рассматривать как долговременный фактор развития мирового нефтяного рынка. Вероятность такого развития событий высока в свете активной работы американских компаний над повышением рентабельности сланцевой нефтедобычи. В 2016 г. наиболее эффективные производители сланцевой нефти выдержали снижение цен на нефть, сосредоточив свою деятельность на наиболее рентабельных формациях. Так, четыре центральные зоны формации Bakken обеспечили более 90% добычи в декабре 2015 г. Точка безубыточности для этих зон составляет менее 40 долл. США за барр. Аналогично: шесть центральных областей формации Eagle Ford Shale обеспечили 85% объёма выпуска с точкой безубыточности менее 36 долл. США за баррель [15, р. 11]. Перспективы влияния США на рынок нефти зависят от интенсивности технологического развития, дальнейшего повышения рента-

Табл. 2

Текущее и проектируемое производство сланцевой нефти и импорт сырой нефти в США, 2015 – 2035 гг. (млн барр. в сутки)

Показатели	2015	2016	2019	2020	2025	2030	2035
Чистый импорт сырой нефти	11.48	11.33	11.10	11.22	12.57	12.62	12.76
Чистый импорт, % от потребления	63%	61%	60%	60%	64%	66%	68%
Сланцевая нефть в США	1.00	1.27	–	2.00	3.00	3.00	2.75
Сланцевая нефть, % от глобального предложения	1%	1%	–	2%	3%	3%	3%

Источник: Salameh M.G. Impact of U.S. Shale Oil Revolution on the Global Oil Market, the Prize of Oil & Peak Oil / International Association for Energy Economics. Third Quarter, 2013.

Табл. 3

Пики открытия, истощения запасов и максимумы производства традиционной сырой нефти

Страны	Дата пика открытия	Дата пика производства	Процент открытия	Процент истощения	Максимум производства
Канада	1950-е	1973	95	76	25
Иран	1960-е	1974	94	76	130
Индонезия	1950-е	1977	93	65	31
Мексика	1950-е	2002	94	55	55
Норвегия	1970-е	2001	93	48	33
Россия	1940-е	1987	94	61	200
Саудовская Аравия	1950-е	2005	96	60	210
Англия	1970-е	1999	94	63	32
США	1930-е	1971	98	88	195
Мировая экономика	1962	2006	94	56	2100

Источник: Salameh M.G. Impact of U.S. Shale Oil Revolution on the Global Oil Market, the Prize of Oil & Peak Oil / International Association for Energy Economics. Third Quarter, 2013.

бельности производства нетрадиционной нефти, а также разработки шельфовых месторождений и доступа к федеральным землям.

Позиция **Саудовской Аравии** как ведущего участника мирового рынка определяется прежде всего, богатейшей ресурсной и производственной базой традиционной нефти, которая позволяет производить 12,3 млн баррелей в день, включая долю Королевства в Neutral Zone, которую Саудовская Аравия делит с Кувейтом [там же, р. 8]. Среди стран – крупнейших производителей нефти Саудовская Аравия занимает ведущее место по показателю максимально возможного объёма добычи сырой традиционной нефти, запасы которой в основном разведаны, но пока ещё далеки от истощения (см. табл. 3).

Существенное значение в условиях обострения глобальной конкуренции имеет стремление государства соответствовать новым вызовам. Правительство Саудовской Аравии планирует развитие несырьевого сектора экономики страны, реформирование нефтяной отрасли, включая налоговые реформы, а также частичную приватизацию Saudi Aramco с целью обеспечения роста рыночной капитализации этой компании.

Влияние **Российской Федерации** на состояние мирового рынка нефти определяется созданием экспортной модели, демонстрирующей возможности обеспечения стабильности, эффективности и устойчивости нефтяного производства.

Конкурентные преимущества России на мировом рынке нефти имеют национальную основу: развитая экспортная инфраструктура, включая трубопроводную, относительно невысокая долговая нагрузка, диверсифицированная система сбыта, создание интегральных партнёрств и нефтехимического кластера. Формирование

конкурентных преимуществ российской экспортной модели базируется на значительном ресурсном потенциале России, высокой рентабельности нефтяных проектов даже при низких ценах на нефть. Один из главных вызовов для России состоит в способности обеспечить рост добычи нефти в новых экономических условиях. Об остроте проблемы свидетельствует разброс точек зрения на перспективы нефтедобычи в России (см. рис. 1). Так, аналитики Goldman Sachs считают, что Россия способна наращивать добычу нефти до 11,7 млн баррелей в день к 2018 г., что означает рост производства почти на 600 тыс. баррелей в день. Со своей стороны, Международное энергетическое агентство (IEA) прогнозирует снижение нефтедобычи в России на 160 тыс. баррелей в день за тот же период² [13, р. 9].

Снижение вероятности негативного тренда связывают с госкомпанией «Роснефть», обеспечивающей более трети нефтяного производства России, лидирующей по росту ключевых показателей среди российских и иностранных конкурентов. Так, «Роснефть», применяя интегральный формат сотрудничества с Китаем, создаёт уникальный нефтехимический кластер на Дальнем Востоке, обеспечивает переориентацию нефтегазового комплекса с добычи и экспорта сырья на производство и реализацию продукции с высокой добавленной стоимостью, создаёт условия для стратегического сотрудничества в области нефтесервисных услуг.

Отметим, что применяемые «Роснефтью» и другими российскими компаниями принципы развития нефтедобычи (совершенствование экспортной инфраструктуры, кластеризация нефтяного производства, создание интегральных партнёрств в сфере нефтяного бизнеса) имеют универсальное значение. Следовательно, рос-

² По мнению Goldman Sachs, IEA исторически недооценивает российскую нефтедобычу. В 2017-2018 гг. почти все крупные нефтегазовые российские компании планируют увеличить добычу углеводородов за счёт ввода в эксплуатацию новых месторождений.

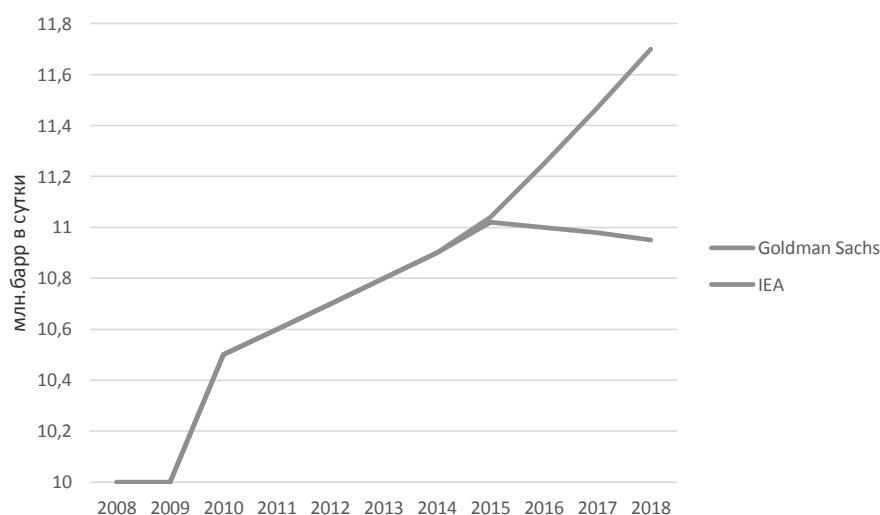


Рис. 1

Оценка будущего производства нефти в России Goldman Sachs и IEA

Источник: Lee J. Russia will cover oil shortfall: Goldman Sachs. Bloomberg. July 25.2016.

сийский опыт может быть адаптирован к практике других нефтедобывающих стран. Напротив, модель развития нефтяного производства в США, по мнению зарубежных аналитиков [11], не подходит для тиражирования.

Воздействие комплекса регулирующих факторов на движение рынка нефти к равновесию

Рынок нефти, как и экономика в целом, никогда не пребывает в состоянии рыночного равновесия, но стремится к нему, как и любая другая экономическая система. Взаимодействие рыночных сил порождает новые возможности движения к равновесию, новые факторы влияния на экономические процессы, что делает их неравновесными, неопределёнными и нелинейными. В условиях новой «нефтяной» реальности

саморегулирование этих процессов ещё более усложняется, а на движение рынка всё большее влияние оказывает комплекс факторов, эффективность которых различается в краткосрочном и долгосрочном периодах (см. табл. 4).

Оценка реального влияния ОПЕК на ценообразование мирового рынка нефти в современной зарубежной научной литературе неоднозначна, включая характеристику этой организации как политического клуба, генерирующего дипломатические и другие политические преимущества для его членов [9]. Следует сказать, что роль ОПЕК как регулятора мирового рынка нефти фундаментально не изменилась по сравнению с прошедшими двумя-тремя десятилетиями, с учётом того обстоятельства, что возможности нефтяного картеля стабилизировать рынок распространяются прежде всего на изменение предложения нефти в краткосрочном

Табл. 4
Регулирующие факторы мирового рынка нефти

Регулирующий фактор	Механизм воздействия	
	Краткосрочный период	Долгосрочный период
Деятельность ОПЕК	Изменение предложения нефти в ответ на временные флуктуации и шоки	
Предложение сланцевой нефти	Рост нефтедобычи в условиях высоких цен, снижение объёмов добычи при снижении цен	
Фьючерсный рынок	Снижение цен при профиците на спотовом рынке ³ , при дефиците – быстрый рост цен	
Единый регулятор, национальные регуляторы	Обеспечение условий стабилизации рынка и снижения ценовой волатильности	Обеспечение доступности инфраструктуры, разработка арктического шельфа

Источник: составлено авторами.

³ Иллюстрацией воздействия высокого предложения нефти при ограниченном спросе служит движение нефтяных котировок вниз в июле 2016 г., когда стоимость сентябрьских фьючерсов на нефть сорта Brent на лондонской бирже ICE Futures снизилась до 44,82 долл. США. Цена фьючерса на нефть сорта WTI на сентябрь на торгах Нью-Йоркской товарной биржи NYMEX уменьшилась до 42,87 долл. США [5].

периоде в ответ на шоки или флуктуации рыночной конъюнктуры. При этом ОПЕК никогда не была способна стабилизировать рынок в ответ на структурные сдвиги. Эту идею подтверждает увеличение производства нефти странами-членами ОПЕК в среднем до 32 млн баррелей в день в ответ на рост добычи сланцевой нефти в США. Таким образом, ОПЕК сохраняет позицию регулирующего фактора временных шоков в краткосрочном периоде, но не способна повлиять на долговременные процессы, к которым, несомненно, относится и рост предложения сланцевой нефти.

Наряду с регулирующим воздействием нефтяного картеля возрастает давление на рынок нефти со стороны фьючерсного рынка, усиление которого способствует совершенствованию финансовых инструментов и финансовых технологий в условиях развития биржевой и внебиржевой торговли. Специфика регулирующей роли фьючерсного рынка проявляется в деформации рыночных механизмов функционирования отрасли в результате ориентации на краткосрочные финансовые инструменты в ущерб долгосрочным отношениям субъектов рынка и фундаментальным факторам развития. Вместе с тем, значение этого фактора сохраняется в условиях снижения инвестиционной активности под влиянием высокой ценовой неопределённости. В случае роста напряжённости взаимодействия спроса и предложения фьючерсный рынок может выступить балансирующим фактором рынка нефти, заблаговременно отразив рыночные дисбалансы в ценах активов, тем самым способствуя восстановлению инвестиционного процесса в нефтяной отрасли.

Всё более значимым регулирующим фактором рынка нефти становится добыча сланцевой нефти. В основе происхождения этого фактора – ограниченная чувствительность предложения традиционной нефти относительно движения цен вследствие продолжительного временного лага между принятием инвестиционного решения и началом разработки месторождения. Добыча сланцевой нефти элиминирует влияние этой закономерности благодаря двум особенностям. Во-первых, период между принятием решения пробурить новую скважину и началом добычи измеряется неделями, а не годами, как в случае традиционной нефти. Во-вторых, продолжительность функционирования скважины сланцевой нефти гораздо короче по сравнению со скважиной традиционной нефти. Ежедневное производство сланцевой нефти снижается приблизительно на 75% в первый год функционирования скважины [11, р. 9]. В результате сокращается разрыв между началом инвестиций и выпуском сланцевой нефти.

Отсюда следует, что в краткосрочном периоде чувствительность сланцевой нефти к изменению цен гораздо выше, чем традиционной нефти, а предложение сланцевой нефти быстро реагирует на изменения цен: высокие

цены вызывают рост её добычи, низкие ведут к стабилизации и снижению объёмов добычи нетрадиционного углеводородного сырья. Графически это показывает изгиб кривой предложения, что отражает способность предложения сланцевой нефти воздействовать на снижение ценовой волатильности. Экономическое объяснение этому состоит в высоком уровне переменных издержек в величине общих издержек производства одного барреля сланцевой нефти и, соответственно, низком уровне постоянных издержек, что повышает ценовую чувствительность сланцевой нефтедобычи в краткосрочном периоде. В то же время большинство операций по производству традиционной нефти характеризуются высокими постоянными издержками в виде капиталовложений в нефтяные платформы, нефтепроводы и т.п., в совокупности которых переменные издержки производства каждого барреля нефти физически ниже, что снижает чувствительность предложения традиционной нефти в краткосрочном периоде.

Таким образом, большинство современных регулирующих рынок нефти факторов реализуют свой потенциал в краткосрочном периоде. Тем более важна роль регуляторов, воздействие которых распространяется на долгосрочный период. В краткосрочном периоде регуляторы способны обеспечить условия стабилизации рынка и снижения ценовой волатильности посредством контроля возможности ценового манипулирования, законодательного закрепления увеличения доли физического объёма нефти в ценообразовании до 10–15% от общего объёма товарных потоков, достижения прозрачности рыночной информации в части объёмов производства и потребления нефти, доступности ценовой информации, прозрачности условий долгосрочных контрактов, регистрации внебиржевых сделок. Значение регуляторов в долгосрочном периоде возрастает за счёт обеспечения доступности инфраструктуры и справедливого ценообразования на транспортировку углеводородов, повышения инвестиционной привлекательности отрасли и её проектов. Особое место в обеспечении долгосрочной устойчивости мирового нефтеобеспечения принадлежит разработке арктического шельфа.

Трансформация нефтяного рынка в направлении совершенства конкурентных отношений

Современные условия глобальной конкуренции стимулируют всё более активную интеграцию нефтяного рынка в систему институциональных, экономических и технологических отношений, совершенствование которых определяет вектор дальнейшего развития его конкурентной структуры.

Выскажем гипотезу, что новая «нефтяная» реальность способствует повышению совершенства конкуренции на рынке нефти, а его

механизм становится более эффективным, что проявляется в стремлении ограничить мировое потребление нефти таким количеством этого ресурса, которое ему требуется для достижения рыночного равновесия. Требование совершенной конкуренции распространяется на всех участников рынка и вынуждает игроков повышать уровень рациональности или уходить с рынка. Логику развития мирового рынка нефти в этом направлении позволяет верифицировать первая фундаментальная теорема теории общественного благосостояния, которая утверждает: если все индивиды и фирмы преследуют собственные интересы и принимают цены как данные, тогда конкурентное равновесие оптимально⁴ по Парето.

Парето-оптимальное размещение ресурсов предполагает, что соотношения цен соответствуют соотношениям предельных издержек производства. Этот принцип лежит в основе сигнального механизма об относительной ограниченности благ и ресурсов: если цены ниже предельных издержек, то у потребителей возникает стимул к неэкономному потреблению, что ведёт к росту спроса, а затем и росту цен на рынке. Если цены выше предельных издержек, то потребление искусственно сдерживается, что рано или поздно приводит к замедлению экономического роста и снижению цен на рынке. В условиях оптимума цены равны предельным издержкам производства дополнительной единицы продукции.

О движении мирового рынка нефти в этом направлении свидетельствует:

во-первых, снижение цен и снижение уровня предельных и средних издержек под влиянием ценового давления [3, с. 43];

во-вторых, ориентация компаний на стратегию «сохранение доли рынка», переходящую иногда в стратегию расширения своей рыночной доли, что объясняется усилением конкуренции за ресурсы и передел рынков сбыта;

в-третьих, то обстоятельство, что нефтедобывающие страны, по сути, не в состоянии проводить скоординированное сокращение добычи с целью повышения цены нефти: если ОПЕК и России удастся добиться роста цен на нефть, то производители сланцевой нефти в США увеличат добычу. В результате возрастет разрыв между спросом и предложением на рынке нефти, который, по мнению зарубежных экономистов, и без того сохранит «драматическую» динамику до 2020 г. [16, р. 10] (см. рис. 2).

Движение рынка нефти к совершенной конкуренции обусловлено всей совокупностью факторов, формирующих новую «нефтяную» реальность, определяющую понижающее давление на стоимость нефти. Так, открывается перспектива снижения ренты Хотеллинга, снижения спекулятивной ренты, построенной на ожидании «пика нефти». Оценка дифференциальной ренты потребует учёта формирования двух крупнейших регионов-импортёров: Европы и Азиатско-Тихоокеанского региона, (исключая Северную Америку как импортёра), для которых, возможно, будут рассчитываться отдельные дифференциальные ренты.

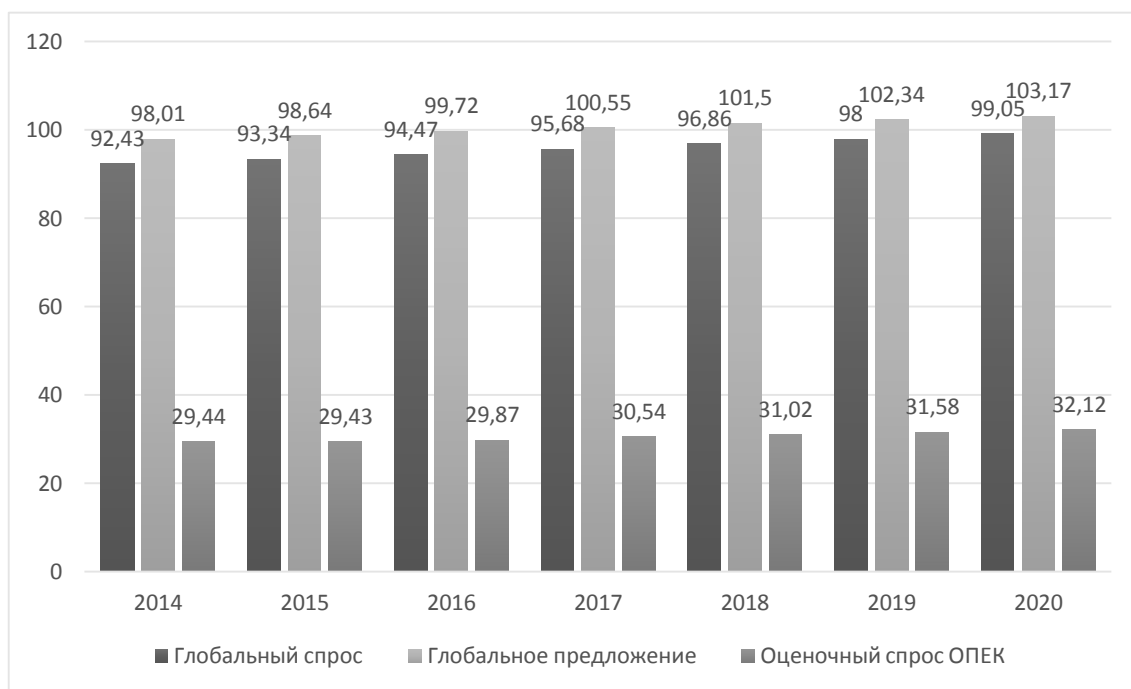


Рис. 2

Глобальные дисбалансы спроса и предложения сырой нефти (млн барр в сутки)

Рассчитано авторами по: Medium-Term Oil Market Report 2015. OECD/IEA, 2015.

⁴ Понятие оптимума в общенаучном смысле означает наилучшее использование имеющихся ресурсов.

■ Исследовательские статьи

Ожидаемый разброс цен на этих рынках, вероятно, приведёт к «регионализации» мирового рынка нефти. На этих региональных рынках цена будет формироваться не по принципу «издержки замыкающего поставщика», а по принципу «издержки замыкающего регионального поставщика» [7, с. 37].

Достижение совершенства конкурентного равновесия мирового рынка нефти – процесс сложный, долговременный, но необратимый с точки зрения повышения эффективности глобального рынка нефти. Предпосылками реализации этого процесса выступают координация и обеспечение объективного баланса подчас противоположных интересов, компенсация потерь и расширение зоны контрактов с целью максимизации полезности всех участников современного этапа воспроизводства и потребления нефти в мировом масштабе, включая нефтяные

компании, компании нефтегазохимии, производителей оборудования, компании сланцевой индустрии, партии «зелёных», домашние хозяйства и т.д.

В заключение отметим: трактовка тенденции развития современного рынка нефти в направлении совершенства конкуренции позволяет снять ощущение «драматизма» в связи с перспективами изменения цены нефти в сторону понижения. Экономическая наука считает: «на совершенных рынках, как монополистических, так и конкурентных, вряд ли возможно принятие решений о цене, а где нет места решениям, там нет и политики» [6, с. 82]. «Утешительным призом» для мирового сообщества представляется идея о том, что рынок с совершенной конкуренцией приводит к такому состоянию, при котором максимизируется общественное благосостояние.

Список литературы

1. Агеев А.И., Логинов Е.А., Райков А.Н. Формирование общего рынка нефти и нефтепродуктов ЕАЭС: фундамент союзного островка стабильности в будущем мировом океане глобальных спекуляций // Экономические стратегии. 2015. № 56. С. 8–21.
2. Горючие сланцы и сланцевая нефть. Новая жизнь старых запасов [Электронный ресурс]. // Все о нефти, 2011-2016. [Электронный ресурс]. URL: <http://vseonefti.ru/neft/slancevaya-neft.html> (дата обращения: 05.07.2016).
3. Сечин И. Есть альтернатива сценарию «50-60»? Доклад президента компании «Роснефть» Игоря Сечина на саммите глав энергетических компаний на Петербургском международном энергетическом форуме // Эксперт. 2015. № 26. С. 42–47.
4. Сечин И. Инвестиции в условиях неопределённости. Выступление президента компании «Роснефть» на саммите энергетических компаний на Петербургском международном экономическом форуме // Эксперт. 2016. № 26. С. 30–34.
5. Цены на нефть продолжают падать. Участники рынка ждут чуда в США – снижения запасов нефти на 2,6 млн барр. // Neftegaz.RU, 27.07.2016. [Электронный ресурс]. URL: <http://neftgaz.ru/news/view/151479-Tseny-na-neft-prodolzhayut-padat.-Uchastniki-rynka-zhdut-chuda-v-SShA-snizheniya-zapasov-nefti-na-26-mln-barr> (дата обращения: 27.07.2016).
6. Шай О. Организация отраслевых рынков. Теория и её применение. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2014. 503 с.
7. Эволюция мировых энергетических рынков и её последствия для России. М.: Институт энергетических исследований РАН, Аналитический центр при Правительстве РФ, 2015. 400 с.
8. Bataa E., Izzeldin M., Osborn D.R. Changes in the global oil market. // Energy Economics. 2016. №. 56. Pp.161-176.
9. Colgan J.D. The Emperor Has No Clothes: The Limits of OPEC in the Global Oil Market // International Organization. June 2014. Vol. 68. № 03. Pp. 599-632.
10. Dai Y.-H., Xie W.-J., Jiang Z.-Q., Jiang G. J., Zhou W.-X. Correlation structure and principal components in the global crude oil market // Empirical Economics. 2016. Vol. 51. №. 4. Pp. 1501-1519.
11. Dale S. New Economics of Oil. Society of Business Economists Annual Conference, London, 13.10.2015. 20 p. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.bp.com/content/dam/bp/pdf/speeches/2015/new-economics-of-oil-spencer-dale.pdf> (дата обращения: 05.07.2016)
12. Oil Market Report / International Energy Agency (IEA). 14.07.2016. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.iea.org/media/omrreports/tables/2016-06-14.pdf> (дата обращения 25.07.2016)
13. Lee J. Russia will cover oil shortfall: Goldman Sachs // Bloomberg. 25.07.2016 [Электронный ресурс]. URL: <http://economictimes.indiatimes.com/markets/commodities/russia-will-cover-oil-shortfall-goldman-sachs/articleshow/53371201.cms> (дата обращения: 29.07.2016).
14. Liu W.-M., Schultz E., Sweringa J. Price Dynamics in Global Crude Oil Markets // The Journal of Futures Markets. 2015. Vol. 35. №. 2. Pp.148-162.

15. Maugeri L. The Global Oil Market: No Safe Haven for Prices. Report / Belfer Center for Science and International Affairs. Harvard Kennedy School. 23.02.2016. 30 p.
16. Medium-Term Oil Market Report 2015. OECD/IEA, 2015. 140 p. [Электронный ресурс]. URL: http://www.iea.org/publications/freepublications/publication/MTOMR_2015_Final.pdf (дата обращения: 10.07. 2016).
17. Salameh M.G. Impact of U.S. Shale Oil Revolution on the Global Oil Market, the Rise of Oil & Peak Oil / International Association for Energy Economics. Third Quarter, 2013. 23 p. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.gulfpolicies.com/attachments/article/1338/> (дата обращения: 20.07.2016).

Об авторах

Татьяна Алексеевна Малова – д.э.н., профессор кафедры экономической теории МГИМО МИД России.
E-mail: mta97@mail.ru.

Виктория Игоревна Сысоева – преподаватель кафедры экономической теории МГИМО МИД России.
E-mail: visysoeva@gmail.com.

THE WORLD OIL MARKET: THE SEARCH FOR BALANCE IN THE NEW "OIL" REALITY

T.A. Malova, V.I. Sisoeva

Moscow State Institute of International Relations (University); 76 Prospekt Vernadskogo, Moscow, 119454 Russia.

Abstract: *The article provides an analysis of change of the world oil market in the face of new "oil" reality. Factors of formation of new "oil" reality in the global world defined. Scientific background and current state of research of the problem are described. It is shown that in the Russian and foreign literature the considerable attention is paid to the analysis of dynamics of the quantitative variables characterizing fluctuations and shocks in the oil market. At the same time the search for balance in the new "oil" reality are not considerably investigated yet.*

The proposed approach allows to reveal the substance of the transformation of the world oil market, to assess the changes in the oil market with the development of mechanism in terms of efficiency and functioning of the mechanism, the prospects of price volatility in the oil market.

The main directions of transformation of the oil market are follows. Development of a subject basis of the oil market due to changes of a role of the main market players whose structure includes the USA, Saudi Arabia, Russia now. The impact of regulatory factors complex in the oil market towards equilibrium, which include activity of OPEC, supply of shale oil, future market, activity of the uniform regulator and national regulators. Transformation of the oil market in the direction of perfection of the competitive relations, achievement of optimum market balance as a result of coordination and interaction of interests of participants of the global oil market.

Key words: the world oil market, new "oil" reality, the subjects of the oil market, regulatory factors; shale oil production, market equilibrium.

References

1. Ageev A.I., Loginov E.A., Raikov A.N. Formirovanie obshchego rynka nefti i nefteproduktov EAES: fundament soiuznogo ostrovka stabil'nosti v budushchem mirovom okeane global'nykh spekulatsii [The formation of a common oil market and oil products EAEC: the foundation of the Union of the island of stability in the future of the oceans global speculation]. *Ekonomicheskie strategii – Economic Strategies*. 2015, no. 56, pp. 8–21 (In Russian).
2. Goriuchie slantsy i slantsevaia nef't'. Novaia zhizn' starykh zapasov [Schist and shale oil. New life of old stocks]. *Vse o nef'ti*, 2011–2016. Available at: <http://vseonefti.ru/neft/slancevaya-neft.html> (Accessed 05.07.2016). (In Russian).
3. Sechin I. Est' al'ternativa stsensarii «50-60»? Doklad prezidenta kompanii «Rosneft'» Igoria Sechina na sammite glav energeticheskikh kompanii na Peterburgskom mezhdunarodnom energeticheskom forumе [There is an alternative, "50-60" scenario? Report by the president of "Rosneft" Igor Sechin at the summit of heads of energy companies in the St. Petersburg International Energy Forum]. *Ekspert*, 2015, no. 26, pp. 42–47. (In Russian).

■ Исследовательские статьи

4. Sechin I. Investitsii v usloviakh neopredelennosti. Vystuplenie prezidenta kompanii «Rosneft» na sammite energeticheskikh kompanii na Peterburgskom mezhdunarodnom ekonomicheskom forumе [Investment under uncertainty. Speech by President of "Rosneft" at the summit of power companies at the St. Petersburg International Economic Forum]. *Ekspert*, 2016, no.26, pp. 30–34. (In Russian).
5. Tseny na neft' prodolzhaiut padat'. Uchastniki rynka zhдут chuda v SShA – snizheniia zapasov nefti na 2,6 mln barr [Oil prices continue to fall. Market participants are waiting for a miracle in the US – reduction of oil reserves by 2.6 million barrels]. *Neftegaz.RU*, 27.07.2016. Available at: <http://neftgaz.ru/new/view/15479-Tseny-neft-prodolzhauiut-padat.-Uchastniki-rynka-zhdut-chuda-v-SShA-snizheniya-zapasov-nefti-na-26-mln-barr> (Accessed 27.07.2016). (In Russian).
6. Shai O. *Organizatsiia otraslevykh rynkov. Teoriia i ee primeneniie* [Organization of industrial markets. The theory and its application]. Moscow, Izd. dom Vysshei shkoly ekonomiki, 2014. 503 p. (In Russian).
7. *Evolutsiia mirovykh energeticheskikh rynkov i ee posledstviia dlia Rossii* [World energy markets evolution and its consequences for Russia]. Moscow, Institut energeticheskikh issledovani RAN, Analiticheskii tsentr pri Pravitel'stve RF, 2015. 400 p. (In Russian).
8. Bataa E., Izzeldin M., Osborn D.R. Changes in the global oil market. *Energy Economics*, 2016, no.56, pp.161-176.
9. Colgan J.D. The Emperor Has No Clothes: The Limits of OPEC in the Global Oil Market. *International Organization*, vol. 68, iss. 03/June 2014, pp.599-632.
10. Dai Y.-H., Xie W.-J., Jiang Z.-Q., Jiang G. J. Correlation structure and principal components in the global crude oil market. *Empirical Economics*, 2016, no. 51, iss. 4, pp. 1501-1519.
11. Dale S. New Economics of Oil. *Society of Business Economists Annual Conference*, London, 13.10.2015. 20 p. Available at: <http://www.bp.com/content/dam/bp/pdf/speeches/2015/new-economics-of-oil-spencer-dale.pdf> (Accessed 05.07.2016)
12. Oil Market Report. *International Energy Agency (IEA)*, 14.07.2016. Available at: <https://www.iea.org/media/omrreports/tables/2016-06-14.pdf> (Accessed 25.07.2016)
13. Lee J. Russia will cover oil shortfall: Goldman Sachs. *Bloomberg*, 25.07.2016. Available at: <http://economictimes.indiatimes.com/markets/commodities/russia-will-cover-oil-shortfall-goldman-sachs/articleshow/53371201.cms> (Accessed 29.07.2016)
14. Liu W.-M., Schultz E., Sweringa J. Price Dynamics in Global Crude Oil Markets. *The Journal of Futures Markets*, 2015, vol. 35, no. 2, pp.148-162.
15. Maugeri L. *The Global Oil Market: No Safe Haven for Prices*. Belfer Center for Science and International Affairs. Harvard Kennedy School, 2016. 30 p.
16. *Medium-Term Oil Market Report 2015*. OECD/IEA, 2015. 140 p. Available at: http://www.iea.org/publications/freepublications/publication/MTOMR_2015_Final.pdf (Accessed 10.07.2016).
17. Salameh M.G. Impact of U.S. Shale Oil Revolution on the Global Oil Market, the Rise of Oil & Peak Oil / International Association for Energy Economics. Third Quarter, 2013. 23 p. Available at: <http://www.gulfpolicies.com/attachments/article/1338/> (Accessed 20.07.2016).

About the authors

Tatjana A. Malova – Dr. of Economics, professor of Department of economics theory MGIMO, Russia, 119454, Moscow, prospect Vernadskogo, 76. E-mail: mta97@mail.ru.

Victoria I. Sisoeva – lecturer of Department of economics theory MGIMO, Russia, 119454, Moscow, prospect Vernadskogo, 76. E-mail: visysoeva@gmail.com.

ПРОИЗВОДСТВЕННО-СБЫТОВЫЕ ЦЕПОЧКИ ВЫСОКОТЕХНОЛОГИЧНОЙ ПРОДУКЦИИ КАК ФАКТОР ФОРМИРОВАНИЯ РЕГИОНАЛЬНОГО ВСЕОБЪЕМЛЮЩЕГО ЭКОНОМИЧЕСКОГО ПАРТНЁРСТВА

И.А. Сафронова

Национальный исследовательский университет - «Высшая школа экономики».
Россия, 101000, г. Москва, ул. Мясницкая, д. 20

Статья посвящена анализу производственно-сбытовых цепочек высокотехнологичной продукции в Восточной Азии и роли этого феномена в дальнейшей консолидации торговых блоков и объединений в регионе. Наличие данных цепочек и их постепенный переход от вертикально интегрированной модели к системе горизонтальных связей и взаимозависимости обуславливают формирование механизмов экономической интеграции де-факто (так называемая регионализация).

Опираясь на структурно-функциональный подход и инструментарий международной политэкономии, автор рассматривает создание Регионального всеобъемлющего экономического партнёрства (РВЭП). Создание этого объединения поможет отстающим странам АСЕАН ускорить экономический рост и улучшить условия для встраивания в глобальные производственно-сбытовые цепочки. Для развитых экономик участие в этой организации оказывается спорным, так как производственные цепочки имеют давно устоявшиеся форматы в рамках ЗСТ АСЕАН+1, а их изменение требует значительных затрат.

Политическое противостояние Вашингтона и Пекина отразилось и на динамике региональной интеграции. Раскол среди восточноазиатских государств вызвал проект Транстихоокеанское партнёрства (ТТП), цели которого весьма схожи с РВЭП: торговая либерализация и экономическая интеграция. Автор делает вывод, что расширение данного партнёрства на страны АСЕАН может серьёзно осложнить деятельность РВЭП и усилить влияние политических факторов на экономическое сотрудничество. В таком случае значение производственно-сбытовых цепочек высокотехнологичной продукции будет снижаться, что может негативно сказаться на экономическом сотрудничестве в регионе в целом.

Ключевые слова: Азиатско-Тихоокеанский регион, Восточная Азия, АСЕАН, РВЭП, ТТП, производственные цепочки, региональная интеграция, высокотехнологичная продукция.

Регион Восточной Азии простирается от Берингова пролива до Малаккского пролива (или до устья реки Брахмапутра), то есть охватывает частично или полностью территории 18-ти государств, а также двух автономий с особым статусом (Макао, Гонконг) и одного частично признанного государства (Тайвань). Существуют разногласия по поводу того, включать ли такие страны как Россия, Монголия, Бангладеш и Индия в состав данного региона. Например, известный отечественный ученый Д.В. Мосяков предлагает включать в Восточную Азию только страны АСЕАН, Китай, Тайвань, Японию и две Кореи [1, с. 10]. В данной статье используется максимально гибкий подход к определению границ рассматриваемого региона, что обусловлено, прежде всего, необходимостью комплексного анализа взаимосвязей и производственных цепочек.

Методологической основой для рассмотрения проблем развития Регионального всеобъемлющего экономического партнёрства стали дескриптивный подход, методы структурно-функционального и компаративного анализа, а также терминологический инструментарий международной политической экономики. Ю.Д. Канг отмечает, что анализ любых торговых соглашений должен учитывать уже имеющиеся региональные соглашения, дихотомию «глобализация-регионализм», наличие «гравитационных центров» региональной интеграции [10, с. 266-267]. Напротив, исследователи из Китайской академии социальных наук Ю. Жанг и М. Шэн полагают, что регионализм должен способствовать дальнейшему вовлечению восточноазиатских стран в мировую торговлю, а Индия и Китай как «гравитационные центры» должны, в первую очередь, быть гибкими и не настаивать на собственной повестке с целью получения преимуществ от «эффекта масштаба» в восточноазиатском регионе [12, с. 103-105]. В то же время У. Том выдвигает тезис о необходимости отстаивания собственных интересов, при учёте стратегий потенциальных участников экономических и политических объединений [11, с. 12-15]. В свою очередь, М. Иованович и М. Дамьянович подчеркивают важность изучения производственно-сбытовых цепочек в процессах экономической интеграции, но предлагают обращать внимание преимущественно на институциональный контекст [9, с. 54]. В условиях Восточной Азии, переговоры о торговых «мега-соглашениях» (в частности, о РВЭП) ещё не завершены, так что в настоящей статье

институциональная база региональной интеграции рассматривается с точки зрения взаимодействия в форматах АСЕАН+, а также интересов «гравитационных центров» экономической интеграции, от которых, к сожалению, сложно ожидать «интеграционного альтруизма». Цель настоящей статьи состоит в том, чтобы показать какова роль производственно-сбытовых цепочек высокотехнологичной продукции в данный период, а также представить оценку перспектив этих цепочек в регионе, как минимум, в среднесрочной перспективе.

До середины 1990-х гг. основной производственно-сбытовой моделью Восточной Азии, была «Стая летящих гусей» — V-образная структура, в которой «лидер стаи», постепенно осуществляя модернизацию производственного процесса – от продукции с низкой добавленной стоимостью к высокотехнологичной, передаёт свои технологии менее развитым странам, способствуя их индустриализации. Модель предполагала довольно жёсткую технологическую иерархию, позволявшую выстраивать вертикальное межотраслевое разделение труда. Большую роль в выстраивании производственно-сбытовых цепочек сыграло два фактора. Во-первых, процесс региональной интеграции в рамках Ассоциации стран Юго-Восточной Азии (АСЕАН), стартовавший в 1967 г. Во-вторых, страны и территории, накопившие в ходе модернизации большой объём финансового капитала (например, Япония, Сингапур, Тайвань), были заинтересованы в поддержании производственных потенциалов своих транснациональных корпораций и в приумножении накопленного капитала, то есть в выстраивании связей на основе долгосрочных инвестиций. Иерархическая модель производственного сбыта (МПС) закрепилась, прежде всего, в таких отраслях, как электроника, информационно-коммуникационные технологии и автомобилестроение. Фактически страны региона, вместо того чтобы работать над собственной экономической специализацией, приобретали черты межфирменной специализации – происходило разделение труда в рамках одного технологического процесса. С политэкономической точки зрения, данные страны утратили часть своего экономического суверенитета, добровольно согласились на технологическое отставание от стран верхнего эшелона МПС.

Серьёзные перемены произошли в конце 1980-х гг., когда в странах Восточной Азии (прежде всего, в Южной Корее, Индонезии и

Малайзии) возник политический запрос на изменение сложившегося положения и пересмотр роли стран в международном разделении труда. Причин было несколько: во-первых, снижение материалоёмкости и энергоёмкости производств, во-вторых, рост «экономического национализма», то есть осознание недостатков технологического отставания. Наконец, в-третьих, многие страны региона откровенно опасались дальнейшей экономической экспансии Японии, видели в этом угрозу, по крайней мере, частичного возрождения японского колониализма [3, с. 20-23]. Были предприняты серьёзные усилия по изменению регионально-сбытовых цепочек, формированию горизонтальных связей и освоению полных циклов и передовых стандартов инновационных производств. Именно благодаря таким характеристикам развития региональных производственно-сбытовых цепочек Восточную Азию стали называть «фабрикой мира».

С момента создания АСЕАН входящие в ассоциацию страны достигли существенных результатов в экономическом развитии путём привлечения инвестиций и новых технологий и выстраивания иерархии производственного процесса. С помощью форматов АСЕАН+ странам Ассоциации удалось занять центральное положение в переговорах о свободной торговле в регионе. Между тем, постепенно (приблизительно с 2005 г.) двусторонние отношения (АСЕАН и Япония, АСЕАН и КНР) практически достигли пределов своей полезности – были заключены рамочные соглашения о перспективах зон свободной торговли (например, с Японией, КНР, Южной Кореей), углублены механизмы финансовой кооперации. Отдельные члены АСЕАН завершили переговоры о зонах свободной торговли: Сингапур – с США, Южной Кореей, Австралией, Новой Зеландией; Таиланд – с Японией, Китаем, Индией, Бангладеш и так далее. Возникла необходимость скоординировать все эти договоренности на одной площадке, которой стало так называемое «Восточноазиатское сообщество» [2, с. 37-42]. Этому же способствовала и политическая обстановка в регионе, когда страны АТР стали понимать, что с вовлечением Китая в интеграционные процессы и увеличением его доли во внутрирегиональной торговле, характер взаимодействия со странами АСЕАН будет подвергаться изменениям, тем самым создавая определённые трудности во внешнеэкономических связях.

Ещё один фактор обращения к проектам региональных соглашений о свободной торговле заключается в том, что договориться о ключевых параметрах мировой торговли на глобальном уровне в рамках Дохийского раунда переговоров ВТО в течение последних 15 лет не получилось. Также нет продвижения по существенным аспектам так называемых Богорских целей АТЭС, поскольку к 2010 г. зону свободной торговли АТЭС создать не удалось. Поэтому фокус большинства стран региона вполне естественно переместился

в направлении АСЕАН, на площадке которой некоторый прогресс в определении торговой архитектуры Восточной Азии всё же наметился [12, с. 100-101].

Особенность восточноазиатской интеграции заключается в том, что быстро углубление взаимозависимости стран – это результат политической деятельности, а не экономических успехов отдельных государств. Исходя из опыта Восточной Азии, специалисты по международной политэкономии стали разграничивать понятия регионализма и регионализации. Если регионализм – это формирование определенной экономической структуры и механизмов сотрудничества на базе торгового или таможенного соглашения, то регионализация – это интенсификация взаимодействия стран и их специализация, возникшая без достижения определенных договоренностей. Иными словами, фактическая экономическая интеграция стран Восточной Азии долгое время развивалась без «интеграции де-юре», практически только на основе взаимопонимания лидеров стран [10, с. 235-236].

В 2012 г. страны АСЕАН совместно с шестью партнёрами из АТР (Китай, Япония, Республика Корея, Индия, Австралия и Новая Зеландия) начали вести переговорный процесс по созданию РВЭП – экономического партнёрства, объединяющего ранее заключённые соглашения о ЗСТ формата АСЕАН+1 и способствующего дальнейшей экономической интеграции в регионе. Помимо сугубо политических причин образования РВЭП есть и существенные экономические, такие как развитие уже ранее созданных производственно-сбытовых цепочек, которые явились основным драйвером роста восточноазиатских стран. Основная проблема переговоров о РВЭП заключается не только в наличии конкурирующего проекта, продвигаемого США. Проблема состоит в том, что расширение производственно-сбытовых цепочек и распределение производства промежуточных товаров имеет свои пределы, так что успех проекта РВЭП зависит от того, насколько удастся создать мультипликаторный эффект в других сферах интеграции. Иными словами, импульс для развития производственно-сбытовых цепочек и экономического роста в Восточной Азии может быть обеспечен путем углубления интеграционных процессов, а не их расширения и, тем более, политизации.

Региональная торговля в Восточной Азии

Производственно-сбытовые цепочки (ПСС) играют важную роль в усилении экономического сотрудничества и представляют собой вертикально интегрированную структуру, в которой стадии производственного процесса осуществляются в разных странах с целью сокращения предельных издержек. Поддержание цепочек требует от стран создание эффективной и недорогой логистической инфраструктуры для транспортировки промежуточных продуктов.

■ Исследовательские статьи

Так как сырьё и продукты пересекают границы государств, добавленная стоимость значительно увеличивается. Именно поэтому для ПСЦ должны создаваться специальные условия, характеризующиеся отсутствием дискриминационной торговой политики и нетарифных барьеров. Добиться таких условий возможно только путём заключения соглашений о зоне свободной торговли.

Относительно быстрый темп роста экспорта восточноазиатских стран в 2000-х гг. был следствием структурных изменений, характеризовавшихся плавным переходом от экспорта сырьевых товаров к производству высокотехнологичной продукции. Большую роль в этом процессе сыграли развивающиеся информационно-коммуникационные технологии и производство электротехнических товаров. К 2005 г. доля информационно-коммуникационных технологий восточноазиатских стран в мировом экспорте составила 53%, а машинного и транспортного оборудования – 43% [20]. Основными отраслями торговли становятся электрическое машиностроение и производство полупроводниковых приборов, автомобильное и транспортное оборудование – на данные товарные группы приходится до 90% всей региональной торговли и 50% экспорта из восточноазиатских стран. Создание зоны свободной торговли АСЕАН значительно образом повлияло на производство деталей для электронных товаров, показатели импорта данной категории значительно превышают экспорт, это указывает на малую вовлечённость стран АСЕАН в международные торговые сети. Таким образом, изменения в структуре экономики региона постепенно привели к поискам механизмов снижения издержек, устранения тарифных и нетарифных барьеров.

Помимо роста внутрирегиональной торговли вырос экспорт в другие страны, прежде всего, развитые. Однако, ситуация сильно различалась в зависимости от отрасли. Например, в сфере производства электроприборов и гаджетов производственно-сбытовые цепочки характеризовались повышением экспорта промежуточной продукции и увеличением вклада в производство не азиатскими странами, вместе с этим росла доля продукции, которая экспортируется через другие восточноазиатские страны. В 2000-х гг. значительно возрастает процент промежуточной продукции, экспортируемый на рынки США. Таким образом, ПСЦ стали более тесно связанными с Соединёнными Штатами, чем с другими странами региона. Одновременно происходило сокращение доли Японии в объёме производства и увеличение доли КНР.

Индустрия машинного оборудования, занимающая значительное место в ПСЦ Восточной Азии, коренным образом отличается от сферы электроники. Начиная с 2000-х гг. в данной отрасли развиваются три тенденции:

- вертикальная специализация в регионе растёт медленнее, чем в сфере электроники, из-за низкой торговли промежуточной продукцией;

- роль Японии в ПСЦ остаётся на прежнем уровне, незначительно увеличивается её доля в добавленной стоимости продукции на экспорт в США;

- в цепочке происходит замещение азиатских стран Китаем, объём добавленной стоимости увеличивается с 1,9% до 8,2%.

Наконец, автомобильная промышленность является менее развитой по сравнению с другими отраслями. В основном производственные сети концентрируются в Японии и Республике Корея, их доля производства промежуточной продукции достаточно высока – 93%. Япония является основным источником иностранной добавленной стоимости для производства в остальных восточноазиатских странах, но степень её интеграции в производственно-сбытовые цепочки других стран ниже, чем в отраслях электроники и машинного оборудования [18].

Начиная с 2005 г., лидирующую позицию в региональных производственно-сбытовых сетях начинает занимать Китай, оттеснивший США и Японию на второй план. Помимо того, что Китай становится главным экспортером готовой продукции на рынки Европейского союза и США, большинство промежуточных продуктов поставляется в Китай из тех же стран ЮВА, что значительно увеличивает саму производственную цепочку и включает в себя значительные объёмы добавленной стоимости. Удачная интеграция внутристрановых ПСЦ с зарубежными в сочетании с фактором дешёвой рабочей силы стала главным драйвером экономического роста Китая в последние десятилетия. У стран АСЕАН присутствуют определённые опасения, что чрезвычайно быстрая интеграция Китая в региональные ПСЦ приведёт к неконкурентоспособности стран ЮВА. Чем больше высокотехнологичных производств будет перенесено в Китай, тем больше возможностей будет появляться у других стран региона в производстве промышленного оборудования. На данный момент высокие показатели внутрирегиональной торговли объясняются тем, что страны Восточной Азии в большей степени торгуют компонентами, но не готовыми товарами. Но именно торговля готовой продукцией с внешними партнёрами способна ускорить процесс вертикальной специализации восточноазиатских стран.

Разросшееся количество ЗСТ по всей Азии получило название «Тарелка спагетти» (англ. Asian noodle bowl). По данным азиатского банка Развития, в Восточной Азии действуют 67 зон свободной торговли (ЗСТ), 61 на стадии переговорного процесса и по 41 ЗСТ инициированы встречи и переговоры [14]. Негативный эффект этого явления состоит в том, что к конкретной группе товаров или продукту применяются разные тарифы и разные схемы по снижению тарифов, тем самым усложняется и хаотизируется процесс региональной торговли, увеличиваются транзакционные издержки и число трансграничных процедур, что не способствует

Табл. 1

Доля готовой продукции в экспорте стран Азии по уровню технологий в процентах
The percentage of finished technological products in the export of Asian countries

	Высокотехнологичная продукция			Продукция низкого технологического уровня		
	1996	2000	2014	1996	2000	2014
Китай	5,9	9,4	43,7	21,2	26,3	55,4
Япония	30,0	25,5	7,7	5,4	5,1	2,0
Респ. Корея	7,3	10,7	9,4	7,	6,7	2,4
Индия	0,4	0,3	1,7	6,0	6,7	9,4
Индонезия	0,9	1,4	0,5	6,1	5,9	5,2
Малайзия	9,4	9,7	4,7	4,5	3,4	3,2
Филиппины	2,6	4,5	1,6	1,7	1,5	0,9
Таиланд	3,8	3,6	2,7	6,5	5,5	4,3
Оставшиеся страны Азии	39,8	35,0	28,0	41,0	39,1	17,1

Источник: ADB [15].

развитию новых региональных ПСЦ [7, с. 68-69]. Большое количество региональных ЗСТ прямо противоречит принципу работы производственно-сбытовых цепочек, так как страны достигают большего консенсуса по снижению тарифов на продукты, чем в устранении нормативных барьеров. В такой ситуации наибольшую отдачу от экономического сотрудничества в формате АСЕАН+1 получают те страны, которые давно наладили производственно-сбытовые цепочки, – Китай, Южная Корея, Япония. А развивающиеся экономики региона, которые только начинают выстраивать ПСЦ в отдельных сферах производства, идут экстенсивным путём и увеличивают свой товарооборот [19].

Так как восточноазиатские страны стремятся усилить свои позиции в международном разделении производства, регион нуждается в единой торговой зоне [16]. Государства АСЕАН активно поддерживают данную идею. Например, в дорожной карте по созданию Экономического сообщества АСЕАН, производственно-сбытовым цепочкам уделяется пристальное внимание, от них ожидают существенного вклада в процесс интеграции между членами Ассоциации [21].

Уже в 2004 г. на встрече министров экономики АСЕАН+3 китайской стороной было инициировано обсуждение целесообразности создания Восточноазиатской ЗСТ (ВАЗСТ). К 2006 г. рабочая группа завершила свою работу над аналитическим докладом, согласно которому экономическая выгода от единой ВАЗСТ будет превосходить любую ЗСТ формата АСЕАН+1. В первую очередь ВАЗСТ должна быть всеобъемлющей, придерживаться высоких стандартов и предъявлять единые обязательства для всех стран. Для запуска ЗСТ предполагалось объединять участников формата АСЕАН+3, и только потом намечалось приглашать в объединение другие страны региона. Однако в том же году Япония предложила создать Всеобъемлющее экономическое партнёрство в Восточной Азии (ВЭПВА) уже на базе формата АСЕАН+6, мотивируя своё предложение тем, что включение таких стран, как Австралия, Новая Зеландия и Индия будет экономически выгодным шагом, чем ЗСТ в географических границах Восточной Азии. Основной целью ВЭПВА должно было стать упрощение процедур торговли и экономическое сотрудничество в таких сферах, как инфраструктура

Табл. 2

Доля технологического компонента в торговле между экономиками РВЭП
Share technological component in trade among economies of the Regional Trade comprehensive economic partnership

Высокие технологии	Телекоммуникационное и энергетическое оборудование; фармацевтика; аэрокосмическая и оптическая продукция	25%
Средние технологии	Пассажирские транспортные средства и детали; синтетическое волокно; химические вещества и удобрения; промышленное оборудование; двигатели; производство пластмассы, стали и железа	26%
Низкие технологии	Производство текстиля, одежды, обуви, мебели; простые металлические конструкции и изделия из пластмассы	16%
Первичная продукция		10%
Сырьё	Растительные и животные масла; изделия из дерева; нефтяная продукция, цемент, стекло	23%

Источник: UNESCAP [13].

тура, энергетика, информационные и коммуникационные технологии, проблемы экологии. Для этого проект ВЭПВА должен был сосредоточить усилия на трёх направлениях: содействие торговле и инвестициям; либерализация торговли и инвестиций; институциональное развитие самого партнёрства. Японское руководство утверждало, что только путем консолидации производственных узлов можно достичь оптимизации и углубления ПСЦ. В конечном итоге оба проекта были заморожены, так как на тот момент времени экономические различия между странами «тройки» (и даже «шестёрки») и членами АСЕАН были значительными. Затем международный финансовый кризис 2008-2009 гг. наглядно показал, как много предстоит сделать странам АСЕАН в рамках своей внутренней интеграции (отказ от секторального подхода в пользу развития региональных ПСЦ) для того, чтобы единое соглашение о ЗСТ было выгодно всем участвующим государствам.

Региональное всеобъемлющее экономическое партнёрство

Переговорный процесс по Транстихоокеанскому партнёрству (ТТП), инициированный США, подтолкнул страны АСЕАН к решительным действиям. Уже в ноябре 2012 г. в Камбодже 16 государств (АСЕАН+6) приняли Руководящие принципы и цели переговоров по Региональному всеобъемлющему экономическому партнёрству. Создание единой зоны свободной торговли между 16-ю странами, на которую сейчас приходится половина населения земли и треть мирового ВВП, является непростой задачей. В частности, страны АСЕАН, поставившие себе цель устойчивого развития и экономической взаимосвязанности, нуждались во внешних партнёрах и их инвестициях [21].

Главная задача РВЭП состоит в том, чтобы способствовать углублению процесса региональной интеграции путем прогрессивного устранения тарифных и нетарифных барьеров в торговле товарами и услугами, развивать экономическое, техническое и инвестиционное сотрудничество, гармонизировать политики и практики в сфере интеллектуальных прав. В первую очередь экономическая интеграция должна вносить положительные изменения в функционирование производственно-сбытовых цепочек Восточной Азии.

Необходимость создания РВЭП обусловлена экономическими причинами. Несмотря на то, что регион динамично развивается, растёт уровень прямых иностранных инвестиций, всё это происходит в крайне сложных институциональных условиях. С одной стороны, многочисленные ЗСТ, форматы АСЕАН+3 и АСЕАН+1 исчерпали свой потенциал, для дальнейшего развития региона требуется новая концептуальная основа, которая была бы приемлема не только для стран

Восточной Азии, но и для партнёров из всего Азиатско-Тихоокеанского региона. В нынешней ситуации деятельность азиатских компаний стала осложняться запутанной системой тарифных ограничений, что сдерживает экономический рост [7, с. 70-72].

С другой стороны, дальнейшее распространение ПСЦ на страны, не входящие в РВЭП, не дало бы существенного эффекта в экспорте готовой продукции, опять же из-за тарифных барьеров. Стоит заметить ещё одну важную деталь: производственно-сбытовые цепочки существовали задолго до появления ЗСТ, изменения их структуры обусловлены особенностями экономической ситуации внутри стран, например, спад в Японии в начале 1990-х гг. или возвышение Китая в начале XXI столетия (см. Табл. 1). То есть, развитие ПСЦ нуждается в развитии других аспектов интеграции – емкости внутренних рынков, оптимизации системы расчётов, обновлении институциональной базы взаимодействий. Поэтому будущие торговые и интеграционные «мега-соглашения» будут иметь дело с устранением различий в законодательстве, гармонизации стандартов и условий инвестиционного сотрудничества [9, с. 54].

Говоря о влиянии РВЭП на производственный процесс высокотехнологичной продукции в регионе, следует также учитывать международную нормативную базу. Соглашение по информационным технологиям ВТО, предусматривающее снижение и устранение таможенных тарифов на продукцию, позволяет осуществлять беспощинный экспорт товаров информационной технологии [17]. В декабре 2015 г., на 10-й Министерской конференции в Найроби, 53 члена ВТО согласились распространить соглашение на 201 продукт в сфере ИТ [23]. Пока главным позитивным эффектом от создания региональной ЗСТ будет являться развитие торговли развивающихся стран АСЕАН и сокращение разрыва в социально-экономическом положении, подтолкнёт дальнейшее расширение и углубление ПСЦ в данных странах только в среднесрочной перспективе.

Проблемы и вызовы для РВЭП

Негативное влияние на реализацию РВЭП начинают оказывать внешние факторы. Подписание соглашения о ТТП и заявление некоторых стран — членов АСЕАН о возможном присоединении к партнерству вносят разногласия не только в переговорный процесс по РВЭП, но и оказывают деструктивное влияние на саму АСЕАН. Срок окончания переговорного процесса, намеченный на 2015 г., истек, а страны-инициаторы так и не достигли понимания по соглашению РВЭП. Главная причина, почему страны не завершили работу в срок, заключается в несоблюдении сроков выполнения дорожной карты и руководящих принципов, а также несовершен-

¹ Заключительный, 14-й раунд, переговоров состоялся в сентябре 2016 г. в Лаосе.

Табл. 3

Торговля между экономиками РВЭП по секторам, в процентах
Share of trade by sectors among economies of the Regional Trade comprehensive economic partnership

Экономический сектор	Доля в %
Животные/растительные масла	1%
Напитки, табачная продукция	0%
Химическая продукция	10%
Товары	2%
Сырье (кроме продовольствия и топлива)	7%
Продовольствие	4%
Машинное и транспортное оборудование	36%
Промышленные товары	14%
Минеральное топливо/ГСМ	15%
Прочие производственные товары	10%

Источник: UNESCAP [13].

ства системы контроля над выполнением взятых сторонами обязательств¹. Исследовательница Б. Дас с некоторой долей остроумности отмечает, что у проекта РВЭП три проблемы: во-первых, консенсус между членами АСЕАН, во-вторых, консенсус между членами АСЕАН и государствами «шестёрки» (формат АСЕАН+6), и, наконец, взаимопонимание между государствами «шестёрки» (Китай, Япония, Республика Корея, Индия, Австралия и Новая Зеландия) [7, с. 72].

Наиболее простой способ добиться этого – определить одну страну, которая возьмёт ответственность за мониторинг ситуации. Были разные предположения, кто мог бы «встать у руля»: многие отдавали предпочтение Индонезии, как одному из экономических лидеров и создателю ассоциации, но в этом государстве в преддверии президентских выборов 2014 г. обострилась внутривластная ситуация. Китай являлся вторым кандидатом на роль лидера РВЭП, это могло только дискредитировать соглашение из-за опасений по поводу китайской экономической экспансии и нерешённых территориальных споров, в том числе со странами АСЕАН. Поэтому разработка соглашения продолжается в коллективном формате, что существенно сказывается на темпах работы. Кроме того, на успех проекта РВЭП влияет прямая конкуренция Японии и Китая.

Несмотря на разные позиции по развитию экономической интеграции в Восточной Азии, в 2011 г. на встрече в Индонезии, Китай, Япония и Республика Корея начали переговорный процесс по созданию ЗСТ. Китай рассчитывал создать ЗСТ между Японией, Республикой Корея и Китаем, тем самым ускорить принятие соглашения по РВЭП для прямой конкуренции с ТТП, поскольку США не имеют ЗСТ с АСЕАН и, соответственно, не смогли бы стать полноправным членом РВЭП. Одновременно с этим,

Китай пошёл на уступки Японии и АСЕАН и разрешил включить в повестку по РВЭП вопрос по инвестициям и торговле услугами, а также согласился на изъятие агропромышленного сектора из переговоров о свободной торговле.

Региональное всеобъемлющее экономическое партнёрство часто сравнивают с другим проектом в АТР – Транстихоокеанским партнёрством (ТТП). Партнёрства имеют схожие цели и задачи для регионального развития, но, очевидно, конкурируют друг с другом. Долгое время в переговорах по ТТП не наблюдалось существенного прогресса, поскольку Вашингтону было непросто предложить азиатским странам нечто новое в плане либерализации торговли, учитывая наличие АТЭС. После подписания соглашения о ТПП 5 октября 2015 г., стало ясно, что Вашингтон намерен, в первую очередь, реформировать правила мировой торговли, а не формировать региональный интеграционный блок [4; 22]. Помимо ТТП, США планируют завершить переговоры по Трансатлантическому торговому-инвестиционному партнёрству (ТТИП) с Европейским союзом. Кроме того, на заключительной стадии находятся переговоры по соглашению об экономическом партнёрстве между Японией и ЕС². Тем самым создаётся новая ось государств, которая будет выстраивать экономические отношения исходя из новых правил, предложенных США. Кроме того, Вашингтон открыто заявил (устаи заместителя госсекретаря Д. Рассела), что ТПП станет «экономической опорой» новой системы политических и военных союзов в АТР [11, с. 16]. В свою очередь, Китай столкнулся в подобных условиях с дилеммой rule-maker or rule-taker – или создать свой свод норм, или подчиниться правилам, составленным США [9, с. 54-56]. Примечательно, что вопрос об отношении Китая к ТПП именно политический, поскольку присоединение КНР к ТПП, по

² 15 апреля 2016 г. завершился 16-й раунд переговоров.

■ Исследовательские статьи

расчётам, обеспечит дополнительный прирост ВВП на уровне 1,2%, а неучастие Пекина в ТПП приведёт к сокращению китайского ВВП на 0,04-0,32%, то есть участие или неучастие в данном торговом блоке приведёт к изменениям на уровне статистической погрешности [8, с. 417-418].

Кроме того, различия в экономическом потенциале стран предопределяют серьёзные разногласия по поводу проектов региональной интеграции в Восточной Азии. Внутри АСЕАН подобные различия не имеют значения, поскольку цель Ассоциации как раз и состоит в выравнивании и гармонизации экономик государств-членов. Однако при попытках выйти на соглашение по восточноазиатской ЗСТ в формате АСЕАН+, различия становятся едва ли не критическими. Вдобавок, страны не определились с приоритетом интеграционных соглашений – если работа стран в рамках формата АСЕАН+1 будет продолжена, то выполнение странами своих обязательств по РВЭП будет вестись в ограниченном режиме. В таком случае не совсем ясна необходимость РВЭП. Проект ТПП в таких условиях вносит дополнительный раскол в непростые переговоры о региональной интеграции, подрывает саму идею «асеаноцентричности» региональной интеграции в Восточной Азии [5; 6; 8, с. 421].

Производственно-сбытовые цепочки высокотехнологичной продукции сыграли огромную роль в развитии процесса региональной интеграции в Восточной Азии. С начала 2000-х гг. растёт число соглашений о зонах свободной торговли между странами АСЕАН и другими региональными экономиками, что подстегнуло дальнейшее развитие региональных ПСЦ. Вместе с этим, данный период характеризуется экономическим усилением Китая, который

открыто конкурирует во внутрирегиональной торговле со странами АСЕАН, встраивается в региональные цепочки, серьёзным образом меняя их структуру. Восточноазиатский регион становится не только центром мировой торговли, но и регионом, за рынки стран которого в среднесрочной перспективе может развернуться настоящая борьба.

В восточноазиатском регионе до сих пор остаётся открытым вопрос инфраструктурной и технологической оснащённости, которая играет немаловажную роль в устойчивом и гармоничном экономическом развитии. Именно поэтому создание единой региональной ЗСТ в Восточной Азии могло бы минимизировать негативные эффекты «тарелки спагетти», влияющие на дальнейшее развитие региональных ПСЦ и их встраивание в глобальную структуру производства.

Китай и США предложили свои сценарии дальнейшего интеграционного будущего Восточной Азии. ТТП и РВЭП – экономические партнёрства, призванные ускорить экономический рост стран региона, по сути, могут стать дополняющими друг друга проектами, но внешнеполитическое соперничество США и Китая за выстраивание нового регионального экономического порядка способно лишь усилить поляризацию процессов региональной интеграции. Между тем, такое противостояние двух держав способно завести в тупик дискуссию об углублении региональной интеграции в Восточной Азии. А значит, позитивное влияние нынешней структуры производственно-сбытовых цепочек в регионе на экономическую динамику постепенно сократится, возникнут предпосылки для технологического отставания ряда государств и снижения темпов роста их экономик.

Список литературы

1. Мосяков Д.В. Юго-Восточная Азия в современных политических и экономических процессах Большой Восточной Азии // Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития. 2006. № 9. С. 10 – 19.
2. Пахомова Л.Ф. Расширение географических границ торгово-экономических блоков // Российский внешнеэкономический вестник. 2007. № 2. С. 35 – 48.
3. Эльянов А. Я. Экономическая модернизация развивающихся стран в региональном разрезе // Мировая экономика и международные отношения. 2008. № 6. С. 19 – 29.
4. Стапран Н. В. Превращение ТТП в соглашение “против Китая” значительно снижает его привлекательность // *kommersant.ru*, 03.05.2016. [электронный ресурс] URL: <http://kommersant.ru/doc/2978851> (дата обращения: 01.05.2016).
5. Стапран Н. В. ТТП — Игра на опережение // *russiancouncil.ru*, 26.02.2016. URL: http://russiancouncil.ru/inner/?id_4=7315#top-content (дата обращения: 01.05.2016).
6. Школяр Н. Транстихоокеанское партнерство: прогресс или угроза? // *interaffairs.ru*, 18.04.2016. [электронный ресурс] URL: <https://interaffairs.ru/news/show/15106> (дата обращения: 01.05.2016).
7. Das S.B. The Regional Comprehensive Economic Partnership: New paradigm or old wine in a new bottle? // *Asian-Pacific Economic Literature*. 2015. № 29(2). Pp. 68 – 84.
8. He F., Yang P. China's Role in Asia's Free Trade Agreements // *Asia & the Pacific Policy Studies*. 2015. Vol. 2. No. 2. Pp. 416 – 424.
9. Jovanović M.N., Damjanović J. Saving Multilateralism in a higgledy-piggledy Trading System // *Journal of Economic Integration*. 2015. Vol. 30. No. 1. Pp. 29 – 65.

10. Kang Y.D. Development of Regionalism: New Criteria and Typology // Journal of Economic Integration. 2016. Vol. 31. No. 2. Pp. 234 – 274.
11. Tow W.T. The United States and Asia in 2014: Reconciling Rebalancing and Strategic Constraints // Asian Survey. 2015. Vol. 55. No 1. Pp. 12 – 20.
12. Zhang Y., Shen M. Emergence of ASEAN, China and India and the Regional Architecture // China & World Economy. 2012. Vol. 20. №4. Pp. 92 – 107.
13. D. Tran, A. Heal. A Free Trade Area of the Asia Pacific: Potential Pathways to Implementation // Trade Insides. No. 4. 2014. 12 p. // UNESCAP.org. [электронный ресурс] URL: <http://www.unescap.org/sites/default/files/Trade%20Insights%20-%20FTAAP%20-%20Issue%20No.%204.pdf> (дата обращения: 01.05.2016).
14. Statistical Appendix. Asian Economic Integration Report 2015. Pp. 136 – 150 // Asian Development Bank. URL: https://aric.adb.org/pdf/aeir/AEIR2015_statappendix.pdf (дата обращения: 01.05.2016).
15. Asian economic integration report 2015: How can special economic zones catalyze economic development? P. 15. // Asian Development Bank. [электронный ресурс] URL: https://aric.adb.org/pdf/aeir/AEIR2015_part1.pdf (дата обращения: 01.05.2016).
16. Chen J. TPP and RCEP: Boon or Bane for ASEAN? // Asiafoundation.org. URL: <http://asiafoundation.org/2015/09/09/tpp-and-rcep-boon-or-bane-for-asean/> (дата обращения: 01.05.2016).
17. Information Technology Agreement // WTO. [электронный ресурс] URL: https://www.wto.org/english/tratop_e/inftec_e/inftec_e.htm (дата обращения: 01.05.2016).
18. International Input-Output Tables, Asian International Input-Output Table 2005 // IDE-JETRO. [электронный ресурс] URL: <http://www.ide.go.jp/English/Data/Io/> (дата обращения: 01.05.2016).
19. Misa Okabe. Impact of Free Trade Agreements on Trade in East Asia // ERIA Discussion Paper Series. No. 1. January 2015. 48 p. [электронный ресурс] URL: <http://www.eria.org/ERIA-DP-2015-01.pdf> (дата обращения: 01.05.2016).
20. Prema-chandra Athukorala. Production Networks and Trade Patterns in East Asia: Regionalization or Globalization? // Working Paper Series on Regional Economic Integration. No. 56. August 2010. Asian Development Bank. 66 p. [электронный ресурс] URL: https://aric.adb.org/pdf/workingpaper/WP56_Trade_Patterns_in_East_Asia.pdf (дата обращения: 01.05.2016).
21. Roadmap for an ASEAN Community 2009 – 2015 R. 112 p. // ASEAN.org [электронный ресурс] URL: http://www.meti.go.jp/policy/trade_policy/east_asia/dl/ASEANblueprint.pdf (дата обращения: 01.05.2016).
22. TPP Full Text // US Trade, 2015. [электронный ресурс] URL: <https://ustr.gov/trade-agreements/free-trade-agreements/trans-pacific-partnership/tpp-full-text> (дата обращения: 01.05.2016).
23. WTO members conclude landmark \$1.3 trillion IT trade deal // WTO. [электронный ресурс] URL: https://www.wto.org/english/news_e/news15_e/ita_16dec15_e.htm (дата обращения: 01.05.2016).

Об авторе

Ирина Алексеевна Сафронова – аспирант, Департамент Международных отношений факультет Мировой экономики и мировой политики НИУ ВШЭ. Эл. почта: isafronova@hse.ru.

THE VALUE CHAINS OF HIGH-TECHNOLOGY PRODUCTS AS FACTOR OF FORMATION OF THE REGIONAL COMPREHENSIVE ECONOMIC PARTNERSHIP

I.A. Safronova

National Research University Higher School of Economics, 20 Myasnikskaya Ulitsa, Moscow, 101000, Russia.

Abstract: *This article analyzes the value chain of high-tech products in Asia and the role of this phenomenon in the further consolidation of trade blocs and alliances in the region. The presence of these chains and their gradual transition from a vertically integrated model to a system of horizontal linkages and interdependence leads to the formation of mechanisms of economic de-facto integration (so-called regionalization process). The East Asian region has demonstrated unprecedented high rates of economic growth in recent decades. The countries are actively developing mechanisms of multilateral cooperation, involving partners from across the Asia-Pacific region. Particular features of a new regional architecture of economic relations are becoming more tangible, and the essential element of this architecture is the intra-regional integration.*

■ Исследовательские статьи

The author presents an assessment of further developments of the Regional comprehensive economic partnership (RCEP) using the structural-functional approach and analytical instruments of the international political economy. The creation of this trade block will help less advanced countries of ASEAN to accelerate economic growth and improve the conditions for integration into global value chains. For advanced economies, participation in the RCEP seems controversial, because production chains have well-established formats within the framework of ASEAN +.

The political standoff between Washington and Beijing has an impact on dynamics of regional integration. The split among the East Asian countries was galvanized by the Trans-Pacific Partnership Project (TPP), because TPP has objectives that are very similar to those of RCEP (trade liberalization and economic integration). The author concludes that the extension of this partnership in the ASEAN countries can seriously complicate the operation RCEP and enhance the impact of political factors on economic cooperation. In this case, the value of production and supply chains of high-tech products will decline, which may affect the economic cooperation in the region as a whole.

Key words: ASEAN, RCEP, TPP, East Asia, Asia-Pacific region, Value chains, regional integration, high technology products.

References

1. Mosiakov D.V. Iugo-Vostochnaia Aziia v sovremennykh politicheskikh i ekonomicheskikh protsessakh Bol'shoi Vostochnoi Azii [South Eastern Asia in economic processes of the Great East Asia]. *Iugo-Vostochnaia Aziia: aktual'nye problemy razvitiia - South Eastern Asia; current problems of development*, 2006, no. 9, pp. 10 – 19. (In Russian).
2. Pakhomova L.F. Rasshirenii geografiicheskikh granits torgovo-ekonomicheskikh blokov [Expansion of geographical boundaries of trade blocks]. *Rossiiskii vneshneekonomicheskii vestnik - The Russian foreign trade review*, 2007, no. 2, pp. 35-48. (In Russian).
3. El'ianov A. Ia. Ekonomicheskaiia modernizatsiia razvivaiushchikhsia stran v regional'nom razreze [Economic modernization of countries by regions]. *Mirovaia ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniia*, 2008, no. 6, pp. 19 – 29. (In Russian).
4. Stapran N. V. Prevrashchenie TPP v soglasenie "protiv Kitaia" znachitel'no snizhaet ego privlekatel'nost' [TPP loses attractiveness by turning against China]. *kommersant.ru*, 03.05.2016. Available at: <http://kommersant.ru/doc/2978851> (Accessed: 01.05.2016). (In Russian).
5. Stapran N. V. TPP — Igra na operezhenie [TPP – who will be first?]. *Russiancouncil.ru*, 26.02.2016. Available at: http://russiancouncil.ru/inner/?id_4=7315#top-content (Accessed: 01.05.2016). (In Russian).
6. Shkoliar N. Transtikhookeanskoe partnerstvo: progress ili ugroza? [Is TPP a progress or a threat?]. *Interaffairs.ru*, 18.04.2016. Available at: <https://interaffairs.ru/news/show/15106> (Accessed: 01.05.2016).
7. Das S.B. The Regional Comprehensive Economic Partnership: New paradigm or old wine in a new bottle? *Asian-Pacific Economic Literature*, 2015, no. 29 (2), pp. 68 – 84.
8. He F., Yang P. China's Role in Asia's Free Trade Agreements. *Asia & the Pacific Policy Studies*, 2015, vol. 2, no. 2, pp. 416 – 424.
9. Jovanović M.N., Damjanović J. Saving Multilateralism in a higgledy-piggledy Trading System. *Journal of Economic Integration*, 2015, vol. 30, no. 1, pp. 29 – 65.
10. Kang Y.D. Development of Regionalism: New Criteria and Typology. *Journal of Economic Integration*, 2016, vol. 31, no. 2, pp. 234 – 274.
11. Tow W.T. The United States and Asia in 2014: Reconciling Rebalancing and Strategic Constraints. *Asian Survey*, 2015, vol. 55, no. 1, pp. 12 – 20.
12. Zhang Y., Shen M. Emergence of ASEAN, China and India and the Regional Architecture. *China & World Economy*, 2012, vol. 20, no. 4, pp. 92 – 107.
13. D. Tran, A. Heal. A Free Trade Area of the Asia Pacific: Potential Pathways to Implementation. *Trade Insides*, no. 4, 2014. 12 p. Unescap.org. Available at: <http://www.unescap.org/sites/default/files/Trade%20Insights%20-%20FTAAP%20-%20Issue%20No.%204.pdf> (Accessed: 01.05.2016).
14. Statistical Appendix. *Asian Economic Integration Report 2015*, pp. 136 – 150. Asian Development Bank. Available at: https://aric.adb.org/pdf/aeir/AEIR2015_statappendix.pdf (Accessed: 01.05.2016).
15. Asian economic integration report 2015: How can special economic zones catalyze economic development? Str. 15 // Asian Development Bank. Rezhimdostupa: https://aric.adb.org/pdf/aeir/AEIR2015_part1.pdf (Accessed: 01.05.2016).
16. Chen J. TPP and RCEP: Boon or Bane for ASEAN? *Asiafoundation.org*. Available at: <http://asiafoundation.org/2015/09/09/tpp-and-rcep-boon-or-bane-for-asean/> (Accessed: 01.05.2016).

17. Information Technology Agreement. *WTO*. Available at: https://www.wto.org/english/tratop_e/inftec_e/inftec_e.htm (Accessed: 01.05.2016).
18. International Input-Output Tables, Asian International Input-Output Table. *IDE-JETRO*. Available at: <http://www.ide.go.jp/English/Data/Io/> (Accessed: 01.05.2016).
19. Misa Okabe. Impact of Free Trade Agreements on Trade in East Asia // *ERIA Discussion Paper Series*, no. 1, January 2015. 48 p. Available at: <http://www.eria.org/ERIA-DP-2015-01.pdf> (Accessed: 01.05.2016).
20. Prema-chandra Athukorala. Production Networks and Trade Patterns in East Asia: Regionalization or Globalization? *Working Paper Series on Regional Economic Integration*, no. 56. August 2010. Asian Development Bank. 66 p. Available at: https://aric.adb.org/pdf/workingpaper/WP56_Trade_Patterns_in_East_Asia.pdf (Accessed: 01.05.2016).
21. Roadmap for an ASEAN Community 2009-2015 // ASEAN. Available at: http://www.meti.go.jp/policy/trade_policy/east_asia/dl/ASEANblueprint.pdf (Accessed: 01.05.2016).
22. TPP Full Text // US Trade, 2015. Available at: <https://ustr.gov/trade-agreements/free-trade-agreements/trans-pacific-partnership/tpp-full-text> (Accessed: 01.05.2016).
23. WTO members conclude landmark \$1.3 trillion IT trade deal // *WTO*. Available at: https://www.wto.org/english/news_e/news15_e/ita_16dec15_e.htm (Accessed: 01.05.2016).

About the author

Irina A. Safronova – post-graduate student of School of International Affairs at National Research University Higher School of Economics. Email: isafronova@hse.ru.

ВЛИЯНИЕ ЗАЩИТНЫХ МЕР В МЕЖДУНАРОДНОЙ ТОРГОВЛЕ НА СОЦИАЛЬНО- ЭКОНОМИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ БЕДНЕЙШИХ СТРАН

Ю.К. Зайцев

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации. Россия, 119571, Москва, пр. Вернадского, 82, стр. 1.

В статье рассматривается роль международной торговли в обеспечении экономического роста и социально-экономического развития беднейших стран. В результате анализа статистических данных о внешней торговле автор приходит к выводу о том, что модальность связи между торговлей и экономическим развитием претерпела изменения, и в настоящее время стала зависеть от большего числа факторов, в том числе, от защитных мер тарифного и нетарифного характера.

В первой части статьи автор рассматривает теоретические концепции, описывающие влияние международной торговли на социально-экономическое развитие беднейших стран. На основе анализа широкого спектра литературы автор выделяет два подхода к пониманию вопроса: «старый», сторонники которого видят прямую связь между торговлей, экономическим ростом и долгосрочным развитием, и «новый», чьи представители считают, что такого рода связь ограничена рядом факторов.

Во второй части работы рассматривается место защитных мер в торговле развивающихся стран. Автор даёт заключение о том, что снятие защитных мер в результате торговой либерализации не всегда идёт на пользу развивающимся странам.

В последней части работы на основе общего индекса ограничения торговли проводится оценка влияния защитных мер на торговлю и экономическое развитие беднейших стран. Автор обосновывает использование данного индекса анализом исследовательских работ и выявлением наиболее эффективных методов оценки.

В заключении автор приходит к выводу о том, что международная торговля и укрепление экспортного потенциала должны быть инструментами, но не ключевой целью национальной экономической политики беднейших стран.

Ключевые слова: развивающиеся страны, международная торговля, защитные меры, экономическое развитие, стратегии развития.

Международная торговля позволила многим странам выйти на новый уровень экономического роста, открыв возможности для развития специализации и индустриализации. Эти возможности особенно заметны в развивающихся странах, богатых полезными ископаемыми, востребованными на мировом рынке. В свою очередь, индустриальные страны за счёт импорта этих ресурсов могли удовлетворить свои растущие потребности и повысить темпы роста промышленного производства.

Тем не менее, для развивающихся стран международная торговля не стала надёжным двигателем экономического роста и устойчивого развития. Первой причиной является зависимость экспорта от внешнего спроса, волатильность которого отражается на способности страны-экспортёра удовлетворять потребности собственного внутреннего рынка. Вторая причина связана с высокими требованиями импортёров в форме защитных мер, которые не оказывают однозначного воздействия на экспортёров.

Настоящая работа посвящена выявлению новой роли торговли в экономическом развитии беднейших стран в условиях применения импортёрами нетарифных мер ограничения торговли.

Теоретические аспекты влияния торговли на экономическое развитие: от старой парадигмы к новой

Вопрос взаимосвязи между торговлей, экономическим ростом и социальным развитием является очень тонким и комплексным.

Положительная связь между торговлей и развитием устанавливалась многими исследованиями. В экономической литературе середины XX в. было выделено три направления воздействия торговли на развитие беднейших стран: формирование статических конкурентных преимуществ, повышение загрузки производственных мощностей, рост производительности труда [3, 2]. В дальнейшем диверсификация экспорта позволяет развивающимся странам выходить на новые рынки и расширять возможности для производства.

Большое число фактов подтверждают эти заключения. К примеру, в 1991–1997 гг. снижение Индией импортных пошлин со среднего значения 90% до 30% открыло индийским производителям доступ к дополнительным производственным возможностям, что способствовало увеличению за указанный период импорта промежуточных товаров на 227% [17].

Расширение торговли способствует также формированию новых рабочих мест, что косвенным образом повышает уровень жизни в развивающихся странах. В подтверждение этого тезиса приведём тот факт, что в течение последних 30 лет оклад рабочих в странах с открытой экономикой (преимущественно в странах ОЭСР) в 3–9 раз превышал жалование рабочих в странах с относительно более закрытой формой народного хозяйства [18].

Другие исследования показали, что стимулирование международной торговли не всегда приносит одинаково положительные результаты для развивающихся стран [10]. К примеру, в начале 1990-х гг. Д. Эванс [6] и Х. Шефер [5] показали, что в странах с низким уровнем дохода экспортная зависимость некоторых секторов экономики приводит к ущербу росту, когда рост общественного благосостояния замедляется из-за спада во внутреннем потреблении и переориентации производства на экспорт, а также в результате сужения спектра потребительского выбора в условиях импортозамещения.

По вопросу о взаимосвязи торговли и экономического роста А. Берг и А. Крюгер выдвинули два положения [12]. Во-первых, повышение открытости торговли способствует росту; во-вторых, увеличение объёмов торговли не обеспечивает равномерного распределения доходов между слоями населения, что подрывает положительный эффект открытости и сокращения бедности за счёт ускоренного экономического роста. Например, во многих странах с низким уровнем дохода были проведены структурные реформы, в том числе по либерализации торговли, что, однако, не привело к широкомасштабному сокращению бедности (см. табл. 1). Это объясняется, в первую очередь, низким экспортным потенциалом раз-

Табл. 1
Открытость торговли и уровень бедности в мире

Группы стран	Индекс ограничения торговли	Уровень бедности (потребление на душу 40% беднейшего населения, долл. США по ППС в день)
	2012	2012
Развитые страны	0,29	23,07
Развивающиеся страны (Африка)	0,28	1,36
Развивающиеся страны (Азия)	0,35	3,10
Развивающиеся страны (Латинская Америка)	0,31	3,83
Страны со средним уровнем дохода	0,36	7,17

Источник: составлено автором по материалам UNCTAD, 2016 и Всемирного банка, 2012. Уровень бедности по группам стран рассчитан автором на основе данных Всемирного банка.

вивающихся стран, зачастую не позволяющим наращивать экспорт в развитые страны с их высокими стандартами качества.

В научном дискурсе большое внимание уделено вопросам устойчивости и последовательности проведения странами с низким уровнем дохода реформ по либерализации торговли. Либерализация ведёт к росту прямых иностранных инвестиций (ПИИ), которые приносят технологические изменения и меняют структуру труда в национальной экономике [13]. Новые технологии требуют новых навыков и квалификации, а более конкурентоспособная продукция вытесняет национальных производителей. В итоге наименее обеспеченные слои населения не всегда выигрывают от глобализации.

В современном мире характер взаимосвязи между торговлей и экономическим ростом изменился. Развивающиеся страны не могут расти только за счёт расширения экспортоориентированных производств. Классические каналы, стимулирующие передачу экономического роста от развитых стран развивающимся, работают с меньшей эффективностью.

Можно выделить несколько причин, ограничивающих положительную зависимость экономического роста от торговли. Во-первых, активное участие в международной торговле делает страну более уязвимой и восприимчивой к внешним экономическим шокам. Во-вторых, в краткосрочной перспективе открытие рынков может повлечь за собой увеличение структурной безработицы. В-третьих, экспортную выручку развивающихся стран снижает волатильность мировых цен на экспортные товары. Более низкие объёмы торговли, как правило, связаны с заключением меньшего числа торговых контрактов в периоды ценовой волатильности. К примеру, в странах, поставляющих на мировой рынок энергоносители, экспорт перестал быть стабильным источником поступления доходов в национальный бюджет, а деградирующая ресурсная база не может обеспечивать постоянную отдачу от инвестиций в добычу сырья. В-четвёртых, на практике международные инструменты регулирования торговли не всегда помогают преодолеть провалы рынка.

Хотя международное разделение труда внесло бесспорный вклад в развитие экономики мира и отдельных стран, оно перестало выполнять роль стабильного источника экономического роста. Причины этого хорошо известны. Прежде всего, международная торговля связана с зависимостью от внешнего спроса. Это означает, во-первых, что темпы экономического развития зависят от внешних факторов, не контролируемых национальными правительствами. Во-вторых, внешний спрос влияет на ограниченное число секторов экономики стран-экспортёров. Однако данные секторы (к примеру, сельское хозяйство, добывающая промышленность), как правило, не становятся проводниками инноваций в другие отрасли национального хозяйства,

а их доля в национальном экспорте сохраняется неизменной в течение многих лет [7].

К тому же спрос на продукцию развивающихся стран зависит от уровня производства в промышленных странах. В силу отсутствия широкого спектра производственных альтернатив предложение развивающихся стран (особенно в названных выше секторах экономики) не является эластичным в краткосрочном периоде. Следовательно, оно не может быстро отреагировать на изменение спроса со стороны развитых стран.

Защитные меры в торговле развивающихся стран

Все перечисленные выше тенденции меняют роль международной торговли в экономике развивающихся стран. Дополнительным фактором, определяющим взаимосвязь между внешней торговлей, экономическим ростом и долгосрочным развитием, становятся защитные меры в торговле, причём значение этих мер нарастает.

В самом уязвимом положении оказываются развивающиеся страны, которые не только не обладают возможностями для реализации ряда технических требований потенциальных импортёров, но и не могут преодолеть количественные ограничения (нетарифные барьеры, НТБ). Такие ограничения обусловлены, как правило, технологическим отставанием, неразвитостью экспортной инфраструктуры, отсутствием доступа к информации и понимания специфики требований. Сверх того, выполнение административных процедур, применяемых по отношению к импорту из развивающихся стран, влечёт за собой дополнительные издержки.

Импортёры часто вводят ограничения на те категории экспортной продукции развивающихся стран, в производстве которых последние обладают сравнительными преимуществами. Наиболее яркий тому пример – это сельскохозяйственная продукция, либерализации торговли которой (в том числе, посредством устранения субсидий и снижения НТБ) уделяется отдельное внимание в рамках Дохийского раунда переговоров ВТО. В долгосрочной перспективе такие систематические ограничения могут повлиять и на изменение структуры торговли беднейших стран, которые могут снизить объёмы экспорта сельскохозяйственной продукции в результате ужесточения торговой политики.

Ситуация осложняется тем, что по статистике нетарифные меры принимаются главным образом развитыми странами [14]. Беднейшие страны чаще используют тарифные меры, испытывая при этом негативное воздействие нетарифных ограничений, введённых промышленно развитыми странами.

Нетарифные ограничения отличаются по регионам, а также по группам стран – развивающимся и развитым. Самое широкое распространение получили меры санитарного и фи-

тосанитарного (СФС) регулирования, а также технические барьеры в торговле (ТБТ). Они часто используются в латиноамериканских и азиатских странах, где сохраняются количественные ограничения на импорт (преимущественно в форме лицензирования). В странах Африки меры СФС и ТБТ воспринимаются, в первую очередь, как инструменты экономической политики, направленной на борьбу с коррупцией; считается, что эти меры повышают эффективность таможенных процедур и способствуют гармонизации правил торговли с ключевым партнёром и донором – ЕС [16].

Что касается промышленно развитых стран, то в Японии и в странах ЕС в качестве наиболее распространённых инструментов для ограничения импорта из развивающихся стран используются обязательное лицензирование, а также квотирование. США вводят ограничения на торговлю с развивающимися странами в рамках торговых соглашений, а также с помощью антидемпинговых мер [16].

Уровень ограничения торговли варьируется от страны к стране и в зависимости от торговых партнёров, которые в зависимости от проводимой торговой политики могут применять разные требования по СФС и ТБТ к аналогичной продукции из разных стран происхождения. К примеру, торговля сельскохозяйственной продукцией, связанная с высокими санитарными и фитосанитарными рисками, как правило, сталкивается с более жёсткими рыночными условиями в силу необходимости включения более высоких тарифов в цены товаров, чем торговля промышленными товарами.

С другой стороны, снятие защитных мер в результате торговой либерализации не всегда идёт на пользу развивающимся странам. Классический тому пример – либерализация в торговле аграрной продукцией, когда в результате снятия/смягчения защитных мер в наибольшем проигрыше могут оказаться самые бедные слои населения, занятые в сельском хозяйстве, несмотря на то, что реформирование торговой политики преследует снижение структурных диспропорций [4].

Воздействие защитных мер на торговлю и экономический рост

Индикаторы торговых ограничений представляют собой важный предмет торговых переговоров, в т.ч. переговоров о проведении реформ и об условиях предоставления кредитов национальными и многосторонними донорами, такими как Всемирный банк и МВФ.

В научной литературе эти индикаторы – объект любого исследования по вопросам институциональных и политических условий международной торговли.

Большой пласт научных трудов посвящён вопросам влияния защитных мер тарифного и нетарифного характера на объёмы торговли.

Для изучения влияния торговой политики на экономический рост используются показатели торговых ограничений [7, 9, 14], уровень бедности [5], производительность фирмы [15].

Часто в качестве индикаторов торговых ограничений используется показатель доли в импорте, поскольку он отражает влияние всех инструментов торговой политики. С другой стороны, этот индикатор отражает и факторы, не связанные с торговой политикой (например, различия во вкусах, макроэкономические изменения).

Иногда данные о тарифных барьерах или таможенных пошлинах анализируются исходя из предположения, что остальные инструменты положительно коррелируют с тарифами. Очевидно, такой подход имеет свои недостатки.

Представляется, что предпочтительный подход состоит в объединении всех видов инструментов торговой политики в рамках общей метрики через оценку адвалорных эквивалентов нетарифных барьеров (НТБ) для каждой страны по тарифной линии.

При оценке торговых ограничений возникают две проблемы: определить агрегированное воздействие различных форм торговой политики, а также выявить товары различной экономической значимости [14]. Сложность интерпретации направлений торговой политики объясняется тем, что последняя может принимать различные формы, такие как введение тарифов, квот, неавтоматического лицензирования, антидемпинговых пошлин, технического регулирования, использования субсидий. С исследовательской точки зрения весьма затруднительно интерпретировать суммарное воздействие защитных мер, к примеру таких, как введение тарифа, количественной квоты, прохождение процедуры получения лицензии, а также предоставление субсидии.

По фактическим данным на вторую половину 2010-х гг., в среднем эффект НТБ, ограничивающих доступ товаров на рынки, почти вдвое превышает эффект действия тарифов. Применение нетарифных мер в дополнение к тарифным мерам усиливает эффект ограничения торговли на 87% [14].

Часто НТБ проявляют себя как инструмент более действенный, чем тарифы для ограничения доступа на рынки. Например, средний тариф на экспорт сельскохозяйственной продукции из стран с низким уровнем дохода по состоянию на 2012 г. составлял около 5%, тогда как общий уровень ограничений с учётом НТБ был значительно выше: 27% [16]. Поэтому НТБ гораздо сильнее сокращают объёмы торговли по сравнению с тарифными формами торговой политики. НТБ в наибольшей степени влияют на доступ к рынкам стран с низким уровнем доходов, которые нередко выступают экспортёрами сельскохозяйственной продукции, и часто подвержены нетарифному регулированию со стороны развитых стран.

■ Исследовательские статьи

Попытки измерить эффект НТБ предпринимались многими исследователями [14]. Одним из наиболее эффективных инструментов для оценки считаются TRI - индекс тарифных ограничений; NTRI – индекс нетарифных ограничений; OTRI – общий индекс ограничения торговли, он же индекс Андерсона-Нери, позволяющий определять степень эффективности торгового режима для национальной экономики. Однако он даёт недостаточно информации относительно торговых ограничений, с которыми сталкиваются экспортеры.

Андерсон и Нери решают эту проблему использованием процедуры агрегирования, при которой последовательно учитываются искажения торговли, налагаемые страной на себя и на своих торговых партнёров [19]. Важный вывод работы заключается в том, что в конкретном случае торговые искажения нельзя оценивать при помощи одного выборочного показателя.

В настоящей работе для оценки ограничения импорта будет использован общий индекс ограничения торговли (overall trade restrictiveness index, OTRI), а также общий индекс ограничения доступа на рынки (market access OTRI, MA-OTRI). Определение данных индикаторов связано с оценкой адвалорных эквивалентов НТБ, в расчёт которых не включаются правила происхождения товаров и географические указания.

Несмотря на то, что индикаторы не могут уловить эффект каждой ограничительной меры, они способны показать общий уровень ограничительного воздействия торговой политики страны. Так, среднее значение общего индекса ограничения торговли, рассчитанного на основе данных Всемирного банка за 2014 г., в странах ОЭСР (7,9%) ниже, чем в странах с низким уровнем дохода (11,8%). Данный индекс по продукции сельского хозяйства для стран

ОЭСР (31,1%) почти в два раза выше, чем для развивающихся стран (18,6%), что указывает на высокие барьеры в виде тарифов и технических требований со стороны развитых стран. При этом НТБ увеличивают уровень ограничений почти вдвое [16].

Иначе выглядит случай ограничения импорта промышленной продукции, где общий уровень тарифных и нетарифных ограничений в развитых странах в два раза ниже (5,6%), чем в развивающихся (10,5%) (см. рис. 1).

По вопросу о методиках оценки нетарифных мер (НТМ), в том числе их влияния на цену и количество импортируемой продукции, среди экспертов ведётся острая дискуссия. Тем не менее, все авторы соглашаются, что конечная цель количественной оценки состоит в получении тарифных эквивалентов (адвалорных эквивалентов или эквивалентов торговых издержек). По существу, эквиваленты торговых издержек в одном тарифном эквиваленте суммарно отражают различия между системами нормативного регулирования.

Выражение множества подобных различий в единой системе измерения имеет очевидные достоинства. Во-первых, тарифный эквивалент даёт общее представление о воздействии НТМ и позволяет судить о степени регуляторного расхождения между странами в конкретном секторе экономики. Во-вторых, тарифные эквиваленты позволяют легко сравнивать тарифные ставки и нормативные требования (выраженные в тарифных эквивалентах). В-третьих, можно определить эквивалент тарифа по отношению к НТМ, в том числе по различным секторам. В-четвёртых, такой подход позволяет моделировать ситуацию устранения регуляторных различий, сценарии либерализации, то есть ситуацию снижения тарифных эквивалентов в

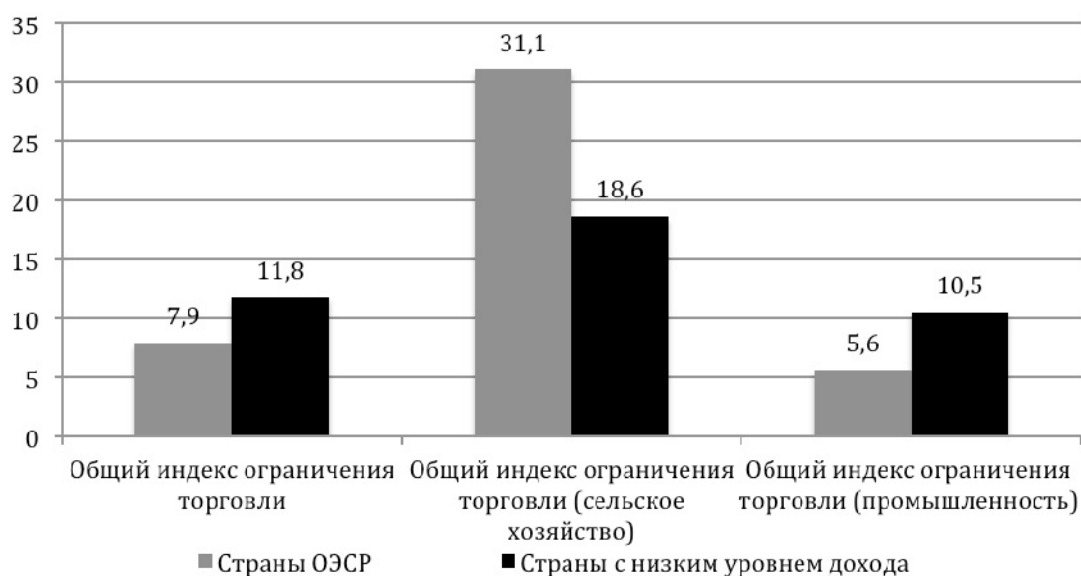


Рис. 1

Общий индекс ограничения торговли (импорт)

Источник: составлено автором на основе данных Всемирного банка, 2014 г.

секторе (или в нескольких секторах). В контексте экономической интеграции снижение НТМ связано, в первую очередь, с нивелированием различий между системами регулирования, а не со снижением уровня защиты или с понижением стандартов. В-пятых, расчёт тарифных эквивалентов даёт возможность оценить последствия сотрудничества в области регулирования внешней торговли.

Проведённый анализ позволяет сделать несколько содержательных выводов.

Во-первых, выбор механизмов эффективной реализации торговой политики в развивающихся странах часто сложнее, чем в промышленно развитых государствах. Такая политика должна учитывать более широкий спектр переменных, в частности, те из них, которые определяют экономическое развитие страны.

Во-вторых, при разработке стратегий развития для беднейших стран акцент на экспорте

как на ключевом направлении экономического роста не всегда оправдан. Сама по себе торговля выполняет функцию инструмента экономической политики, но не определяет основу развития экономики, поскольку не способна заменить технологических изменений. Расширение экспорта, в том числе через развитие финансовой и институциональной инфраструктуры, может служить лишь частью стратегии общего экономического развития.

В-третьих, по поводу нетарифных мер нужно отметить, что обсуждение в рамках ВТО проблем, связанных с доступом на рынки сельскохозяйственной продукции стран ОЭСР, в основном касается отмены последними экспортных субсидий. Однако наибольшие потери беднейшие страны несут в результате применения их торговыми партнёрами НТБ по лицензированию импорта.

Список литературы

1. Райнерт Э.С. Как богатые страны стали богатыми, и почему бедные страны остаются бедными / пер. с англ. Н. Автономовой; под ред. В. Автономова; НИУ «Высшая школа экономики». 2-е изд. М.: Изд. Дом Высшей школы экономики, 2014. 28 с.
2. Bender M.G. International Trade and Economic Development // *The American Economist*. 1965. Vol. 9. № 2. Pp. 15 – 24.
3. Cairncross A.K. International Trade and Economic Development // *Economica*. New Series. 1961. Vol. 28. № 111. Pp. 235 – 251.
4. Clark D.P. Nontariff Measures and Developing Country Exports // *The Journal of Developing Areas*. 1993. Vol. 27. № 2. Pp. 163 – 172.
5. Dollar D. Outward-oriented developing economies really do grow more rapidly: Evidence from 95 LDCs, 1976–85 // *Economic Development and Cultural Change*. 1992. Pp. 523 – 544.
6. Evans D., Goldin I. Van der Mensbrugghe D. Trade Reform and the Small Country Assumption // OECD Development Centre, Paris, and Centre for Economic Policy Research, London, 1991. 217 p.
7. Madsen J.B. Trade Barriers, Openness, and Economic Growth. // *Southern Economic Journal*. 2009. Vol. 76. № 2. Pp. 397 - 418.
8. Feenstra R.C. Offshoring in the Global Economy // *The Ohlin Lectures*. Stockholm School of Economics. 17–18 September 2008. 144 p.
9. Frankel J., Romer D. Does Trade Cause Growth? // *American Economic Review*. 1999. Vol. 89. № 3. Pp. 379 – 399.
10. Goldberg P.K., Pavcnik N. Distributional Effects of Globalization in Developing Countries // *Journal of Economic Literature*. 2007. Vol. 45. № 1. Pp. 39 – 82.
11. Koester V., Schäfer H. Valdes A. Demand-Side Constraints and Structural Adjustment in Sub-Saharan African Countries. International Food Policy Research Institute, Washington, 1990. 90 p.
12. Krueger A., Berg A. Trade, Growth and Poverty: A Selective Survey // IMF Working Paper, 03.30.2003. 50 p.
13. Yates P.L. Forty Years of Foreign Trade. London: Allen and Unwin, 1959. 255 p.
14. Looi K.H, Nicita A., Olarreaga M. Estimating Trade Restrictiveness Indices // *Economic Journal*. 2009. Vol. 119. № 534. Pp. 172 – 199.
15. Melitz M.J. The Impact of Trade on Intra-Industry Reallocations and Aggregate Industry Productivity // *Econometrica*. 2003. Vol. 71. № 6. Pp. 1695 – 1725.
16. Non-Tariff Measures to Trade: Economic and Policy Issues for Developing Countries. UNCTAD, 2013. 108 p.
17. Opening the floodgates. *Economist*. 9 May 2009. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.economist.com/node/13610915> (дата обращения: 28.11.2016).
18. Ten Benefits of Trade for Developing Countries / European Commission, 2015. 45 p.
19. Anderson J. and Neary P. Welfare versus market access: the implications of tariff structure for tariff reform // *Journal of International Economics*. 2007 (March). Vol. 71. № 2. Pp. 627 – 49.

Об авторе

Юрий Константинович Зайцев – к.э.н., с.н.с., Институт прикладных экономических исследований, Российская академия народного хозяйства и государственной службы.
E-mail: yuriy.zaitsev@gmail.com.

Статья подготовлена по результатам научно-исследовательской работы на тему «Защитные меры в интеграционных соглашениях и их влияние на взаимную торговлю и торговлю с третьими странами: особенности России и стран ЕАЭС», выполненной в соответствии с Государственным заданием РАНХиГС при Президенте Российской Федерации на 2016 г.

THE IMPACT OF SAFEGUARD MEASURES IN INTERNATIONAL TRADE ON THE SOCIO-ECONOMIC DEVELOPMENT OF THE POOREST COUNTRIES

Yury K. Zaytsev

Institute of Applied Economic Studies, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration. 119571, Russia, Moscow, Prospect Vernadskogo, 82, build. 1.

Abstract: *The article discusses the role of international trade in promoting economic growth and socio-economic development of the poorest countries. The analysis of foreign trade statistics shows that the modality of the relationship between trade and economic development has changed, depending on a large number of factors, including tariff and non-tariff such measures.*

In the first part of the article the author examines the theoretical concepts that describe the impact of international trade on the socio-economic development of the poorest countries. Having analyzed a wide range of literature, the author identifies two approaches to the understanding the issue, "old" one establishing a direct link between trade, economic growth and long-term development, and the "new" one problematizing this link.

The second part of the paper examines the place of protective measures for trade in developing countries. It shows that the removal of the protective measures as a result of trade liberalization does not always go for the benefit of developing countries.

The last part of the article evaluates the impact of protective measures on trade and economic development in the poorest countries on the basis of total trade restrictions index.

The author comes to the conclusion that international trade and the strengthening of export potential should be a tool, but not the key objective of national economic policy of the poorest countries.

Key words: developing countries, international trade, safeguard measures, economic development, development strategies.

References

1. Rainert E.S. *Kak bogatye strany stali bogatymi, i pochemu bednye strany ostaiutsia bednymi* [How the rich countries became rich, and why poor countries remain poor]. Transl. by N. Avtonomova. Ed. by V. Avtonomova. Vysshaia shkola ekonomiki. 2d ed. Moscow, Vysshaia shkola ekonomiki Publ., 2014. 28 p. (In Russian).
2. Bender M.G. International Trade and Economic Development. *The American Economist*, 1965, vol. 9, no. 2, pp. 15 – 24.
3. Cairncross A.K. International Trade and Economic Development. *Economica. New Series*, 1961, vol. 28, no. 111, pp. 235 – 251.
4. Clark D.P. Nontariff Measures and Developing Country Exports. *The Journal of Developing Areas*, 1993, vol. 27, no. 2, pp. 163 – 172.
5. Dollar D. Outward-oriented developing economies really do grow more rapidly: Evidence from 95 LDCs, 1976–85. *Economic Development and Cultural Change*, 1992, pp. 523 – 544.
6. Evans D., Goldin I. Van der Mensbrugghe D. *Trade Reform and the Small Country Assumption*. OECD Development Centre, Paris, and Centre for Economic Policy Research, London, 1991. 217 p.
7. Madsen J.B. Trade Barriers, Openness, and Economic Growth. *Southern Economic Journal*, 2009, vol. 76, no. 2, pp. 397 – 418.
8. Feenstra R.C. Offshoring in the Global Economy. *The Ohlin Lectures*. Stockholm School of Economics. 17–18 September 2008. 144 p.

9. Frankel J., Romer D. Does Trade Cause Growth? *American Economic Review*, 1999, 89 (3), pp. 379 – 399.
10. Goldberg P.K., Pavcnik N. Distributional Effects of Globalization in Developing Countries. *Journal of Economic Literature*, 2007, 45(1), pp. 39 – 82.
11. Koester V., Schäfer H. Valdes A. *Demand-Side Constraints and Structural Adjustment in Sub-Saharan African Countries*. International Food Policy Research Institute, Washington, 1990. 90 p.
12. Krueger A., Berg A. Trade, Growth and Poverty: A Selective Survey. *IMF Working Paper*, 30.03.2003. 50 p.
13. Yates P.L. *Forty Years of Foreign Trade*. London, Allen and Unwin, 1959. 255 p.
14. Looi K.H., Nicita A., Olarreaga M. Estimating Trade Restrictiveness Indices. *Economic Journal*, 2009, 119 (534), pp. 172 – 199.
15. Melitz M.J. The Impact of Trade on Intra-Industry Reallocations and Aggregate Industry Productivity. *Econometrica*, 2003, vol. 71, no. 6, pp. 1695 – 1725.
16. *Non-Tariff Measures to Trade: Economic and Policy Issues for Developing Countries*. UNCTAD, 2013. 108 p.
17. Opening the floodgates. *Economist*, 9 May, 2009. Available at: <http://www.economist.com/node/13610915> (accessed: 28.11.2016).
18. *Ten Benefits of Trade for Developing Countries*. European Commission, 2015. 45 p.
19. Anderson J. and Neary P. Welfare versus market access: the implications of tariff structure for tariff reform. *Journal of International Economics*, 2007 (March), vol. 71(2), pp. 627–49.

About the author

Yury K. Zaytsev – PhD in Economics, Senior Research Fellow at the Institute of Applied Economic Studies at the Russian Academy of National Economy and Public Administration.

This article was prepared as the result of research entitled «Protective measures in integration agreements and their impact on mutual trade and trade with third countries. The Case of Russia and EAEU countries», made in accordance with the State order for the Russian Academy of National Economy and Public Administration in 2016.

ДИВЕРСИФИКАЦИЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ НЕФТЕГАЗОВЫХ КОМПАНИЙ В УСЛОВИЯХ СНИЖЕНИЯ ЦЕН НА НЕФТЬ И ВВЕДЕНИЯ ЭКОНОМИЧЕСКИХ САНКЦИЙ

А.В. Шевелёва, Л.Б. Акиева

Московский государственный институт международных отношений (университет)
МИД России. Россия, 119454, Москва, пр. Вернадского, 76.

В данной статье анализируется влияние на российские нефтегазовые компании экономических санкций, введённых США и ЕС, а также падения цен на нефть. Рассмотрены направления диверсификации деятельности этих компаний в целях управления ценовыми рисками.

В условиях глобализации и рыночной экономики производственная и финансовая деятельность нефтегазовых компаний подвергаются воздействию различных рисков – природных, техногенных и ценовых. Резкое снижение цен на нефть и спроса на энергоресурсы на мировых рынках, в первую очередь на европейском рынке, ввод финансовых и технологических санкций со стороны США и Европы обусловили необходимость поиска российскими нефтегазовыми компаниями новых, более эффективных методов управления ценовыми рисками.

К методам управления ценовыми рисками относятся создание товарных резервов, создание денежного фонда, заключение долгосрочных договоров, получение субсидий от государства и диверсификация деятельности. Наиболее эффективным является диверсификация деятельности, включая географическую диверсификацию рынков сбыта и направлений закупок, диверсификацию способов транспортировки углеводородов, а также диверсификацию бизнеса компании. Данный подход позволяет расширить деятельность нефтегазовых компаний и создать дополнительные пути генерирования прибыли и повышения эффективности нефтегазовых компаний.

Ключевые слова: санкции, нефтегазовый комплекс, нефтегазовые компании, диверсификация, падение цен, прогноз, ценовые риски.

В современных условиях на краткосрочную динамику нефтяных цен оказывают влияние не столько экономические, сколько геополитические факторы. В 2014 г. США и ЕС ввели экономические санкции [11, Р. 363], состоящие в запрете на поставки в Россию товаров, услуг и технологий для добычи нефти в Арктике, на глубоководном шельфе и в сланцевых пластах, а также в ограничении финансирования нефтегазовых компаний [2; 4, С.165]. В нефтегазовом секторе были введены ограничения на поставку специализированного оборудования и технологий, в первую очередь, необходимых для разработки трудноизвлекаемых запасов [6, С.156]. Под санкции попало несколько десятков видов продукции для нефтяной промышленности, в том числе это касалось мобильных буровых вышек, плавучих буровых платформ, морских платформ, оборудования для разработки арктического шельфа и сланцевых нефтяных и газовых запасов. Основной целью данных ограничений являлись не уже функционирующие добывающие проекты, а те месторождения, на которых нефть и газ могли бы добываться через несколько лет, замещая падающую добычу на традиционных месторождениях.

США наложили запрет на экспорт технологий и оборудования для глубоководной добычи нефти и ресурсов из сланцевых пород для компаний «Газпром», «Газпром нефть», «Сургутнефтегаз», «Лукойл» и «Роснефть». Введён запрет для физических и юридических лиц США на транзакции с участием российских компаний, в которых доля государства составляет 50% и более, в том числе «Транснефть», «Газпром нефть», «Роснефть»; запрет для физических и юридических лиц США не предоставлять финансирование и кредитование в различных формах названные предприятия на срок более 90 дней [10, С.21-23].

Введён запрет для физических и юридических лиц США на обеспечение экспорта и реэкспорт компаниям «Газпром», «Газпром нефть», «Лукойл», «Роснефть», «Сургутнефтегаз» американских, европейских и стран поддерживающих санкции товаров, услуг (исключая финансовые услуги) и технологий, направленных на разработку и производство ресурсов из глубоководных (более 500 футов) месторождений, арктического шельфа, из сланцевых проектов на суше и на шельфе России в случае, если имеется потенциал добычи нефти. Экспорт оборудования и услуг запрещён также при условии, если в ходе проекта имеется возможность добывать нефть и газ по ранее достигнутым договоренностям. Нет запрета на экспорт услуг и оборудования для проектов по добыче газа, т.е. газовая промышленность наименее уязвима в создавшейся международно-политической ситуации. В числе услуг запрет наложен на экспорт услуг для нефтяной отрасли по бурению, геофизическим исследо-

ваниям, геологическим услугам, логистическим услугам, услугам по управлению, услугам и оборудованию для моделирования, услугам по построению карт.

Запрет ЕС касается проектов в области разработки и добычи глубоководной, арктической и сланцевой нефти. Он распространяется на поставки услуг, товаров и технологий в сфере бурения, пробной эксплуатации и геофизического испытания скважин, вскрытия пласта, поставки плавучих судов. Введены ограничения на привлечение капитала на срок более 30 дней компаниями, в которых государству принадлежит 50% и более, а также их дочерним структурам: «Роснефть», «Газпром нефть», «Транснефть».

Кроме того, США, Евросоюз и ряд других стран ввели санкции против отдельных российских компаний нефтегазовой отрасли ПАО «Новатэк», ОСК (производит нефтеналивные танкеры, буровые и добывающие морские платформы), Группы «Стройтрансгаз», Группы «Стройгазмонтаж», ООО «Трансойл», «Нефтяного терминала Феодосии», Черноморнефтегаза».

Экономические санкции против России, введённые с июля 2014 г. [14, С.132], дополненные в марте не экономическими санкционными списками¹ и продлённые в 2015 и 2016 гг., имеют как краткосрочные, так и долгосрочные последствия для развития нефтегазовых компаний [9, С.361-362]. В краткосрочном периоде к основным последствиям санкций для нефтегазовых компаний относятся:

- необходимость изыскивать альтернативные источники рефинансирования;
- обращение попавших под санкции компаний за помощью к государству;
- сокращение инвестиционных программ;
- остановка или замедление текущих проектов в области разведки и добычи газа и нефти [2].

Долгосрочными последствиями введения санкций для нефтегазовых компаний и государства в целом являются:

- падение добычи углеводородов в России;
- падение продаж российского сырья и продуктов его переработки;
- падение доходов нефтегазовых компаний России;
- косвенное влияние на падение доходов государственного бюджета России от экспорта нефтепродуктов и газа; это скорее следствие падения мировых цен и спроса, чем санкций
- рост цен на продукты переработки сырья на внутреннем рынке;
- удорожание технологий для новых сложных проектов добычи и, потому, удорожание самих проектов;
- поиск альтернативных поставщиков технологий и услуг;
- попытка развивать собственные технологии;
- интеграция сервисных компаний в состав вертикально-интегрированных компаний;

¹ См.: Хронология введения санкций против российских граждан и компаний [электронный ресурс]. URL: <https://ria.ru/spravka/20150216/1046144422.html> (Дата обращения: 12.12.2016).

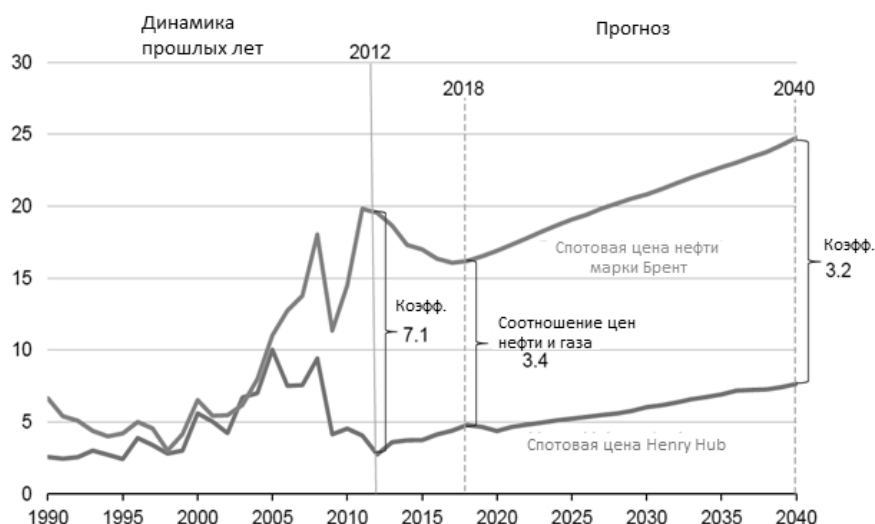


График 1

Прогноз динамики цен на нефть и газ МЭА, долл. за млн БТЕ
Forecast of oil and gas prices, the IEA, USD. Per million BTU

Источник: EIA².

– рост накладных расходов и себестоимости добычи;
– очаговый рост производительности труда за счёт внедрения новых технологий;
– консервирование технологического отставания российской нефтегазовой отрасли;
– замещение на внешних рынках российского сырья на сырьё других поставщиков [2].

Чтобы оценить последствия санкций, необходимо понять, каковы перспективы российской нефтегазовой отрасли в целом: динамика добычи, а также ожидаемая динамика цен на нефть и газ в мире (см. график 1).

В 2009–2010 гг. считалось, что цена нефти продолжит расти в номинальном выражении, но будет колебаться в реальном выражении. По некоторым прогнозам, на период с конца 2010-х до первой половины 2020-х гг. ожидался примерно десятилетний период относительно низких цен. Данные прогнозы оправдались в целом, хотя и с поправкой на сроки. Резкий уход в низкий ценовой коридор пришёлся на 2014 г. [6, С.406; 13, С.140]. В настоящее время наметилась тенденция неустойчивого роста и среди экспертов доминирует мнение, что до 2020 г. коридор цен будет на низком уровне, в пределах 30–50 долл./барр.

Цена газа останется различной для трёх макрорегиональных рынков: в Северной Америке цена она будет расти до 2035 г., а в Европе и АТР во второй половине 2010-х гг. и в начале 2020-х гг. ожидается снижение, а затем – плавное повышение цен.

Исходя из приведённых прогнозов, следует ожидать резкого сокращения доходов российских нефтегазовых компаний. Финансовые и экономические показатели нефтегазовых

компаний непосредственно связаны с ценами на их продукцию, низкие цены на которую могут привести к уменьшению объёмов рентабельной добычи нефти и газа [1, С.92]. В свою очередь, это приведёт к сокращению объёма запасов, разработка которых будет эффективной для компаний, а также к снижению экономической эффективности поисково-разведочных работ.

Изменение макроэкономических факторов, в частности тенденция замедления темпов роста мировой экономики, наблюдавшаяся с 1970 г. и к 2016 г. получившая более устойчивую отрицательную динамику, снижение мировых цен на углеводороды, снижение маржи нефтепереработки, колебания курсов валют, рост процентных ставок, инфляционные процессы, повышение налоговой нагрузки также могут негативно повлиять на финансовые результаты нефтегазовых компаний и их способность осуществлять запланированные программы капитальных вложений [3, С.92].

Для российских нефтегазовых компаний негативное влияние снижения цен на нефть в некоторой степени было компенсировано падением курса рубля относительно доллара более чем на 70% за период с 1 июля по конец декабря 2014 г. и плавной девальвацией рубля в 2015 г. В результате описанных изменений валютного курса снижение цены нефти марки Urals в рублях оказалось меньшим, чем в долларах. Если за указанный период цена нефти в долларах снизилась на 52% (со 106 до 51 долл. за баррель), то в рублях падение составило всего лишь 15%; причём падение в основном пришлось на вторую половину декабря 2014 г. До того рублевые цены на нефть оставались на достаточно стабильном

² EIA, Annual Energy Outlook 2014. [электронный ресурс]. URL: [http://energypolicy.columbia.edu/sites/default/files/energy/AEO2014%20Early%20Release%20Presentation_CGEP\(12-18-13\).pdf](http://energypolicy.columbia.edu/sites/default/files/energy/AEO2014%20Early%20Release%20Presentation_CGEP(12-18-13).pdf). (дата обращения: 12.12.2016).



График 2

Цена нефти марки Urals в 2014 г. в долларах и рублях
The price of Urals oil in 2014 dollars and rubles

Источник: [4].

уровне (см. график 2).

Таким образом, рублёвые доходы нефтяных компаний от экспорта нефти практически не менялись, а большая часть их издержек (НДПИ, вывозные таможенные пошлины) также осталась на прежнем уровне, так как выплаты производятся в рублях.

Проанализировав оценку курсового спреда по заданным параметрам, можно отметить,

в 2015 г. наблюдалась тенденция сдерживания негативного влияния снижения цен на нефть, что позволило сохранить устойчивость нефтегазовых компаний, но стало ощущаться значительное давление со стороны государства в виде увеличения прямых и косвенных налогов (см. график 3).

В ближайшей перспективе ожидается сохранение высокой волатильности цен на нефть

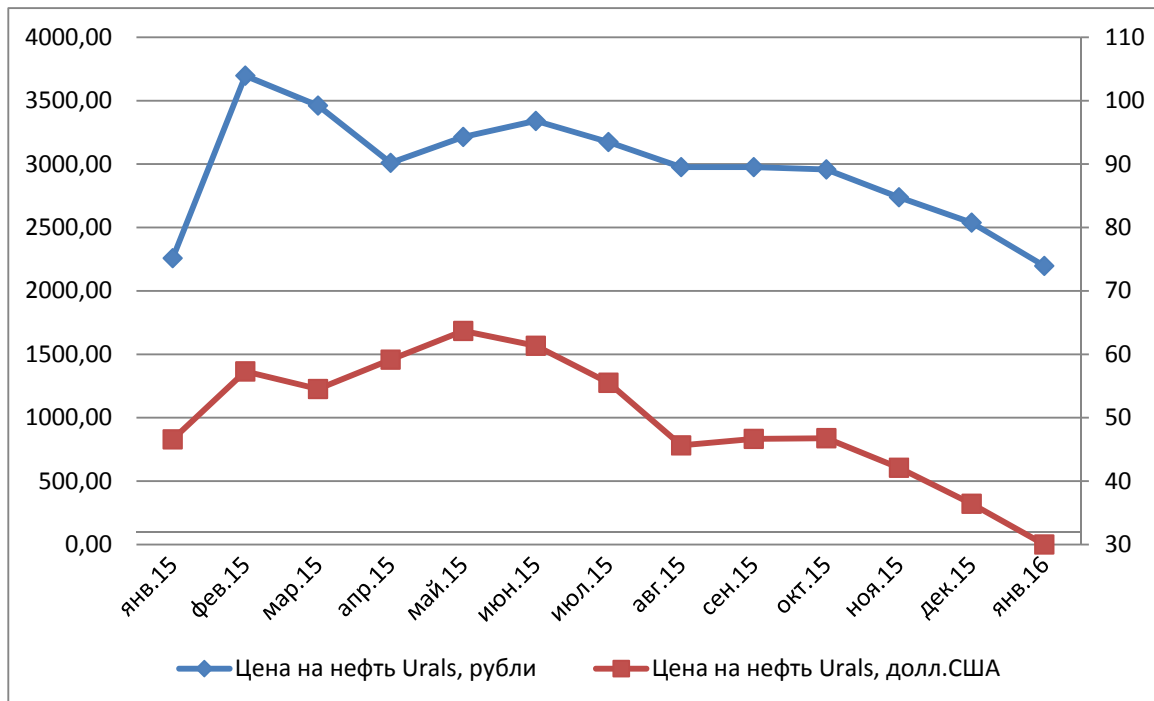


График 3

Цена нефти марки Urals в 2015–2016 гг. в долларах и рублях
The price of Urals oil in the 2015–2016 in dollars and rubles

Источник: ЦБ России, Bloomberg.

■ Исследовательские статьи

вследствие неопределённости, обусловленной с политической ситуацией в мире, перспективами роста мировой экономики, изменениями объёмов поставок нефти на рынок, а также политикой ОПЕК по регулированию добычи и экспорта. Цены на газ, находясь в прямой зависимости от ситуации на нефтяном рынке, также будут демонстрировать закрепление на низком уровне (График 4).

В этой связи одним из наиболее эффективных методов управления ценовыми рисками нефтегазовой компании становится диверсификация их деятельности [8, С.430].

Диверсификацию деятельности нефтегазовых компаний целесообразно проводить по следующим направлениям:

- 1) географическая диверсификация рынков сбыта нефти, нефтепродуктов и газа;
- 2) географическая диверсификация закупочной деятельности нефтегазовых компаний;
- 3) диверсификация способов транспортировки нефти, нефтепродуктов и газа;
- 4) диверсификация бизнеса нефтегазовых компаний [6, С.72].

Основным приоритетом в сфере *географической диверсификации поставок нефти, нефтепродуктов и газа* должно стать увеличение экспорта на рынки Азиатско-Тихоокеанского региона. Согласно Энергетической стратегии России до 2035 г., планируется расширить присутствие российских нефтегазовых компаний на рынках АТР до 39% суммарного объёма их экспорта³.

Для этого необходимо укрепить договорённости с Китаем по условиям поставок природно-

го газа по восточному и западному маршрутам, осуществить строительство объектов экспортной инфраструктуры, развивать энергодиалог и систему взаимоотношений с азиатскими потребителями природного газа, добиться пересмотра ценовой политики в сторону более выгодных условий для российской стороны.

В целях эффективной диверсификации экспортных рынков требуется постоянный мониторинг ценовой конъюнктуры рынков нефти, нефтепродуктов и газа.

Географическая диверсификация закупочной деятельности нефтегазовых компаний. Основную часть оборудования и материалов, применяемых при строительстве скважин, российские нефтегазовые компании закупали в США и в странах Евросоюза. В условиях введения запрета на поставку оборудования и материалов нефтегазовым компаниям следует переключаться на закупки вышеуказанной продукции у производителей Китая, Таиланда, Республики Беларусь и России.

Диверсификация способов транспортировки нефти, нефтепродуктов и газа. Затраты на логистику при увеличении объёма поставок оказывают непосредственное влияние на прибыль нефтегазовых компаний. Существует также риск роста цен у альтернативных поставщиков услуг, включая транспортировку автотранспортом, услуги таможенных брокеров, стоимость складского хранения и т.д.

Решению данной проблемы может способствовать формирование новых транспортно-логистических коридоров для экспортных поставок нефти и газа, а также развитие безтран-

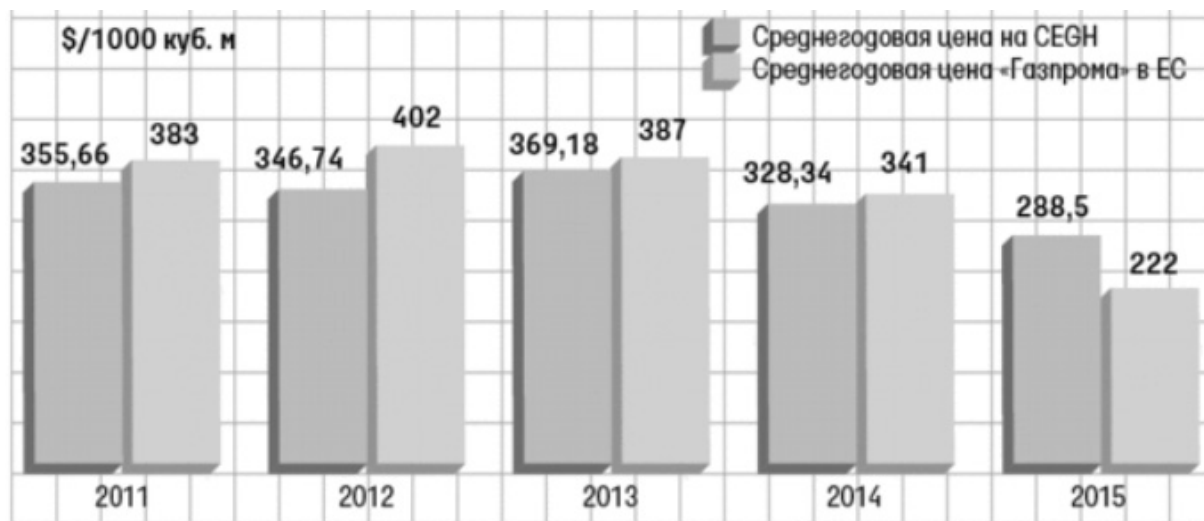


График 4

Динамика цен на газ по долгосрочным и спотовым контрактам
The dynamics of the price of gas on long-term and spot contracts

Источник: ЦБ России, Bloomberg.

³ Энергетическая стратегия России до 2035 г. URL: <http://minenergo.gov.ru/upload/iblock/621/621d81f0fb5a11919f912bfafb3248d6.pdf>. С.62. (Проверенно 20.12.2016 г.)

зительных способов транспортировки, включая строительство морских трубопроводов, заводов сжиженного природного газа, танкерного флота (нефтеналивных и газовозов).

Диверсификация бизнеса нефтегазовых компаний. Нефтегазовым компаниям следует развивать новые, наиболее восприимчивые к изменениям цен на нефть направления деятельности, в частности нефте- и газохимию, производство электроэнергии, возобновляемую энергетику. Стабильный рост доли возобновляемых

источников энергии является привлекательным фактом для инвестирования в данный сегмент, позволяющий нефтегазовым компаниям участвовать в выработке новых подходов получения энергии.

Таким образом, проведение российскими нефтегазовыми компаниями грамотной политики управления рисками, в частности путём диверсификации своей деятельности, поможет смягчить тяжёлые последствия неблагоприятных тенденций на рынке энергоресурсов.

Список литературы

1. Акиева Л.Б., Шевелева А.В. Хэджирование: проблемы управления ценовыми рисками нефтегазовых компаний // *Neftgaz.RU*. 2016. №5-6. С.92-96.
2. Влияние экономических санкций на российский нефтегазовый комплекс. Аналитический отчёт, подготовленный по специальному заказу Нефтегазстройпрофсоюза России. Москва, 2014. 44 с.
3. Загребельная Н.С., Шевелева А.В. Нормативно-правовое регулирование деятельности по управлению рисками инвестиционных проектов // *Право и управление. XXI век*. 2015. № 2 (35). С. 92–101.
4. Последствия низких цен для нефтяной отрасли // *Энергетический бюллетень*. Январь 2015. №20. С.1-32.
5. Тяглов С.Г., Шевелева А.В. Влияние санкционной политики на экологоориентированное развитие предприятий нефтегазового комплекса РФ // *Региональная экономика: теория и практика*. 2016. №7 (430). С.153-162.
6. Тяглов С.Г., Шевелева А.В. Стратегические ориентиры устойчивого развития нефтегазового комплекса России // *Вестник Северо-Осетинского государственного университета*. 2014. № 3. С. 402–406.
7. Шевелева А.В. Стратегии развития международных нефтяных компаний: сборник статей. М.: МГИМО-Университет, 2013. С.71-79.
8. Шевелева А.В., Ефимова Н.В., Загребельная Н.С. Основы экономики фирмы. М.: МГИМО-Университет, 2015. 478 с.
9. Aleksashenko S. Not Thanks to But Despite // *Russian Politics and Law*. 2016. Vol.54. №.4. Pp.351-364.
10. Dreger C., Kholodilin K.A., Ulbricht D., Fidrmuc J. Between the hammer and the anvil: The impact of economic sanctions and oil prices on Russia's ruble // *Journal of Comparative Economics*. 2016, January 13. Pp.1-35.
11. Mau V. Between crises and sanctions: economic policy of the Russian Federation // *Post Soviet Affairs*. 2016. Vol.32. № 4. Pp.350-377.
12. Mohaddes K., Pesaran M.H. Country-Specific Oil Supply Shocks and the Global Economy: A Counterfactual Analysis // *CESifo Working Paper*. 2015. №. 5367.
13. Tuzova E., Qayum F. Global oil glut and sanctions: The impact on Putin's Russia // *Energy Policy*. 2016. № 90. Pp.140-151.
14. Veebel V., Markus R. At the Dawn of a New Era of Sanctions: Russian-Ukrainian Crisis and Sanctions // *Orbis*. 2016. Vol. 60. №. 1. Pp.128-139.

Об авторе

Анастасия Викторовна Шевелёва – к.э.н., доцент кафедры менеджмента, маркетинга и ВЭД МГИМО МИД России. E-mail: a_sheveleva@rambler.ru.

Луиза Батарбековна Акиева – консультант Центра стратегических исследований и геополитики в области энергетики МИЭП МГИМО МИД России. E-mail: akieva@miep-mgimo.ru.

DIVERSIFICATION OF OIL AND GAS COMPANIES' ACTIVITIES IN THE CONDITION OF OIL PRICES REDUCTION AND ECONOMIC SANCTIONS

A.V. Sheveleva, L.B. Akieva

Moscow State Institute of International Relations (University), 76 Prospect Vernadskogo, Moscow, 119454, Russia.

Abstract: *This article analyzes the influence of the economic sanctions imposed from the USA and the EU and oil prices reduction on the oil and gas companies and the directions of diversification of their activity as a method of management of price risks are considered.*

In the modern dynamic and quickly developing world, in the conditions of globalization and market economy, the oil and gas companies are affected by various risks which can exert negative impact on production and financial results. Risks can arise in absolutely various spheres, beginning from natural and technological hazards, and finishing with price risks.

Sharp reduction of oil prices and decrease in demand for energy resources in the world markets, first of all in the European countries, input of financial or technological sanctions from the USA and Europe against Russia in 2014 has caused necessity of search a new more effective methods of price risks management of the oil and gas company.

The methods of price risk management include the creation of commodity reserves, the establishment of a reserve fund, long-term contracts, subsidies from the state and the diversification of activities. The most effective it is possible to offer diversification of oil and gas companies' activity.

It is expedient to carry out diversification of oil and gas companies' activity in such directions as geographical diversification of the oil, oil products and gas, realization directions, geographical diversification of oil and gas companies' purchasing activity, diversification of oil, oil products and gas transportation ways, diversification of oil and gas companies' business. This approach allows to expand the activities of the oil and gas companies and create additional ways to generate revenue and enhance efficiency of oil and gas companies.

Key words: sanctions, oil and gas complex, oil and gas companies, diversification, oil prices reduction, forecast, price risks.

References

1. Akieva L.B., Shevelev V.A. Khedzhirovanie: problemy upravleniia tsenovymi riskami neftegazovykh kompanii. [Hedging: the problems of price risk management for oil and gas companies]. *Neftegaz.RU*, 2016, no. 5-6, pp. 92-96. (In Russian).
2. Vliianie ekonomicheskikh sanktsii na rossiiskii neftegazovyi kompleks. [The impact of economic sanctions on the Russian oil and gas sector]. *Analytical report prepared by the special order of Neftegazstroyprofsoyuz of Russia*. Moscow, 2014. 44 p. (In Russian).
3. Zagrebel'naia N.S., Sheveleva A.V. Normativno-pravovoe regulirovanie deiatel'nosti po upravleniiu riskami investitsionnykh proektov [Legal regulation of risk management of investment projects]. *Pravo i upravlenie XXI vek*. 2015, no. 2 (35), pp. 92-101.
4. Posledstviia nizkikh tsen dlia neftianoj otrasli [The consequences of low prices for the oil industry]. *Energeticheskii biulleten'*. January 2015, no. 20. pp. 1-32. (In Russian).
5. Tiaglov S.G., Sheveleva A.V. Vliianie sanktsionnoi politiki na ekologoorientirovannoe razvitie predpriatii neftegazovogo kompleksa RF [Effect of the sanctions policy on environmentally oriented development of the enterprises of oil and gas complex of Russia] *Regional'naia ekonomika: teoriia i praktika*. 2016, no. 1, pp. 153-162. (In Russian).
6. Tiaglov S.G., Sheveleva A.V. *Strategicheskie orientiry ustoichivogo razvitiia neftegazovogo kompleksa Rossii* [Strategic guidelines for sustainable development of oil and gas complex of Russia] *Vestnik Severo-Osetinskogo gosudarstvennogo universiteta*. 2014, no. 3, pp. 402-406. (In Russian).
7. Sheveleva A.V. *Strategii razvitiia mezhdunarodnykh neftianyykh kompanii* [The development strategy of international oil companies]. Moscow, MGIMO-University, 2013, pp. 71-79. (In Russian).
8. Sheveleva A.V., Efimova N.V., Zagrebel'naia N.S. *Osnovy ekonomiki firmy* [Economics of the firm]. Moscow, MGIMO-University, 2015. 478 p. (In Russian).
9. Aleksashenko S. Not Thanks to But Despite. *Russian Politics and Law*, 2016, vol. 54, no. 4, pp. 351-364. (In Russian).

10. Dreger C., Kholodilin K.A., Ulbricht D., Fidrmuc J. Between the hammer and the anvil: The impact of economic sanctions and oil prices on Russia's ruble. *Journal of Comparative Economics*. 2016, January 13, pp.1-35.
11. Mau V. Between crises and sanctions: economic policy of the Russian Federation. *Post Soviet Affairs*. 2016, vol. 32, no. 4, pp .350-377.
12. Mohaddes K., Pesaran M.H. Country-Specific Oil Supply Shocks and the Global Economy: A Counterfactual Analysis. *CESifo Working Paper*, 2015, no. 5367.
13. Tuzova E., Qayum F. Global oil glut and sanctions: The impact on Putin's Russia. *Energy Policy*, 2016, no 90, pp.140-151.
14. Veebel V., Markus R. At the Dawn of a New Era of Sanctions: Russian-Ukrainian Crisis and Sanctions. *Orbis*, 2016, vol. 60, no 1, pp.128-139.

About the author

Anastasia V. Sheveleva – PhD. Econ. Sci., Associate Professor at management, marketing and foreign economic activity department of MGIMO-University. E-mail: a_sheveleva@rambler.ru.

Louise B. Akieva – Consultant at Strategic Studies and geopolitics of energy Center of International Institute of Energy Policy and Diplomacy of MGIMO-University. E-mail: akieva@rambler.ru.

КАК РАЗВЕЯТЬ ТУМАН НАД ПРОШЛЫМ? ПОСЛЕВОЕННЫЕ ДЕТИ, ИХ ОТЦЫ-СОЛДАТЫ И ПОСЛЕДСТВИЯ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Е.С. Любомирова

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики». Россия, 105066, Москва, улица Старая Басманная, д. 21/4, стр. 3.

.....

Статья посвящена новым аспектам изучения истории послевоенной Германии, показанным на примере монографии Сабины Боде «Послевоенные дети – рождённые в 1950-е годы и их отцы-солдаты». Автором раскрывается методология и структура исследования. Положительно оценён вклад, сделанный Боде в изучение ментальных и психоэмоциональных последствий Второй мировой войны и «вытеснения прошлого», которые ярко прослеживаются в судьбах послевоенных детей и продолжают оказывать влияние на общественно-политическую жизнь ФРГ вплоть до сегодняшнего дня. Критике подвергнут чрезмерный уход автора в сторону описания отдельных биографий в ущерб аналитической составляющей работы.

.....

Ключевые слова: история, историография, воспитание, воспоминания, послевоенные дети, последствия Второй мировой войны, конфликт поколений, психологическая травма, преодоление прошлого, ФРГ.

Во второй половине 1950-х гг. ФРГ в основном удалось преодолеть многочисленные тяжелейшие последствия Второй мировой войны. Благодаря реформам министра финансов Людвиг Эрхарда страна была на подъёме [6, с. 34-36; 9, с. 49-60; 15, с. 70-101]. Реальный рост благосостояния и покупательной способности рядовых граждан, благодаря которым они могли себе позволить то, что раньше было привилегией лишь немногих состоятельных людей (например, покупку автомобиля или поездку в соседние Австрию и Италию), появление в 1957 г. динамической ренты, сокращение продолжительности рабочего дня – все эти моменты отчётливо указывали на то, что тяготы послевоенного времени наконец-то остались позади [7, с. 4-5]. ФРГ вступила в эпоху «сытости» (*leisure society*), стабильности, потребления и экономического процветания. Так что послевоенные дети – те, кто родился в 1950-е гг., – казалось, могли спокойно расти в условиях «всеобщего благоденствия» и пользоваться плодами «экономического чуда». Однако несколько мирных лет оказались слишком маленьким сроком для того, чтобы их родители смогли забыть ужасы Второй мировой войны, массовых убийств и смерти, взрывов и бомбардировок, плена, физического и эмоционального насилия, залечить свои душевные раны и вернуться к нормальной жизни. То, что психологические травмы «отцов», которые после войны лишь внешне перешли к мирному распорядку дня, не могли не повлиять на становление, характер и судьбы «детей», выросших «в тени» войны и её последствий [2], показано в монографии Сабины Бодде (Sabine Bode) как на примере биографий отдельных людей, так и в более широком, общественном контексте.

Данная монография – третья в серии исследований Бодде о на первый взгляд невидимых, но оттого не менее трагических последствиях Второй мировой войны. Первая книга – «Забытое поколение. Дети войны прерывают своё молчание» [3] – рассказывала в культурно-историческом и психологическом ключе о детстве, психологических травмах, эмоциональных особенностях и жизненных судьбах тех, кто родился в Германии во время и сразу после Второй мировой войны. Она вызвала большой резонанс: во время авторских чтений и в многочисленных письмах одни читатели, принадлежавшие к «забытому поколению», делились своими жизненными историями, другие, не являвшиеся целевой группой исследования, просили Бодде написать и об их поколениях. Вторая книга – «Внуки войны – наследники забытого поколения» [4] – была посвящена детям детей войны, так называемым «внукам войны», которые, несмотря на то, что родились в 1960–1970-е гг. и напрямую событиями Второй мировой войны никак затронуты не были, всё же ощущали на себе мощные отголоски её разрушительной силы. Данная, третья книга – «Послевоенные дети – рождённые в 1950-е годы и их отцы-солдаты»

[5] – о поколении тех, кто в своё время принимал участие в студенческих протестах 1968 г., закрывает этот пробел между «детьми» и «внуками» войны. Между тем, это книга Бодде и о самой себе, поскольку она тоже считает себя частью послевоенного поколения (прим. автора – Сабина Бодде родилась в 1947 г.) [там же, с. 12].

Монография состоит из восьми глав, в которых на основе собранного ею материала Бодде изучает как индивидуальные жизненные ситуации и судьбы послевоенных детей, так и их коллективное детство вообще. Пять из восьми глав завершаются подробными, почти дословно опубликованными интервью с респондентами или с людьми, также занимавшимися проблемой преодоления прошлого. Большим подспорьем для читателя служит список релевантных книг по теме исследования [5, с. 299-302].

Первая глава «Война закончилась, но была везде» [5, с. 13-32] носит вводный характер. Автор начинает с небольшого рассказа о своём детстве и юности, о непростых взаимоотношениях с родителями, о «чёрной педагогике» школьных учителей, вписывая свои воспоминания в общественно-политический и ментальный контекст «гнетущей эпохи» (*die bleierne Zeit*). Тем самым Бодде постепенно подводит читателя к главным вопросам исследования: механизм перенятия «детьми» вины «отцов» и преодоление национал-социалистического прошлого. Что скрывалось за молчанием отцов-солдат? Что они знали? Чем занимались в войну? Кем они были: преступниками или жертвами, или же и теми, и другими одновременно? Как Вторая мировая война повлияла на немецкие семьи? Что она оставила «в наследство» не только отцам-солдатам, но и их потомкам? [5, с. 25] Автор пытается найти ответы на эти и многие другие вопросы вместе с «послевоенными детьми». При этом Бодде делит их на две категории: родившиеся до 1953 г. («рано рождённые») и после («поздно рождённые») [5, с. 23]. Первые с детства были окружены руинами полуразрушенных городов и имели много общего с «детьми войны». И хотя они спрашивали родителей о войне не так настойчиво как «поздно рождённые», но и они тоже стремились узнать от родителей больше о тех событиях, чтобы наконец-то избавиться от оставленного им «в наследство» тягостного чувства вины. Главную трудность в этом процессе Бодде видит в том, что у «рано рождённых» стыд за преступления отцов накладывался на ещё не сломленное чувство национального самосознания, в то время как рождённые после 1953 г. ощущали вину и ответственность уже просто за сам факт того, что они родились немцами [5, с. 24].

Вторая глава посвящена «хорошо вытесненному прошлому» [5, с. 33-62]. На основе ряда проанализированных ею интервью с «послевоенными детьми» из полных семей (отец вернулся с фронта/из плена, все живут вместе) Бодде выявляет ряд семейных наивно-психологических «стратегий», направленных на то, чтобы члены

семьи могли хоть как-то справиться с военным опытом отца-солдата и эмоционально не разрушиться от этого. Одна из них заключалась в полном отрицании самого чувства вины, активном вытеснении неизбежно возникающего при этом внутреннего конфликта на задворки сознания и перекалывании всей ответственности на политические обстоятельства (например: шла война, нам нужно было обороняться от русских). Другая «стратегия» создавала в семье повышенный интерес к политике и искусственную атмосферу свободной дискуссии с одной стороны при полном выведении за скобки личных чувств и эмоций её участников с другой (например, всяческое отрицание родителями права детей-подростков испытывать гнев по отношению к национал-социалистически настроенным учителям). На мой взгляд, обе стратегии лишь способствовали более глубокому и активному вытеснению из памяти событий прошлого и демонстрировали психоэмоциональную неготовность членов таких семей встретиться с самими собой и работать с собственными эмоциями и воспоминаниями.

Заголовки третьей и четвертой глав – «Дочери отца» [5, С. 63-114] и «Сыновья в тени» [5, С. 115-152] соответственно – говорят сами за себя. В них очерчивается профиль конфликта поколений. С одной стороны – эмоционально холодные, недоступные отцы, похоронившие в себе груз воспоминаний о войне и плене, о преступлении и соучастии в национал-социалистической диктатуре. С другой – глубоко неуверенные в себе, депрессивные и ощущающие себя никчёмными дети, которым очень не хватало доверительных отношений, поддержки, положительного примера и ориентиров со стороны отца.

Интересно отметить, что сами отцы имели весьма смутное представление о своих детях, об их мыслях и чувствах, которое сочеталось с наивной уверенностью в том, что они прекрасно их понимают, так как... живут с ними под одной крышей! На деле же они не знали собственных детей, не могли представить себе их чувства, не понимали, чего они хотят [10, С. 90]. Отцы, считавшие, что главной добродетелью подрастающего поколения должна быть сдержанность во всём, привыкшие к авторитарному стилю «воспитания» окриками и приказами и ожидавшие в ответ беспрекословного, почти верноподданнического послушания, были в эмоциональном плане «подслеповатыми» и фактически обращали внимание на детей лишь тогда, когда те начинали вести себя плохо, тем самым лишь подкрепляя их «нежелательное» поведение. Этот эффект «непреднамеренного обучения» сработал, в частности, во время молодёжных беспорядков середины 1950-х гг. (Halbstarken-Krawalle), когда бунт стал одной из форм самовыражения молодёжи, а также частично в студенческих протестах 1968 г. Молодёжь толкало на улицу непонимание со стороны взрослых, стремление освободиться от их удушающего контроля, отчаянный поиск позитивных фигур, с которыми

она могла бы себя идентифицировать, а также гораздо меньшая по сравнению со старшим поколением приверженность идее порядка [13].

Пятая глава «Следователь по собственному делу» [5, С. 153-194] показывает, что происходит, когда проблема «отцов и детей» тесно переплетается с наболевшим вопросом коллективной вины и ответственности, а «сытое поколение» детей, для которых война и национал-социализм были не неотъемлемой частью собственной биографии, а неприятным и постыдным фактом из жизни их родителей, обсуждение и даже простое упоминание которого было в обществе под негласным запретом [1], всё-таки пробивается сквозь густой туман молчания и получает ответы на свои настойчивые вопросы.

Выросшие дети не могли и не желали мириться с «бегством от прошлого» и приступами коллективной амнезии исторической памяти у старшего поколения [12, С. 148], с тем, что – как это было представлено в одноименном фильме – «убийцы среди нас», а общество своим замалчиванием сознательно их покрывает, зачитывается мемуарами о боевых подвигах вермахта и до сих пор не решается преодолеть прошлое.

Осознание того, что преступником может оказаться кто угодно – известный политик, врач в поликлинике, сосед по лестничной клетке и даже собственный отец – подтолкнуло людей к тому, что они начали активно доставать «скелеты из шкафов», страхивая «тысячелетнюю пыль» с запретных тем, осуждая родителей и общество за пассивное поведение «попутчиков» (Mitläufer) и фактическое соучастие в преступлениях Третьего рейха. После дела Эйхмана и первого франкфуртского процесса над персоналом концлагеря Освенцим молодёжь, подстёгнутая юношеским максимализмом, с инквизиторской дотошностью стала копаться в коричневом прошлом «отцов», невзирая на звания и авторитеты [14, С. 72-74]. Как отмечал Юрген Хабермас, молодое поколение стремилось «рассчитаться с коллективным уклонением немцев от исторической ответственности за национал-социализм и его мерзости» [8, С. 180]. Главный вопрос молодёжи: «а чем Вы занимались между 1933 и 1945 гг.?» – подталкивал «отцов», прежде тщательно уклонявшихся от обсуждения подобных тем, к тому, чтобы постепенно пролить свет на тёмные пятна своего прошлого и признать собственное нравственное поражение.

Сабина Боде показывает, что для послевоенных детей подлинная работа над прошлым состоит не в том, чтобы осудить своих родителей, потребовать от них подробный отчёт о содеянном (хотя это тоже является неотъемлемой её частью) и на этом остановиться. Тем более что зачастую многие из них подводят итоги лишь ретроспективно, поскольку их отцов уже давно нет в живых. Важно понять, что они в итоге могут им простить, а что – нет. Как сказала одна из респонденток, она не может простить своему отцу одного: то, что он «прямо и косвенно сделал

с жертвами. Здесь проходит абсолютная граница любой семейной работы [над прошлым]». [5, С. 178].

В завершающем главу интервью историк Зёнке Найтцель (Sönke Neitzel) пытается найти ответ на вопрос, на каком менталитете основывались кампании на уничтожение целых народов, и какую роль в этом процессе играли солдаты вермахта [5, С. 179-194]. Он приходит к выводу, что вермахт был частью преступной национал-социалистической системы, а для солдат на войне главными были два момента – точное выполнение приказов (любых) и выживание (также любой ценой); о том, что при этом будет с евреями или с блокадниками Ленинграда, они предпочитали не задумываться [5, С. 182-183]. В итоге он констатирует: «Такого о собственных родителях не хочет знать никто. Молодыми мы бы не выдержали тяжести правды. Должны ли мы поблагодарить отцов за молчание?». [5, С. 193]. Эти слова заставляют задуматься: сколько страшной правды о том времени мы готовы услышать? И действительно ли мы этого хотим?

В шестой главе «Вариант ГДР» [5, С. 195-218] Сабина Боде предоставляет слово пастору Вольфраму Хюльзemannу (Wolfram Hülsemann), который рассказывает о своём отце-солдате, о церковной оппозиции, об отношении к ГДР и периоду национал-социализма. Интервью занимает около двух третей главы [5, С. 206-218].

Седьмая глава «Послевоенное время и дрессировка детей» [5, С. 219-276] посвящена возвращению «чёрной педагогики» и типичным «методам» воспитания послевоенных детей. Автор наглядно показывает повседневность поколения, которую нынешняя немецкая молодёжь вряд ли сможет себе представить, и это во многом заслуга всех тех, кому удалось запретить насилие в воспитании. Жестокие и агрессивные отцы, которые постоянно стыдили, обесценивали, унижали и часто били своих детей, вплоть до тяжких побоев. Подавленные и нередко запуганные матери, которые не оспаривали патриархальное распределение ролей и лишь иногда защищали своих детей от насилия отцов. Именно в такой тяжёлой атмосфере, где царили страх, психоэмоциональное напряжение, ощущение себя «недостаточно хорошими» для того, чтобы наконец-то «заслужить» благосклонность отцов, а также постоянное ожидание новых наказаний, и пришлось расти послевоенным детям, которым нередко приходилось брать на себя роль взрослого и быть родителями своих родителей. И никакие блага «экономического чуда» и красивая картинка внешнего «благоденствия» не могли скомпенсировать эти душевные травмы и дать детям то внутреннее чувство собственного достоинства, защищённости и базового доверия к миру, которое должно было сформироваться в раннем возрасте в семье.

Главной заповедью в послевоенных семьях было молчание: упорное молчание о национал-социализме и о соучастии родителей в нём. Кто

из послевоенных детей, особенно «рано рождённых», спрашивая отцов о том, что конкретно происходило в годы войны, не слышал в ответ пресекающих такие расспросы фраз «немедленно перестань», «ты ещё для этого слишком мал» или «ты этого ещё не понимаешь»? Любые вопросы – даже такие маленькие и безобидные, как «а тяжело быть солдатом, когда у тебя нет отпуска?» и т.д. – либо вовсе оставались без ответа, либо окутывались таким туманом неполноты и полуправды, что во многих случаях все вопросы рано или поздно прекращались.

Стоит отметить, что такая «стратегия» замалчивания, характеризовавшая не только отдельные немецкие семьи, но и всё общество в целом, довольно долго лишь смутно осознавалась послевоенными детьми [5, С. 270]. Зачастую лишь на середине жизненного пути они начинали посещать индивидуальные или групповые занятия по психотерапии, которая рассеивала туман, лежащий на их детстве. Психотерапевт Юрген Мюллер-Хохаген (Jürgen Müller-Hohagen, 1946 г.р.) в завершающем главу интервью описывает, как этот туман порой мог окутывать целые города, например, Хоэнлимбу́рг в Рурской области [5, С. 259-277].

Заключительная восьмая глава носит говорящее название «Откуда приходят ориентиры?» [5, С. 277-296]. Как послевоенные дети научились различать, что такое хорошо и что такое плохо, если на их вопросы о прошлом отцы упорно молчали, матери поспешно отворачивались и смотрели в сторону, а старшие братья и сёстры, дяди и тёти, дедушки и бабушки либо жили слишком далеко от дома, либо умерли прежде, чем их можно было о чём-то расспросить? Как на немецкое общество повлияло то, что отцы, которые должны были быть положительным примером для своих детей и дать им жизненные ориентиры, были просто не в состоянии этого сделать? Какими путями нужно было идти послевоенным детям, чтобы всё-таки найти эти ориентиры в собственной жизни? Автор пытается найти ответы на эти непростые вопросы и, в конце концов, оставляет их без универсального ответа. Общение с отцами-солдатами было трудным, и послевоенные дети находили множество своих, индивидуальных ответов, в том числе и на дилемму о том, как любить отца, который не умеет любить самого себя.

После прочтения монографии остаётся двойное впечатление. С одной стороны, книга получилась очень эмоциональной, и многие немецкие читатели увидят в ней отражение собственных семейных историй. На примере отдельных биографий Сабине Боде удалось создать коллективный портрет целого поколения послевоенных детей и показать то, как война и её «долгие» последствия всё ещё отражаются на всём немецком обществе – ведь чем дальше травмирующее событие лежит в прошлом (там-и-тогда), тем больше места оно занимает в актуальном настоящем (здесь-и-сейчас). Об-

■ Рецензии

работанные интервью рисуют разнообразные картины отношений отцов и детей, показывают различные политические ориентации семей и стратегии замалчивания прошлого. Возникает дополненная объяснениями автора аутентичная картина того времени, которая даёт богатый материал для дальнейших исследований.

С другой стороны, монография представляет собой лишь довольно поверхностное введение в тему, в которой вопросов явно больше, чем ответов. В ней есть ряд серьёзных недостатков. Во-первых, она настолько ориентирована на самих послевоенных детей, что неискушённые читатели, не имеющие схожего жизненного опыта, возможно, не поймут в ней многие моменты, хотя, несомненно, смогут открыть для себя что-то новое.

Во-вторых, очень не хватает аналитической составляющей и интерпретаций материала самим автором. Трудно разобраться, чем принципиально отличается психологическая ситуация «послевоенных детей» от ситуации «детей войны» или «внуков войны», о которых Бодде тоже написала книги. Вместо собственного глубокого анализа механизмов передачи вины от поколения к поколению автор поместила интервью с двумя блестящими экспертами, но всё-таки хотелось бы увидеть и позицию самого автора. Кроме того, удивляет, что Бодде не использовала монографию Мичерлихов «Неспособность скорбеть» [11].

В-третьих, Бодде чрезмерно фокусирует своё внимание на отцах-солдатах, и зачастую идёт на поводу у послевоенных детей, которые всячески стремятся оправдать жестокое обращение со стороны отцов-солдат «военной травмой». Приводится их типичная «логическая» конструкция.

Когда отцы-солдаты вернулись домой, в стране не было ни развитой инфраструктуры, ни соответствующих специалистов-психологов, чтобы проработать с ними свои психологические травмы. Кроме того, у них на это просто не было времени: нужно было восстанавливать страну и кормить семью. Позднее собственные раны были прикрыты ковром благосостояния.

Вне всякого сомнения, многие дети пали жертвами жестокого воспитания, когда побои объявлялись нормой, унижения – необходимостью, а приказной тон – уместным. Но это «воспитание» имело мало общего с войной и её последствиями. В насилии всегда виноват насильник, а не какие-то внешние обстоятельства или «неправильное» поведение жертвы. Отцы-солдаты так бесчеловечно обращались со своими детьми не потому, что пережили Вторую мировую войну, недоедали (!) в плену и им было тяжело вернуться к мирной жизни, а потому, что в их картине мира такое поведение было нормальным. Они просто считали себя вправе так поступать. И отрицать это обстоятельство, на мой взгляд, было бы неправильным.

Монография Сабины Бодде рассчитана не только на специалистов – историков, психологов, политологов, но и на всех тех, кто хочет больше узнать о «долгих» последствиях Второй мировой войны, о том, как послевоенные дети видят сами себя, как они переживают своё детство, юность и конфронтацию с отцами-солдатами и медленно и мучительно развевают туман над прошлым, преодолевая его. И какую цену они в итоге заплатили за это преодоление. От руин Второй мировой войны дольше всего остаются руины души...

Список литературы

1. Смирнов Д.А. Опыт демократического воспитания в странах Европы (на примере политического образования ФРГ). [Электронный ресурс]. URL: <http://rusgermhist.narod.ru/RusRaboti/RusSmirnov/Smirnovreportrus-2-01.htm> (дата обращения: 22.12.2016).
2. Alberti B. Seelische Trümmer. Geboren in den 50er- und 60er Jahren: die Nachkriegsgeneration im Schatten des Kriegstraumas. München: Kösel-Verlag, 2013. 207 S.
3. Bode S. Die vergessene Generation: die Kriegskinder brechen ihr Schweigen. Stuttgart: Klett-Cotta, 2013. 303 S.
4. Bode S. Kriegsenkel: die Erben der vergessenen Generation. Stuttgart: Klett-Cotta, 2013. 304 S.
5. Bode S. Nachkriegskinder: die 1950er Jahrgänge und ihre Soldatenväter / Schriftenreihe der Bundeszentrale für politische Bildung. Band 1552. Bonn: bpb, 2015. 302 S.
6. Deutschland in den 50er Jahren. Informationen zur politischen Bildung. Heft 256. Bonn: bpb, 2012. 58 S.
7. Erlass über die Bundeszentrale für politische Bildung vom 24.01.2001. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.bpb.de/die-bpb/51244/der-bpb-erlass> (дата обращения: 22.12.2016).
8. Frese M., Paulus J. Geschwindigkeiten und Faktoren des Wandels – die 1960er Jahre in der Bundesrepublik. In: Demokratisierung und gesellschaftlicher Aufbruch. Die sechziger Jahre als Wendezeit der Bundesrepublik. Paderborn: Schöningh, 2005. S.1-23.
9. Gagel W. Geschichte der politischen Bildung in der Bundesrepublik Deutschland 1945-1989/90. Wiesbaden: VS-Verlag für Sozialwiss., 2005. 344 S.
10. Hardach G. Die Wirtschaft der fünfziger Jahre: Restauration und Wirtschaftswunder. In: Die fünfziger Jahre. Beiträge zu Politik und Kultur / hrsg. von Dieter Bänsch. Tübingen: Narr, 1985. S.49-60.

11. Maase K. BRAVO Amerika. Erkundungen zur Jugendkultur der BRD in den 50er Jahren. Hamburg: Junius, 1992. 312 S.
12. Mitscherlich A., Mitscherlich M.. Die Unfähigkeit zu trauern: Grundlagen kollektiven Verhaltens. München: Piper, 1967. 369 S.
13. Reichel P. Politische Kultur in der Bundesrepublik. Opladen: Leske + Budrich, 1981. 288 S.
14. Schurian W. Jugendfeindlichkeit und die Angst vor der Unordnung // Psychologie und Gesellschaftskritik. № 8/1984. S.121-133. [Электронный ресурс]. URL: <http://nbn-resolving.de/urn:nbn:de:0168-ssao-208517> (дата обращения: 25.09.2016).
15. „Das Trauma ist universal“: Traumaforscherin über Flüchtlinge // taz vom 25.11.2015. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.taz.de/!5250266/> (дата обращения: 22.12.2016).
16. Weizsäcker R. von. Drei Mal Stunde Null? 1949, 1969, 1989: Deutschlands europäische Zukunft. Berlin: Siedler, 2001. 223 S.
17. Wolfrum E. Die 50er Jahre: Kalter Krieg und Wirtschaftswunder. Darmstadt: WBG, Wiss. Buchges., 2006. 144 S.

Об авторе

Любомирова Екатерина Сергеевна – преподаватель Школы исторических наук Факультета гуманитарных наук Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», аспирантка кафедры Новой и Новейшей истории Исторического факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова. E-mail: katya1good@gmail.com.

Обзор монографии: Bode, Sabine. Nachkriegskinder: die 1950er Jahrgänge und ihre Soldatenväter / Schriftenreihe der Bundeszentrale für politische Bildung. Band 1552. Bonn: bpb, 2015. 302 S.

HOW TO DISPEL THE FOG OVER THE PAST? POST-WAR CHILDREN, THEIR FATHERS-SOLDIERS AND CONSEQUENCES OF THE SECOND WORLD WAR

E.S. Lyubomirova

National Research University "Higher School of Economics", Old Basmannaya street, house 21/4, building 3, Moscow, 105066, Russia.

Abstract: *The article is devoted to the new aspects in the study of the history of post-war Germany, revealed in the book written by Sabine Bode «Post-war children – born in the 1950s, and their fathers-soldiers». It discusses the contribution made by Bode in the study of mental and psycho-emotional consequences of the Second World War and the «exclusion of the past», which is reflected in the fate of the post-war children and continues to have an impact on the socio-political life of the Federal Republic of Germany up to the present day. Nevertheless the article criticizes an excessive preoccupation of the monograph with the descriptions of the individual biographies to the detriment of analysis.*

Key words: history, historiography, education, memories, the post-war children, the consequences of the Second World War, the conflict of generations, psychological trauma, overcoming the past, the Federal Republic of Germany.

References

1. Smirnov D.A. *Opyt demokraticheskogo vospitaniya v stranah Evropy* [Experience of democratic development in Europe]. Available at: <http://rusgermhist.narod.ru/RusRaboti/RusSmirnov/Smirnovreportrus-2-01.htm> (Accessed 25.09.2016). (In Russian).
2. Alberti B. *Seelische Trümmer. Geboren in den 50er- und 60er Jahren: die Nachkriegsgeneration im Schatten des Kriegstraumas*. München, 2013. 207 S. (In German).
3. Bode S. *Die vergessene Generation: die Kriegskinder brechen ihr Schweigen*. Stuttgart, 2013. 303 S. (In German).
4. Bode S. *Kriegsenkel: die Erben der vergessenen Generation*. Stuttgart, 2013. 304 S. (In German).
5. Bode S. *Nachkriegskinder: die 1950er Jahrgänge und ihre Soldatenväter. Schriftenreihe der Bundeszentrale für politische Bildung*. Band 1552. Bonn, 2015. 302 S. (In German).
6. *Deutschland in den 50er Jahren. Informationen zur politischen Bildung*. Heft 256. Bonn, 2012. S.34-36. (In German).

■ Рецензии

7. *Erlass über die Bundeszentrale für politische Bildung vom 24.01.2001*. Available at: <http://www.bpb.de/die-bpb/51244/der-bpb-erlass> (Accessed 25.09.2016).
8. Frese M., Paulus J. *Geschwindigkeiten und Faktoren des Wandels – die 1960er Jahre in der Bundesrepublik. Demokratisierung und gesellschaftlicher Aufbruch. Die sechziger Jahre als Wendezeit der Bundesrepublik*. Paderborn, 2005. S.1-23. (In German).
9. Gagel W. *Geschichte der politischen Bildung in der Bundesrepublik Deutschland 1945-1989/90*. Wiesbaden, 2005. 344 S. (In German).
10. Hardach G. *Die Wirtschaft der fünfziger Jahre: Restauration und Wirtschaftswunder. Die fünfziger Jahre. Beiträge zu Politik und Kultur* / hrsg. von Dieter Bänsch. Tübingen, 1985. S.49-60. (In German).
11. Maase K. *BRAVO Amerika. Erkundungen zur Jugendkultur der BRD in den 50er Jahren*. Hamburg, 1992. 312 S. (In German).
12. Mitscherlich A., Mitscherlich M. *Die Unfähigkeit zu trauern: Grundlagen kollektiven Verhaltens*. München, 1967. 369 S. (In German).
13. Reichel P. *Politische Kultur in der Bundesrepublik*. Opladen, 1981. 288 S. (In German).
14. Schurian W. Jugendfeindlichkeit und die Angst vor der Unordnung. *Psychologie und Gesellschaftskritik*. 1984. № 8. S.121-133. Available at: <http://nbn-resolving.de/urn:nbn:de:0168-ssor-208517> (Accessed 25.09.2016). (In German).
15. „Das Trauma ist universal“: Traumaforscherin über Flüchtlinge. *taz* vom 25.11.2015. Available at: <http://www.taz.de/!5250266/> (Accessed 22.12.2016).
16. Weizsäcker R. von. *Drei Mal Stunde Null? 1949, 1969, 1989: Deutschlands europäische Zukunft*. Berlin, 2001. 223 S. (In German).
17. Wolfrum E. *Die 50er Jahre: Kalter Krieg und Wirtschaftswunder*. Darmstadt, 2006. 144 S. (In German).

About the author

Ekaterina S. Lyubomirova – Lecturer at the School of History, Faculty of Humanities, National Research University “Higher School of Economics”, Postgraduate Student at the Department of Modern and Contemporary History of European and American Countries, Faculty of History, Lomonossow Moscow State University.
E-mail: katya1good@gmail.com.

National Research University “Higher School of Economics”, Old Basmannaya street, house 21/4, building 3, Moscow, 105066, Russia.